КЪ ВОПРОСУ

О РЕФОРМѢ ЛОГИКИ.

ОПЫТЪ НОВОЙ ТЕОРІИ УМСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

Н. Я. ГРОТА,

МАГИСТРА ФИЛОСОФІИ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА НѢЖИНСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ИЗДАНІЕ ИНСТИТУТА.

Ф. А. БРОКГАУЗЪ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

1882.

7.

Печатано по опредѣленію конференціи историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Библиотека СОАН
Академии Наук СССР
075
47

ПОСВЯЩАЮ БРАТУ МОЕМУ

КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ ГРОТУ.

МАГИСТРУ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ былъ задуманъ авторомъ десять лѣтъ тому назадъ, еще на студенческой скамьѣ — при слушаніи курса логики въ с.-петербургскомъ университетѣ; подготовленіе его продолжалось всѣ послѣдующіе годы, лишь съ болѣе или менѣе незначительными перерывами; но тѣмъ не менѣе теперешній, болѣе законченный видъ своей теоріи авторъ получилъ лишь въ послѣдніе десять мѣсяцевъ, посвященныхъ составленію самой книги, которую онъ представляетъ нынѣ на судъ спеціалистовъ и образованной русской публики вообще.

Причина тому простая: человѣкъ, стремящійся быть безпристрастнымъ, не склонный къ предразсудкамъ и предвзятымъ мнѣніямъ и заботящійся исключительно о достиженіи въ той или другой области возможно полнаго знанія — въ предѣлахъ, его уму доступныхъ, — никогда не можетъ окончательно остановиться въ процессѣ выработки своихъ научныхъ воззрѣній и дойти до наивнаго убѣжденія, что достигнутые имъ результаты совершенны. Сколько бы онъ ни старался придти къ законченнымъ взглядамъ на предметъ своего изслѣдованія, дѣйствительность неизбѣжно будетъ толкать его мысль все далѣе и далѣе, — и для того, чтобы процессъ развитія его взглядовъ на всегда или хоть на время остановился, нужно какое-нибудь *внѣшнее препятствіе*: смерть, болѣзнь, утомленіе ума, отвлеченіе его въ другую сторону, наконецъ *процессъ изложенія*, т. е. «словеснаго формулированія» *относительно назрѣвшихъ* убѣжденій. Этотъ послѣдній факторъ является самымъ

обычнымъ мотивомъ для остановки процесса творчества мысли, — но конечно de jure лишь временной, а не окончательной. Признать свои выводы окончательными, хотя бы въ силу того, что они систематически изложены, можетъ только тотъ, кто мыслитъ въ первый разъ; но кто мыслилъ много и знакомъ съ безконечными разочарованіями и превращеніями идей, которымъ подверженъ безпристрастный изслѣдователь природы, — тотъ никогда не довѣрится кажущейся полнотѣ и ясности своихъ выводовъ, а будетъ съ увѣренностью ожидать, что завтра къ нимъ прибавится опять что-нибудь новое.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы возможность новаго совершенствованія научныхъ теорій, уже послѣ того какъ онѣ были систематически выражены, могла служить доказательствомъ *несвоевременности* ихъ письменнаго изложенія. Если эти теоріи достигли хотя бы относительной цѣльности и законченности, то изложеніе ихъ не только можетъ быть полезно для ознакомленія *другихъ* лицъ съ новою точкою зрѣнія даннаго научнаго дѣятеля и для возбужденія *ихъ* мысли къ дальнѣйшей разработкѣ того же предмета, съ этой новой точки зрѣнія, но оно является необходимостью даже и для самого изслѣдователя, для дальнѣйшаго прогресса его идей. Дѣло въ томъ, что процессъ «письменнаго» изложенія лучше всего обнаруживаетъ передъ изслѣдователемъ недостатки и пробѣлы въ его теоріяхъ, лучше всего направляетъ научную повѣрку этихъ послѣднихъ и указываетъ на новыя сферы фактовъ, подлежащихъ анализу. Вслѣдствіе всего этого процессъ изложенія, до извѣстной степени закрѣпляя еще не вполнѣ выработанныя теоріи, — съ другой стороны обыкновенно подвигаетъ разомъ развитіе этихъ послѣднихъ, въ короткій промежутокъ времени, иногда гораздо далѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать это цѣлые годы наблюденія природы и сосредоточеннаго обдумыванія ея законовъ: необходимость точнаго словеснаго формулированія идей и согласованія ихъ другъ съ другомъ невольно возбуждаетъ къ дѣйствію всю доступную человѣку умственную энергію и заставляетъ его бороться противъ всякой неясности и незаконченности содержанія своихъ научныхъ понятій.

Такъ именно случилось и съ нами при составленіи настоящей книги: приступая къ ея изложенію, мы не думали, чтобы наши выводы

въ этомъ процессѣ могли существенно измѣниться: между тѣмъ нѣтъ ни одной области, въ которой бы ихъ развитіе, подъ вліяніемъ изложенія, не сдѣлало громадныхъ успѣховъ. Поэтому, хотя мы и ясно сознаемъ многіе недостатки настоящаго труда и считаемъ его естественно лишь *временною передышкою*, такъ сказать «станціею» на пути развитія какъ нашихъ собственныхъ взглядовъ на предметъ, такъ и идей соотвѣтствующей науки, — мы всетаки не подумаемъ извиняться передъ читателемъ, что взяли на себя смѣлость систематически формулировать ученія, которыя въ концѣ концевъ можетъ быть и окажутся еще не вполнѣ созрѣвшими. Незрѣлый плодъ часто лучше дозрѣваетъ, если его сорвать и подвергнуть дѣйствію живительныхъ лучей солнца на открытомъ окошкѣ, — чѣмъ если его оставить въ тѣни, подъ густыми листьями дерева. Пусть же и наши теоріи окончательно дозрѣютъ подъ животворными лучами критики, будучи выставлены на открытую арену общественной гласности: онѣ отъ этого могутъ болѣе выиграть, чѣмъ если бы мы тщательно охраняли ихъ отъ посторонняго глаза и совершенствовали исключительно средствами своего индивидуальнаго ума. Индивидуальная мысль, по самымъ законамъ природы, — мысль болѣе или менѣе ограниченная, замкнутая въ извѣстные предѣлы, зависящіе отъ условій индивидуальнаго развитія даннаго человѣка: только синтезъ большого числа индивидуальныхъ мыслей создаетъ ту безпредѣльность и широту умственнаго горизонта, которыми отличается дѣйствительная наука и которыя гарантируютъ ее отъ всякаго увлеченія и односторонности.

Итакъ наши теоріи, развиваясь и испытывая всевозможныя превращенія въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, подверглись новой фундаментальной переработкѣ при окончательномъ ихъ изложеніи. Чтобы объяснить нѣкоторыя особенности настоящаго труда, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на процессѣ развитія своихъ взглядовъ въ теченіе всего упомянутаго времени.

Въ общемъ это развитіе прошло конечно три момента: моментъ *отрицанія*, моментъ *критики* и моментъ *творчества*, которые впрочемъ только отчасти возникали послѣдовательно другъ за другомъ, — отчасти же развивались параллельно, взаимно другъ друга дополняя.

Прежде всего началось (сперва конечно совершенно инстинктивно) *отрицаніе*, т. е. сознаніе несообразности нѣкоторыхъ старыхъ логическихъ доктринъ, возникшее еще при изученіи логики въ университетѣ. Несообразностью своею болѣе всего поражали насъ съ самаго начала: ученіе о законахъ мышленія, ученіе о заблужденіяхъ ума, ученіе о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Намъ казалось во 1) что безсодержательная формула $A = A$ не можетъ выражать основного закона мысли, — что законъ «противорѣчія», по самому смыслу этого термина, можетъ имѣть отношеніе только къ области слова, а не мысли, — что логическое понятіе «закона мышленія» вообще представляется весьма сбивчивымъ и двусмысленнымъ, и т. д. Мы размышляли, во 2), о томъ, что если заблужденія мысли происходятъ отъ незнанія правилъ логики, то отчего же никто съ этими правилами логики никогда не считаетъ необходимымъ справляться и отчего люди, незнающіе этихъ правилъ, мыслятъ обыкновенно совершенно правильно и дѣлаютъ даже замѣчательныя научныя открытія, а люди, знакомые съ ними, отъ того не становятся ни умнѣе, ни послѣдовательнѣе въ своихъ заключеніяхъ? Мы сознавали, въ 3), что понятія не могутъ возникать иначе какъ помощью умозаключеній, а между тѣмъ находили въ логикѣ утвержденіе, что понятія служатъ готовымъ основаніемъ для умозаключеній; мы замѣчали далѣе, что нѣкоторые умозаключенія вовсе не укладываются въ тѣ формы, которыя признавала старая логика, а напротивъ принимаютъ именно тѣ формы, которыя она отрицала; намъ казалось, наконецъ, несообразнымъ, что, упоминая о возможности «индуктивныхъ» умозаключеній, эта логика вовсе не обнаруживала поползновенія слить теорію индуктивныхъ умозаключеній съ теоріею умозаключеній дедуктивныхъ, т. е. создать болѣе широкую и общую теорію мышленія и т. д., и т. д.

Всѣ эти соображенія конечно были сначала совершенно невольны и непосредственны, т. е. не опирались на преднамѣренную критику старыхъ логическихъ теорій; съ ними также непосредственно было связано и убѣжденіе, что наши недоумѣнія сотни разъ приходили въ голову и другимъ мыслителямъ и что не можетъ быть, чтобы противорѣчія и несообразности, насъ поражавшія, не находили себѣ выраженія

въ логическихъ произведеніяхъ различныхъ писателей стараго и новаго времени. Это заставило насъ искать разрѣшенія упомянутыхъ недоумѣній нашихъ въ сочиненіяхъ разныхъ прежнихъ и современныхъ философовъ. Къ сожалѣнію, полнаго отвѣта на волновавшіе насъ вопросы и полнаго удовлетворенія потребностямъ своей индивидуальной мысли, несмотря на всѣ свои старанія, мы *нигдѣ* не нашли: самые вопросы и недоумѣнія наши дѣйствительно оказались давно знакомыми человѣчеству, исканія правильнаго отвѣта на нихъ и всестороннаго ихъ разрѣшенія тоже оказались весьма старыми; но затѣмъ вѣроятно различные предразсудки и заблужденія, наслѣдованные «философами» отъ прежнихъ вѣковъ, служили постояннымъ препятствіемъ для полнаго разрѣшенія вопросовъ, для постановки логики на дѣйствительно научную почву, для внесенія въ нее дѣйствительнаго единства и разумности принциповъ и понятій.

Къ такому безотрадному заключенію привела насъ конечно разносторонняя *критика* различныхъ ученій нашихъ предшественниковъ. Но изъ критики невольно начали возникать весьма скоро и обрывки *собственныхъ теорій*, которыя казались намъ лично болѣе правильными. Эти обрывки стали выясняться все болѣе и болѣе и слагаться въ нѣчто *цѣльное*, въ общую логическую доктрину, — подъ вліяніемъ необходимости *систематическаго изложенія* науки *въ лекціяхъ*. Съ 77-го и по 81 годъ авторъ нѣсколько разъ читалъ курсъ логики студентамъ нѣжинскаго историко-филологическаго института и съ каждымъ годомъ элементъ исторической критики, направленной противъ старыхъ ученій, уступалъ все болѣе и болѣе мѣста собственнымъ его построеніямъ. Косвенное воздѣйствіе оказывала при этомъ и положительная разработка имъ *психологическихъ* вопросовъ — въ параллельномъ курсѣ психологіи, а также и въ сочиненіяхъ и статьяхъ автора, частью еще ненапечатанныхъ. Когда была окончена и выпущена имъ въ свѣтъ «Психологія чувствованій», то вниманіе автора на время сосредоточилось особенно на дальнѣйшей разработкѣ его логическихъ теорій и въ 1880—81 году авторъ прочелъ курсъ логики, уже содержавшій въ себѣ всѣ важнѣйшіе элементы ученій, изложенныхъ въ настоящей книгѣ. Между прочимъ въ этотъ годъ прибавились къ давно уже установив-

шимся *отрицательнымъ* взглядамъ автора на старые, такъ-называемые законы мышленія, на значеніе правилъ мышленія, на прежнюю классификацію сужденій и умозаключеній и т. д., и къ *положительнымъ* теоріямъ его объ отношеніи индукціи и дедукціи, объ истинныхъ причинахъ заблужденій ума и объ общемъ характерѣ законовъ мышленія, — 1) попытка поставить анализъ умственныхъ процессовъ на точку зрѣнія *теоріи развитія*, 2) попытка сведенія процессовъ сужденія и умозаключенія *къ процессамъ ассоціаціи* и 3) убѣжденіе, что въ старыхъ законахъ мышленія нашли себѣ косвенное и не совсѣмъ удачное выраженіе именно *законы ассоціаціи идей*. Но при этомъ однако *пріемы классификаціи* ступеней развитія умственныхъ и другихъ познавательныхъ процессовъ, *взгляды на истинныя задачи логики*, какъ науки, *способы мотивированія* отношеній между процессами ассоціаціи и процессами сознательнаго мышленія, наконецъ *пріемы разработки* всѣхъ этихъ логическихъ вопросовъ *въ частностяхъ*, еще во многомъ отличались отъ пріемовъ и взглядовъ, относящихся къ тѣмъ же вопросамъ, въ той обработкѣ, какую они получили въ настоящемъ сочиненіи. Еще годъ тому назадъ авторъ дѣлилъ развитіе мысли *на три*, а не на четыре ступени, — контрастъ «науки о познаніи» и «теоріи искусства познанія» далеко *не считалъ столь существеннымъ*, какъ теперь, — мотивировалъ соотношеніе процессовъ ассоціаціи и процессовъ сознательнаго мышленія болѣе *отрицательными* пріемами анализа, чѣмъ положительными, — наконецъ, начиналъ изслѣдованіе логическихъ вопросовъ *съ общихъ вопросовъ* о законахъ мысли и о заблужденіяхъ ума и затѣмъ ставилъ изслѣдованіе ступеней развитія мышленія *въ зависимость отъ общихъ выводовъ* о природѣ умственной дѣятельности, а не на оборотъ, — отчего конечно и анализъ этой послѣдней имѣлъ совершенно иной характеръ.

Вслѣдствіе всего этого и настоящее сочиненіе было сначала задумано авторомъ совсѣмъ иначе, чѣмъ оно вышло впослѣдствіи изъ подъ его пера. Въ процессѣ *изложенія* авторъ три раза существенно измѣнялъ планъ своей работы, оставилъ безъ употребленія нѣсколько совершенно готовыхъ къ печати главъ ея, принужденъ былъ отложить до другого времени рядъ вопросовъ, уже значительно обработанныхъ имъ и по которымъ у него былъ собранъ довольно обширный матеріалъ,

ввелъ въ составъ сочиненія рядъ новыхъ вопросовъ, перерабатывалъ нѣкоторыя, особенно первыя главы сочиненія совершенно съизнова по пяти-восьми разъ, а главное пришелъ къ цѣлому ряду совершенно новыхъ положительныхъ заключеній и гипотезъ. — вслѣдствіе чего въ результатѣ разумѣется оказалась система взглядовъ, до извѣстной степени *новая* и для него самого *неожиданная*.

Можетъ быть всѣ эти подробности для критика и для читателя мало интересны; но для правильной оцѣнки результатовъ нашей работы онѣ конечно имѣютъ свое значеніе. Онѣ свидѣтельствуютъ, во первыхъ, о томъ, что настоящая книга не есть сводъ мнѣній, на спѣхъ и кое-какъ составленныхъ и сшитыхъ на живую нитку, а что каждая мысль, въ ней выраженная, десятки разъ была продумана авторомъ и выворочена на всѣ возможныя стороны, что̀ должно отчасти служить предостереженіемъ для слишкомъ поверхностныхъ и легкомысленныхъ критиковъ, считающихъ возможнымъ съ высоты своего всезнанія произносить смертный приговоръ надъ любою книгою, общее направленіе которой почему-либо имъ не нравится. Но съ другой стороны тѣ же подробности развитія воззрѣній автора лучше всего указываютъ и на возможность новыхъ измѣненій и превращеній въ его теоріяхъ, что̀ должно въ свою очередь служить предостереженіемъ и для слишкомъ увлекающихся поклонниковъ «новаго слова науки», готовыхъ поднять каждую новую доктрину неумѣренными похвалами своими на пьедесталъ, съ котораго рано или поздно ее придется свергнуть. Мы желали бы, чтобы наши теоріи были подвержены самой безпощадной и неумолимой критикѣ, чтобы каждый спеціалистъ и читатель встрѣтилъ ихъ сначала даже съ нѣкоторымъ *недовѣріемъ*, но въ то же время хотѣли бы, чтобы критика отнеслась къ нимъ *серіозно и съ уваженіемъ*, такъ какъ результаты многолѣтней напряженной работы ума фактически невозможно уничтожить одною остроумною игрою словъ и легкомысленнымъ издѣвательствомъ. Эти пріемы, столь обычные въ *нашей* литературѣ, падутъ рано или поздно на голову тѣхъ, кто ими будетъ пользоваться.[1])

---

[1]) Впрочемъ мы должны оговориться, что никакого критика спеціально при этомъ не имѣемъ въ виду, потому что критическія статьи о нашей «Психологіи

Кромѣ того приведенныя выше подробности изъ исторіи развитія нашихъ теорій объясняютъ и многія черты самаго изложенія ихъ въ настоящемъ сочиненіи.

Будучи всецѣло занятъ тяжелою работою систематической выработки своихъ собственныхъ воззрѣній, въ *общей оригинальности* которыхъ авторъ могъ убѣдиться изъ предшествующаго долговременнаго изученія логической литературы, онъ естественно пренебрегалъ ссылками на чужія мнѣнія и на указаніе случайныхъ совпаденій различныхъ своихъ взглядовъ со взглядами другихъ писателей. При этомъ онъ руководился отчасти и добрымъ примѣромъ другихъ, весьма солидныхъ новѣйшихъ писателей по логикѣ. «Въ такомъ предметѣ, какъ логика, справедливо замѣчаетъ Стэнли Джевонсъ (Основы науки. Трактатъ о логикѣ и проч. Перев. Антоновича, С.-Петербургъ. 1881, стр. 20), едва ли возможно высказать какія-нибудь мнѣнія, которыя не были бы высказываемы прежде въ той или другой формѣ; по крайней мѣрѣ зародышъ всякаго ученія можно найти у прежнихъ писателей, и новость можетъ состоять главнымъ образомъ только въ способѣ гармонированія и развитія идей.» А потому естественно, что по крайней мѣрѣ при первомъ изложеніи своей оригинальной «общей системы воззрѣній», многіе весьма основательные мыслители и не находятъ нужнымъ тратить время и силы свои на то, чтобы искусственно ставить свои взгляды въ связь съ подобными же взглядами предшественниковъ. «Даже то, что́ мы могли бы заимствовать у другихъ, пришлось вновь найти помощью развитія своеобразной связи своихъ собственныхъ мыслей (in dem eigenthümlichen Zusammenhange meiner Gedankenreihe), можемъ мы повторить вмѣстѣ съ Шуппе (Erkenntnisstheor Logik. Bonn 1878, стр. 5), — а потому мы и считали непроизводительною работою включать впослѣдствіи въ текстъ свой цитаты (изъ другихъ писателей), когда находили, уже значительно послѣ выработки какого-нибудь своего мнѣнія, извѣстное соотвѣтствіе его съ мнѣніями другихъ мыслителей».

чувствованій», появившіяся въ Вѣстникѣ Европы, въ Недѣлѣ, въ Мысли, въ Русской рѣчи и Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, вполнѣ соотвѣтствовали строгимъ требованіямъ науки.

При составленіи прошлаго своего сочиненія (Психологіи чувствованій) мы еще признавали непремѣнною *обязанностью* всякаго добросовѣстнаго изслѣдователя перерыть всю литературу прежнихъ временъ, чтобы подтвердить каждую мысль свою ссылками на аналогичныя мысли предшественниковъ. Но что же изъ этого вышло? Употребивъ болѣе года на работу, оказавшуюся потребною для того, чтобы каждое самостоятельно возникшее положеніе свое поставить въ связь съ *намеками* прежнихъ мыслителей, мы лишили себя возможности подвергнуть дальнѣйшей, болѣе тщательной обработкѣ свои собственныя теоріи, — почему въ результатѣ оказалось, что эти послѣднія, конечно нисколько не пострадавъ отъ изученія чужихъ взглядовъ, въ то же время почти ничего и не выиграли отъ этого изученія, т. е. лишь весьма незначительно подвинулись далѣе; — публика же была отчасти введена въ заблужденіе, такъ какъ, на основаніи принятыхъ пріемовъ изложенія нашихъ теорій, могла подумать, что мы ихъ пріобрѣли главнымъ образомъ путемъ вычитыванія и склеиванія чужихъ мнѣній.

Такую ошибку вторично не повторяютъ и потому въ настоящемъ случаѣ мы рѣшились роль историка и цѣнителя степени оригинальности *частныхъ* выводовъ нашихъ предоставить какому-нибудь другому лицу, которое признаетъ эту работу соотвѣтствующею своимъ вкусамъ, а сами устремили всю наличную энергію своей мысли на дальнѣйшее развитіе своихъ собственныхъ, ни отъ кого не заимствованныхъ теорій. Еще Шопенгауэръ высказалъ справедливую мысль, что «въ наше время употребляется слишкомъ много силъ на изученіе исторіи философіи, которая по самой природѣ своей приводитъ къ постановкѣ *знанія* на мѣсто *мышленія*». Не этимъ ли именно направленіемъ философовъ нашего времени объясняется и тотъ фактъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ глубокіе и благотворные перевороты въ наукахъ психологическаго круга происходили чаще, чѣмъ въ XIX столѣтіи, которое, не смотря на преимущества своихъ методовъ и на огромное развитіе психологической литературы, и до сихъ поръ еще, въ большинствѣ случаевъ, пережевываетъ, въ сферѣ упомянутыхъ наукъ, идеи XVII и XVIII вѣковъ? Только англійская литература, державшая себя всегда болѣе самостоятельно по отношенію къ старымъ традиціямъ, и создала

рядъ дѣйствительно плодотворныхъ новыхъ движеній въ наукахъ психологическаго круга, а новѣйшій прогрессъ психологическихъ идей въ литературахъ нѣмецкой, французской и другихъ, зависитъ главнымъ образомъ именно отъ усвоенія пріемовъ англійскихъ писателей. Да наконецъ, отчего физическія науки такъ прогрессируютъ, сравнительно съ науками психологическими, какъ не отъ того именно, что самостоятельное изученіе природы онѣ ставятъ на первый планъ и лишь въ самой умѣренной степени расходуютъ время и силы свои на изученіе исторической послѣдовательности развитія тѣхъ или другихъ теорій?

Таковы соображенія, которыя заставили насъ въ настоящемъ трудѣ пренебречь столь обычнымъ въ наше время пріемомъ подтвержденія своихъ взглядовъ цитатами изъ другихъ сочиненій по тому же предмету: общая оригинальность нашихъ теорій будетъ очевидна для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя настоящей книги, а неизбѣжныя частныя совпаденія ихъ съ выводами предшественниковъ и безъ всякихъ цитатъ несомнѣнны.

Затѣмъ указанный выше ходъ развитія нашихъ теорій объясняетъ и еще одну важную особенность нашего изложенія. Дѣло въ томъ, что это послѣднее навѣрное покажется многимъ читателямъ слишкомъ ученымъ, сжатымъ, сухимъ и неудобопонятнымъ. Въ этихъ недостаткахъ настоящей книги мы и сами откровенно сознаемся, но они опять являются лишь послѣдствіями общаго хода развитія нашихъ идей. Серіозное научное сочиненіе, при составленіи котораго продолжается процессъ творчества мысли автора, поневолѣ страдаетъ сжатостью изложенія, нѣкоторою сухостью и неудобопонятностью (конечно только съ точки зрѣнія мало подготовленнаго читателя): имѣя въ виду воображаемыхъ противниковъ-*спеціалистовъ*, авторъ поневолѣ предполагаетъ многое извѣстнымъ, поневолѣ часто недоговариваетъ своихъ мыслей и аргументируетъ какъ можно лаконичнѣе. Кромѣ того, стремясь развить систему своихъ воззрѣній во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, куда только заглядывала его собственная мысль, онъ и по этому тоже невольно принужденъ сводить развитіе каждой мысли своей на minimum словъ, въ которыхъ она можетъ быть выражена, и не можетъ заботиться объ украшеніи своего текста многочисленными

примѣрами и сопоставленіями, которые бы сдѣлали его обобщенія совершенно понятными для *обыкновенныхъ* читателей. Популяризированіе своихъ воззрѣній онъ отчасти предоставляетъ другимъ лицамъ, особымъ спеціалистамъ этого дѣла, отчасти же откладываетъ самъ до болѣе удобной минуты, когда ему можетъ быть удастся заняться этою, сравнительно уже легкою работою.

Такъ бываетъ съ каждымъ мыслителемъ, у котораго нѣтъ недостатка въ идеяхъ, а напротивъ недостаетъ времени для ихъ полнаго изложенія. — такъ случилось и съ нами, при составленіи настоящаго труда. Мы надѣемся впослѣдствіи имѣть случай въ популярныхъ статьяхъ содѣйствовать распространенію нашихъ теорій въ обществѣ, а пока мы по преимуществу имѣли въ виду спеціалистовъ и тѣхъ лицъ, которые сколько-нибудь знакомы съ прошлымъ нашей науки. Да и отчего, въ самомъ дѣлѣ, только отъ сочиненій «философовъ» требуютъ общедоступности, когда недоступность, для массы, ученыхъ работъ химиковъ, физиковъ, физіологовъ и даже филологовъ, считается явленіемъ нормальнымъ и неизбѣжнымъ? Одно изъ двухъ: или психологія и логика дѣйствительно — науки, и тогда спеціальныя работы по этимъ наукамъ могутъ быть понятны только *при нѣкоторой спеціальной подготовкѣ*, или же это не науки, а праздная *болтовня*, нисколько не увеличивающая дѣйствительныхъ знаній человѣчества и по тому самому излишняя.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ исторію развитія настоящаго сочиненія и вытекающія отсюда особенности его, намъ остается только прибавить выраженіе искренней благодарности своей тѣмъ лицамъ, которые такъ или иначе облегчили нашъ трудъ. Во первыхъ, мы позволяемъ себѣ выразить глубокую признательность своимъ товарищамъ, профессорамъ нѣжинскаго института, при просвѣщенномъ и единодушномъ содѣйствіи которыхъ намъ удалось на годъ освободиться отъ обязательныхъ занятій своихъ въ институтѣ и такимъ образомъ сосредоточить все свое вниманіе на обработкѣ настоящаго сочиненія. Во вторыхъ, мы не можемъ не упомянуть съ благодарностью и о другой корпораціи профессоровъ, которая оказала намъ рядъ существенныхъ услугъ. Дѣло въ томъ, что значительная и самая трудная часть этой

книги была написана нами заграницей, во время пятимѣсячнаго пребыванія въ нѣмецкомъ университетскомъ городѣ Тюбингенѣ. Для подготовительныхъ работъ своихъ, особенно при составленіи «введенія», мы нуждались въ большомъ числѣ литературныхъ пособій; въ профессорской же корпораціи тюбингенскаго университета мы встрѣтили самое живое сочувствіе своимъ задачамъ и содѣйствіе при отысканіи пособій, необходимыхъ для нашихъ занятій. Поэтому мы позволяемъ себѣ выразить здѣсь свою искреннюю признательность всѣмъ членамъ упомянутой корпораціи профессоровъ, которые такъ или иначе оказали намъ помощь, — въ особенности же профессору философіи въ означенномъ университетѣ, *г. Зигварту*; послѣдній, обширными познаніями своими въ соотвѣтствующей спеціальности и всѣми другими средствами, не только готовъ былъ во всякую минуту любезно содѣйствовать снабженію автора необходимыми пособіями для его подготовительныхъ работъ, но и повліялъ благотворно на дальнѣйшее развитіе его взглядовъ какъ своими лекціями по логикѣ, посѣщеніе которыхъ облегчилъ автору, такъ и своею живою и умною бесѣдою по различнымъ вопросамъ, вошедшимъ въ настоящій трудъ.

Вообще профессора тюбингенскаго университета всѣмъ своимъ отношеніемъ къ автору-чужеземцу настолько содѣйствовали успѣху предпринятой имъ работы, что воспоминаніе о времени, которое онъ провелъ въ ихъ просвѣщенномъ кругу, будетъ для него навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. Ученый, находящій такую благопріятную среду для своихъ занятій, какую мы нашли въ Тюбингенѣ, долженъ почитать себя особенно счастливымъ.

Николай Гротъ.

31 Іюля 1882 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . VII— XVIII

Краткая исторія труда (VII—XIII); связанныя съ нею особенности его (XIII—XVII).

Введеніе. Общее разъясненіе задачъ . . . . . 1—46

Литература исторіи логики (1—5)

Общій очеркъ развитія и современнаго состоянія логики (5—18): 1) постепенное умноженіе направленій ея разработки (5—10); обзоръ литературы съ ясно выраженными реформаторскими тенденціями (8—10); 2) послѣдовательное возрастаніе теоретическаго характера логическ. изслѣдованій въ ущербъ практическому (10—17); 3) заключительные выводы о прошломъ логич. науки (17—18); 4) современное ея положеніе и вытекающія отсюда слѣдствія (18).

Вопросъ о реформѣ логики (18—33): причины неудачъ прежнихъ реформаторовъ логики (18—22); выводы о будущей обработкѣ ея (22—23); вопросъ о возможности поставить логику на совершенно теоретическую почву (23—25); необходимость такой постановки ея въ настоящее время (25—26) и въ будущемъ (26—33): разборъ отношеній между науками, искусствами и теоріями искусствъ (26—29); различіе науки о познаніи отъ теоріи искусства познанія (29—30); основанія для признанія «логики» за «науку о познаніи» (30—33).

Общій строй будущей логики, какъ науки о познаніи (33—43): опредѣленіе ея предмета (33—34); анализъ методовъ этой науки (34—43): общій путь развитія логическихъ методовъ (34—37); критика прежнихъ взглядовъ на эти методы (37—41); выводы о методахъ науки логики вообще и въ ближайшемъ будущемъ (41—43).

Предметъ настоящаго сочиненія (43—44); общій характеръ и строй предстоящихъ изслѣдованій (44—46).

Стран.

Глава первая. Значеніе, составъ и ступени развитія познавательной дѣятельности . . . . . 47—88

Значеніе «познавательной дѣятельности» (47—67): на какую почву поставить вопросъ о содержаніи этого понятія (47—48); 1) анализъ общаго понятія «психическаго существованія» (48—49); теорія психическаго оборота (49—53): два главные типа психич. оборотовъ и ихъ частныя разновидности (53—58); составные психическіе обороты, страдательные и дѣятельные (58—62); понятія психической «жизни» и психической «дѣятельности» (62); система наукъ о психическомъ существованіи и значеніе среди нихъ «логики» (62—64); 2) общее опредѣленіе «психической дѣятельности» (64); ея виды (65—67); 3) опредѣленіе «познавательной дѣятельности» (67).

Составъ познавательной дѣятельности (67—74): опредѣленіе «умственной» дѣятельности (70); подробный анализъ отношеній умственныхъ процессовъ къ познавательнымъ вообще (71—74). — Необходимость постановки анализа умственныхъ процессовъ на точку зрѣнія развитія (74); параллелизмъ развитія умственныхъ и познавательныхъ процессовъ и послѣдовательность анализа ступеней развитія тѣхъ и другихъ (74—76).

Ступени развитія познавательной дѣятельности вообще (76—88): истор. значеніе вопроса (76); единственный критерій для опредѣленія ступеней развитія всякой психической дѣятельности (77). Четыре главныя ступени развитія познавательныхъ процессовъ и ихъ взаимное отношеніе (77—79); необходимость признанія еще болѣе частныхъ ступеней развитія познанія (79—80); опредѣленіе конкретнаго содержанія познавательной дѣятельности на четырехъ главныхъ ея ступеняхъ (80—85); наглядная схема этого содержанія (85); названія главныхъ ступеней познават. дѣят. (85—86); воплощеніе ихъ особенностей въ дѣйствительной жизни и условность этого воплощенія (86—88).

Глава вторая. Общій составъ и ступени развитія умственныхъ процессовъ . . . . . 89—112

Составъ умственныхъ процессовъ (89—106). Отношеніе понятій психическихъ «процессовъ», «оборотовъ» и «движеній» (89—90); умственные процессы, какъ совокупности умственныхъ движеній (90); недоступность, въ настоящее время, умств. движеній для физіологическаго изученія и возможность ихъ психологическаго анализа (90—92). Предполагаемая однородность всѣхъ умственныхъ движеній и вытекающія отсюда задачи анализа (92—93). — Общая теорія процессовъ психическаго развитія (93—106): критика авторомъ своей собственной прежней теоріи этихъ процессовъ, изложенной въ «Психол. чувствов.» (93—95); опредѣленіе шести главныхъ про-

Стран.

цессовъ психич. развитія (95—97): анализъ ихъ взаимныхъ отношеній (97—102); математическая иллюстрація этихъ послѣднихъ (100—102); общая ихъ схема (102); понятіе, объединяющее всѣ процессы развитія (102—103). Очеркъ собственнаго постепеннаго развитія или осложненія процессовъ развитія (103—106) и общая схема этого послѣдняго (105).

Соотвѣтствующія ступени развитія «умственныхъ процессовъ», какъ частной области процессовъ развитія (106—108): названія упомянутыхъ ступеней и ихъ связь съ ступенями познавательной дѣятельности (106); схема ихъ взаимныхъ отношеній (107); дополнительная схема отношеній соотвѣтствующихъ продуктовъ умственной дѣятельности (108). — Выясненіе главныхъ тезисовъ послѣдующаго анализа (109—110); историческое значеніе этихъ тезисовъ (110—111); общій планъ ихъ разработки и пріемы этой послѣдней (111—112).

Глава третья. I. Непроизвольные умственные процессы. 112—210

1. **Процессы первичные или безсознательные** (112—127).

Ихъ общее опредѣленіе и общая сфера дѣйствія (112); частныя ступени ихъ развитія (112—115); конечная ихъ однородность и характеръ ихъ различій на упомян. частныхъ ступеняхъ развитія (115—116). Частные виды элементарныхъ безсознат. процессовъ и ихъ взаимное отношеніе (116—117). Два основные типа безсознат. процессовъ ассоціаціи (117—121): ихъ символическое выраженіе и наименованіе (120—121); параллельные типы безсознательныхъ интеграцій (121—122), — диссоціацій и дезинтеграцій (122—123), — дизассоціацій и дифференціацій (123—126): анализъ понятія дизассоціаціи и двоякія условія ея наступленія (123—125). Условное значеніе соотвѣтствующихъ математ. схемъ (126); способы выраженія смѣшанныхъ и вообще комбинированныхъ умственныхъ движеній (127).

2. **Процессы вторичные или сознательные** (127—210).

Общее ихъ опредѣленіе и сфера дѣйствія (127—128); частныя ступени ихъ развитія (128—129).

Значеніе прежнихъ теорій сознательнаго мышленія (129—130); отношеніе понятій «сужденія» и «предложенія» (130) и составъ сужденія по ученію старой логики (130). Критика старыхъ взглядовъ на составъ сужденія и доказательство ихъ ошибочности (131—144): 1) анализъ терминовъ, обозначавшихъ части сужденія (131—132)); 2) истинный составъ сужденія сравнительно съ предложеніемъ a priori (132); 3) доказательство различія состава сужденій и предложеній a posteriori, анализомъ примѣровъ (132—144): а) предварительная классификація предложеній (132—135); б) разборъ примѣровъ предложеній четырехъ главныхъ классовъ (135—138):

разчлененіе ихъ на такъ-называемые логическіе элементы (136—137); разчлененіе соотвѣтствующихъ «сужденій» на ихъ дѣйствительные элементы (137—138), в) общее сопоставленіе состава предложеній и сужденій на основаніи означенныхъ разчлененій (139—144): стушевываніе нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ сужденій въ предложеніяхъ (139); возможность выраженія одного и того же сужденія предложеніями различнаго типа (140); случайный характеръ построенія предложеній вообще, на ряду съ постояннымъ составомъ сужденій (141); причины различнаго состава сужденій и предложеній (141—143); послѣдствія этого факта: обычная односторонность предложеній и неизбѣжность ихъ двухчленнаго состава, при неизмѣнной трехчленности сужденій (143—144). Опредѣленіе сужденія, какъ сознательной ассоціаціи представленій (144—145).

Подробный анализъ этой формулы (145—149): 1) различное значеніе понятія сознательности въ примѣненіи къ ассоціаціямъ ума (145); единственно возможный смыслъ этого понятія въ упомянутомъ опредѣленіи (146); необходимость гипотезы специфическихъ умственныхъ ощущеній и ея историческая оцѣнка (146—148); 2) вопросъ объ относительной сложности элементовъ сознательныхъ ассоціацій (148—149). Выводъ о различіи сознательныхъ ассоціацій отъ безсознательныхъ и общая схема первыхъ, въ отличіе отъ вторыхъ (149—150).

Разновидности сознательныхъ ассоціацій и параллелизмъ ихъ классовъ съ классами ассоц. безсознательныхъ (150—161): сущность различія между сужденіями и умозаключеніями (150—151); коренная особенность новаго взгляда на процессы умозаключенія и заблужденія старой логики (151—152); три главныя разновидности простыхъ сужденій и ихъ символическое выраженіе (152—155); три параллельныя разновидности умозаключеній (156—160): намеки старой логики на эти виды умозаключеній и преимущества новой терминологіи (160—161). Общее отношеніе всѣхъ сознат. ассоціацій къ безсознательнымъ (161—164); генерическое значеніе понятія «сужденія» (164—165).

Основные типы сознательныхъ ассоціацій — въ связи съ типами безсознательныхъ (165—181): 1) двоякій характеръ умственныхъ ощущеній, ихъ отличающихъ (165—176): дальнѣйшее разъясненіе и подтвержденіе гипотезы постепенно развивающихся умственныхъ ощущеній (165—168); вопросъ объ условіяхъ самаго зарожденія этихъ умственныхъ ощущеній (168—174); вытекающій изъ этихъ условій двоякій характеръ умственныхъ ощущеній и, параллельно, двоякій типъ сознательныхъ умственныхъ движеній (174—176); 2) выборъ новыхъ терминовъ для обозначенія двухъ типовъ сознательныхъ ассоціацій (176); 3) выработка новыхъ знаковъ для нагляднаго ихъ символизированія и соотвѣтствующихъ этимъ знакамъ схемъ (177—181).

Стран

Обзоръ развитія сознательнаго мышленія въ его частныхъ ступеняхъ (181—205): три частныя его ступени со стороны внѣшняго и внутренняго развитія его содержанія (181); анализъ объективнаго содержанія умственныхъ «явленій» различной сложности (181—184); первостепенное значеніе вопроса о развитіи конкретныхъ понятій (185), отличительная особенность этой частной ступени развитія ума образованіе и значеніе именъ (185—187) Краткій обзоръ результатовъ первичнаго сознательнаго мышленія (187—191). Анализъ развитія конкретныхъ понятій (191—201): дифференціація продуктовъ первичнаго сознательнаго мышленія и символическое выраженіе соотвѣтствующихъ сужденій (191—193); развитіе на этой почвѣ новыхъ сужденій и результаты этихъ послѣднихъ (193—196); сложныя сужденія двоякаго типа и ихъ схемы (196); развитіе на ихъ почвѣ новыхъ умозаключеній и новаго состава идей (197); разнообразныя направленія въ развитіи конкретныхъ понятій и двоякій типъ соотвѣтствующихъ интеллектуальныхъ представленій (198—200); конечный двоякій типъ всѣхъ конкретныхъ понятій (200—201). Общее значеніе третьей ступени развитія сознательнаго мышленія (201). Дополнительныя разъясненія по вопросу о развитіи именъ (202—205).

Общее обозрѣніе предшествующаго анализа непроизвольныхъ умственныхъ процессовъ (205—210): оцѣнка его научнаго значенія (205); систематическое изложеніе его общихъ итоговъ (206—210).

Глава четвертая. II. Произвольные умственные процессы 211—260

Общій смыслъ предстоящей новой задачи и отличительныя ея черты при сравненіи съ предшествующей (211—213).

Критика старыхъ логическихъ понятій, относящихся къ процессамъ произвольнаго мышленія (213—224): выдѣленіе изъ нихъ тѣхъ, которые обнимаютъ собою процессы «мышленія» (214—215); отношеніе понятій синтеза и анализа къ понятіямъ индукціи и дедукціи (215—217); отношеніе тѣхъ и другихъ къ понятіямъ интеграціи и дифференціаціи (217); значеніе произвольныхъ дезинтеграцій идей (218); естественное развитіе процессовъ синтеза и анализа (218—221). Краткій разборъ значенія второстепенныхъ понятій, обнимающихъ различныя функціи произвольнаго мышленія (222—224).

Общая картина развитія произвольнаго мышленія (225—228): частныя ступени развитія сознательно-произвольнаго и произвольно-методическаго мышленія (226—226); доказательство необходимости признанія этихъ частныхъ ступеней развитія, помощью сравненія идей различной сложности (226—228).

Двоякій типъ всѣхъ процессовъ и продуктовъ сознательно-произвольнаго мышленія (228—240): предварительный разборъ условій перехода непроизвольныхъ процессовъ мысли въ произвольные (229—231); общее значеніе «произвольности» мышленія (231—232);

Стран.

необходимость двоякаго типа произвольныхъ процессовъ мысли, выведенная изъ самыхъ условій ихъ возникновенія (232—233); параллелизмъ между этими типами произвольныхъ ассоціацій и типами ассоціацій непроизвольныхъ, вмѣстѣ съ непригодностью названій послѣднихъ въ примѣненіи къ первымъ (233—234); изобрѣтеніе новыхъ терминовъ въ виду этого факта (234—238): способы образованія двоякаго типа отвлеченныхъ понятій (234—235) и отысканіе подходящихъ наименованій для двухъ типовъ произвольныхъ дѣйствій ума (235—238); общіе пріемы символизированія этихъ послѣднихъ при помощи новыхъ знаковъ (238—248).

Двоякій типъ всѣхъ процессовъ и продуктовъ произвольно-методическаго мышленія (240—248): способы наименованія этихъ типовъ (241—242); оправданіе новыхъ именъ анализомъ двоякаго пути развитія методическихъ идей (242—248): общій ходъ этого развитія и вытекающій отсюда двоякій типъ первичныхъ методическихъ образованій ума (242—244); анализъ двоякаго типа научныхъ идей (244—248): 1) внутреннія причины перехода сознательно-произвольныхъ движеній ума въ произвольно-методическія (244 – 245), 2) развитіе интеллектуальныхъ понятій и ихъ двоякій типъ (245—246), 3) соотвѣтствующій двоякій типъ научныхъ идей внѣшняго круга (246—248).

Необходимость разграниченія развитія методическихъ образованій въ индивидуальномъ умѣ и внѣ его (248—249); возможность разнообразныхъ точекъ зрѣнія при опредѣленіи ступеней развитія научныхъ идей въ умѣ всеобщемъ (249—250); вытекающая отсюда относительность научнаго значенія идей, выработанныхъ настоящимъ изслѣдованіемъ (250—252).

Систематическое изложеніе выводовъ, связанныхъ съ анализомъ всѣхъ, непроизвольныхъ и произвольныхъ, процессовъ мысли (252—260); выраженіе общихъ и частныхъ ступеней развитія мышленія помощью двухъ наглядныхъ таблицъ выработанныхъ ранѣе понятій (257—258); двоякое значеніе этихъ послѣднихъ съ точки зрѣнія теорій самого автора (259—260).

Глава пятая. Общіе законы мышленія, причины заблужденій ума и средства борьбы съ ними . . . . . 261—349

Значеніе этихъ вопросовъ вообще и способы ихъ рѣшенія (261—263); отношеніе къ нимъ всего предшествующаго анализа (263—264); задачи настоящей главы (264—266).

1. Законы мышленія (266—298): историческія и литерат. указанія (266—267); классификація важнѣйшихъ толкованій означенныхъ законовъ и словесныя опредѣленія, этимъ толкованіямъ соотвѣтствующія (267—270). Критическій анализъ метафизическихъ толкованій первыхъ трехъ законовъ: тождества, противорѣчія и исключеннаго

третьяго (270—272); анализъ толкованій эмпирическихъ (272—274), формальныхъ (275—281), психологическихъ (281—284); истинное значеніе первыхъ трехъ законовъ мышленія (284—285). Систематическій обзоръ всѣхъ прежнихъ выводовъ и сущность недоразумѣній, лежавшихъ въ основѣ старыхъ ученій о первыхъ трехъ законахъ мысли (285—287). — Анализъ закона достаточнаго основанія (287—296): его отношеніе къ другимъ тремъ законамъ (287—288); историческія указанія (288—289); пять толкованій закона д. о. (289—290); послѣдовательный критическій разборъ ихъ (290—295). истинное значеніе четвертаго закона мышленія (295), несообразность старыхъ логическихъ теорій (296). — Общее опредѣленіе законовъ мышленія (296); два типа этихъ законовъ и образчики тѣхъ и другихъ (297—298).

2. **Причины заблужденій ума** (298—336): историческія и литер. указанія (298—299); апріорныя разсужденія о степени возможности неправильнаго мышленія (299—300); виды умственныхъ процессовъ, въ которыхъ могутъ быть предположены ошибки (300—303). Критическій анализъ заблужденій въ обобщеніи (304—306); анализъ ошибокъ въ процессѣ умозаключенія (307—325). 1) умозаключенія непосредственныя: несообразность этого понятія и опредѣленіе истинной причины соотвѣтствующихъ заблужденій (307—310). 2) умозаключенія посредственныя: единственный возможный видъ ошибокъ въ самомъ процессѣ умозаключенія (310—311); вопросъ о возможности неправильнаго сочетанія посылокъ; двоякій методъ рѣшенія вопроса (311): а) разборъ примѣровъ форм. логики и опредѣленіе истинной причины соотвѣтствующихъ невѣрныхъ выводовъ (312—316); б) разборъ значенія логическихъ правилъ, ограничивающихъ число законныхъ выводовъ (316—325): общая ошибочная подкладка ограничительныхъ правилъ, основанныхъ на дѣленіи сужденій на общія и частныя (316—320) и подтвержденіе несостоятельности этихъ правилъ разборомъ конкретныхъ случаевъ (320—322); несостоятельность правилъ, основанныхъ на дѣленіи сужденій на утвердительныя и отрицательныя (323—325). Выводы (325—326); вопросъ о возможности другихъ правилъ, регулирующихъ процессы умозаключенія (326—327); вопросъ о классификаціи различныхъ умозаключеній (327—328). — Причины заблужденій въ процессахъ выраженія продуктовъ мысли (329—330). Причины заблужденій въ процессахъ воспріятія (330—331); необходимость искания причины всѣхъ заблужденій вообще — внѣ самыхъ познавательныхъ процессовъ (331—332); новая гипотеза о происхожденіи заблужденій (332—334): незнаніе, какъ источникъ иллюзій, неправильныхъ обобщеній, умозаключеній и утвержденій (334—336).

3. **Средства борьбы съ заблужденіями** (336—349): нелѣпость самого понятія «правилъ» мышленія (336); общій фактъ существо-

ванія какихъ-то косвенныхъ средствъ борьбы съ заблужденіями (337—338); методическая организація познавательныхъ движеній, какъ единственное такое средство (338); предварительное условіе обладанія этимъ орудіемъ борьбы съ заблужденіями (338—339). Подготовка ума къ методической познавательной дѣятельности и двѣ ступени этой подготовки (340); общіе принципы, на которыхъ должна быть построена теорія искусства культуры человѣческаго ума (340—343). Обзоръ задачъ «теоріи искусства познанія» (343—346). — Выводы о ближайшихъ задачахъ «науки о познаніи» или «логики» (347—349).

ВВЕДЕНІЕ.

Общее разъясненіе задачъ.

Такъ какъ настоящее сочиненіе — результатъ изученія логическихъ вопросовъ, то о судьбѣ и современномъ состояніи такъ называемой логической науки и слѣдуетъ сказать прежде всего.

Подробной исторіи этой науки мы, къ сожалѣнію, не можемъ дать уже потому, что о полной и сколько-нибудь исчерпывающей исторіи логики въ настоящее время еще не можетъ быть рѣчи: пока наука находится въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, въ какомъ (какъ мы увидимъ ниже) пребываетъ по настоящее время логика, правильное освѣщеніе ея прошлаго конечно еще невозможно. Притомъ литература логики, какъ науки, которая существуетъ уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, до того обширна и даже необозрима, что для основательнаго изученія ея и даже для составленія полнаго ея перечня потребовалась бы съ нашей стороны масса кропотливыхъ изысканій, которыя бы отвлекли насъ совершенно отъ главной задачи настоящаго труда. Достаточно будетъ поэтому, если мы перечислимъ чужія работы въ этомъ направленіи.

Пока по исторіи логики сдѣлано еще весьма мало. Кромѣ извѣстнаго труда Прантля (Geschichte d. Logik im Abendlande. Leipz., 1855—1870, 4 тома), обнимающаго впрочемъ только древній и средневѣковой періоды развитія логики (до начала XVI в.), — ничего, кромѣ общихъ очерковъ и монографій объ отдѣльныхъ эпохахъ и писателяхъ, не существуетъ. Да и трудъ Прантля представляетъ, въ сыромъ видѣ, лишь массу матеріаловъ для исторіи логики, хронологически изложенныхъ и весьма добросовѣстно собранныхъ, но никакъ не исторію хотя бы отдѣльныхъ фазисовъ развитія этой науки. Не надо думать однако, чтобы по числу сочиненій, относящихся къ исторіи логики, литература

этой послѣдней была такъ бѣдна и ничтожна. Напротивъ того, собирая довольно долго библіографическія данныя о логикѣ, мы убѣдились, что и литература исторіи логики, ведущая свое начало, если не ошибаемся, съ XVII в., въ своемъ родѣ тоже весьма обширное поле для изученія. Чтобы доказать это, мы сдѣлаемъ краткое обозрѣніе того библіографическаго матеріала въ этой области, съ которымъ намъ удалось ознакомиться: для будущихъ историковъ этотъ матеріалъ можетъ пригодиться, а любознательные читатели и критики найдутъ въ немъ рядъ пособій для провѣрки послѣдующихъ нашихъ «историческихъ» выводовъ.

Изъ общихъ сочиненій, появившихся по исторіи логики, независимо отъ изложенія самой теоріи науки, упомянемъ о слѣдующихъ, намъ извѣстныхъ: Reimannus, Critisirender Geschichtscalender von der Logica, darin das Steigen und Fallen dieser hochvortrefflichen Disciplin von Anfang der Welt bis auf Jahr nach Christi Geburt 1600 entworfen etc. Francf. a. M., 1699. Fabricius, Specimen elencticum historiae logicae. Hamb., 1699. Feuerlinus, Diss. de variis modis logicam tradendi. Jenae, 1712. Walchius, Historia logicae (въ Parergg. Academ. Lips., 1721, p. 453 и слѣд.). Kochius, Specimen polihistoris logici (Bibl. Struvii, Jenae, 1728, p. 125 и слѣд.). Mussmann, De logicae et dialecticae notione historica. Berl., 1828 (гегеліанецъ). Franck, Esquisse d'une histoire de logique etc. Paris, 1838. Prantl (упом. соч.). Harms, Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik. Berl., 1881.

Изъ историческихъ очерковъ въ теоретическихъ руководствахъ логики намъ извѣстны слѣдующіе: Keckermannus, Praecognit. logicorum tract. III, systemati logico etc. praemiss. 2 ed. Hannov., 1606. P. Gassendus, De origine et varietate logicae (въ концѣ I кн. его логики въ Synt. philos. Epicuri, 1655). Syrbius, Institt. philos. rationalis eclect. una cum historia logices. Jenae, 1717. Frobesius, Bibliographia logica (въ концѣ его Compendium'a Вольфовой логики. Helmst., 1746). Metz, Ueber den Werth der Logik etc., nebst einem kurzen Umrisse der Geschichte der Logik. Würzb., 1813. Calker, Denklehre etc., nebst einem Grundr. d. Gesch. und Liter. derselben. Bonn, 1822. Denzinger, Historia logicae въ Institt. logicae. Leod., 1824 (T. II, p. 687—736). Bachmann, Syst. d. Log. Leipz., 1828. III Th.: Zur Gesch. d. L. Troxler, Logik etc. III Th. Skizze d. Liter. u. Gesch. d. L. Stuttg. u. Tüb., 1830. Reiffenberg, Baron. Principes

de logique, suivis de l'histoire et de la bibliographie de cette science. Brux. 1833 (изъ этой книги и мы заимствовали многія изъ своихъ свѣдѣній). Katzenberger, Geschichtliche Hauptgegensätze hinsichtlich der Auffassung der Logik (въ его Grundfragen der Logik, Lpz. 1858, S. 25—52). Ueberweg, System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. Bonn. 1857. 4. Aufl. 1874 (этотъ историческій очеркъ признается однимъ изъ лучшихъ). Hamilton, Lectures on Logic. Lond. 1860. 1874 (Lect. II: historical notices of opinions regarding its object and domain. и Appendix, особ. II—III). Delboeuf, Essai de logique scientifique. Liége. 1865. (L. I, Ch. I. § 1: Histoire de la logique). Rabus, Logik und Metaphysik, I. Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik. Erlang. 1868. Владиславлевъ, Логика. Обозрѣніе индукт. и дедукт. пріемовъ мышленія. СП. 1872. 2 изд. 1881 (въ концѣ обширные и весьма основательно составленные историческіе очерки) и т. д. (въ русскомъ переводѣ Системы логики Милля: СП. 1865, подъ ред. Лаврова, въ предисловіи редактора тоже данъ краткій очеркъ исторіи логики).

Изъ спеціальныхъ сочиненій по исторіи логики въ отдѣльныя эпохи и у отдѣльныхъ народовъ назовемъ слѣдующія: а) о древней логикѣ вообще и греческой въ частности: Daries, Meditationes in logica veterum. Jenae, 1755. Fülleborn, Kurze Geschichte der Logik bei den Griechen (въ Beiträge zur Gesch. d. Philos. 1791—99, IV. Heft). Ad. Smith, Histoire de la logique et de la métaph. des anciens. (Essais philos., trad. p. Prevost. Paris 1797, T. II, p. 29—56). Buhle, Antiquorum graecorum ante Aristot. conamina in arte logica inven. et perficienda. (Commentt. Soc. Goett. T. XI, 1793, pp. 234—259). Münz, Die Keime der Erkenntnisstheorie in der vorsophist. Periode. Wien, 1880. б) о логикѣ у нѣмцевъ, англичанъ и др. народовъ: Eberstein, Versuch einer Gesch. d. Logik u. Metaph. bei d. Deutschen v. Leibnitz bis auf die gegenw. Zeit. Halle, 1794. Metz, De philosophorum criticorum de logica meritis etc. Herbip., 1799. Hoffmann, Grundz. einer Geschichte des Begriffs d. Logik in Deutschland v. Kant bis Baader. Lpz., 1851. Rabus, Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete d. Logik bei den Deutschen u. die log. Frage. Erl., 1880. Schnitzer, Ueb. die neuesten Systeme der Logik in Deutschland u. England mit Rücksicht auf Aristoteles. Ellw., 1863 (маленькая брошюра, въ которой рѣчь идетъ почти исключительно о Миллѣ и Тренделенбургѣ),

Lindsay, Переводъ логики Ибервега на англ. яз. Lond., 1871. (Appendix A. On recent logical speculation in England). Liard, Les logiciens anglais contemporains. Paris, 1878. (То же по нѣмецки, übers. v. Immelmann. Berl., 1880). Jankowski, Succincta logices in polonorum scholis historia. Cracov., 1828, и т. д.

По исторіи логическихъ ученій отдѣльныхъ писателей существуетъ громадная литература, полное перечисленіе которой мы не беремся сдѣлать. Особенно многочисленны работы по исторіи логическихъ ученій Аристотеля (Trendelenburg, Weinholz, Barthélemy-St-Hilaire, Hettner, Kampe, Zelle, Biese, и т. д.) и по исторіи логики и теоріи познанія Канта (Wickenhagen, Zelle, Hölder, Paulsen, Schenke, Stadler, Alexander, Smolle, Nathan, Steckelmacher, Volkelt, Schuppe, и проч.). Довольно значительно тоже число сочиненій о логическихъ ученіяхъ и заслугахъ Бэкона (Lasson, Liebig, Sigwart, Schlottmann, Finck, Werner, Fowler, и др.) и Гегеля (Trendelenburg, Schmid, Reiff, Hermann, и проч.). Кромѣ того намъ извѣстны монографіи о логикѣ и теоріи познанія Протагора (Münz, 1880), Эпикура (Tohte, 1874), Тертулліана (Hausschild, 1880), Декарта (Natorp, 1882), Гейлинкса (Grimm, 1875), Спинозы (Busolt, 1875), Лейбница (Květ, 1857), Ламберта (Zimmermann, и др.), Шлейермахера (Quäbicker, 1871, Weisse), Тренделенбурга (Kym, 1870) и другихъ.

Работы по исторіи отдѣльныхъ логическихъ вопросовъ немногочисленны и весьма разбросаны въ общихъ и спеціальныхъ теоретическихъ сочиненіяхъ по логикѣ. Ибервегъ напр. въ своей логикѣ даетъ почти по каждому вопросу историческія обозрѣнія, иногда весьма цѣнныя; много цѣнныхъ замѣчаній и остроумныхъ историческихъ сопоставленій можно найти также въ логикѣ Вундта (Logik. I. Erkenntnisstheorie. Stuttg., 1880). Другіе писатели, подобно Зигварту (Zur Lehre vom hypothet. Urtheil. Tüb., 1871), даютъ историческія введенія въ теоретическихъ монографіяхъ объ отдѣльныхъ вопросахъ. Наконецъ не разъ особо разбирался вопросъ объ исторіи отношеній логики къ метафизикѣ и къ философіи вообще (ср. Braniss. Logik in ihrem Verhältnisse zur Philosophie geschichtlich betrachtet. Berl., 1823) и т. д.

Нашъ перечень конечно далеко еще не полонъ, даже и по разсмотрѣннымъ нами рубрикамъ; а кромѣ того мы не упоминали почти вовсе объ историческихъ очеркахъ, разсѣянныхъ въ философскихъ журналахъ, словаряхъ и общихъ трудахъ по исторіи философіи, а также

о библіографическихъ данныхъ, разбросанныхъ въ общихъ библіографическихъ трудахъ, относящихся къ философіи (въ родѣ напр. труда Гумпоша: Die philos. Literatur d. Deutschen von 1400 bis auf unsere Tage. Regensb. 1851, и другихъ подобныхъ). Но и представленныхъ свѣдѣній достаточно, чтобы видѣть, что по исторіи логики поработали уже весьма многіе писатели.

Къ сожалѣнію, ознакомившись (во время пребыванія заграницей) съ значительнымъ числомъ перечисленныхъ сочиненій (нѣкоторыхъ нельзя было достать), мы убѣдились, что они въ дѣйствительности весьма мало даютъ для исторіи логики, ибо въ болѣе древнихъ не достаетъ критики и полноты, а болѣе новые не только поверхностны и отрывочны, но и односторонни, потому что, когда историкъ въ тоже время самъ и теоретикъ, то онъ судитъ о важности того или другого труда и о заслугахъ того или другого писателя, всегда болѣе или менѣе субъективно и пристрастно.

Опасаясь сами именно такой, совершенно естественной, слабости, мы и не рѣшились поставить въ началѣ настоящаго сочиненія болѣе подробнаго историческаго очерка логическихъ теорій, для котораго у насъ собранъ былъ значительный матеріалъ и который отчасти даже былъ нами уже составленъ, а признали за лучшее ограничиться лишь самыми общими замѣчаніями о судьбѣ и современномъ состояніи логики, какими они представляются намъ именно съ нашей, субъективной точки зрѣнія. Если-бъ наши собственныя теоріи, изложенныя въ настоящемъ сочиненіи, оказались правильными, то эти историческія замѣчанія конечно пріобрѣтутъ бо́льшую цѣну; но во всякомъ случаѣ они въ тѣсной связи съ нашими теоретическими убѣжденіями и должны раздѣлить ихъ участь.

Главная особенность логической науки по нашему мнѣнію заключается въ томъ, что чѣмъ болѣе она развивалась, тѣмъ болѣе и болѣе умножались различныя направленія ея обработки и различные взгляды какъ на ея задачи вообще, такъ и на отдѣльные вопросы, въ нее входившіе. Въ настоящей «наукѣ» это явленіе конечно совершенно невозможно, ибо уже a priori съ разработкою знаній должно возрастать однообразіе выводовъ и согласіе изслѣдователей по всѣмъ частнымъ вопросамъ: это предположеніе подтверждается особенно исторіею точныхъ наукъ. Но такъ какъ логика всегда находилась въ ближайшей зависимости отъ философіи, стремившейся къ удовлетворенію субъективныхъ потребностей человѣка, потребностей чувства (объ этомъ мы уже пи-

сали въ статьѣ «о философіи, какъ вѣтви искусства»: Мысль, 1880. Августъ), — число же разнородныхъ философскихъ системъ, съ дифференціаціей этихъ субъективныхъ потребностей и умноженіемъ мыслящихъ людей, по мѣрѣ развитія человѣческаго самосознанія, все болѣе и болѣе возрастало, то не удивительно, что и логическія системы и разногласія логическихъ писателей постепенно умножались. Въ древности логическое направленіе Аристотеля было преобладающимъ: весьма мало еще разработанными являлись рядомъ съ нимъ ученія о познаніи Платона (раціоналистическое) и Эпикура (эмпирическое). И только отрицательное направленіе скептиковъ болѣе успѣшно противодѣйствовало развитію логической системы Аристотеля. Въ средніе вѣка различія Аристотелевской и Платоновской теоріи познанія, а съ другой стороны точки зрѣнія эмпирической, выступаютъ уже ярче и сказываются особенно въ борьбѣ реализма, умѣреннаго и крайняго, и противуположнаго обоимъ номинализма (тоже умѣреннаго, или концептуализма, и крайняго — вокализма и сермонизма). Эти различія, хотя и въ другой формѣ, особенно обостряются въ эпоху возрожденія, вслѣдствіе болѣе основательнаго изученія древнихъ философскихъ системъ и разработки частныхъ наукъ, и результатомъ этого факта въ XVII в. является ясное раздвоеніе логики и вообще теоріи познанія въ ученіяхъ о методахъ Бэкона и Декарта. Въ послѣдующей затѣмъ борьбѣ эмпиризма и раціонализма (XVII и XVIII в.) это раздвоеніе становится на дѣлѣ все рѣзче и рѣзче, обнаруживаясь весьма разнообразно въ направленіяхъ наукъ и самой философіи; однако внѣшнимъ образомъ получаетъ снова преобладаніе логика раціоналистическая, представляющая синтезъ Аристотелевской и Платоновской и проявляющаяся сначала въ руководствѣ Port-Royal'я (школы Декарта) и затѣмъ особенно рельефно и полно въ логической системѣ Вольфа и его послѣдователей. Въ концѣ XVIII в. Кантъ выступаетъ съ новымъ направленіемъ теоріи познанія вообще и логики въ частности. Это направленіе — въ цѣломъ субъективистическое, а въ примѣненіи спеціально къ логикѣ — формальное. Въ XIX в. въ новой формѣ возстановляется раціоналистическая логика Платона въ системѣ Гегеля (реальная или метафизическая логика), затѣмъ развивается далѣе формальная логика Канта (Гербартъ), оживаетъ въ новой формѣ умѣренно-раціоналистическая логика въ духѣ Вольфа (Шлейермахеръ), вновь перерабатывается подъ именемъ «индуктивной» эмпирическая логика Бэкона (Гершель, Уэвель и особенно Дж. Ст. Милль), возникаетъ новый видъ «математической» формальной логики

(Гамильтонъ, Де Морганъ, Буль) и наконецъ являются новые защитники первобытной логической системы Аристотеля, искаженной до неузнаваемости въ средніе вѣка и новое время (Тренделенбургъ). Всѣ эти главныя направленія (о второстепенныхъ мы уже не упоминаемъ) къ концу шестидесятыхъ годовъ созрѣваютъ и доходятъ до крайняго своего выраженія. Послѣ этого наступаетъ реакція противъ исключительности школъ; но не надо думать, чтобы эта реакція уменьшила число направленій логики. Напротивъ — пока она его только увеличила до такой степени, что почти каждый современный писатель представляетъ изъ себя самостоятельное направленіе, обладающее своими особыми чертами. Чувствуя потребность въ примиреніи и соглашеніи различныхъ старыхъ школъ, каждый писатель входитъ въ компромиссы, усердно прилаживаетъ, сшиваетъ и склеиваетъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: въ послѣднее время даже составители школьныхъ учебниковъ по логикѣ, не имѣя иногда достаточной для того подготовки, тоже обнаруживаютъ поползновеніе «сглаживать противорѣчія» и «восполнять пробѣлы», и въ результатѣ является столпотвореніе вавилонское. Какъ бы въ наказаніе за свою навязчивость по отношенію къ другимъ наукамъ, за желаніе надъ ними командовать, логика постепенно утратила сама всякую твердую почву подъ ногами. Ея представители заговорили на столькихъ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, что совершенно перестали понимать другъ друга и тщетно предпринимаютъ попытки «соглашенія» въ самыхъ основныхъ понятіяхъ и терминахъ (ср. статью Зигварта: Ein Versuch zur Verständigung въ Vierteljahresschrift für wissensch. Philos., 1880. IV—1881. I, имѣющую задачею соглашеніе съ Вундтомъ и Бергманомъ).

Лучшимъ внѣшнимъ показателемъ возрастающаго съ вѣками, а въ послѣднее время и съ десятилѣтіями, числа разногласій между представителями логики и увеличивающейся пропорціонально потребности соглашенія, служитъ прогрессивное умноженіе сочиненій, выражающихъ уже въ самыхъ заглавіяхъ тенденцію обновленія или преобразованія логики. Въ этомъ отношеніи нами собраны слѣдующія данныя. Въ средніе вѣка подъ новой логикой (ср. напр. соч. Versor'a, Super omnes libros novae logicae. Venet., 1497) разумѣли только новыя части общей логики «аристотелевской», развившіяся по почину Петра Испанскаго, Вильгельма Оккама и другихъ писателей. Возникшія между XIII—XVI в. направленія Луллистовъ, Перипатетиковъ и Рамистовъ предполагали каждое про себя, что они лишь полагаютъ

основаніе дальнѣйшему развитію логики Аристотеля, и потому противуположеніе ихъ системъ старой логикѣ не было еще такъ рѣзко. Петръ Рамусъ, болѣе другихъ, считалъ себѣ реформаторомъ; но извѣстно, какъ мало онъ имѣлъ на это права. Такимъ образомъ новый органонъ Бэкона въ XVII в. оказывается первымъ сочиненіемъ, ясно предъявляющимъ притязаніе обновить всю логику, хотя уже и въ XVI в., въ особенности въ связи съ борьбою упомянутыхъ выше направленій, являлись спеціальныя монографіи о задачахъ и спорныхъ вопросахъ этой науки (Angest, Problemata logicalia. Par., 1507. Goclenius, Idem. Marb., 1591. Его же Quaest. et disputat. logicae. Ibid., 1593. Martinus, Disput. contra Ramistas de subj. et fine logicae. Lemgo, 1597. Laymannus, Disputatio logica ex organo. Ingolst., 1604. Hesselbeinius, Theoria logica etc. Francof., 1606. Cramerus, De praecipuis logicae Aristot. partibus disputationes. Witteb., 1607. Nobilaeus, Quaestiones logicae variae. 1611. Chr. Weisse, Curieuse Fragen über die Logica etc. Lpz., 1696). Логика школы Декарта (Logique ou l'art de penser. Paris, 1644) является новою только отчасти, а потому и въ заглавіи выражается лишь скромное желаніе дополнить обычную систему логическихъ правилъ «нѣкоторыми новыми замѣчаніями, могущими служить къ образованію сужденія» (ученикъ Декарта Клоберъ написалъ, правда, сочиненіе: Logica vetus et nova. Amst., 1658; но мы не могли его достать и потому предполагаемъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ контрастомъ лишь части средневѣковой логики).

Въ XVIII в., съ развитіемъ Декартовской логики, въ противуположность средневѣковой, съ одной стороны, и Бэконовской — съ другой, и подъ вліяніемъ новой обработки логики въ системѣ Вольфа, число «новыхъ» логикъ и сочиненій, ясно выражающихъ преобразовательную тенденцію, умножается. Назовемъ важнѣйшія: Lehmann, Neue und nützlichste Art der Vernunftlehre. 1823. Crousaz, Système de réflexions etc. ou nouvel essai de logique. Amst., 1725. Lambert, Neues organon etc. Lpz., 1764. Castillon, Réflexions sur la logique. Mém. de l'Acad. de Berlin. 1779, и т. д. Подъ вліяніемъ Канта, въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX-го такія сочиненія появляются еще чаще. Упомянемъ о слѣдующихъ: Maimon, Versuch einer neuen Logik oder Theorie des Denkens. Berl., 1792. Reinhold, Versuch einer Begründung und neuen Darstellung der logischen Formen. Lpz., 1819. Bardili, Grundriss der ersten Logik, gerein.

von den Irrthümern bisheriger Logiken überhaupt, der kantischen insbesondere. Stuttg., 1800. Nüsslein, Kritik der falschen Ansichten der Logik. Bamb., 1803. Hoffbauer, Anfangsgründe der Logik. 1794. Herbart, Hauptpunkte der Logik. Gött., 1808, и т. д. Съ 30-хъ и до 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ вновь возникшихъ системъ Гегеля, Шлейермахера, Тренделенбурга и др., эта обновительная литература въ Германіи, а отчасти и въ другихъ странахъ, еще увеличивается. Назовемъ слѣдующія сочиненія: Drobisch, Neue Darstellung der Logik. Lpz., 1836 (школа Гербарта). Bosanquet, A new system of logic. Lond., 1839 (религіозная тенденція). Schlötel, Die Logik neu bearbeitet. Gött., 1854. Hoppe, Die gesammte Logik etc., als Kritik der bisherigen. Paderborn, 1868. Hartenstein, De methodo philosophiae logicae etc. Lips., 1835. Löwe, Ueber den Begriff der Logik und ihre Stelle. Wien, 1849. Prantl, Die Bedeutung der Logik für den jetzigen Standpunkt der Philosophie. München, 1849. Katzenberger, Die Grundfragen der Logik. Lpz., 1858. Dühring, Natürliche Dialectik, neue logische Grundfragen etc. Berl., 1865. Hartsen, Untersuchungen über die Logik. Berl., 1869, и т. д. Наконецъ въ семидесятыхъ годахъ, съ развитіемъ эклектицизма, потребность реформы выражается еще бо́льшимъ числомъ работъ съ сознательно предъявляемыми преобразовательными тенденціями. Вотъ перечень важнѣйшихъ: Ulrici, Zur logischen Frage. Halle, 1870 (см. его же статьи въ Zeitschr. für Philos. B. 76, H. 2). Hartsen, Grundz. d. Logik nach einer neuen Methode. Berl., 1873. Harms, Reform der Logik. Berl., 1874. Caroli, Logica con nuovo methodo. Napoli, 1876. Pokorny, Neuer Grundriss der Logik. Wien, 1878. Foucou, Aperçu d'une nouvelle logique. Paris, 1879. Read, On the theory of logic. Lond., 1878. Rabus, Die logische Frage. Erl., 1880 (упом. выше). Rehnisch, Zur Kritik herkömml. Dogmen und Anschauungsweisen der Logik, etc. (Zeitschr. für Philos. B. 76, H. 1—2). Sigwart, Logische Fragen (упом. выше) и проч. И замѣтимъ еще, что, рядомъ съ этими откровенными реформаторами, также прогрессивно возрастаетъ число скрытыхъ, пренебрегающихъ внѣшнею выставкою своихъ обновительныхъ тенденцій и желающихъ преподнести читателю пріятный сюрпризъ прямо въ самомъ текстѣ своихъ сочиненій. Въ этомъ смыслѣ съ начала 70-хъ годовъ почти всѣ писатели должны быть признаны, болѣе или менѣе, реформаторами и новаторами.

Послѣ всего сказаннаго, упомянутая выше особенность логики, состоящая въ прогрессивномъ умноженіи разногласій и борющихся направленій, едва ли можетъ болѣе подлежать сомнѣнію. Другою важною чертою въ развитіи логики является тоже прогрессивно увеличивающееся преобладаніе теоретическаго характера логическихъ изслѣдованій надъ практическимъ.

Въ древности и въ средніе вѣка предъявлялось притязаніе на такую науку, которая бы могла служить практическимъ руководствомъ для человѣческаго ума во всѣхъ сферахъ его дѣятельности и, такъ сказать, вела бы его на помочахъ въ каждомъ шагѣ, который онъ дѣлаетъ. Логика считалась поэтому не только пропэдевтикою другихъ наукъ и философіи вообще, но и руководительницею всякаго разсужденія, разговора и спора. Оттого древнѣйшимъ названіемъ для той дисциплины, которая впослѣдствіи стала именоваться логикой, было названіе «діалектики» (разсужденіе, споръ). У Платона въ этомъ понятіи еще совершенно сливается идея искусства познанія, т. е. философіи вообще, съ идеею руководящей теоріи этого искусства. У Аристотеля эти двѣ идеи de facto уже не смѣшиваются, ибо онъ обработалъ теорію познанія особо отъ всѣхъ прочихъ наукъ. Но въ какой мѣрѣ сознательно онъ самъ различалъ познавательную дѣятельность отъ руководящихъ ея принциповъ, опредѣлить трудно, ибо термины «логики» и «органона», какъ извѣстно, вошли въ употребленіе гораздо позднѣе. Во всякомъ случаѣ общая тенденція такъ называемыхъ логическихъ сочиненій Аристотеля совершенно практическая и притомъ весьма обширная, потому что онъ опредѣляетъ въ нихъ не только правила изслѣдованія и доказательства, но и правила разговора и разсужденія вообще («топика»), споровъ и разсужденій съ софистами въ частности (соч. о софистическихъ доказательствахъ). Оттого многія логическія изслѣдованія его вращаются около языка и отношеній между словами, и отсюда большая часть недоразумѣній, къ которымъ его логическія ученія подавали поводъ впослѣдствіи. Въ томъ же чисто практическомъ направленіи развивали логику и послѣдующія философскія школы древности — перипатетическая, стоическая, эпикурейская (логика, какъ каноника) и новоплатоновская, изъ числа которыхъ, какъ мы уже намекнули, только эпикурейская пыталась проложить новый путь (впрочемъ еще совершенно безсознательно), всѣ же остальныя разработывали лишь различныя части аристотелевскихъ логическихъ ученій. Во все это время вновь возникшій терминъ «логики» то отождествлялся съ

терминомъ діалектики, то употреблялся въ значеніи болѣе или менѣе родственномъ съ этимъ послѣднимъ.

Въ средніе вѣка практическое значеніе логики съузилось только развѣ въ томъ смыслѣ, что изслѣдованіе природы отодвинулось на задній планъ и всѣ интересы философіи сосредоточились на религіозныхъ вопросахъ и на развитіи религіозныхъ догматовъ. Поэтому логика или діалектика (въ средніе вѣка эти термины сдѣлались совершенными синонимами) превратилась спеціально въ руководство разсужденія и спора о религіозныхъ вопросахъ и утратила значеніе руководства въ научныхъ изслѣдованіяхъ, которыхъ не было. До XVII в. она опредѣлялась чаще всего какъ «искусство разсужденія, спора, разговора» (ars disserendi, disputandi, dicendi) и нерѣдко даже сближалась съ риторикой и грамматикой. Научнымъ анализомъ мышленія логика, при такомъ пониманіи ея назначенія, конечно уже не задавалась и всѣ новыя пріобрѣтенія ея направлены были къ выработкѣ правилъ употребленія и новаго изобрѣтенія словъ и терминовъ (отсюда вышелъ и tractatus de terminorum proprietatibus со всѣми позднѣйшими къ нему приростами и знаменитая ars combinatoria Lulliana). Но хотя, такимъ образомъ, логика de facto изощрялась лишь въ усовершенствованіи искусства спора и словесныхъ манипуляцій, тѣмъ не менѣе de jure она еще имѣла претензію, при посредствѣ слова, опекать умственную дѣятельность человѣка во всѣхъ ея направленіяхъ, и внѣ рамокъ силлогизма никакія отправленія ума не признавались законными.

Съ реакціею противъ тиранніи силлогизма, начавшеюся въ XVI в. (и отчасти даже въ XV-мъ), эти практическія тенденціи логики рѣшительнѣе съуживаются. Бэконъ, въ началѣ XVII в., хотя и опредѣлялъ еще логику какъ искусство изобрѣтенія, сужденія, памятованія и передачи, тѣмъ не менѣе самъ разработалъ подробнѣе лишь теорію научнаго изслѣдованія (т. е. изобрѣтенія) и, отрицая значеніе силлогизма, какъ органа новыхъ знаній, конечно не могъ придавать большого значенія тому мелочному и повсемѣстному вмѣшательству логики съ ея правилами въ процессы мышленія и разсужденія, какое признавалось необходимымъ въ средніе вѣка. Только болѣе общія правила познавательныхъ отправленій разумѣлись подъ указанными выше рубриками. А главное, логика Бэкона сама уже не претендовала на открытіе истины и объясненіе міровыхъ законовъ и предоставляла выполненіе этой задачи другимъ наукамъ. Въ школѣ Декарта совершилось подобное же съуженіе практическихъ задачъ логики, и эта послѣдняя превратилась въ общую

теорію искусства мышленія, при чемъ и само это искусство мышленія по старой памяти называлось, въ переносномъ смыслѣ, логикой (оттого и заглавіе logique ou l'art de penser). Изслѣдованіе внутреннихъ процессовъ мышленія въ обѣихъ школахъ сдѣлалось постепенно главнымъ предметомъ вниманія, и этимъ способомъ объясняется происхожденіе «Опыта о разумѣніи» Дж. Локка, а равно и тотъ путь, какимъ Лейбницъ въ концѣ XVII в. пришелъ къ своимъ формуламъ общихъ принциповъ мышленія.

Поэтому, если до XVII в. теоретическій анализъ въ логикѣ служилъ всегда только орудіемъ и средствомъ для выработки правилъ и вообще практическаго руководства, такъ что въ этомъ послѣднемъ лежалъ именно центръ тяжести всѣхъ логическихъ ученій, то въ XVII в. уже ясно замѣтно стремленіе къ уравновѣшенію теоретическихъ и практическихъ задачъ логики, и исключительная роль логики, какъ бдительной «няньки» мышленія, постепенно ослабляется. Полная и сознательная гармонія теоретическихъ и практическихъ задачъ логики наступаетъ однако лишь въ XVIII в. въ школѣ Вольфа, который самъ, съ свойственною ему систематичностью, провелъ дѣленіе логики на теоретическую и практическую части во всѣхъ мелочахъ въ своей «Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifico pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata» (1728). Замѣчательно между прочимъ, что Вольфъ же первый, чувствуя потребность дать болѣе глубокія основанія теоретическому анализу мышленія, провозгласилъ необходимость основать логическій анализъ на принципахъ психологіи (loc. cit. Disc. prelim. C. III, §§ 89—91), хотя рядомъ съ этимъ, платя дань традиціямъ и обычаямъ своего времени, признавалъ и необходимость участія онтологіи въ томъ же анализѣ.

Но развитіе теоретической логики или науки о мышленіи не мѣшало и въ XVIII в. многимъ писателямъ смотрѣть еще на логику, какъ на необходимое практическое руководство для всякаго мышленія, научнаго ли, т. е. направленнаго къ изслѣдованію истины, или ненаучнаго, такъ сказать житейскаго. Поэтому логика, хотя и въ болѣе скромной формѣ, чѣмъ въ средніе вѣка, все еще продолжала обнаруживать притязаніе опекать своими совѣтами и правилами всѣхъ людей, даже и не изслѣдующихъ «истину». Это обнаруживается уже и въ самыхъ заглавіяхъ логическихъ сочиненій, отчасти выражающихъ упомянутую тенденцію опеки надъ умственною дѣятельностью человѣка въ самыхъ разнообразныхъ ея направленіяхъ. Рядомъ съ сочиненіями,

претендующими руководить познаніемъ истины (ср. напр. Reimarus: Vernunftlehre oder Anweisung zum richtigen Gebrauch der Vernunft in der Erkenntniss der Wahrheit. Hamb., 1756, или Christiern: Diss. de usu logicae in ideis adquirendis. Upsala, 1788), появлялись такія, которыя имѣли спеціальною задачею руководить практическимъ здравымъ смысломъ (ср. Ebeling, Versuch einer Logik für den gemeinen Verstand. Berl., 1785. Lossius, Unterricht der gesunden Vernunft. Gotha, 1877—78. Steinbart, Gemeinnützige Anleitung des Verstandes zum regelmässigen Selbstdenken. 3. Aufl. Zullichau, 1793 и др.). Но кромѣ того появлялись еще особыя логическія руководства для людей различныхъ половъ (ср. Blanchet, Logique de l'esprit et du coeur à l'usage des dames. La Haye, 1769. Knigge, Versuch einer Logik für Frauenzimmer. Hann., 1789. Rochow, Kleine Logik für Frauenzimmer. Braunschweig, 1789 и проч.), различныхъ возрастовъ (Villaume, Practische Logik für junge Leute, die nicht studiren wollen. Berl., 1787, ср. Wandelincourt, La logique du second âge etc. Paris, 1801 и др.), и даже различныхъ общественныхъ положеній (ср. Saure, Eléments de logique, à l'usage des gens du monde. Paris, 1794) и т. д.

Дальнѣйшій шагъ въ смыслѣ развитія теоретическихъ задачъ, уже въ ущербъ практическимъ, дѣлаетъ логика подъ вліяніемъ Канта. Кантъ, во первыхъ, съузилъ задачи логики въ томъ смыслѣ, что на долю логики, въ собственномъ значеніи, предоставилъ только анализъ формъ мышленія, отвлеченныхъ отъ всякаго дѣйствительнаго содержанія; изслѣдованіе же матеріальныхъ условій мышленія и вообще познавательной дѣятельности хотѣлъ передать особой наукѣ, намѣченной у него въ понятіи трансцедентальной логики и развившейся впослѣдствіи въ такъ называемую Erkenntnisstheorie, т. е. теорію познанія (науку полуметафизическаго, полупсихологическаго характера). Но еще важнѣе, что онъ, во вторыхъ, съузилъ логику и въ отношеніи ея практическихъ задачъ, ибо съ одной стороны противупоставилъ формальную логику, какъ общую (allgemeine L.), частнымъ (besondere L.), которыхъ можетъ быть столько, сколько частныхъ наукъ, и пользованіе которыми (какъ и самое ихъ построеніе) онъ разумѣется совершенно оставилъ на отвѣтственности этихъ частныхъ наукъ, и съ другой стороны общую логику понималъ лишь какъ науку о «необходимыхъ» законахъ мышленія, выдѣливъ такимъ образомъ изъ ея содержанія все что́ относилось до «случайныхъ» проявленій умственной

дѣятельности. Вслѣдствіе этого естественно практическое значеніе логики съузилось настолько, что она удержала у Канта лишь характеръ самой общей руководительницы разсудка «при обсужденіи (Beurtheilung) и исправленіи (Berichtigung) знаній», конечно лишь съ формальной стороны. Это впрочемъ не мѣшало Канту, подобно Вольфу, дѣлить логику на двѣ части, теоретическую (reine Logik) и практическую (angewandte L.), что однако уже не могло означать болѣе гармоніи теоретическихъ и практическихъ задачъ логики, такъ какъ для рѣшенія значительной части теоретическихъ вопросовъ предназначалась упомянутая выше особая наука.

Послѣ Канта, съ котораго между прочимъ вошелъ въ употребленіе обычай называть логику Denklehre, т. е. ученіемъ или наукою о мышленіи (въ противуположность искусству мышленія), перевѣсъ теоретическихъ задачъ логики надъ практическими уже никогда de facto не прекращался.

Прямые послѣдователи Канта, т. е. его формальной логики, еще съузили практическое значеніе логики, откровенно признавъ её способною руководить лишь изложеніемъ извѣстнаго, а не изслѣдованіемъ чего-либо новаго (Гербартъ), и параллельно разработали чисто теоретическую «трансцедентальную» логику Канта подъ именемъ „Erkenntnisstheorie“ въ настоящую науку съ обширной спеціальной литературой[1]).

---

[1]) Вотъ важнѣйшая спеціальная литература частью метафизической, частью психологической Erkenntnisstheorie, возникшая въ послѣднія десятилѣтія, — въ алфавитномъ порядкѣ: Bergmann, Sein und Erkennen. Berl., 1880 и его же: Das Erkenntnissproblem etc. Breslau, 1881. Caspari, Grundprobleme d. Erkenntnissthatigkeit. Berl, 1879. (2 Th.) Czolbe, Die Grenzen u. Ursprung d. menschl. Erkenntniss. Jena, 1865 и его же Grundz. der extensionalen Erkenntnisstheorie. 1875. Dreher, Ueb. Wahrnehmung u Denken. Ein Beitrag zur Erkenntnisstheorie. Lpz., 1880. Drossbach, Ueb. Erkenntniss. Halle, 1869. Hoppe, Die personliche Denkthatigkeit. Eine Erkenntnisstheorie, mit Widerlegung Kants. 1880. Lipps, Die Aufgaben d. Erkenntnisstheorie etc. (Philos. Monatsh. B. XVI u. XVII), Mayer, Von der Erkenntniss. Lpz., 1875. Oelmann, Die Erkenntnisslehre als Naturwissenschaft. Cöth., 1868. Proelss, Vom Ursprung d. menschl. Erkenntniss. Lpz., 1879. Rehmke, Die Welt als Wahrnehmung und Begriff. Eine Erkenntnisstheorie. Berl., 1880. Schmitz-Dumont, Die mathemat. Elemente der Erkenntnisstheorie. Berl., 1878. Sengler, Erkenntnisslehre. 1858. Stadler, Grundsätze d. Erkenntnisstheorie. Lpz., 1876. Voit, Ueb. Entwickelung d. Erkenntniss. Munch, 1879. Windelband, Ueber die Gewissheit d. Erkenntniss. Berl, 1873. Witte, Erkenntnisstheorie u. Ethik. Berl., 1877. Zeller, Bedeutung d. Erkenntnisstheorie.

Но даже и тѣ преемники Канта, которые не признавали формальныхъ задачъ логики, тѣмъ не менѣе, подъ его же вліяніемъ, дали въ логикѣ значительный перевѣсъ теоретическому анализу.

Такъ прежде всего идеалисты (Фихте, Шеллингъ, Гегель), отвергнувъ возможность отдѣленія формы мышленія отъ его содержанія, постепенно превратили логику въ исторію развитія идей, или въ естественную исторію мышленія, чуждую всякимъ практическимъ задачамъ. Отсюда возникла между прочимъ и реальная, метафизическая или спекулятивная логика Гегеля, для котораго, вслѣдствіе предполагаемаго тождества идей съ бытіемъ, исторія развитія идей являлась въ то же время и исторіею развитія всего сущаго. Гегель въ своей «Энциклопэдіи» прямо отвергалъ практическую цѣну старой логики, которая хотѣла дать то, что́ уже и безъ нея дано (§ 19, Zusatz 2). Да и можно ли, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, изучить инструменты, не испробовавъ ихъ въ самой работѣ (ibid. § 10): изслѣдованіе познавательной дѣятельности не можетъ произойти иначе, какъ путемъ самой же познавательной дѣятельности. Поэтому практическую пользу логики Гегель понимаетъ по преимуществу лишь въ томъ смыслѣ, что мышленіе о мышленіи, какъ самое высокое и трудное мышленіе, разумѣется всего лучше воспитываетъ умъ и для всѣхъ другихъ надобностей (ср. ibid. § 19). Идеализмъ, въ лицѣ Гегеля, пришелъ слѣдовательно къ совершенному отрицанію логики, какъ инструмента мышленія и познанія.

Эта крайняя точка зрѣнія конечно вызвала вскорѣ реакцію, подъ вліяніемъ которой между прочимъ возникло и столь распространенное до сего времени опредѣленіе логики какъ Kunstlehre des Denkens, т. е. какъ теоріи искусства мышленія (Шлейермахеръ, Бенеке и др.; изъ новѣйшихъ писателей ср. Зигварта: Logik. B. I. Tüb., 1873). Но и эта реакція однако не могла уже возвратить логикѣ прежней гармоніи теоретическихъ и практическихъ задачъ, ибо она въ то же время сопровождалась всетаки отрицаніемъ исключительно формальнаго назначенія логическаго анализа и вслѣдствіе этого, подъ вліяніемъ вопросовъ, возбужденныхъ Кантомъ, принуждена была ввести въ составъ логики

Heidelb., 1862, и проч. Еще болѣе спеціальная литература монографій по отдѣльнымъ вопросамъ Erkenntnisstheorie (о пространствѣ, времени, причинномъ отношеніи и т. д.), тоже весьма многочисленная, сюда конечно не вошла, какъ не вошли и общія метафизическія сочиненія, содержащія между прочимъ и изложеніе такъ называемой «теоріи познанія».

массу новаго теоретическаго матеріала, постепенно давшаго совершенный перевѣсъ отвлеченному анализу мышленія и познанія вообще надъ разработкой конкретныхъ руководящихъ началъ или «правилъ» умственной дѣятельности. Этотъ перевѣсъ особенно можно замѣтить въ новѣйшихъ логическихъ сочиненіяхъ, стремящихся къ полному сліянію логики и теоріи познанія (Lotze, Ueberweg, Schuppe: Erkenntnisstheoretische Logik. Bonn, 1878. Wundt: Logik. I. Erkenntnisstheorie. Stuttg., 1880 и т. д.) Онъ впрочемъ даже получилъ и внѣшнюю санкцію въ новѣйшемъ опредѣленіи логики какъ «нормативной» науки о познаніи (Ибервегъ, Вундтъ). Этотъ послѣдній терминъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ общей системѣ опредѣленій наукъ, является лишь компромиссомъ между новыми, по преимуществу теоретическими, и старыми, практическими, тенденціями логики, и ему едва ли суждено долго продержаться.

Такимъ образомъ въ Германіи, со времени Канта, фактическое преобладаніе теоретическихъ или чисто научныхъ задачъ логики надъ практическими, не можетъ подлежать сомнѣнію. Но зато можно думать, что вновь возродившееся въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ Англіи эмпирическое или индуктивное направленіе логики, какъ теоріи методовъ познанія, нашедшее себѣ наконецъ полное выраженіе въ «Системѣ Логики» Дж. Ст. Милля, способно опять дать перевѣсъ практическимъ задачамъ логики надъ теоретическими или хоть возстановить ихъ гармонію. Послѣднее повидимому подтверждается и опредѣленіемъ логики, какъ науки и искусства доказательства, принятымъ представителями индуктивнаго направленія (Милль, Бэнъ и др.). Но во первыхъ, если бы логика окончательно сдѣлалась руководительницею одного только научнаго изслѣдованія (какъ этого хочетъ напр. и Дюрингъ), то тѣмъ самымъ практическое значеніе ея оказалось бы даже еще уже того, какое за нею признавалъ Кантъ (различавшій въ логикѣ Methodenlehre отъ Elementarlehre). Во вторыхъ, какъ теорія научныхъ методовъ, логика должна была бы всетаки признать рядомъ съ собою особую науку о познаніи вообще, хотя бы и подъ другимъ именемъ, напр. психологіи (главное дѣло конечно не въ названіи, а въ фактѣ). Въ третьихъ, она должна была бы породить новую обширную отрасль чисто научныхъ изслѣдованій по исторіи наукъ и знаній вообще (и это лучше всего понялъ Уэвель, у котораго «философія индуктивныхъ наукъ» является только рядомъ выводовъ изъ его обширной «исторіи индуктивныхъ наукъ»). Поэтому-то явное стремленіе къ чисто научной

обработкѣ логики, проявляющееся уже довольно давно (ср. Hoppe, Die gesammte Logik etc. Paderb., 1868, Vorrede. Delboeuf, Essai de logique scientifique. Liége, 1865; также Bailey, Theory of reasoning. Lond., 1851 и т. д.), не уменьшилось и съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого индуктивнаго направленія, а напротивъ все болѣе и болѣе возрастаетъ (ср. опыты синтеза общей логики, какъ науки, съ теоріей методовъ въ трудахъ Бэна, Джевонса: Основы науки, трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. Русс. пер. СП., 1881, Зигварта, Вундта у друг.). Оно же породило, болѣе всего другого, и быстрое развитіе новѣйшей математической логики въ Англіи (ср. особ. сочиненія Буля, Джевонса, Пирса, Макферлэна, Венна и др.). Къ сожалѣнію, симпатіи къ этому послѣднему направленію скорѣе оправдываются его внѣшнею кличкою, чѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, ибо представители его пробуютъ влить «новое вино въ старыя мѣха», т. е. приложить новый методъ анализа къ старымъ метафизическимъ понятіямъ, и такимъ образомъ менѣе другихъ школъ способны поставить логическіе вопросы на дѣйствительно научный фундаментъ. Болѣе глубокая нѣмецкая наука справедливо разсматриваетъ эту математическую логику лишь какъ неудачный опытъ новаго выраженія очень старыхъ началъ (ср. отзывъ Лотце во 2 изд. его Логики). Мы же полагаемъ даже, что эта математическая логика есть своего рода возрожденіе схоластики и что она ничуть не научнѣе той математической психологіи, какую придумала школа Гербарта. Но объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ: нашимъ желаніемъ пока было только доказать фактъ увеличивающагося стремленія къ постановкѣ логики на почву строго научныхъ принциповъ, и эта мысль кажется достаточно доказана вышеизложенными фактами.

Итакъ изъ сдѣланнаго нами двойного обзора судьбы логики вытекаетъ во 1), что разногласія и споры представителей этой науки съ теченіемъ времени дѣйствительно не уменьшаются, а прогрессивно возрастаютъ, во 2) что общею чертою развитія логики во всѣхъ ея направленіяхъ, является лишь постепенное перенесеніе центра тяжести этой «дисциплины» съ практическихъ задачъ на теоретическія. Существенными моментами перваго движенія являются: а) гегемонія одного направленія (Аристотелевскаго) надъ всѣми прочими, б) развѣтвленіе этого направленія на рядъ частныхъ (перипатетики, луллисты, рамисты), в) развивающійся контрастъ двухъ главныхъ направленій, раціоналистическаго (школа Декарта и Вольфа) и эмпирическаго (школа Бэкона), г) развѣтвленіе этихъ двухъ направленій снова на рядъ частныхъ и развитіе

многихъ логическихъ школъ (формальной, реальной, теоретико-познавательной, чисто-аристотелевской, индуктивной, математической и т. д.), д) окончательная индивидуализація направленій, вслѣдствіе новыхъ развѣтвленій этихъ школъ и стремленія примирить и согласить ихъ между собою. Существенными моментами второго движенія являются: а) перевѣсъ практическихъ задачъ логики надъ теоретическими (до начала XVII в.), связанный съ убѣжденіемъ въ способности логики руководить непосредственно всѣми направленіями познавательной дѣятельности человѣка и всѣми спеціальными дѣйствіями его ума, б) постепенное развитіе гармоніи между практическими и теоретическими задачами логики (до конца XVIII в.), связанное съ убѣжденіемъ въ необходимости болѣе глубокаго анализа познавательныхъ процессовъ и въ невозможности вмѣшательства логики во всѣ частныя проявленія умственной дѣятельности, в) перевѣсъ теоретическихъ задачъ логики надъ практическими (въ XIX в.) и стремленіе дать ей строго-научную обработку, связанное съ возбужденіемъ различныхъ новыхъ теоретическихъ вопросовъ, относящихся къ познанію и съ развитіемъ мнѣнія, что непосредственное руководство умственной дѣятельностью возможно лишь въ той или другой спеціальной ея сферѣ (напр. въ сферѣ одной только формы мышленія, или въ сферѣ одной лишь высшей ступени познанія, а именно въ сферѣ познанія научнаго, и т. д.).

Современное положеніе логики, подъ вліяніемъ этого двоякаго движенія, представляется поэтому въ слѣдующемъ видѣ: съ одной стороны, совершенное «вавилонское столпотвореніе» и безчисленныя неудачныя попытки реформы логики; съ другой стороны — общность лишь одной черты, а именно стремленія строго научно переработать теорію познавательной дѣятельности и, соотвѣтственно этому, большее или меньшее пренебреженіе къ практическимъ задачамъ.

Первый фактъ естественно долженъ привести къ желанію найти причины всеобщей путаницы понятій и неудачъ прежнихъ реформаторовъ логики и способы лучшей постановки дѣла въ будущемъ, второй — приводитъ къ вопросу, не выиграетъ ли логика отъ исключительно теоретической постановки своихъ изслѣдованій и отъ совершеннаго забвенія той практической «миссіи» между людьми, о которой она въ теченіе столькихъ вѣковъ съ гордостью мечтала? Разборомъ этихъ вопросовъ мы теперь и займемся.

Мы уже сказали, что постепенное умноженіе способовъ обработки логики является результатомъ вліянія на нее философіи, т. е. точнѣе

говоря — метафизическихъ системъ. Это — главная причина путаницы понятій. Если разобрать по частямъ любую современную логическую систему, особенно нѣмецкую, то вліяніе метафизическихъ предположеній придется признать въ каждой главѣ логики. Вся постановка анализа такъ называемыхъ «законовъ мышленія» — метафизическая; эти законы тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія, — все это обломки онтологическихъ системъ и не даромъ они ведутъ свое начало отъ Лейбница, Вольфа, Реймаруса и имъ подобныхъ метафизиковъ, а многими даже ставятся въ связь съ метафизическими изреченіями Элейцевъ, Платона и Аристотеля. Впослѣдствіи мы разберемъ внутреннее значеніе этихъ законовъ подробнѣе, а теперь достаточно сказать, что самая постановка ихъ во главѣ логическихъ изслѣдованій возможна только подъ метафизическимъ угломъ зрѣнія, т. е. благодаря извѣстнымъ метафизическимъ предположеніямъ о природѣ мышленія. Далѣе, разборъ понятій, сужденій и умозаключеній стоитъ тоже совершенно на метафизической почвѣ и является обломкомъ старыхъ теорій о реальномъ существованіи идей и о ихъ прирожденности въ нашемъ умѣ. Тутъ поневолѣ сказывается опять вліяніе метафизическихъ системъ — и Аристотеля, и Платона, и Декарта, и Вольфа, не говоря уже о другихъ второстепенныхъ вліяніяхъ того же рода. Но этого мало: даже понятія индукціи и дедукціи содержатъ въ себѣ множество метафизическихъ отложеній и находятся въ тѣсной связи съ средневѣковымъ ученіемъ о силлогизмѣ и съ метафизическими воззрѣніями на отношенія понятій, сужденій и выводовъ. О второстепенныхъ элементахъ современныхъ логическихъ системъ мы уже не говоримъ. Всѣ эти понятія: «опредѣленія, дѣленія, доказательства, анализа и синтеза, истины и заблужденія, метода и системы» и т. д., — все это своего рода метафизическія «сущности», которыя традиція окружила извѣстнымъ обаяніемъ и съ которыми представители логической науки обращаются, какъ съ величинами, извѣстными a priori, и реальное содержаніе которыхъ конечно не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. И сколько съ каждымъ изъ этихъ понятій соединено метафизическихъ ассоціацій, сколько въ каждомъ изъ нихъ лежитъ осадковъ добраго стараго времени — господства отвлеченной фантазіи, — какія только имена, начиная съ Сократа, Платона и Аристотеля, и кончая Вольфомъ, Кантомъ и Гегелемъ, не связаны съ ихъ судьбою! Можно ли удивляться послѣ того, что каждый писатель, смотря по своимъ метафизическимъ сочувствіямъ, даетъ каждому изъ упомянутыхъ, главныхъ и второстепенныхъ, понятій,

въ отдѣльности взятыхъ и въ связи другъ съ другомъ, особое толкованіе?

Такимъ образомъ, важнѣйшею причиною путаницы понятій въ логикѣ является бо́льшая или меньшая зависимость всѣхъ общихъ логическихъ теорій и частныхъ логическихъ опредѣленій отъ тѣхъ или другихъ метафизическихъ системъ древности и новаго времени. А отсюда уже не трудно объяснить и причину неудачи всѣхъ прежнихъ реформаторовъ логики. Желая примирить и согласить готовыя понятія, имѣющія свое основаніе въ самыхъ разнообразныхъ метафизическихъ предположеніяхъ и догматахъ, они естественно берутъ на себя задачу невыполнимую и совершенно непроизводительную: изъ сочетанія и приспособленія другъ къ другу традиціею освященныхъ, но ложныхъ или же фантастическихъ, идей — конечно ничего сильнаго, могучаго, органически цѣльнаго и потому способнаго къ жизни и развитію, не можетъ произойти. Хаосъ понятій, съ каждою попыткою реформы, основанною на такомъ принципѣ, лишь увеличивается, и къ старымъ противорѣчіямъ и разногласіямъ присоединяются все новыя и новыя.

Внутреннимъ, психологическимъ, мотивомъ для такого эклектическаго метода переработки логики, является конечно та самая вѣра въ авторитеты и привязанность къ традиціямъ, которую такъ смѣло и безповоротно осудилъ еще Бэконъ. Все тѣ же и все новые враги умственнаго прогресса человѣчества, а въ сущности врагъ только одинъ, но скрывающійся подъ весьма различными формами. Этотъ врагъ есть преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума. Оно служитъ, прежде всего, причиною возведенія отдѣльныхъ представителей мысли въ степень геніевъ и непогрѣшимыхъ судей, передъ мнѣніями которыхъ и преклоняется затѣмъ толпа, забывая что никто и ничто, кромѣ нея самой, не ставило передъ нею этихъ «идоловъ знанія». Оно же служитъ потомъ, съ ослабленіемъ довѣрія къ отдѣльнымъ личностямъ, причиною преклоненія человѣка передъ «массовыми движеніями» человѣческой мысли, основанное на убѣжденіи, что если столько и столько поколѣній людей что-либо думали и считали истиною, то тутъ должна быть заключена, если не вся правда, то хоть значительная часть ея, при чемъ забываются уроки исторіи: заблужденія алхимиковъ, предразсудки схоластическихъ мудрецовъ и другіе подобные образцы «инстинктивной непогрѣшимости» мыслящихъ массъ. Но то же преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума выражается и въ другихъ, безличныхъ, формахъ: оно лежитъ и въ основаніи деспотизма языка

и гибельнаго вліянія традицій, связанныхъ съ «словами»; оно же обусловливаетъ и безсознательное подчиненіе авторитету школы, литературныхъ нравовъ и модныхъ пріемовъ изслѣдованія. Наконецъ, имъ же объясняется и преувеличенное современное благоговѣніе къ авторитету не только безличной, но и отвлеченной, единицы — «науки». Въ средніе вѣка для многихъ мыслителей послѣднимъ аргументомъ были слова «онъ такъ говоритъ», при чемъ подразумѣвался авторитетъ Аристотеля. Позднѣе, съ развитіемъ множества философскихъ школъ, чаще стали употреблять выраженіе «они такъ говорятъ», — разумѣя цѣлый рядъ представителей той или другой школы (номиналистовъ, идеалистовъ сенсуалистовъ, матеріалистовъ, наконецъ позитивистовъ). Въ настоящее время безпрестанно восклицаютъ: «она, т. е. наука, то или другое утверждаетъ», при чемъ этотъ авторитетъ, самой новѣйшей формаціи, имѣетъ иногда тоже весьма двусмысленное значеніе.

Противъ авторитета ума или мысли человѣческой вообще конечно не способна бороться никакая теорія: противъ него боролся правда скептицизмъ, но въ концѣ концевъ всегда безуспѣшно. Вѣра въ авторитетъ мысли дана человѣку самою природою его или, вѣрнѣе говоря, развивается съ необходимостью изъ самой его организаціи. Но человѣкъ не долженъ забывать, что для нея существуетъ только одна законная форма — это довѣріе къ собственной мысли, сознательно и критически направляемой на всестороннее изученіе того или другого предмета, и что объективнымъ авторитетомъ, который могъ бы сдѣлать обязательною мою мысль для всѣхъ другихъ людей, могутъ служить только матеріальные факты, на которыхъ она основана. Глубокомысленные метафизики, какъ и подобаетъ, конечно назовутъ это утвержденіе выраженіемъ «наивнаго міросозерцанія», ссылаясь на шаблонное мнѣніе, что внѣшній опытъ насъ обманываетъ и передаетъ явленія въ искаженномъ и субъективно-переработанномъ видѣ. Однако предположивъ даже пока, что это шаблонное мнѣніе справедливо, нельзя же отрицать факта, что въ оцѣнкѣ данныхъ внѣшняго опыта, на чемъ бы она въ концѣ концевъ ни основывалась, согласіе всѣхъ людей, при опредѣленныхъ условіяхъ этого опыта, совершенно неизбѣжно и вполнѣ обезпечено. Напротивъ — всякая мысль, внѣ аппарата фактовъ, тѣми или другими людьми непремѣнно оспаривается. А если такъ, то ссылка на чьи либо мысли, т. е. мотивировка своихъ выводовъ авторитетами лицъ, школъ и направленій, въ условномъ смыслѣ можетъ быть допущена только тамъ, гдѣ эти мысли служатъ лишь символами всѣмъ

извѣстнаго и прочно установленнаго конкретнаго содержанія, а имена лицъ и названія школъ въ свою очередь — символами такихъ именно мыслей, служащихъ лишь формулами для выраженія всѣми признанныхъ объективныхъ фактовъ. Въ наукахъ же, въ которыхъ ничего, кромѣ мыслей, нѣтъ, или въ которыхъ незначительное фактическое содержаніе является лишь внѣшнею оболочкою, прикрывающею ту или другую систему «мыслей», — въ этихъ наукахъ ссылка на авторитеты — праздная забава, вѣра же въ доказательную силу именъ — самое наивное заблужденіе. Потому-то всѣ опыты реформы логики, основанные на стремленіи согласить и примирить Аристотеля, Канта, Бэкона, Милля и другихъ знаменитыхъ представителей этой науки, не могли быть удачны. Всѣ эти авторитеты въ сущности взаимно другъ друга уничтожаютъ и, кромѣ того, въ каждой спеціальной логической теоріи каждаго изъ этихъ философовъ, отражается цѣльное общее міросозерцаніе, основанія котораго совершенно различны отъ основаній другихъ общихъ міросозерцаній, такъ что соединить оторванные элементы различныхъ системъ въ одно цѣлое конечно можно только механически. На этомъ пріемѣ серіозную реформу основать нельзя: оттого и неудачи, постигавшія до сихъ поръ всѣхъ новѣйшихъ преобразователей логики.

Но что же дѣлать, въ такомъ случаѣ, будущимъ представителямъ этой науки? Какъ избѣжать хаоса и путаницы? Для этого существуетъ два пути. Кто вѣритъ въ будущность философіи, какъ метафизики, и благоговѣетъ передъ прежними ея представителями, тотъ можетъ избрать себѣ, по своему вкусу, любую изъ существующихъ метафизическихъ системъ, а съ нею вмѣстѣ и соотвѣтствующую ей, послѣдовательно развитую, логическую теорію и исповѣдывать эту послѣднюю, разработывая ее въ частностяхъ и откровенно называя себя аристотеликомъ, кантіанцемъ, гегеліанцемъ, миллевцемъ (ибо логика Милля тоже основана на цѣлой системѣ метафизическихъ предположеній) и т. д. Выборъ въ этомъ случаѣ весьма обширенъ и едва ли даже можетъ встрѣтиться надобность въ изобрѣтеніи собственной метафизической системы, такъ какъ по крайней мѣрѣ всѣ главныя метафизическія точки зрѣнія конечно уже исчерпаны сотнями прежнихъ мыслителей. Но кто въ такую будущность философіи не вѣритъ, кто науку противуполагаетъ метафизикѣ и кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ фактѣ, что прошедшее логики смутно, настоящее хаотично, а задачи будущаго еще вовсе не опредѣлены, — тотъ долженъ конечно подвергнуть

отрицанію все прошлое этой науки и, вооружившись сомнѣніемъ по отношенію ко всѣмъ безусловно понятіямъ и терминамъ, хотя бы кажущимся на первый взглядъ совершенно естественными и законными, долженъ начать всю работу снова, и притомъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ.

Изъ указанныхъ двухъ путей, мы лично попробуемъ избрать послѣдній, потому что первый, по нашему мнѣнію, не можетъ привести ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ. Но въ такомъ случаѣ на нашей обязанности лежитъ, прежде всего, опредѣлить упомянутыя новыя основанія и методы логическаго анализа, при помощи которыхъ хаосу, нынѣ господствующему, могъ бы быть положенъ конецъ.

Для этого начнемъ съ обсужденія поставленнаго выше второго вопроса о томъ, не выиграетъ ли логика отъ чисто теоретическаго изученія своего предмета, связаннаго съ временнымъ забвеніемъ ея практической миссіи. Что такое забвеніе возможно и никому не принесетъ вреда, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: не только въ житейской своей практикѣ люди прекрасно обходятся безъ правилъ мышленія и даже, будучи знакомы съ этими послѣдними, никогда ими не пользуются; но и въ спеціальной области научнаго познанія, которое является высшимъ воплощеніемъ «искусства познанія», изслѣдованіе никогда не прибѣгаетъ къ спеціальнымъ пріемамъ, рекомендуемымъ логическими системами, а если и прибѣгаетъ, то совершенно безсознательно и независимо отъ этихъ послѣднихъ. Этому утвержденію повидимому противорѣчатъ два факта: 1) отзывы нѣкоторыхъ естествоиспытателей о пользѣ, какую имъ принесла логика, и 2) признаваемое обыкновенно вліяніе логическихъ теорій на ходъ развитія научныхъ изслѣдованій вообще; но къ обоимъ этимъ фактамъ надо отнестись критически. Что касается до упомянутыхъ отзывовъ естествоиспытателей, то во первыхъ можно отчасти усумниться въ ихъ искренности. Такъ напр. извѣстнѣе всего отзывъ Либиха, въ его «органической химіи», о пользѣ, которую ему принесло изученіе логики Милля (Либихъ въ этомъ отзывѣ утверждаетъ даже, что всѣ его открытія суть только приложенія совѣтовъ и указаній Милля); но тотъ же Либихъ, какъ мы узнаемъ изъ логической монографіи профессора Гоппе, одного изъ самыхъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей логики въ наше время (Die Analogie. Berl., 1873, S. 5), говорилъ лично ему, Гоппе, что изъ сочиненія Милля не могъ извлечь ясныхъ представленій и освѣжающаго пониманія предмета

(keine Klarheit, kein erquickendes Verständniss), — и тотъ, кто самъ критически изучалъ Милля, скорѣе пойметъ это послѣднее утвержденіе, чѣмъ первое. Такъ же правдивы, можетъ быть, и другіе подобные отзывы, не говоря уже о томъ, что они могутъ имѣть цѣну лишь въ устахъ ученыхъ, дѣйствительно открывшихъ что-нибудь важное въ своей наукѣ, а такихъ, какъ извѣстно, не такъ много и большинство изъ нихъ о логикѣ имѣетъ самое смутное представленіе. Кромѣ того, во вторыхъ, если бы даже и повѣрить искренности упомянутыхъ единичныхъ отзывовъ, то пользу изученія логическихъ системъ тѣми или другими представителями спеціальныхъ наукъ можно объяснять себѣ различно. Можно напр. предположить, что не столько отдѣльныя предписанія и совѣты представителей логики, сколько общее размышленіе о познавательныхъ отправленіяхъ человѣка, вызванное чтеніемъ произведеній этихъ лицъ, оказало благотворное вліяніе на спеціальныя изслѣдованія даннаго ученаго и вызвало бо́льшую сознательность и осмотрительность его пріемовъ; но въ такомъ случаѣ конечно отъ строго теоретической и научной постановки самыхъ логическихъ изслѣдованій дѣло только можетъ выиграть, ибо отъ такой постановки логическій анализъ сдѣлается еще глубже и будетъ наводить на еще болѣе серіозныя размышленія. Почти тѣ же соображенія приложимы и къ вопросу о вліяніи логическихъ теорій на прогрессъ наукъ вообще. Во первыхъ, еще далеко нерѣшеннымъ является споръ о томъ, вызывали ли въ прошломъ новыя теоріи о методахъ новыя, лучшія, направленія научныхъ изысканій, или же, на оборотъ, именно изъ обобщенія этихъ новыхъ, уже созрѣвающихъ направленій научнаго анализа возникали упомянутыя новыя теоріи методовъ. Въ примѣненіи къ Бэкону извѣстны мнѣнія по этому предмету того же Либиха, Лассона и другихъ критиковъ, отрицающихъ могущественное вліяніе Бэкона на прогрессъ естествознанія. Въ примѣненіи къ Конту и къ Миллю противуположное мнѣніе тоже не доказано, ибо оба они были скорѣе систематизаторами методовъ, ранѣе и независимо отъ нихъ привившихся въ наукѣ, чѣмъ изобрѣтателями совершенно новыхъ и никому еще неизвѣстныхъ принциповъ изслѣдованія. А затѣмъ, если даже и признать нѣкоторое вліяніе всѣхъ такихъ теорій о методахъ на прогрессъ тѣхъ или другихъ наукъ, то опять степень непосредственности этого вліянія представляетъ новый спорный пунктъ, и задаешь себѣ невольно вопросъ, не выиграетъ ли это вліяніе еще болѣе отъ строго теоретической и научной постановки логическаго анализа? Вѣдь если предположить возможность такой

постановки логическаго анализа, при которой онъ могъ бы дать впослѣдствіи результаты столь же несомнѣнные и общепризнанные, какъ и въ другихъ спеціальныхъ наукахъ, то нельзя сомнѣваться, что съ пріобрѣтеніемъ такихъ результатовъ, каждый спеціалистъ, изучая логику, съумѣетъ и самъ вывести изъ теоріи рядъ практическихъ правилъ, приложимыхъ къ области его изслѣдованій. Наконецъ, предположивъ даже, что благотворное вліяніе прежнихъ логическихъ ученій на отдѣльныхъ изслѣдователей и на общее развитіе науки вполнѣ доказано, тогда тѣмъ болѣе возможно хоть на время отложить разработку практическихъ вопросовъ, предоставивъ спеціальныя науки вліянію прежнихъ ученій о методахъ, которыя во всякомъ случаѣ не принесли вреда этимъ наукамъ.

Стало быть, возможность поставить логику, въ настоящее время, на совершенно теоретическую почву, безъ ущерба для человѣчества и для прогресса знаній, не подлежитъ сомнѣнію. Но не трудно доказать и то, что такая постановка логическаго анализа не только возможна, но и необходима — по меньшей мѣрѣ въ настоящее время. Отрицать безусловно, что, съ пріобрѣтеніемъ правильной теоріи методовъ познанія, научный анализъ въ будущемъ вообще можетъ выиграть и прогрессъ знаній можетъ увеличиться, конечно было бы странно. Познавательная дѣятельность въ наукахъ есть несомнѣнно своего рода «искусство», ибо пріемы ея не составляютъ общаго, природнаго достоянія всѣхъ людей, а пріобрѣтаются лишь постепенно навыкомъ и обученіемъ, а тамъ, гдѣ есть искусство, возможна конечно и «теорія искусства», т. е. систематическое руководство «правилами» Но чтобы дать твердыя и неопровержимыя основанія такой теоріи искусства, надо же опредѣлить прежде всего окончательно границу самого искусства познанія, т. е. выяснить предѣлы между естественной и искусственной познавательной дѣятельностью и, параллельно, между непроизвольнымъ и произвольнымъ мышленіемъ. Надо выяснить далѣе окончательно — не только общую сумму вліянія воли на мышленіе, но и частные способы такого вліянія. Надо рѣшить безповоротно, можетъ ли умъ сознательно избѣгать ошибокъ въ своей дѣятельности, или нѣтъ, и, если можетъ, то какими путями — прямыми или косвенными? Да и что́ такое ошибки и заблужденія ума, отчего онѣ зависятъ и какъ далеко онѣ идутъ, — что́ такое истина, какъ цѣль знанія, что́ такое очевидность и логическая необходимость? Все это пока еще вопросы и вопросы, и пока эти вопросы не разрѣшены, конечно

еще не возможна вполнѣ сознательная и для всѣхъ обязательная теорія искусства познанія. Формальная логика учитъ напр., какъ соединять сужденія, чтобы избѣгнуть ошибокъ въ выводахъ; но какой смѣшной ироніей отзываются эти правила, если подумать, сколько разъ наука должна была отказываться отъ выводовъ, казавшихся безусловно всѣмъ представителямъ ея въ извѣстную эпоху послѣднимъ и абсолютно достовѣрнымъ результатомъ изслѣдованій. Да и сама логика, вырабатывающая эти правила, обезпечена ли хоть она отъ ошибочныхъ выводовъ? На это самымъ лучшимъ отвѣтомъ является нынѣшное хаотическое состояніе ея, разсмотрѣнное выше. Не даромъ нѣкоторые логическіе писатели находятъ всѣ упомянутыя правила нелѣпыми и безполезными, и, справедливо отрицая возможность ошибокъ въ самомъ «процессѣ» мышленія, всѣ заблужденія ума объясняютъ матеріальными причинами (ср. Шуппе). Но если такъ, то какія же логическія правила вообще могутъ быть приложимы и въ чемъ должно состоять руководство искусствомъ познанія? Всѣ подобные вопросы очевидно разрѣшимы только на почвѣ строго научнаго изслѣдованія, предполагающаго временное пренебреженіе всѣми непосредственными практическими задачами, которыя способны лишь тормозить безпристрастное научное изученіе предмета и отвлекать его отъ ближайшихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, необходимость временнаго устраненія изъ логики всѣхъ практическихъ тенденцій очевидна. Но этого мало: если считать логику «наукою», то не только временно, но и на всегда придется эти тенденціи признать чуждыми ей. Дѣло въ томъ, что понятіе «науки практической» заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Конечно de facto это понятіе еще всецѣло господствуетъ въ практикѣ почти всѣхъ сферъ знанія; но если припять во вниманіе современные принципы научнаго изслѣдованія, то придется признать дилемму, что: или науки не могутъ и не должны имѣть практическихъ цѣлей, или же онѣ совершенно ложно понимаютъ свои задачи. Въ виду плодотворныхъ результатовъ, ежедневно подтверждающихъ мысль, что современныя науки находятся на вѣрномъ пути развитія, первое предположеніе конечно вѣроятнѣе; вѣроятнѣе оно и въ виду общаго закона раздѣленія труда. Науки разумѣется имѣютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если онѣ рано или поздно могутъ быть приложены къ жизни и могутъ служить источникомъ увеличенія человѣческаго счастія и благосостоянія, физическаго или нравственнаго. Но, съ развитіемъ дѣятельности человѣка, непосредствен-

ное служеніе счастію и благосостоянію человѣчества приняли на себя искусства. Это первое раздѣленіе труда: изъ него вытекало, что науки могутъ служить жизни только чрезъ посредство искусствъ; но зато онѣ обязаны были, въ этомъ стадіи развитія, руководить искусствами. Взаимодѣйствіе искусствъ и наукъ поэтому сперва было прямое: науки всѣ de jure были практическими и обучали искусства; искусства же обучались непосредственно у наукъ. Но, съ дальнѣйшимъ развитіемъ искусствъ и наукъ, наступила потребность новаго раздѣленія труда, которое теперь именно и совершается. Во первыхъ, съ увеличеніемъ отвлеченности и сложности выводовъ наукъ, для искусствъ стало трудною задачею услѣдить за быстрымъ прогрессомъ научныхъ знаній, — не говоря уже о томъ, что, съ осложненіемъ собственныхъ ихъ пріемовъ, для изученія всѣхъ нужныхъ наукъ у нихъ не стало хватать времени. Во вторыхъ, и обратно: съ осложненіемъ искусствъ, для наукъ сдѣлалось невозможнымъ услѣдить за разнообразными потребностями этихъ послѣднихъ и своевременно удовлетворять ихъ нуждамъ; а кромѣ того и осложненіе собственныхъ вопросовъ, пріемовъ и цѣлей все болѣе и болѣе отвлекаетъ научное изслѣдованіе отъ интересовъ практической сферы. Можно даже сказать болѣе, что соображенія съ практикою прямо противорѣчатъ основнымъ принципамъ нынѣшней науки, ибо эта наука, наученная опытомъ вѣковыхъ заблужденій, приняла за основаніе: постепенно и медленно, но точно и строго сознательно подвигаться на пути изученія природы и изслѣдовать, если потребуется, даже то, что̀ повидимому не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, лишь бы могли лучше выясниться законы разбираемыхъ ею явленій. Практика же съ этими принципами конечно мириться не можетъ: дѣйствительная жизнь не останавливается и ждать не можетъ. Она требуетъ «быстроты и натиска», и того, что̀ разъ упущено въ практической сферѣ, весьма часто уже не нагонишь. Поэтому искусствамъ нужно немедленное руководство, хотя бы только приблизительное и временное, такъ сказать палліативное. Болѣзнь напр. не можетъ ждать, пока естественныя науки откроютъ истинную природу процессовъ, ее вызывающихъ, и опредѣлятъ свойства и особенности микрококковъ, развивающихся въ больныхъ органахъ: для нея тотчасъ нужны лекарства, хотя бы не было еще рѣшено, въ какой мѣрѣ дѣйствіе ихъ радикально. Отсюда вездѣ, рядомъ съ науками, въ настоящемъ смыслѣ слова, и съ искусствами, имъ соотвѣтствующими, обозначаются все рельефнѣе и яснѣе особыя дисциплины. Пока ихъ

тоже еще называютъ «науками», и потому напр., рядомъ съ естественными науками, говорятъ о наукахъ медицинскихъ. Но эта терминологія основана на грубомъ недоразумѣніи: выработка практическихъ правилъ, какъ мы показали, несовмѣстима съ задачами настоящихъ наукъ и ихъ методами, и потому, если не хотѣть употреблять терминъ «науки» въ двухъ противорѣчивыхъ значеніяхъ, то надо для новыхъ посредствующихъ дисциплинъ[1]), образующихся повсемѣстно между науками и искусствами, въ точномъ значеніи этихъ словъ, придумать новое понятіе, а соотвѣтственно этому отчасти переработать и ихъ содержаніе. Такимъ понятіемъ всего удобнѣе признать уже упомянутое понятіе «теорій искусствъ». Медицинскія науки, въ тѣсномъ значеніи этого слова, суть теоріи искусствъ; многія такъ называемыя юридическія науки суть тоже теоріи искусствъ; технологія есть совокупность теорій искусствъ, агрономія есть теорія искусства, грамматика также и проч. (мы уже не говоримъ объ общепризнанныхъ теоріяхъ искусствъ музыки, живописи, архитектуры, ваянія и т. д.). Слѣдовательно о «практическихъ наукахъ» можно говорить лишь въ переносномъ смыслѣ и, если признать правильность современной идеи о «научномъ изслѣдованіи», то понятіе практическихъ наукъ придется совсѣмъ отвергнуть. А въ такомъ случаѣ конечно придется предпринять серіозную очистку содержанія наукъ отъ всякихъ практическихъ примѣсей и, на оборотъ, исключить изъ теорій искусствъ всѣ строго научныя задачи. Вообще же, съ изложенной точки зрѣнія, окажется необходимымъ различать тройкій родъ изученія дѣйствительности: чисто теоретическій — въ наукахъ, теоретико-практическій — въ теоріяхъ искусствъ и чисто практическій — въ искусствахъ. Эти три рода изученія имѣютъ и цѣли различныя (истолкованіе природы, выработка правилъ дѣятельности, усвоеніе самого механизма этой послѣдней), и объекты различные (природа въ наукахъ, выводы науки и пріемы искусства въ теоріяхъ искусствъ, правила этихъ послѣднихъ и механизмъ самой дѣятельности въ искусствахъ), и пріемы или средства различные (наблюденіе, экспериментъ и анализъ — въ наукахъ, пассивное усвоеніе и синтезъ — въ теоріяхъ искусствъ, упражненіе въ самой

---

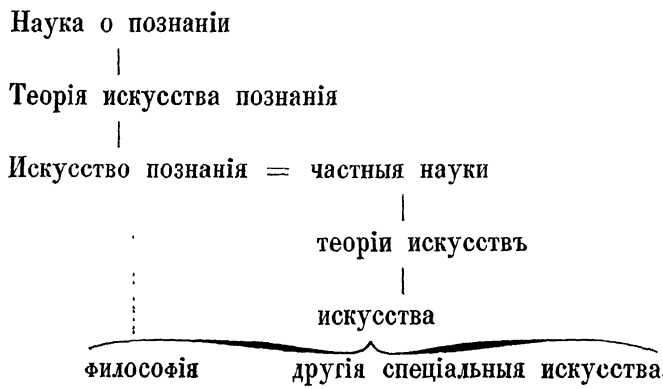
[1]) Посредствованіе или посредничество между производителями и потребителями признано неизбѣжнымъ зломъ даже при обращеніи «матеріальныхъ предметовъ», — на сколько же важнѣе оно въ сферѣ гораздо болѣе сложнаго производства и потребленія «идей» (въ наукахъ и искусствахъ)!

дѣятельности, соединенное съ творчествомъ, — въ искусствахъ). Въ настоящее время конечно едва ли можно сразу провести это разграниченіе во всѣхъ мелочахъ и частностяхъ; но, съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній и дѣятельности человѣка, оно разовьется само собою и войдетъ несомнѣнно въ общіе нравы и обычаи.

Но если такъ, то и науку о познаніи должно различать отъ теоріи искусства познанія и, при рѣшеніи вопроса о задачахъ логики, мы неизбѣжно очутимся передъ новой дилеммой, а именно, что эта послѣдняя должна быть: или «наукою о познаніи» или «теоріею искусства познанія», — тѣмъ и другимъ вмѣстѣ она ни теперь, ни впослѣдствіи быть не можетъ, если только хочетъ развиваться безпрепятственно и вполнѣ сознательно. Прежде однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой дилеммы, которая ставитъ насъ лицемъ къ лицу съ совершенно новою точкою зрѣнія, обратимъ вниманіе еще на одну черту въ отношеніи наукъ, искусствъ и теорій искусствъ. Отношеніе это, при ближайшемъ анализѣ, оказывается болѣе сложнымъ, чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что признаніе особой науки о познаніи, какъ и теоріи искусства познанія, заставляетъ смотрѣть на самыя науки какъ на извѣстнаго рода искусства, а съ тѣмъ вмѣстѣ, повидимому, даже общій контрастъ наукъ и искусствъ можетъ показаться несущественнымъ. А тутъ еще является соображеніе объ упомянутомъ выше контрастѣ науки и философіи, при которомъ эта послѣдняя, какъ мы уже замѣтили, должна быть тоже признана искусствомъ, ибо служитъ субъективнымъ потребностямъ человѣка и старается удовлетворить его чувствамъ. Какъ распутаться въ этихъ перекрестныхъ отношеніяхъ, не отвергнувъ ближайшихъ результатовъ анализа?

Для этого прежде всего надо имѣть въ виду различіе искусства въ тѣсномъ — отъ искусства въ широкомъ смыслѣ слова. Въ широкомъ смыслѣ слова, и науки, и теоріи искусствъ суть «искусства», ибо созидаются искусственными пріемами и искусственною дѣятельностью человѣка вообще; но въ тѣсномъ смыслѣ подъ искусствами, въ ихъ противуположеніи наукамъ и теоріямъ искусствъ, можно разумѣть лишь тѣ искусства, которыя непосредственно служатъ «субъективнымъ» потребностямъ человѣка. Изъ такихъ искусствъ «непосредственныхъ» произошли постепенно, по принципу раздѣленія труда, и искусства «посредственныя» (посредствомъ другихъ искусствъ служащія потребностямъ жизни), т. е. науки, а затѣмъ и теоріи искусствъ. Такимъ

посредственнымъ искусствамъ могутъ служить тоже въ свою очередь особыя теоріи искусствъ и особыя науки, и къ таковымъ относятся именно теорія искусства познанія и наука о познаніи. Философія же выдѣлилась изъ наукъ и должна присоединиться къ «непосредственнымъ» искусствамъ обратнымъ путемъ, а именно путемъ устраненія изъ наукъ всѣхъ еще бывшихъ въ нихъ непосредственныхъ или субъективныхъ элементовъ въ особую дисциплину. Всѣ указанныя сложныя отношенія можно наглядно выразить слѣдующею схемою, изображающею конечно не status quo, а предполагаемое идеальное отношеніе моментовъ искусственной человѣческой дѣятельности:



Но впрочемъ и эта схема далеко еще не разъясняетъ всѣхъ возможныхъ сложныхъ отношеній между видами человѣческой дѣятельности, ибо наука о познаніи въ свою очередь опирается на другія частныя науки (напр. психологію) и, какъ своего рода искусство, повидимому опять можетъ требовать особой теоріи искусства; философія, какъ особое искусство познанія, разумѣется предполагаетъ тоже особую теорію искусства познанія, которая можетъ быть находится въ родствѣ съ «общею» теоріею искусства познанія, и т. д. Тѣмъ не менѣе мы пока удовлетворимся предложенною схемою (къ этимъ вопросамъ мы еще воротимся), ибо знаемъ теперь общій методъ разъясненія указанныхъ сложныхъ отношеній и можемъ быть увѣрены, что и при дальнѣйшемъ его приложеніи не придется жертвовать признаннымъ выше и вполнѣ естественнымъ различіемъ наукъ, искусствъ и теорій искусствъ.

Итакъ, усвоивъ себѣ мысль, что цѣли, объекты и методы изученія дѣйствительности — въ наукахъ, въ теоріяхъ искусствъ и въ искус-

ствахъ совершенно различны, мы должны были вмѣстѣ съ тѣмъ признать дилемму, что логика можетъ быть только: или наукою о познаніи, или теоріею искусства познанія, а никакъ не тѣмъ и другимъ вмѣстѣ[1]). Это, какъ уже сказано, приводитъ насъ къ новой точкѣ зрѣнія: если даже согласиться, что въ наше время на первомъ планѣ должна стоять наука о познаніи, что спеціалисты другихъ наукъ могутъ временно обойтись безъ руководства теоріи искусства познанія и что, безъ предварительнаго разрѣшенія цѣлаго ряда чисто научныхъ вопросовъ, послѣдняя не можетъ быть поставлена на твердыя основанія, то, признавая въ то же время возможность и необходимость разграниченія науки о познаніи отъ теоріи искусства познанія, можно спросить себя, зачѣмъ намъ понадобилось называть «логикою» именно упомянутую науку о познаніи, а не отдѣленную отъ нея будущую теорію искусства познанія? Не лучше ли было бы поступить на оборотъ, а именно, признавъ логикой будущую теорію искусства познанія, выдѣлить изъ нея въ другую науку, напр. психологію, всѣ чисто научные вопросы, и отложивъ построеніе такой логики до разрѣшенія этихъ научныхъ вопросовъ, заняться послѣдними подъ именемъ «психологіи»? Вопросъ этотъ конечно формальный — это вопросъ не о дѣлѣ, а о словахъ, ибо — въ какомъ бы смыслѣ мы ни употребляли терминъ логики — всетаки, на основаніи всего вышеизложеннаго, придется признать необходимость ближайшей, чисто научной постановки тѣхъ вопросовъ, которые прежде входили въ содержаніе такъ называемой логики. Однако всёже остается фактомъ, что мы лично называли до сихъ поръ совокупность этихъ вопросовъ и соотвѣтствующихъ имъ изслѣдованій — логикой, а не психологіей, или какъ-нибудь иначе, а потому должно объяснить мотивы, руководившіе такой нашей терминологіей.

Психическій міръ, какъ и міръ физическій, состоитъ изъ двоякаго рода элементовъ — статическихъ и динамическихъ, ибо и въ томъ и другомъ можно различать данный матеріалъ отъ процессовъ его измѣненія, развитія и осложненія. Въ мірѣ физическомъ статическими элементами являются данные элементы внѣшняго опыта, такъ называемыя тѣла, явленія, силы; динамическими — процессы превращенія болѣе простыхъ тѣлъ, явленій и силъ въ болѣе сложныя. Въ мірѣ

---

[1]) Искусствомъ же познанія въ полномъ смыслѣ слова, какимъ многіе ее считали въ древности и въ средніе вѣка, она не можетъ быть, какъ скоро таковымъ является философія.

психическомъ мы находимъ, параллельно, при посредствѣ такъ называемаго внутренняго опыта, точно также: 1) данныя простыя или сложныя явленія сознанія и 2) процессы ихъ развитія и осложненія, т. е. превращенія другъ въ друга. Конечно контрастъ статическихъ и динамическихъ элементовъ болѣе или менѣе относите лепъ, ибо во первыхъ тѣ и другіе всегда существуютъ совмѣстно, а во вторыхъ то, что съ одной стороны представляется элементомъ динамическимъ, съ другой точки зрѣнія можетъ оказаться элементомъ статическимъ, а именно въ отношеніи къ другимъ динамическимъ элементамъ (такъ «явленія и силы» по отношенію къ «тѣламъ» суть элементы динамическіе, а по отношенію къ сложнымъ перемѣнамъ, называемымъ «процессами», считаются сами элементами статическими); но тѣмъ не менѣе научный анализъ, имѣющій дѣло съ извѣстной совокупностью фактовъ внѣшняго опыта, никогда не смѣшиваетъ въ ней этихъ двухъ сторонъ. Поэтому, почти по отношенію къ каждой области физическаго міра различаются науки двоякаго рода, а именно: 1) изслѣдующія статическіе элементы данной сферы опыта и 2) изслѣдующія динамическіе элементы той же сферы опыта; на этомъ основаніи напр. химія противуполагается физикѣ, анатомія растеній и животныхъ — ихъ физіологіи, и т. д. Но если таково отношеніе наукъ въ физическомъ мірѣ, то нельзя не признать необходимымъ и законнымъ такое же отношеніе ихъ и въ мірѣ психическомъ. Психологія, какъ свидѣтельствуетъ вся ея прошлая исторія, до сихъ поръ всегда сосредоточивала свое вниманіе на анализѣ статическихъ элементовъ сознанія; оттого — ея прежнія, усилія опредѣлить сущность души, природу ея частей, силъ или способностей; отсюда и болѣе новый ея сюжетъ — описаніе и изслѣдованіе отношеній между данными «явленіями» сознанія; «процессы развитія» явленій она всегда изслѣдовала лишь мимоходомъ, да и то всегда была склонна разсматривать ихъ въ свою очередь какъ какія-то сущности или явленія (ср. понятія памяти, воображенія и другія подобныя); такимъ образомъ она всегда была по преимуществу «анатоміей» сознанія. Но рядомъ съ этимъ всегда существовали науки, которыя изслѣдовали динамическую сторону сознанія, т. е. такъ называемую психическую «дѣятельность». Такъ напр. этика изслѣдовала субъективную или «нравственную» дѣятельность человѣка, т. е. дѣятельность, направленную къ развитію субъективныхъ явленій сознанія (особенно стремленій и желаній); логика же изслѣдовала, наоборотъ, дѣятельность или совокупность процессовъ, направленныхъ къ развитію

объективныхъ явленій сознанія (ощущеній и идей), или, говоря иначе, «познавательную» дѣятельность. Эти двѣ науки въ свою очередь всегда касались «статическихъ элементовъ» сознанія только мимоходомъ для разъясненія природы «процессовъ», и потому обнаруживали обратную, сравнительно съ психологіей, наклонность — разсматривать явленія сознанія какъ процессы (такъ логика долго смотрѣла на «понятія», какъ на особые «процессы» мышленія; этика, съ той же динамической точки зрѣнія, часто разсматривала «чувства» какъ «процессы» и т. д.). Логика и этика, слѣдовательно, всегда брали на себя скорѣе задачу «физіологіи» сознанія. Уничтожать этотъ естественный контрастъ, находящій себѣ объясненіе въ томъ же законѣ раздѣленія труда, о которомъ говорено было прежде, и встрѣчающій аналогію въ отношеніи физическихъ наукъ, по нашему мнѣнію не представляется никакой надобности: съ дальнѣйшимъ развитіемъ наукъ о сознаніи, онъ пріобрѣтетъ еще болѣе серіозную цѣну и будетъ служить весьма удобнымъ принципомъ для классификаціи содержанія и пріемовъ изслѣдованій о сознаніи. Таковы соображенія, которыми мы всего болѣе руководствовались, настаивая на томъ, что именно «логика» должна быть «наукою» о познавательной дѣятельности. Впрочемъ мы впослѣдствіи еще разовьемъ эту мысль подробнѣе и даже предложимъ нѣкоторое измѣненіе въ старой терминологіи, чтобы дать указанному контрасту — анатоміи и физіологіи сознанія — болѣе прочную будущность.

Во всякомъ случаѣ вопросъ, поставленный нами выше, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что логика должна быть не только теперь, но и впослѣдствіи, наукою о познаніи, т. е. чисто теоретическимъ видомъ изученія познавательной дѣятельности. Всѣ же практическія задачи должны быть предоставлены будущей особой теоріи искусства познанія, которую по нашему мнѣнію всего удобнѣе назвать «методикой» или «методологіей»; но къ этому вопросу мы воротимся въ свое время, — теперь мы не въ правѣ его предрѣшать.

Установивъ главнымъ основаніемъ будущей логики оставленіе въ сторонѣ всѣхъ практическихъ задачъ, т. е. задачъ «выработки правилъ» познавательной дѣятельности въ той или другой ея сферѣ, мы должны выяснить теперь подробнѣе «механизмъ» этой новой чистой науки. Для этой цѣли разсмотримъ два существенные вопроса: о ея предметѣ и о ея методахъ.

До сихъ поръ мы предполагали общій предметъ логической науки извѣстнымъ; намъ могутъ возразить однако, что и о предметѣ логики

было не мало споровъ и разногласій. Это совершенно справедливо; но еще справедливѣе то, что эти споры и разногласія оправдываются именно лишь съ практической точки зрѣнія, т. е. лишь въ томъ случаѣ, если логику понимать какъ «теорію искусства познанія», — ибо съ этой точки зрѣнія опредѣленіе предмета логики зависитъ вполнѣ отъ мнѣнія о томъ, какіе виды или какія стороны познавательной дѣятельности нуждаются въ руководствѣ и допускаютъ это послѣднее. Философы, полагавшіе, что можно руководить мышленіемъ человѣка вообще, опредѣляли предметомъ логики «мышленіе»; философы, думавшіе, что можно руководить только формальною стороною мышленія, опредѣляли предметомъ логики анализъ «формъ» мышленія; тѣ, которые думали, что можно руководить лишь высшею ступенью познавательной дѣятельности, а именно такъ называемою научною познавательною дѣятельностью, опредѣляли предметомъ логики анализъ «методовъ» научнаго познанія, и т. д. Но если отвлечься отъ такой практической точки зрѣнія и признать логику не теоріею искусства, а наукою, то всѣ подобные споры теряютъ смыслъ и объ общемъ предметѣ логики разногласій быть не можетъ. Этимъ предметомъ должна быть «познавательная дѣятельность» вообще, со всѣхъ ея сторонъ и во всѣхъ ея проявленіяхъ. Понятіе это само конечно можетъ быть принимаемо въ различныхъ значеніяхъ; но опредѣлить точно конкретное его содержаніе и должно быть задачею науки логики, а пока нѣтъ бѣды, если каждый будетъ понимать его въ частностяхъ по своему: въ общемъ этому понятію всетаки соотвѣтствуетъ всѣмъ извѣстный, хотя и не столь рѣзко очерченный, кругъ явленій. Вѣдь точно также, когда возникла химія, и о «матеріи» имѣли весьма разнообразныя понятія и между тѣмъ всякій зналъ въ общихъ чертахъ, съ какимъ предметомъ имѣетъ дѣло упомянутая наука. Поэтому первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій; мы будемъ изслѣдовать «познавательную дѣятельность». Какихъ именно сторонъ этой послѣдней мы должны будемъ коснуться, опредѣлить еще нельзя, ибо для этого надо выяснить предварительно методы логическаго изслѣдованія. А потому къ вопросу объ этихъ методахъ или пріемахъ мы теперь и перейдемъ.

Предварительное и сознательное опредѣленіе методовъ изслѣдованія въ логической наукѣ труднѣе, чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, ибо въ кругъ вопросовъ этой науки несомнѣнно входитъ также и изслѣдованіе методовъ всякаго научнаго познанія. Это соображеніе,

между прочимъ, всего лучше подтверждаетъ и сдѣланное нами выше предположеніе, что каждая наука можетъ найти правильные методы изслѣдованія и безъ содѣйствія логики, потому что: если логика сама есть «наука», хотя бы и въ прежнемъ значеніи слова, то она — или должна вовсе обойтись безъ сознательно-обдуманныхъ методовъ изслѣдованія, или должна быть въ состояніи хоть отчасти опредѣлить эти послѣдніе безъ помощи научной теоріи методовъ и предварительно ея, такъ какъ эта теорія и составляетъ конечную ея цѣль. Но изъ двухъ послѣднихъ предположеній очевидно можно допустить только второе, такъ какъ — предположить, что логика можетъ быть построена безъ всякихъ сознательно-обдуманныхъ методовъ, значило бы уже отказаться отъ признанія её «наукою»: главный признакъ науки вѣдь и заключается въ сознательныхъ методахъ. Болѣе того: тогда бы даже пришлось вообще отказаться отъ идеи «науки о познаніи» и отъ идеи «научной теоріи методовъ». А между тѣмъ мы видѣли, что въ возможности науки о познаніи нѣтъ причины сомнѣваться: если возможна наука о психическихъ явленіяхъ, то должны быть возможны и науки о психическихъ процессахъ, а въ числѣ нихъ и наука о процессахъ познанія.

Такимъ образомъ необходимо предположить, что и логика, подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, можетъ — болѣе или менѣе правильно и сознательно — опредѣлить свои методы ранѣе, чѣмъ будетъ построена строго-научная и общеобязательная теорія методовъ познанія. Это впрочемъ уже и a priori можно вывести, ибо, если въ основаніи всѣхъ наукъ лежитъ искусственная дѣятельность, то эта искусственная дѣятельность, какъ и всѣ прочія, безъ всякаго сомнѣнія можетъ достигнуть извѣстнаго совершенства однимъ навыкомъ и обобщеніями изъ опыта, — такъ что и сама теорія, ей соотвѣтствующая, будетъ отчасти лишь продуктомъ усовершенствованныхъ ея пріемовъ. А затѣмъ, разумѣется, дальнѣйшее совершенствованіе всякой дѣятельности и развитіе соотвѣтствующихъ ей теорій находятся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи: сначала дѣятельность достигла извѣстнаго совершенства, затѣмъ изъ обобщенія ея пріемовъ создалась теорія; но далѣе эта теорія конечно въ свою очередь отражается на пріемахъ дѣятельности и ихъ совершенствуетъ; это совершенствованіе опять вызываетъ новыя поправки и улучшенія въ теоріи, и т. д. Такое непрерывное взаимодѣйствіе практики и теоріи дѣятельности между прочимъ подтверждается и исторіею науки вообще въ от-

ношеніи къ развитію теоріи ея методовъ.[1]) Когда Сократъ и Платонъ впервые заговорили о методахъ познанія, научное познаніе уже существовало. Когда Бэконъ создалъ первую систематическую теорію методовъ научнаго изслѣдованія, это изслѣдованіе уже было значительно усовершенствовано, при чемъ не безъ вліянія на него остались конечно и несовершенныя теоріи методовъ Сократа, Платона, Аристотеля и другихъ древнихъ философовъ. Бэконовская теорія методовъ въ свою очередь могла оказать извѣстное вліяніе на дальнѣйшій прогрессъ методовъ науки, и когда этотъ прогрессъ сдѣлался совершенно очевиднымъ и былъ подмѣченъ мыслителями, то возникли новыя, болѣе совершенныя, теоріи методовъ — трудами Гершеля, Уэвеля и наконецъ Конта и Милля. Подъ вліяніемъ этихъ усовершенствованныхъ теорій методовъ, между прочимъ стала возможна болѣе правильная постановка наукъ о самомъ сознаніи вообще и, въ частности, науки о познавательныхъ его отправленіяхъ, а съ развитіемъ этой послѣдней можно будетъ надѣяться пріобрѣсти наконецъ вполнѣ достовѣрную и научно-обоснованную теорію методовъ, которая, подъ именемъ «теоріи искусства познанія или методики», окончательно поставитъ научный анализъ во всѣхъ его сферахъ на ту высоту, о какой всегда съ энтузіасмомъ мечтало человѣчество. Но совершенная теорія искусства познанія конечно тоже разовьется не сразу: первая строго-научная постановка логики дастъ толчекъ для ея первоначальнаго образованія, какъ особой сознательной дисциплины; образованіе же первыхъ элементовъ вполнѣ сознательной теоріи искусства познанія опять отразится на дальнѣйшихъ успѣхахъ логики, какъ одной изъ наукъ, т. е. областей «искусства» познанія вообще; отсюда въ свою очередь опять возникнетъ возможность новыхъ успѣховъ теоріи искусства познанія и т. д., — пока наконецъ, изъ такого неоднократнаго взаимодѣйствія, наука о познаніи, вмѣстѣ съ другими науками о психической дѣятельности, не станетъ такою же точною и достовѣрною наукою, какими являются уже теперь нѣкоторыя науки о физическихъ явленіяхъ и процессахъ.

Но въ такомъ случаѣ теперь конечно еще не можетъ быть и рѣчи объ окончательномъ и безповоротномъ рѣшеніи вопроса о методахъ логи-

---

[1]) О взаимномъ вліяніи прогресса наукъ и прогресса теоріи методовъ говорилъ уже Бэконъ Ср. Зеленогорскій. «О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства». Харьковъ, 1877. Глава I.

ческаго изслѣдованія, какъ и о немедленномъ безошибочномъ рѣшеніи всѣхъ спорныхъ и трудныхъ вопросовъ науки о познаніи: методы логическаго изслѣдованія можно опредѣлить пока только приблизительно, по аналогіи съ другими науками, прогрессъ которыхъ наиболѣе очевиденъ, а также и путемъ критики прежнихъ методовъ логическаго анализа. — Съ этой то критики мы и начнемъ.

Чтобы избѣгнуть упомянутой выше трудности — предварительнаго рѣшенія вопроса о методахъ «науки о методахъ», какою давно признавалась (хотя бы и отчасти только) логика, представители этой послѣдней утверждали, что логическая наука строится особымъ методомъ — «демонстративнымъ», какъ его называлъ еще Вольфъ, — хотя въ сущности этотъ демонстративный методъ въ логикѣ есть ни что иное какъ метафизическій, раціональный или проще апріорный методъ школы Декарта, которому пробовали дать новое развитіе Спиноза и Лейбницъ. Метафизическій или апріорный методъ въ логикѣ держался однако долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ наукахъ: онъ лежитъ въ основаніи логическаго анализа даже и въ большинствѣ современныхъ логическихъ сочиненій. Притомъ онъ постепенно дифференцировался на двѣ главныя разновидности: изъ метода метафизическаго вообще выдѣлились — методъ метафизическій въ тѣсномъ значеніи и методъ математическій. Первый имѣетъ основою своею критику понятій, т. е. качественное развитіе конкретныхъ принциповъ изъ отвлеченныхъ; второй, выходя изъ предположенія возможности количественнаго выраженія содержанія понятій пытается вывести всѣ логическіе законы по принципамъ математики изъ нѣсколькихъ основныхъ формулъ, т. е. изъ нѣсколькихъ математическихъ аксіомъ, касающихся этихъ законовъ умственной дѣятельности. Дифференціація метафизическаго метода, на метафизическій въ тѣсномъ смыслѣ и на математическій, совершилась въ логикѣ постепенно: сначала въ ней всецѣло господствовалъ чисто метафизическій методъ (древняя и средневѣковая логика); но первые признаки математическихъ пріемовъ являются однако уже въ Ars combinatoria Lulliana. Затѣмъ, лишь подъ вліяніемъ Декартовской философіи, которая вообще разсматривала метафизическій методъ какъ разновидность математическаго, — и въ логикѣ, въ частности, стали чаще повторяться попытки примѣненія математическихъ пріемовъ анализа. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Лейбницъ своей идеей объ «Ars combinatoria characteristica» и своими формулами законовъ мышленія. Въ XVIII в. попытки математическаго формулированія логическихъ законовъ пов-

торялись не разъ (Lange, Inventum novum quadrati logici, 1714. Reusch, Systema logicum, 1734. Ploucquet, Methodus calculandi in logicis ab ipso inventa, 1763 и т. д.; о значеніи этихъ попытокъ смотри подробнѣе у Джевонса, Основы науки. СП., 1881: предисловіе); въ этомъ же вѣкѣ утвердился между прочимъ обычай выражать и отношенія понятій и формулы сужденій и выводовъ геометрическими фигурами (согласно Иберверу, по почину того же Ланге: Nucleus logicae Weisianae. 1712). Но кромѣ этого обычая, да идущаго еще отъ Аристотеля обыкновенія иллюстрировать формальныя отношенія понятій обозначеніемъ ихъ помощью буквъ, никакихъ серіозныхъ основаній для развитія самостоятельнаго математическаго метода логическаго анализа не было ранѣе Гамильтона, который въ половинѣ XIX стол. ввелъ въ логику принципъ «квантификаціи предиката» въ сужденіяхъ, т. е. принципъ количественнаго измѣренія величины предиката въ связи съ величиною субъекта, и этимъ положилъ начало настоящей математической логикѣ (Ліардъ считаетъ впрочемъ еще Бентама предшественникомъ Гамильтона). Труды Де-Моргана, Буля, Джевонса и другихъ окончательно обособили математическую логику отъ старой метафизической.

Существенное различіе метафизическаго и математическаго методовъ логическаго анализа состоитъ въ признаніи вторымъ и непризнаніи первымъ принципа количественнаго отношенія понятій; но мы считаемъ, что споръ объ этомъ принципѣ будетъ совершенно праздымъ, пока вообще является сомнительною возможность апріорнаго метода логическаго анализа и примѣненія его къ изслѣдованію законовъ мышленія, общихъ и частныхъ. Наши логическія теоріи, какъ мы надѣемся, въ состояніи будутъ доказать наглядно, что ни законы мышленія, ни законы сужденія и вывода, ни вообще отношенія процессовъ познанія, до сихъ поръ никѣмъ еще не были опредѣлены и что всѣ положенія старой логики о законахъ мысли, основанныя на совершенно негодной (съ логической точки зрѣнія) теоріи подлежащаго и сказуемаго, какъ составныхъ элементовъ суждепія, были продуктами фантазіи. Но если однажды предположить возможность сомнѣнія въ научномъ достоинствѣ старыхъ понятій о «подлежащемъ, сказуемомъ, сужденіи, выводѣ» и другихъ, на нихъ основанныхъ, то о приложимости метафизическаго и въ частности математическаго методовъ къ логическому анализу и рѣчи быть не можетъ. Эти методы могутъ быть признаны только подъ условіемъ правильности старыхъ представленій о составѣ мышленія; но если эти представленія поколеблятся, то прежніе методы критики понятій и мате-

матической оцѣнки ихъ отношеній окажутся праздною игрою съ воображаемыми величинами. Отсюда конечно не слѣдуетъ, чтобы строго математическій методъ изслѣдованія никогда и впослѣдствіи не могъ быть приложенъ къ логической наукѣ: подобное утвержденіе съ нашей стороны было бы наивно; однако еще наивнѣе думать, что математическій методъ приложимъ къ наукѣ, которая до сихъ поръ имѣла дѣло почти только съ метафизическими идеями. Моментъ примѣненія къ наукамъ о психическихъ явленіяхъ и процессахъ математическихъ пріемовъ анализа вѣроятно еще весьма отдаленъ, — и попытки, въ родѣ Гербартовой въ психологіи и Булевой въ логикѣ, стоятъ почти на одной линіи[1]); съ извѣстной точки зрѣнія онѣ имѣютъ кое-что общаго и съ пиѳагорейскою теоріею чиселъ, и съ декартовскимъ и спинозовскимъ методами изслѣдованія природы вообще и природы нравственныхъ явленій въ частности. Различіе только въ томъ, что математическія игры въ области отвлеченныхъ идей съ каждымъ вѣкомъ, по мѣрѣ развитія самихъ математическихъ теорій, становятся все сложнѣе и съ виду глубокомысленнѣе; но болѣе отдаленныя поколѣнія отнесутся къ нимъ одинаково, какъ къ образчикамъ заблужденій человѣческаго ума въ его стремленіи насильственно ускорить точное истолкованіе природы.

Въ противуположность апріорному методу, въ логикѣ давно началъ развиваться другой, апостеріорный или опытный методъ, который также постепенно дифференцировался въ нѣсколькихъ частныхъ направленіяхъ. Познавательную дѣятельность, во первыхъ, можно наблюдать и изучать въ отношеніи къ внутреннему ея теченію, во вторыхъ, въ отношеніи къ внѣшнимъ ея выраженіямъ, а такъ какъ послѣднія опять двоякаго рода — формальныя (языкъ) и матеріальныя (знанія), то постепенно опытный методъ дифференцировался въ трехъ направленіяхъ, которымъ можно дать названія: психологическаго, грамматическаго и естественно-научнаго (ибо «знанія», составляя матеріальный результатъ познавательныхъ процессовъ относятся къ нимъ именно такъ, какъ въ естественныхъ наукахъ сложныя явленія природы и жизни — къ процессамъ ихъ развитія). Сначала опытный методъ весьма односторонне прилагался въ логическихъ изслѣдованіяхъ, а именно преимущественно въ грамматическомъ

---

[1]) Мы впрочемъ не оспариваемъ достоинства теорій Буля съ чисто математикой точки зрѣнія, ибо слышали отъ одного нѣмецкаго математика о ихъ пользѣ и остроуміи: надо только и называть ихъ «математическими», а не «логическими».

направленіи, и, строго говоря, весь воображаемый метафизическій или апріорный методъ старой логики былъ лишь безсознательнымъ проявленіемъ этого односторонняго грамматическаго метода: всѣ старыя логическія понятія въ сущности и имѣютъ условную цѣну только какъ грамматическія единицы. Но дѣло въ томъ, что грамматическій методъ не можетъ дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ, если онъ примѣняется одинъ: онъ можетъ имѣть значеніе лишь вспомогательнаго пособія, въ связи съ другими опытными методами, да и то только, если различіе внутреннихъ процессовъ познанія и внѣшнихъ ихъ выраженій ясно сознается, — потому что иначе неизбѣжны, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, самыя печальныя недоразумѣнія (такими недоразумѣніями между прочимъ полна даже и логика Милля). Естественно-научный методъ въ области логическаго анализа былъ введенъ Бэкономъ, и затѣмъ главными представителями его были: Ньютонъ, Гершель, Уэвель, Милль, а въ послѣднее время — въ Англіи Бэнъ и Джевонсъ, во Франціи — Контъ и позитивисты вообще, въ Германіи — приверженцы логики, какъ науки о методахъ (Дюрингъ, отчасти также Гоппе, Зигвартъ, Вундтъ и пр.). Но и этотъ методъ, конечно тоже вполнѣ законный, можетъ имѣть въ логикѣ лишь вспомогательное значеніе, ибо изслѣдованіе знаній, изъ которыхъ составилась наука, можетъ быть пригодно только для составленія научной теоріи методовъ и вообще при объясненіи высшихъ и наиболѣе сложныхъ проявленій познавательной дѣятельности; для пониманія же низшихъ ея проявленій и затѣмъ первоначальныхъ основъ, на которыя она опирается, необходимо психологическое изслѣдованіе всѣхъ познавательныхъ отправленій человѣка, хотя бы и не имѣющихъ отношенія къ развитію науки и знанія, въ собственномъ значеніи слова. Наблюденія надъ познавательными отправленіями ребенка, неразвитого человѣка, а также и человѣка развитого, при какомъ бы ни было характерѣ его познавательной дѣятельности, — вотъ элементы, изъ которыхъ долженъ слагаться въ логическомъ анализѣ главный, психологическій, методъ изслѣдованія, т. е. методъ, имѣющій въ виду внутреннее теченіе, а не внѣшнія выраженія и результаты познавательныхъ процессовъ. Психологическій методъ изученія познавательной дѣятельности, возникшій еще благодаря Локку и получившій дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Юма и шотландскихъ философовъ, а затѣмъ отчасти Канта и его преемниковъ, сталъ прилагаться собственно къ логическому анализу только въ нынѣшнемъ вѣкѣ — сперва въ Германіи

(Бенеке, Фортлаге и др., а въ послѣднее время особенно Вундтъ), потомъ и въ Англіи (Бэнъ). Однако пользованіе этимъ методомъ въ логикѣ находится ещё и теперь на самой первобытной ступени, ибо съ одной стороны подъ психологическимъ методомъ, въ примѣненіи къ логической наукѣ, разумѣлась часто лишь разновидность метафизическаго метода, господствовавшаго во всѣхъ философскихъ наукахъ и болѣе всего въ психологіи; съ другой стороны, истинный опытно-психологическій методъ, о которомъ только и можетъ быть рѣчь, служилъ лишь второстепеннымъ пособіемъ при изслѣдованіи однихъ только механическихъ или безсознательныхъ процессовъ образованія представленій. Психологическій же анализъ высшихъ познавательныхъ отправленій, т. е. такъ называемыхъ процессовъ сужденія и вывода, анализа и синтеза, и т. д. (не говоря уже о настоящихъ методахъ познанія), былъ въ полномъ пренебреженіи. А между тѣмъ ясно, что если логика изслѣдуетъ только другую сторону сознанія и вообще психическаго существованія, чѣмъ такъ называемая психологія, то безъ помощи пріемовъ, свойственныхъ этой послѣдней, она обойтись не можетъ. «Процессы развитія» статическихъ элементовъ сознанія могутъ быть вполнѣ поняты только при правильномъ взглядѣ на общій составъ и характеръ всей психической дѣятельности.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что будущая чисто-теоретическая наука логика можетъ быть построена только при правильномъ синтезѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами апостеріорныхъ методовъ, т. е. при помощи опытнаго изученія: 1) внутреннихъ познавательныхъ процессовъ, въ связи съ психическими явленіями соотвѣтствующаго круга, и 2) внѣшнихъ, матеріальныхъ и формальныхъ, результатовъ и выраженій этихъ процессовъ — въ мнѣніяхъ, убѣжденіяхъ и знаніяхъ людей всякаго развитія и въ научныхъ пріобрѣтеніяхъ, въ частности, — въ словахъ, названіяхъ, терминахъ, предложеніяхъ, періодахъ и другихъ элементахъ изложенія идей. Но такой опытный методъ однако не слѣдуетъ понимать съ тѣмъ ригоризмомъ, какъ его понимаютъ науки, достигшія высшаго стадія развитія, т. е. науки точныя; пока самыя первыя основанія науки о познаніи еще не опредѣлены, о послѣдовательномъ и педантическомъ примѣненіи опытнаго метода не можетъ быть и рѣчи. Идея опытнаго метода въ приложеніи къ логикѣ, какъ и ко всякой преобразуемой наукѣ, является болѣе выраженіемъ отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ требованій: она означаетъ только, что не надо надѣяться пріобрѣсти какіе-либо прочные выводы о познавательныхъ отправленіяхъ

иначе, какъ на почвѣ наблюденія и опыта вообще, т. е. на почвѣ фактовъ, — что неправильно предполагать напр. возможность апріорнаго построенія логическихъ понятій и теорій; но какъ наблюдать и экспериментировать въ столь еще неопредѣленной области феноменовъ, какою является познавательная дѣятельность, иногда рѣшить очень трудно. Тутъ наука должна конечно стремиться къ возможному совершенству, не мечтая однако немедленно достигнуть полной отчетливости въ организаціи своихъ изслѣдованій.

По этому поводу мы считаемъ нужнымъ сказать вообще, что сознательный опытъ, основанный на экспериментахъ, отнюдь не можетъ быть въ данную минуту по произволу введенъ въ какую угодно область научнаго анализа. Требованіе позитивной науки начинать всегда съ наблюденія и описанія частностей выполнимо только въ наукахъ, достигшихъ высокой ступени развитія, т. е. именно сдѣлавшихся позитивными или точными, — въ другихъ наукахъ оно можетъ быть предъявляемо только по недоразумѣнію. Впослѣдствіи, при анализѣ методовъ, мы надѣемся доказать наглядно, что всякій экспериментъ возможенъ лишь при существованіи извѣстныхъ общихъ предположеній или гипотезъ, — что онъ уже основывается на предварительной «теоріи» явленій, хотя бы и гипотетической, которая ставитъ вопросы и направляетъ изученіе частностей. Но такъ какъ гипотезы возможны только помощью дедукціи изъ приблизительныхъ обобщеній, основанныхъ на непосредственномъ наблюденіи, то индукція, имѣющая орудіемъ экспериментъ, является въ нѣкоторомъ родѣ уже вторичной, и ей предшествуютъ первичная индукція (непосредственное, иногда даже безсознательное, наблюденіе) и первичная дедукція (выводъ предположеній и гипотезъ). Эту мысль ранѣе насъ прекрасно выразилъ уже E. Naville[1]) въ статьяхъ о значеніи гипотезы, въ Revue philosophique (позднѣе эти статьи появились и отдѣльной книгой: La logique de l'hypothèse. Paris, 1880). Онъ признаетъ три главныхъ момента научнаго изслѣдованія, выражаемые имъ помощью понятій: observer, supposer и vérifier; но въ сущности, если поставить эту тео-

---

[1]) Въ болѣе отрывочныхъ формахъ она выражалась конечно и другими психологами; напр. L. Dumont въ Théorie de la sensib. P. 1875, p. 3 и слѣд., говоря о значеніи гипотезъ въ наукѣ, употребляетъ слѣдующую фразу: «elles sont le flambeau de l'induction (разумѣя конечно вторичную индукцію) et sans elles l'esprit humain résterait frappé de stérilité.... elles réagissent sur l'expérience.»

рію въ связь съ понятіями индукціи и дедукціи, то этихъ моментовъ окажется по крайней мѣрѣ четыре: первичная индукція (безъ-искусственное наблюденіе), первичная дедукція (построеніе гипотезъ), вторичная индукція (экспериментъ) и вторичная дедукція (приложеніе законовъ, добытыхъ точною наукою, къ объясненію частныхъ явленій).

Эту теорію мы надѣемся развить подробнѣе въ концѣ книги, а пока мы желали только выразить мысль, что совершенный опытъ и совершенная индукція вообще возможны только на довольно высокой ступени развитія науки; наукѣ же начинающей предъявлять требованіе такихъ совершенныхъ методовъ — ни съ чѣмъ не сообразно. Наука начинающая принуждена, силою вещей, довольствоваться первичной индукціей и дедукціей, не теряя отъ того значенія науки. Ея выводы поэтому сперва конечно могутъ быть только гипотетическими и, если она сознаетъ эту гипотетичность и откровенно признается въ своихъ слабостяхъ, то это верхъ точности, на какую она способна.

Итакъ наука о познавательной дѣятельности, т. е. логика, должна пока еще довольствоваться болѣе примитивными опытными методами. Эти методы не слѣдуетъ съуживать также и въ томъ смыслѣ, чтобы допускать дедукціи лишь изъ обобщеній, основанныхъ на матеріалѣ, непосредственно относящемся къ познавательной дѣятельности. Уже по связи логики съ психологіей, можно предположить въ ней необходимость дедукцій и изъ общихъ психологическихъ теорій, а также и изъ обобщеній другихъ наукъ объ организмахъ (ибо познавательные процессы находятся въ связи съ общими органическими). Нужна только постоянная повѣрка всѣхъ этихъ вспомогательныхъ дедукцій помощью матеріала, составляющаго познавательную дѣятельность, т. е. прямой объектъ изслѣдованія логики. Таковъ широкій, но относительно еще неопредѣленный, путь, на который должна вступить въ настоящее время наука о познаніи.

Опредѣливъ общія задачи и основанія, общій объектъ и методы логики, какъ науки о познавательной дѣятельности, мы должны ближе охарактеризовать предметъ настоящаго сочиненія.

Прежде всего замѣтимъ, что, на основаніи всего вышеизложеннаго, мечты о построеніи сразу — однимъ, такъ сказать, разбѣгомъ ума или нѣсколькими размахами пера — цѣлой законченной «системы» логики

должны быть на всегда оставлены. Системы «наукъ», въ настоящемъ значеніи этого слова, строятся постепенно, усиліями многихъ личностей и даже безъ яснаго намѣренія этихъ послѣднихъ. Отдѣльная работа можетъ стремиться къ системѣ только субъективной и внѣшней, къ системѣ въ изложеніи, къ согласію и гармоніи отдѣльныхъ утвержденій между собою. Въ этомъ субъективномъ смыслѣ и мы будемъ стремиться къ системѣ но очевидно — не къ системѣ «логики», а къ систематичности и согласію своихъ положеній. Изслѣдовать всю область познавательной дѣятельности сразу смѣшно было бы и мечтать, ибо поле ея необозримо. Мы займемся нѣсколькими вопросами, которые намъ кажутся всего важнѣе и которыми мы болѣе занимались. Эти вопросы группируются вообще около понятія мышленія, т. е. умственной дѣятельности. Основныя функціи этой послѣдней, по нашему мнѣнію, всего важнѣе опредѣлить, такъ какъ только этимъ путемъ можно положить конецъ цѣлому ряду прискорбныхъ недоразумѣній и фантастическихъ взглядовъ, которыми наполнена была старая логика. Въ частности, главною задачею нашею будетъ разсмотрѣть различныя ступени осложненія умственной дѣятельности или умственныхъ процессовъ, и ихъ взаимныя отношенія, а затѣмъ вопросы о природѣ заблужденій ума, о средствахъ ихъ предупрежденія и исправленія, и другіе подобные; въ связи съ этимъ придется конечно коснуться и прославленныхъ «законовъ мышленія». Но для того чтобы точнѣе опредѣлить характеръ изслѣдованія умственной дѣятельности, надо будетъ предварительно разобрать значеніе ея въ ряду процессовъ познавательной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова и въ ряду всѣхъ психическихъ процессовъ вообще.

Слѣдовательно мы начнемъ съ общаго вопроса и затѣмъ уже перейдемъ къ спеціальнымъ. Такой порядокъ анализа мы принимаемъ совершенно сознательно, ибо убѣждены, что не только въ каждой отдѣльной наукѣ, но и во всякой области изученія, болѣе общей или болѣе частной, неизбѣжно упомянутое выше преемство моментовъ первичной индукціи, первичной дедукціи, вторичной индукціи и вторичной дедукціи. Въ развитіи знаній человѣка вообще первичнымъ моментамъ индукціи и дедукціи соотвѣтствуетъ допаучный стадій развитія этихъ знаній (господство миѳологическихъ идей), моментамъ вторичнымъ — систематизація знаній въ философію и науку. Въ развитіи этихъ систематическихъ знаній — первичной индукціи и дедукціи соотвѣтствуетъ періодъ господства философіи и метафи-

зики; обособленіе же наукъ въ собственномъ смыслѣ отъ философіи и метафизики составляетъ уже вторичную индукцію и дедукцію. Наконецъ, и въ каждой отдѣльной научной работѣ каждаго изслѣдователя приблизительныя обобщенія и гипотезы, выражающіяся въ общей подготовкѣ спеціальнаго анализа, т. е. въ ясной постановкѣ вопросовъ, составляютъ моменты первичной индукціи и дедукціи, а спеціальный анализъ соотвѣтствуетъ вторичнымъ моментамъ этихъ пріемовъ.

Въ примѣненіи къ отдѣльнымъ научнымъ изслѣдованіямъ эту мысль подтверждаетъ то соображеніе, что даже въ самыхъ точныхъ наукахъ не только выборъ предмета экспериментаціи, но и самая организація ея и даже выборъ инструментовъ для изслѣдованія того или другаго тѣла или явленія могутъ быть объяснены лишь гипотезами, основанными на приблизительныхъ обобщеніяхъ. Если анатомъ беретъ для изслѣдованія кусочка органической ткани, микроскопъ, а не химическую реторту или телескопъ, то только потому, что предполагаетъ при его содѣйствіи найти въ этой ткани какія-нибудь органическія клѣточки; если химикъ пробуетъ различными приборами сгустить какой-нибудь газъ до твердаго состоянія, то потому что приблизительныя обобщенія изъ свойствъ этого газа (первичныя индукціи) и гипотезы, основанныя на свойствѣ газовъ вообще (дедукціи) заставляютъ его надѣяться достигнуть этого результата, и т. д. Авторъ впрочемъ и самъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая: занимаясь разъ съ однимъ медикомъ въ одной лабораторіи микроскопическимъ изслѣдованіемъ строенія мозжечка, онъ предложилъ ему свои услуги по части срисовыванія разрѣзовъ (медикъ самъ не умѣлъ рисовать); но цѣлыя недѣли онъ не удовлетворялъ требованіямъ спеціалиста, ибо послѣдній видѣлъ въ микроскопъ такія клѣтки, которыхъ профанъ не замѣчалъ, хотя обладалъ лучшимъ зрѣніемъ. Этотъ фактъ объясняется только тѣмъ, что самъ изслѣдователь, на основаніи своихъ первичныхъ индукцій и дедукцій (приблизительныхъ обобщеній и гипотезъ), ожидалъ найти извѣстныя клѣточки въ мозжечкѣ, — товарищъ же его о возможности существованія этихъ клѣточекъ и не подозрѣвалъ; но черезъ мѣсяцъ и онъ уже различалъ въ новыхъ разрѣзахъ то же самое, что различалъ спеціалистъ, ибо вполнѣ освоился съ его обобщеніями и предположеніями.

Такимъ образомъ, каждая отдѣльная научная работа начинается съ первичныхъ индукцій и дедукцій, т. е. съ общихъ наблюденій и гипотезъ; но въ точныхъ наукахъ гипотезы всетаки по преимуществу основаны не на личныхъ наблюденіяхъ и выводахъ (хотя личный элементъ

и тутъ всегда неизбѣженъ), а на обобщеніяхъ и выводахъ всей науки, — въ лицѣ всѣхъ ея представителей. Поэтому-то особо излагать и мотивировать эти гипотезы въ точныхъ наукахъ не всегда нужно: онѣ до извѣстной степени всякому спеціалисту той же науки знакомы, или по крайней мѣрѣ сами собою понятны. Въ наукахъ же, не достигшихъ точности, личный элементъ въ первичныхъ индукціяхъ и дедукціяхъ гораздо чаще преобладаетъ надъ общимъ и иногда совершенно подавляетъ этотъ послѣдній. Тутъ, значитъ, необходимо обстоятельно мотивировать и оформить свои предположенія, — и потому то общій анализъ неизбѣжно долженъ предшествовать спеціальному. Вслѣдствіе этихъ соображеній, и мы прежде всего займемся общимъ вопросомъ «о значеніи, составѣ и ступеняхъ развитія познавательной дѣятельности», — и уже затѣмъ перейдемъ къ анализу одной частной области познавательныхъ процессовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗНАЧЕНІЕ, СОСТАВЪ И СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Имѣя намѣреніе опредѣлить сначала общее содержаніе понятія «познавательной дѣятельности», мы должны спросить себя ранѣе всего другого, на что долженъ опираться такой общій анализъ, т. е. на какую почву должно его поставить?

Этотъ вопросъ уже однажды былъ разсмотрѣнъ нами въ «Психологіи чувствованій» и разрѣшенъ характеристикою особенностей психологической терминологіи и отношенія психологическихъ наукъ ко всѣмъ другимъ наукамъ объ организмѣ (ср. стр. 419 и слѣд.). Мы пришли въ то время къ выводу, что «наука о сознаніи вообще» не имѣетъ собственныхъ, совершенно достовѣрныхъ, критеріевъ для опредѣленія содержанія своихъ понятій, а должна, по самому положенію своему, — какъ наука о наиболѣе сложныхъ явленіяхъ и процессахъ природы, опираться, при разграниченіи этихъ явленій и процессовъ, на результаты другихъ наукъ объ организмѣ, пользуясь данными внутренняго опыта только для опредѣленія направленія и для постоянной повѣрки дедукцій изъ обобщеній этихъ другихъ наукъ. Выводы анатоміи, физіологіи и біологіи организмовъ должны служить опорою для первоначальнаго разчлененія содержанія сознанія, какъ въ свою очередь и эти науки (о явленіяхъ органическаго міра) принуждены въ самыхъ элементарныхъ своихъ положеніяхъ опираться на выводы наукъ о явленіяхъ еще менѣе сложныхъ (а именно неорганическихъ), т. е. на выводы химіи, физики, геологіи и проч. Эта азбучная истина, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще слишкомъ часто забывается, и потому безпочвенныя витанія въ области совершенно произвольныхъ отвлеченій никого особенно не поражаютъ въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ сознаніемъ. Однако мы лично останемся вѣрны своему прежнему принципу и

въ настоящемъ изслѣдованіи: основныя дедукціи наши будутъ опираться не на субъективныя данныя внутренняго опыта, а на тѣ же объективные результаты различныхъ наукъ объ организмѣ, на которыхъ мы основывались и въ прошломъ сочиненіи; индукціи же изъ внутренняго опыта будутъ только повѣркою и регуляторомъ этихъ дедукцій.

Но такъ какъ общія дедукціи отъ положеній біологіи, анатоміи и физіологіи (въ классификаціи отдѣльныхъ группъ явленій, напр. ощущеній), къ содержанію сознанія, уже однажды были нами выполнены, то казалось бы, что, повторивъ главные результаты прежняго нашего анализа сознанія, мы прямо изъ нихъ можемъ вывести надлежащія заключенія и примѣнительно къ содержанію нынѣ разбираемаго понятія «познавательной дѣятельности». Такъ думали и мы сами нѣкоторое время; но болѣе тщательный анализъ привелъ насъ къ выводу, что въ «Психологіи чувствованій» мы еще далеко не исчерпали вопроса объ общемъ составѣ психическаго существованія, ибо стояли въ этомъ сочиненіи на спеціальной точкѣ зрѣнія «анатоміи» или статики сознанія, «физіологію» же или динамику этого послѣдняго не имѣли въ виду. Поэтому общую теорію сознанія, изложенную въ «Психологіи чувствованій», мы должны подвергнуть новому пересмотру и значительно расширить.

Главный смыслъ этого пересмотра будетъ заключаться въ томъ, что контрастъ «явленій» сознанія и «процессовъ» развитія или осложненія этихъ явленій мы надѣемся вывести изъ одного общаго начала, а именно изъ того общаго понятія «психическаго оборота», содержаніе и значеніе котораго мы разсматривали прежде слишкомъ односторонне.

Напомнимъ, что понятіе «психической жизни» мы вывели изъ исправленнаго Спенсеровскаго опредѣленія «жизни» вообще въ его біологіи: опредѣливъ жизнь какъ «взаимодѣйствіе организма съ окружающею средою, имѣющее результатомъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ», мы пришли затѣмъ къ заключенію, что психическая жизнь есть одинъ изъ двухъ главныхъ видовъ такого взаимодѣйствія, а именно такъ называемый «обмѣнъ впечатлѣній или движеній», въ отличіе отъ «обмѣна веществъ». Но такое опредѣленіе психической жизни, какъ и жизни вообще, имѣетъ еще одинъ пробѣлъ, котораго мы въ то время не сознавали, — а именно: уже въ самомъ понятіи «взаимодѣйствія» лежитъ идея двухъ факторовъ, участвующихъ въ томъ или другомъ процессѣ, т. е. въ данномъ случаѣ — среды и организма; поэтому, если среда, дѣйствуя на организмъ,

приспособляетъ внутреннія отношенія къ внѣшнимъ, то ясно, что и организмъ, въ отвѣтномъ своемъ дѣйствіи на среду, долженъ приспособлять внѣшнія отношенія къ внутреннимъ. Справедливость этого предположенія подтверждается, разумѣется, всѣми фактами столько же растительной, сколько и животной жизни организма: каждое выдѣленіе веществъ организмомъ въ такой же мѣрѣ отражается на состояніи внѣшней среды, какъ и обратно — поступленіе веществъ изъ среды въ организмъ на внутреннемъ составѣ этого послѣдняго; параллельно и каждое движеніе организма, вызванное внутренними возбужденіями, имъ испытываемыми, въ такой же мѣрѣ отражается внѣшними перемѣнами въ средѣ, какъ и каждое движеніе среды — перемѣнами въ явленіяхъ сознанія. Объ измѣненіи внѣшнихъ отношеній, сообразно внутреннимъ, свидѣтельствуетъ впрочемъ и вся искусственная обстановка нашей жизни, всѣ великія и малыя созданія человѣческихъ рукъ и человѣческой мысли. Поэтому болѣе полное опредѣленіе «существованія» организма вообще (терминъ существованія, какъ объяснится послѣ, мы не безъ мотива употребляемъ вмѣсто термина «жизни») будетъ слѣдующее:

Существованіе организма есть взаимодѣйствіе его съ окружающею средою, имѣющее результатомъ столько же приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, сколько и на оборотъ — внѣшнихъ къ внутреннимъ.

Соотвѣтствующее, болѣе широкое, опредѣленіе психическаго существованія приметъ слѣдующую форму: психическое существованіе организма есть тотъ видъ взаимодѣйствія его съ окружающею средою, ради приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ и внѣшнихъ къ внутреннимъ, который состоитъ въ обмѣнѣ между ними движеній (или впечатлѣній), въ противуположность обмѣну веществъ.

Отсюда — лучше, чѣмъ прежде — выясняется различіе и двухъ главныхъ моментовъ психическаго взаимодѣйствія, а именно моментовъ центростремительнаго и центробѣжнаго, сенсорнаго и моторнаго, которые мы опредѣлили еще иначе противуположными понятіями «воспріимчивости» и «дѣятельности»: моментъ сенсорный болѣе соотвѣтствуетъ приспособленію внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, моментъ моторный — внѣшнихъ къ внутреннимъ. Припомнимъ затѣмъ, что въ этихъ двухъ общихъ моментахъ мы въ свою очередь различали частные моменты — объективный и субъективный,

такъ что все психическое взаимодѣйствіе оказалось состоящимъ изъ четырехъ моментовъ:

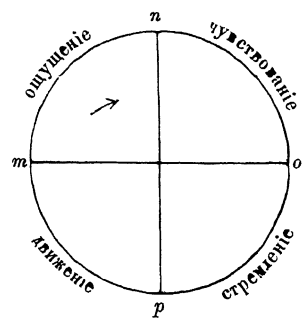
1) объективно-сенсорнаго, или объективной воспріимчивости,
2) субъективно-сенсорнаго, или субъективной воспріимчивости,
3) субъективно-моторнаго, или субъективной дѣятельности,
4) объективно-моторнаго, или объективной дѣятельности.

Каждый актъ такого взаимодѣйствія въ отдѣльности мы назвали психическимъ оборотомъ и признали каждый оборотъ состоящимъ изъ преемства явленій, простыхъ или сложныхъ, соотвѣтствующихъ указаннымъ выше моментамъ психическаго взаимодѣйствія, а именно:

1) Изъ	ощущеній	явленія первоначальныя	или идей	явленія осложненныя.
2) »	чувствованій		» чувствъ	
3) »	стремленій		» желаній	
4) »	движеній		» дѣйствій	

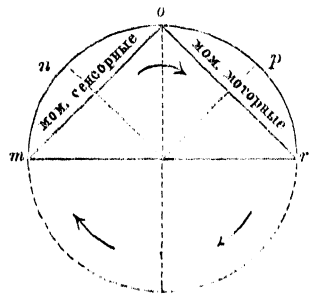
Въ общей суммѣ психическихъ оборотовъ должно различать прежде всего обороты правильные и неправильные, т. е. такіе, въ которыхъ существуютъ на лицо всѣ звенья, и такіе, въ которыхъ нѣкоторыя звенья отсутствуютъ (ср. о случаяхъ и причинахъ выпаденія нѣкоторыхъ звеньевъ психическихъ оборотовъ въ «Психол. чувствов.», стр. 438 и слѣд.). Кромѣ того можно дѣлить правильные обороты на равномѣрные или безразличные, въ которыхъ ни одному моменту не принадлежитъ преобладаніе, и неравномѣрные или характе́рные, въ которыхъ одному моменту принадлежитъ рѣшительное преобладаніе надъ прочими. Наконецъ, можно еще различать обороты простые отъ составныхъ, при чемъ въ этихъ послѣднихъ единичные простые обороты совокупляются въ одинъ общій, сложный; образчиками такихъ сложныхъ оборотовъ являются всѣ дѣйствительные сознательные психическіе обороты въ высшихъ развитыхъ организмахъ: рядомъ съ преобладающими общими оборотами, которые вызваны взаимодѣйствіемъ сознанія съ внѣшнею средою и которые начинаются всегда съ внѣшнихъ ощущеній, происходятъ большею частью одновременно частные, дополнительные, обороты, начинающіеся съ органическихъ или внутреннихъ ощущеній, связанныхъ съ отправленіями отдѣльныхъ органовъ, участвующихъ въ процессѣ общаго взаимодѣйствія (т. е. органовъ чувствъ, центровъ и органовъ движенія), и эти частные обороты, переплетаясь съ общими, и даютъ въ результатѣ обороты составные; къ этимъ послѣднимъ мы впослѣдствіи еще воротимся.

Возьмемъ сначала идеальный типъ простого, правильнаго и равномѣрнаго психическаго оборота: такой оборотъ, начавшись съ ощущенія и окончившись движеніемъ, разумѣется можетъ вызвать за собою немедленно новый, совершенно подобный ему, оборотъ, ибо движеніе, производя перемѣну во внѣшнихъ отношеніяхъ, eo ipso должно, при посредствѣ этой перемѣны, вызвать новое ощущеніе въ томъ же органѣ; это ощущеніе опять приведетъ къ новому движенію, движеніе въ свою очередь къ новому ощущенію, и т. д. Теоретически такое преемство однородныхъ, правильныхъ и равномѣрныхъ оборотовъ можетъ продолжаться безконечно (по закону, такъ сказать, инерціи сознанія). Поэтому-то лучшею схемою такого безконечнаго идеальнаго оборота мы признали окружность круга (ср. въ статьѣ «Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій». Кіевъ 1881, стр. 25), раздѣленную на четыре равныя части пересѣкающимися діаметрами:



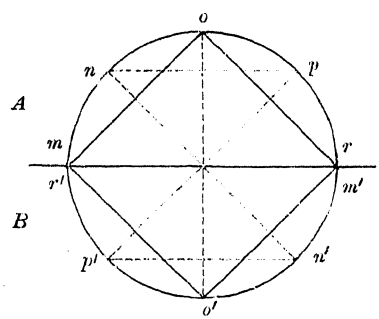
Но если мы примемъ теперь во вниманіе, что психическій оборотъ есть единичный актъ взаимодѣйствія организма съ внѣшнею средою, состоящій не только въ приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, но и внѣшнихъ къ внутреннимъ, т. е. если мы подумаемъ о томъ, что между движеніемъ и ощущеніемъ происходятъ обязательно какія-нибудь внѣшнія измѣненія, вызванныя именно психическимъ оборотомъ и вызывающія сами новый оборотъ, то приведенную только что схему, пригодную для выраженія одной стороны факта, придется дополнить другой, которая была бы въ состояніи выразить столько-же внутреннія событія въ сознаніи, сколько и внѣшнія событія въ средѣ или въ организмѣ, ихъ вызвавшія или ими вызванныя. Такою схемою опять можетъ быть окружность круга, но раздѣленная на двѣ половины, изъ которыхъ одна (верхняя) будетъ выра-

жать упомянутыя внутреннія событія, другая (нижняя, обозначенная точками) — внѣшнія перемѣны въ средѣ или въ организмѣ:



mn = моментъ ощущенія
no = » чувствованія
op = » стремленія
pr = » движенія

Эта схема удобнѣе, во первыхъ, по тому, что лучше оттѣняетъ моменты «воспріимчивости» и «дѣятельности» въ психическихъ оборотахъ; во вторыхъ и по тому, что выражаетъ ясно промежуточныя между движеніемъ и ощущеніемъ событія, о которыхъ прежняя схема ничего не говорила. Но она удобна, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ; прежде всего она даетъ возможность схематизировать самое идеальное и полное по составу психическое взаимодѣйствіе организма и среды, а именно взаимодѣйствіе двухъ организмовъ или сознаній: движеніе организма A вызываетъ ощущеніе въ организмѣ B, движеніе же организма B, обратно, — ощущеніе въ организмѣ A и т. д. въ безконечность. Этотъ типъ взаимодѣйствія можно изобразить слѣдующею схемою, въ которой верхній полукругъ представляетъ, положимъ, психическій оборотъ въ организмѣ A, а нижній — психическій оборотъ въ организмѣ B:



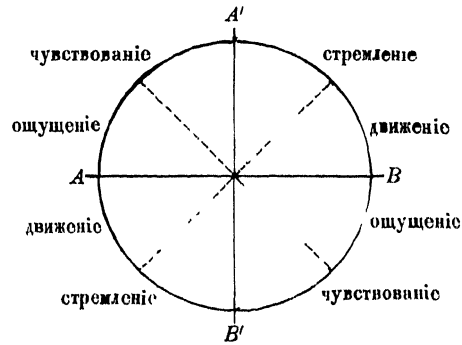
Линіи $m\,o$ и $m'o'$ изображаютъ сенсорные, линіи $o\,r$ и $o'r'$ — моторные моменты психическихъ оборотовъ во взаимодѣйствующихъ ор-

ганизмахъ A и B; линіи $n\,p$ и $n'p'$ схематизируютъ въ обоихъ случаяхъ границу между субъективными и объективными моментами оборотовъ. Другіе комментаріи, кажется, излишни.

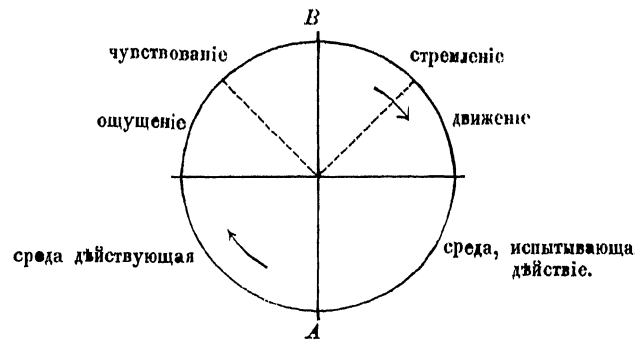
Теперь, если мы отъ правильныхъ равномѣрныхъ, или безразличныхъ, психическихъ оборотовъ перейдемъ къ правильнымъ неравномѣрнымъ, или характе́рнымъ, то придемъ прежде всего къ противуположенію двухъ главныхъ видовъ такихъ оборотовъ: въ однихъ можетъ преобладать дѣйствіе среды на организмъ, т. е. моментъ сенсорный или моментъ воспріимчивости; въ другихъ, наоборотъ, — дѣйствіе организма на среду, т. е. моментъ моторный или моментъ дѣятельности. Въ первомъ случаѣ, каждый оборотъ, уже въ цѣломъ своемъ составѣ, явится орудіемъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, во второмъ — внѣшнихъ къ внутреннимъ. Въ оборотахъ перваго рода движенія и дѣйствія суть только пассивные продукты или неизбѣжныя послѣдствія ощущеній и чувствованій и отражающагося въ нихъ дѣйствія среды; въ оборотахъ второго рода они, напротивъ, являются способами вліянія организма на среду и, въ свою очередь, источниками неизбѣжныхъ ощущеній и чувствованій, извѣщающихъ о перемѣнахъ во внѣшней средѣ, произведенныхъ организмомъ. Конечно эти обороты двоякаго рода суть лишь позднѣйшіе результаты дифференціаціи оборотовъ безразличныхъ; но, такъ или иначе, въ организмахъ извѣстнаго развитія (какого именно — мы увидимъ послѣ) мы имѣемъ дѣло, уже почти съ самаго ихъ появленія на свѣтъ, съ двоякаго рода оборотами: 1) начинающимися отъ среды и 2) начинающимися отъ самого сознанія, т. е. организма, помимо непосредственнаго вліянія среды. Идеальными формулами этихъ двоякихъ оборотовъ, которые могутъ быть названы страдательными и дѣятельными, будутъ слѣдующія противуположныя преемства явленій:

Ощущеніе	Стремленіе
Чувствованіе	Движеніе
Стремленіе	Ощущеніе
Движеніе	Чувствованіе

Если схемою окружности изобразить два послѣдовательные оборота въ одномъ и томъ же сознаніи, то воображаемая линія $A\,B$ будетъ отдѣлять другъ отъ друга два страдательные оборота, — линія $A'B'$, ей перпендикулярная, два дѣятельные оборота такого идеально-простого типа:



Тотъ же самый контрастъ можно выразить впрочемъ и другою схемою, въ которой одинъ полукругъ соотвѣтствуетъ психическимъ перемѣнамъ, другой — внѣшнимъ событіямъ въ средѣ:



Въ этой схемѣ точка *A* изображаетъ исходный пунктъ и въ то же время окончаніе страдательнаго оборота, точка *B* — исходный пунктъ и окончаніе дѣятельнаго оборота.

Но конечно эти схемы годятся только для идеально-простого типа страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ, на дѣлѣ встрѣчающагося довольно рѣдко въ существованіи человѣческаго организма, особенно вполнѣ развитого. Такому идеальному типу, въ области страдательныхъ оборотовъ, соотвѣтствуютъ единичныя элементарныя воздѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на сознаніе ребенка, еще не способное различать внутреннихъ раздраженій въ органахъ воспріятія, въ центрахъ и органахъ движенія, — и притомъ такія воздѣйствія, которыя оканчиваются не движеніями рукъ или ногъ, направленными на внѣшніе объекты, а такъ называемыми выраженіями, слагающимися изъ безсознательныхъ движеній мускуловъ лица и другихъ органовъ; замѣтимъ кстати,

что движенія въ страдательныхъ оборотахъ всегда суть выраженія, въ отличіе отъ движеній въ собственномъ смыслѣ, измѣняющихъ внѣшнія отношенія. Образчикомъ правильныхъ дѣятельныхъ оборотовъ простѣйшаго идеальнаго типа въ существованіи человѣка являются низшіе инстинкты, обнаруживающіеся въ дѣтскомъ возрастѣ и начинающіеся въ сознаніи прямо съ стремленій, не предшествуемыхъ никакими видимыми вліяніями внѣшней среды. Если однако эти идеальные типы страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ сравнительно рѣдки въ существованіи человѣческаго организма, то за то они играютъ большую роль въ психическомъ существованіи организмовъ животныхъ, которое въ значительной степени слагается именно изъ пассивныхъ отраженій вліяній внѣшняго міра и изъ элементарныхъ инстинктивныхъ движеній, направленныхъ на внѣшніе объекты.

У человѣка простые типы страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ замѣняются обыкновенно болѣе сложными, а именно двойными. Дѣло въ томъ, что, съ образованіемъ запаса слѣдовъ внѣшнихъ и внутреннихъ воспріятій, и притомъ столько же объективнаго, сколько и субъективнаго характера, воспроизведеніе этихъ слѣдовъ и служитъ обыкновенно началомъ дѣятельныхъ оборотовъ, а затѣмъ, въ концѣ этихъ оборотовъ, ощущенія и чувствованія, вызываемыя внѣшними перемѣнами, произведенными организмомъ, даютъ въ свою очередь поводъ къ извѣстнымъ выраженіямъ этихъ чувствованій; такимъ образомъ каждое единичное дѣятельное психическое взаимодѣйствіе организма и среды состоитъ какъ бы изъ двойного оборота съ удареніемъ на среднихъ четырехъ моментахъ. Точно также и страдательное взаимодѣйствіе въ сущности состоитъ изъ двойнаго оборота, хотя и съ инымъ распредѣленіемъ моментовъ: дѣйствіе среды обыкновенно является результатомъ какихъ-нибудь, хотя бы и безцѣльныхъ или инстинктивныхъ, передвиженій организма, т. е. начинается репродукціей слѣдовъ прежнихъ стремленій и движеній, и оканчивается, обратно хотя бы и смутными воспріятіями, имѣющими содержаніемъ результаты впечатлѣній, произведенныхъ въ окружающихъ организмахъ выраженіемъ нашихъ чувствъ или аффектовъ[1]). Поэтому, болѣе полными

---

[1]) Примѣры — а) для дѣятельныхъ оборотовъ: мы вспоминаемъ впечатлѣнія вчерашней прогулки и удовольствія, на этой прогулкѣ испытанныя; вслѣдствіе этого идемъ сегодня опять гулять, видимъ тѣ же картины природы и любуемся ими, что

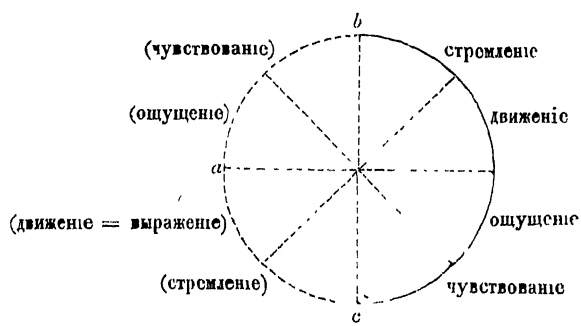
формулами единичныхъ дѣятельныхъ и страдательныхъ взаимодѣйствій человѣческаго организма съ внѣшнею средою будутъ слѣдующіе ряды явленій, въ которыхъ дополнительные моменты обозначены скобками, а главные, средніе, выдѣлены особымъ знакомъ:

Полный дѣятельный оборотъ:
(Ощущеніе)
(Чувствованіе)
Стремленіе
Движеніе
Ощущеніе
Чувствованіе
(Стремленіе)
(Движеніе — выраженіе)

Полный страдательный оборотъ:
(Стремленіе)
(Движеніе)
Ощущеніе
Чувствованіе
Стремленіе
Движеніе . выраженіе
(Ощущеніе)
(Чувствованіе)

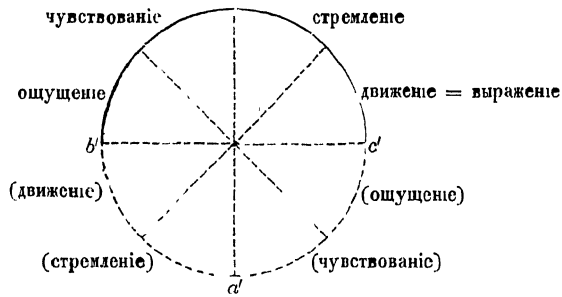
Схемы этихъ болѣе полныхъ, т. е. двойныхъ, страдательныхъ и дѣятельныхъ взаимодѣйствій, согласно предшествующему, будутъ слѣдующія:

Для дѣятельнаго взаимодѣйствія:



обнаруживается извѣстными выраженіями лица, возгласами и т. д.; б) для страдательныхъ оборотовъ: случайнымъ проѣздомъ по какой-нибудь мѣстности мы дѣлаемся свидѣтелями невиданнаго нами прежде явленія природы; мы наслаждаемся новымъ зрѣлищемъ, выражаемъ наслажденіе свое возгласами и невольно же дѣлаемся свидѣтелями впечатлѣнія, произведеннаго этими возгласами на окружающихъ лицъ или симпатіи ихъ къ нашимъ изліяніямъ чувствъ.

Для страдательнаго взаимодѣйствія:



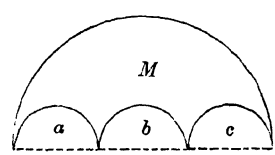
Точки a и a' изображаютъ начало и конецъ этихъ, болѣе обычныхъ, типовъ психическаго взаимодѣйствія; линіи $b\,c$ и $b'\,c'$ — предѣлы главныхъ и второстепенныхъ моментовъ, противуположность которыхъ выражена впрочемъ и самымъ характеромъ линій. Скажемъ кстати, что если мы съ такимъ стараніемъ подыскиваемъ особыя схемы для каждаго своего обобщенія, то во первыхъ по тому, что схемы во всѣхъ наукахъ служатъ самымъ наглядньмъ способомъ уясненія теорій, во вторыхъ — по тому, что графическія схемы между прочимъ лучше всякихъ словъ (которыя въ сущности суть тѣ же схемы, но менѣе отчетливыя) не только выражаютъ правильныя обобщенія, но и обнаруживаютъ невѣрныя и ошибочныя; онѣ являются орудіемъ обоюдоострымъ: словами легче запутать и обольстить здравый смыслъ читателя; но схемы сейчасъ же раскрываютъ фальшь — тамъ, гдѣ она имѣется. Поэтому наши схемы, надѣемся, вообще послужатъ средствомъ для скорѣйшаго уясненія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ наши теоріи приложимы къ наукамъ о сознаніи.

Нечего говорить конечно, что и приведенныя формулы и схемы страдательныхъ и дѣятельныхъ психическихъ взаимодѣйствій далеко еще не выражаютъ всѣхъ видовъ дѣйствительныхъ взаимодѣйствій сложнаго психическаго организма съ внѣшнею средою, — уже по тому одному, что это всетаки схемы лишь болѣе простыхъ оборотовъ (или ихъ преемствъ), а отнюдь не составныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; но даже и въ предѣлахъ простыхъ оборотовъ онѣ всетаки не исчерпываютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, ибо относятся къ правильнымъ оборотамъ, рядомъ съ которыми существуетъ масса неправильныхъ — съ отсутствіемъ тѣхъ или другихъ звеньевъ и различнымъ частнымъ распредѣленіемъ въ нихъ центра тяжести. Такъ прежде всего въ

дѣятельныхъ оборотахъ можетъ отсутствовать моментъ субъективный, и за воспроизведеніемъ воспріятій, или даже безъ него, эти обороты могутъ прямо начинаться съ движеній (рефлексы). Точно также и въ страдательныхъ оборотахъ, при совершенной безсознательности ощущеній, прямо вслѣдъ за передвиженіями организма въ средѣ или безъ нихъ, эти обороты могутъ начинаться съ чувствованій, т. е. субъективныхъ воспріятій (волненія), и т. д. Подробно всѣхъ этихъ частныхъ разновидностей страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ мы теперь изслѣдовать не будемъ, а прямо перейдемъ отъ простыхъ оборотовъ къ составнымъ, при чемъ на время совершенно оставимъ безъ вниманія различіе страдательныхъ и дѣятельныхъ взаимодѣйствій.

Чтобы понять разнообразіе составныхъ оборотовъ, конечно нужно сначала перечислить главные виды простыхъ, изъ которыхъ они могутъ слагаться съ точки зрѣнія качественной. Прежде всего простые обороты дѣлятся на внѣшніе и внутренніе; внѣшніе — тѣ, которые начинаются съ внѣшнихъ ощущеній и изъ которыхъ слагается внѣшнее взаимодѣйствіе цѣлаго организма и среды; внутренніе — тѣ, которые начинаются съ внутреннихъ ощущеній и изъ которыхъ слагается взаимодѣйствіе отдѣльныхъ органовъ тѣла между собою. Спеціальныхъ видовъ внѣшнихъ и внутреннихъ простыхъ психическихъ оборотовъ столько, сколько классовъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній (см. въ «Психологіи чувствованій», стр. 450 и слѣд.). Главные психическіе обороты, внѣшніе и внутренніе, конечно тѣ, которые исключительно связаны съ обмѣномъ впечатлѣній; но есть и второстепенные обороты, связанные съ обмѣномъ веществъ и служащіе средствомъ контроля сознанія надъ этимъ послѣднимъ. Поэтому главными внѣшними являются обороты, связанные съ зрительными, слуховыми, осязательными и мускульными ощущеніями; главными внутренними должно признать обороты, связанные съ внутренними ощущеніями въ органахъ воспріятія, въ органахъ движенія и въ центрахъ, при чемъ эти послѣдніе дѣлятся опять на обороты субъективнаго и объективнаго характера. Такъ какъ внѣшніе, или общіе, обороты въ человѣческомъ организмѣ совершаются при помощи различныхъ органовъ, способныхъ къ частной внутренней воспріимчивости и вообще къ взаимодѣйствію между собою, а не только къ участію во взаимодѣйствіи организма съ внѣшнимъ міромъ, то въ сущности въ психической жизни человѣка внѣшніе обороты не отдѣлимы отъ внутреннихъ: послѣдніе всегда должны сопровождать первые; однако сначала внутренніе обороты могутъ

быть совершенно безсознательными, и тогда конечно само сознаніе можетъ имѣть дѣло съ чисто внѣшними оборотами, которые, тѣмъ не менѣе, въ свою очередь всетаки могутъ быть и простыми и составными, т. е. могутъ составляться изъ нѣсколькихъ совмѣстныхъ простыхъ оборотовъ различнаго внѣшняго происхожденія (напр. зрительныхъ и слуховыхъ, или зрительныхъ и осязательныхъ, и т. д.). Эти составные, чисто внѣшніе, обороты тоже наступаютъ весьма рано, ибо условія для нихъ даны въ самой организаціи человѣка; поэтому-то въ человѣческомъ организмѣ, какъ и было уже замѣчено, идеально-простые обороты дѣйствительно составляютъ исключеніе. Но, при извѣстномъ развитіи сознанія, внѣшніе или общіе обороты конечно всего чаще переплетаются съ внутренними, частными; простѣйшимъ типомъ возникающихъ этимъ путемъ составныхъ оборотовъ являются сочлененія одного правильнаго внѣшняго оборота съ троякаго рода правильными внутренними оборотами, связанными съ отправленіями: 1) того или другого органа периферической воспріимчивости, 2) того или другого органа центральной переработки и 3) того или другого органа движенія.[1]) Схематически такой составной оборотъ, который весь конечно происходитъ въ центрахъ, но въ центрахъ различныхъ (периферической и центральной, объективной и субъективной чувствительности), можно изобразить помощью большого полукруга (общій внѣшній оборотъ) и трехъ, заключенныхъ въ немъ, меньшихъ (частные внутренніе обороты):



M — схема общаго внѣшняго оборота; *a*, *b* и *c* — схемы частныхъ оборотовъ, связанныхъ съ отправленіями органовъ чувствъ, центровъ и органовъ движенія. Но такъ какъ каждое изъ явленій, составляющихъ внѣшнее взаимодѣйствіе, подлежитъ особой центральной пере-

---

[1]) Примѣръ: крестьянинъ, пришедшій на заработки въ столицу, въ первый разъ видитъ пароходъ, — онъ разсматриваетъ его, любуется новинкою, стремится поближе разглядѣть ее и направляется къ пристани: это общій или внѣшній оборотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ частные или внутренніе: органъ зрѣнія, въ процессѣ разсматриванія, напрягается, чувствуетъ утомленіе и всетаки стремится приспособиться къ

работкѣ, — такъ какъ, далѣе, внѣшнее взаимодѣйствіе начинается въ развитомъ сознаніи обыкновенно сложнымъ аггрегатомъ ощущеній различныхъ органовъ периферической воспріимчивости и кончается точно также сложнымъ аггрегатомъ движеній разнообразныхъ мускуловъ, то конечно каждый изъ указанныхъ простыхъ элементовъ составного оборота въ свою очередь можетъ быть составнымъ, отчего и происходитъ та чрезвычайная сложность и запутанность явленій сознанія, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ ставила въ тупикъ психологовъ и заставляла ихъ приходить къ самымъ фантастическимъ предположеніямъ объ отношеніи явленій сознанія. Теорія «психическаго оборота», какъ намъ кажется, можетъ значительно упростить разчлененіе сознанія и, по крайней мѣрѣ, дастъ твердую научную опору для такого разчлененія. Теперь посмотримъ, можно ли и къ составнымъ психическимъ оборотамъ примѣнить принципъ различія страдательныхъ и дѣятельныхъ психическихъ взаимодѣйствій.

Въ идеальныхъ простыхъ оборотахъ общаго вида (см. выше стр. 53) главное различіе состоитъ въ томъ, что въ оборотахъ страдательныхъ начало и конецъ лежатъ въ объективныхъ моментахъ (ощущеніяхъ и выраженіяхъ), середина — въ субъективныхъ; въ оборотахъ дѣятельныхъ, на оборотъ, — начало и конецъ составляютъ субъективные моменты (стремленія и чувствованія), середину — моменты объективные (движенія и ощущенія). Въ составныхъ оборотахъ мы различили внѣшніе или общіе обороты и частные или внутренніе; во внѣшнихъ общихъ оборотахъ, какъ и въ каждомъ внутреннемъ, въ отдѣльности взятомъ, начало и конецъ разумѣется также могутъ лежать то въ объективныхъ, то въ субъективныхъ моментахъ, ибо это обороты сами по себѣ простые; въ преемствѣ же внутреннихъ оборотовъ роль объективныхъ моментовъ играютъ обороты периферическіе (связанные съ отправленіями органовъ чувствъ и органовъ движенія), роль субъективныхъ моментовъ принадлежитъ оборотамъ центральнымъ, направленнымъ къ переработкѣ элементовъ внѣшнихъ оборотовъ. Такимъ образомъ, различіе страдательныхъ и дѣятельныхъ составныхъ оборотовъ можно разсматривать съ двоякой точки зрѣ-

---

впечатлѣніямъ; въ центрахъ тоже происходитъ работа: обдумываніе и комбинація впечатлѣній, борьба чувствъ и стремленій (узнать предметъ и бросить баловство, чтобы пойти на работу); въ органахъ движенія та же смѣна оборотовъ, выражающаяся въ ускореніи или замедленіи шаговъ, смотря по близости пристани, и т. д.

нія, — съ точки зрѣнія отдѣльныхъ ихъ моментовъ, или съ точки зрѣнія общей связи этихъ моментовъ; но такъ какъ въ составныхъ оборотахъ характеръ частныхъ преемствъ психическихъ явленій конечно подчиненъ общей связи этихъ преемствъ, то контрастъ страдательныхъ и дѣятельныхъ составныхъ оборотовъ можно выразить слѣдующими двойными формулами:

Составные страдательные обороты:	Составные дѣятельные обороты:
Ощущенія	Центр. субъект. обороты
Периф. внутр. обор. отъ органовъ воспріятія	Стремленія
Центральные внутр. объективные обороты	Движенія
Чувствованія	Периферич. обор отъ органовъ движенія
Центральные внутр. субъективные обороты	Ощущенія
Стремленія	Периф. обор. отъ орган. воспріятія
Движенія	Центр. объект. обороты
Периф. внутр. обор. отъ органовъ движенія	Чувствованія

Въ этихъ формулахъ, между прочимъ, выраженъ и тотъ фактъ, что въ страдательныхъ составныхъ оборотахъ, источникомъ которыхъ является среда, внѣшнія ощущенія конечно служатъ поводомъ для внутреннихъ оборотовъ и причиною извѣстнаго ихъ преемства, — въ дѣятельныхъ же составныхъ оборотахъ, напротивъ, центральные внутренніе обороты служатъ поводомъ для образованія внѣшнихъ движеній. Конечно эти формулы опять не выражаютъ всего разнообразія двоякаго вида составныхъ оборотовъ, а лишь соотвѣтствуютъ наиболѣе простому ихъ типу; но кромѣ того онѣ не выражаютъ еще и послѣдовательности явленій въ отдѣльныхъ внутреннихъ оборотахъ: естественно, что при страдательномъ отношеніи сознанія внутренніе обороты, каждый въ отдѣльности, тоже начинаются, какъ и общій внѣшній, съ ощущеній и завершаются движеніями; напротивъ — при дѣятельномъ отношеніи сознанія конечно и внутренніе обороты, подобно внѣшнему, начинаются съ стремленій и завершаются чувствованіями. Эту идею можно было бы опять прекрасно выразить сложными графическими схемами (въ родѣ той, которую мы привели на стр. 59); но чтобы не пускаться въ излишнія подробности, не имѣющія отношенія къ ближайшимъ

нашимъ задачамъ, мы пока ограничимся упомянутыми формулами, ибо онѣ даютъ намъ необходимую общую идею о составныхъ оборотахъ двоякаго вида. Эти составные обороты, страдательные и дѣятельные, опять могутъ быть конечно различной сложности и различной правильности: такъ въ составныхъ оборотахъ обоего вида, какъ и въ простыхъ, могутъ также выпадать извѣстныя звенья — въ видѣ ли цѣлыхъ внутреннихъ оборотовъ, или же только отдѣльныхъ ихъ элементовъ — и центръ тяжести можетъ падать на различные элементы, — откуда возникаетъ возможность дальнѣйшей спеціализаціи или дифференціаціи тѣхъ и другихъ; но эту спеціализацію мы изслѣдуемъ подробнѣе въ другое время, а теперь подведемъ итоги всему предшествующему анализу.

Самымъ важнымъ результатомъ этого анализа является тотъ выводъ, что психическіе обороты, какъ и вообще психическое взаимодѣйствіе, весьма рано дифференцируются въ двухъ главныхъ направленіяхъ, а именно пассивномъ и активномъ, или страдательномъ и дѣятельномъ: не только въ человѣческомъ, но и въ животныхъ организмахъ эта дифференціація отчасти дана уже при самомъ рожденіи, какъ доказываютъ особенно упомянутыя нами выше инстинктивныя движенія организмовъ, направленныхъ къ измѣненію внѣшнихъ отношеній. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ организмовъ эта дифференціація обнаруживается конечно все рѣзче и рѣзче, — и взаимодѣйствіе совершенно равномѣрное въ зрѣлыхъ человѣческихъ организмахъ уже почти вовсе болѣе не встрѣчается: во всѣхъ дѣйствительныхъ оборотахъ зрѣлаго сознанія преобладаетъ — или дѣйствіе среды на организмъ, или организма на среду, и, параллельно, въ самомъ организмѣ — дѣйствіе периферіи на центры или же центровъ на периферію. Отсюда является возможность всѣ дѣйствительныя психическія взаимодѣйствія человѣка раздѣлить на два класса, страдательныхъ и дѣятельныхъ. Первый классъ взаимодѣйствій можно обнять въ общемъ понятіи «психической жизни», второй классъ — въ понятіи «психической дѣятельности», признавъ затѣмъ оба эти понятія, въ свою очередь, составными элементами болѣе широкаго или общаго понятія «психическаго существованія».

Наука, которая разумѣется всегда стремится къ спеціализаціи своихъ задачъ для наилучшаго ихъ рѣшенія, выходя изъ этихъ понятій, конечно и въ примѣненіи къ анализу сознанія, какъ уже было отчасти указано нами въ введеніи, можетъ стать на различныя точки зрѣнія. Другими словами, она можетъ заняться: или общимъ изслѣдованіемъ психическаго существованія и, выходя изъ наблюденій

надъ цѣлымъ рядомъ организмовъ, постараться опредѣлить ходъ постепеннаго осложненія этого послѣдняго и дифференціаціи его на рядъ страдательныхъ и рядъ дѣятельныхъ оборотовъ, простыхъ и составныхъ — это будетъ своего рода біологіей сознанія; или она можетъ поставить себѣ задачею изслѣдованіе продуктовъ вліянія внѣшней среды на организмъ, т. е. явленій психической жизни въ связи съ постепеннымъ развитіемъ ихъ, благодаря этому вліянію внѣшней среды, — это будетъ анатоміей сознанія; или, наконецъ, она можетъ изслѣдовать процессы дѣйствія самого организма и сознанія, т. е. движенія, составляющія психическую дѣятельность (тоже въ ихъ послѣдовательномъ развитіи), — и это будетъ своего рода физіологіей сознанія. Если хотѣть дать болѣе точныя наименованія указаннымъ тремъ особымъ наукамъ психологическаго круга, то пожалуй всего лучше будетъ общую біологію сознанія обозначить терминомъ психологіи — конечно въ болѣе обширномъ значеніи (какъ науки о психическомъ существованіи всѣхъ организмовъ), чѣмъ въ какомъ ее до сихъ поръ понимали; анатомію же или статику психическаго существованія можно будетъ назвать психостатикой, а физіологію или динамику его — психодинамикой[1]). Въ свою очередь и психостатика и психодинамика могутъ быть тоже болѣе общими и болѣе спеціальными, и притомъ спеціализація ихъ возможна даже въ двухъ направленіяхъ: психостатика можетъ заниматься спеціально явленіями психической жизни различныхъ видовъ организмовъ, точно также и психодинамика — изслѣдованіемъ психической дѣятельности организмовъ различныхъ классовъ; но, кромѣ того, психостатика можетъ имѣть предметомъ различные классы самихъ явленій сознанія въ ихъ постепенномъ осложненіи, психодинамика — различныя направленія дѣятельности сознанія. Слѣдовательно психостатика человѣка можетъ быть въ частности психостатикой явленій ума, чувства, воли, дѣятельности (какъ совокупности выраженій внутреннихъ состояній), и точно также психодинамика человѣка можетъ касаться различныхъ процес-

---

[1]) Этими нововведеніями мы конечно осуждаемъ заглавіе своего прошлаго сочиненія, т. е. понятіе «психологіи чувствованій», которое теперь замѣнили бы понятіемъ «психостатики чувствованій»; но зрѣлый критикъ признаетъ въ этомъ фактѣ конечно не доказательство непослѣдовательности, а признакъ своего рода прогресса. Прогрессъ и вообще развитіе исключаютъ возможность педантической послѣдовательности, а стремленіе къ этой послѣдней, обратно, убиваетъ прогрессъ.

совъ его психической дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія и понятна возможность такихъ спеціальныхъ наукъ, какъ логика и этика: *логику* мы опредѣляемъ какъ психодинамику *процессовъ познавательной дѣятельности*, *этику* — какъ психодинамику процессовъ *нравственной дѣятельности*. Такія спеціальныя названія конечно весьма полезны, и потому-то мы въ введеніи и протестовали противъ смѣшенія науки о *познавательной дѣятельности* съ психологіей и порѣшили называть её старымъ именемъ логики, — тѣмъ болѣе, что всѣ сколько-нибудь заслуживающіе вниманія вопросы *старой логики* неизбѣжно должны войти, какъ мы увидимъ ниже, въ составъ психодинамики познанія.

Если мы теперь, съ точки зрѣнія этой новой классификаціи наукъ о психическомъ существованіи, окинемъ однимъ взглядомъ всѣ предшествующія свои разсужденія, то должны будемъ признать ихъ отрывкомъ *психологіи* въ выше принятомъ новомъ значеніи этого термина (къ этой же «психологіи» относилась и соотвѣтствующая общая, а именно девятая, глава «Психол. чувствов.»). Затѣмъ намъ предстоитъ дать отрывокъ изъ общей *психодинамики*, т. е. подробнѣе разобрать составъ психической дѣятельности *вообще*, въ противуположность психической жизни, и только тогда, перейдя къ болѣе частному анализу познавательной дѣятельности, мы приступимъ собственно къ изслѣдованіямъ *логическимъ*.

Психическая *дѣятельность*, въ обширномъ смыслѣ, есть очевидно *совокупность всѣхъ движеній и дѣйствій*, направленныхъ къ приспособленію какихъ-нибудь внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ; въ болѣе точномъ смыслѣ она есть *совокупность всѣхъ характерныхъ, простыхъ или составныхъ, психическихъ оборотовъ, исходящихъ отъ сознанія* и направленныхъ къ измѣненію упомянутыхъ внѣшнихъ отношеній. Это различіе *обширнаго* и *болѣе точнаго* значенія «дѣятельности» имѣетъ основаніе въ указанномъ нами въ свое время различіи *равномѣрныхъ* психическихъ оборотовъ (въ которыхъ пассивные и активные моменты находятся въ гармоніи) *отъ неравномѣрныхъ* (въ которыхъ преобладаетъ одинъ изъ факторовъ взаимодѣйствія — сознаніе или среда); но въ примѣненіи къ человѣческому сознанію оно не имѣетъ большой важности, ибо въ человѣческомъ организмѣ, какъ мы видѣли, съ самаго начала уже дано

различіе страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ, выраженій и движеній въ собственномъ смыслѣ этого слова, — такъ что почти всѣ движенія и дѣйствія, направленныя къ измѣненію внѣшнихъ отношеній, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и элементы дѣятельныхъ оборотовъ.

Различіе видовъ психической дѣятельности основано конечно главнымъ образомъ на различіи тѣхъ внѣшнихъ отношеній, которыя приспособляются ею къ внутреннимъ. Поэтому главныя группы этихъ приспособляемыхъ ею внѣшнихъ отношеній и надо разсмотрѣть прежде всего.

Припомнимъ, что всѣ психическіе обороты, страдательные и дѣятельные, дѣлятся на общіе и частные, при чемъ первые, т. е. общіе, основаны на взаимодѣйствіи психическаго организма съ внѣшнею средою, вторые — на взаимодѣйствіи между отдѣльными частями организма. Отсюда уже слѣдуетъ, что понятіе о внѣшнихъ отношеніяхъ, приспособляемыхъ въ психической дѣятельности, какъ и о внѣшнихъ отношеніяхъ, приспособляющихъ внутреннія — въ психической жизни, не должно быть слишкомъ узкое: не только въ средѣ, но и въ самомъ организмѣ могутъ лежать эти внѣшнія отношенія, приспособляющія и приспособляемыя. Можно даже сказать, что, въ примѣненіи къ каждому психическому обороту, внѣшними являются тѣ отношенія, которыя въ самомъ этомъ оборотѣ не играютъ непосредственной роли, — и съ этой точки зрѣнія даже отношенія явленій сознанія могутъ играть роль «внѣшнихъ», приспособляющихъ къ себѣ отношенія другихъ явленій сознанія и въ свою очередь ими приспособляемыя; такъ очевидно въ центральныхъ внутреннихъ оборотахъ роль приспособляемыхъ и приспособляющихъ внѣшнихъ отношеній играютъ отношенія воспріятій органовъ чувствъ и другихъ явленій (чувствованій и проч.), изъ нихъ вытекающихъ. Но въ такомъ случаѣ конечно и обратно — внутреннія отношенія, приспособляемыя къ внѣшнимъ, тоже различны: въ оборотахъ общаго характера внутренними должно признать отношенія всѣхъ явленій сознанія, вызываемыхъ дѣйствіемъ среды; въ оборотахъ частныхъ — отношенія спеціальныхъ явленій, составляющихъ эти частные обороты, между тѣмъ какъ отношенія прочихъ явленій сознанія играютъ роль внѣшнихъ элементовъ.

Слѣдовательно понятія внѣшнихъ и внутреннихъ приспособляющихъ и приспособляемыхъ отношеній весьма относительны. Тѣ и другія могутъ быть въ свою очередь, сравнительно съ другими отношеніями, опять и внѣшними и внутренними. Отсюда можетъ

явиться потребность замѣнить эти понятія болѣе точными; но сдѣлать это не такъ легко. Если бы мы поставили на ихъ мѣсто понятія объективныхъ и субъективныхъ отношеній и сказали бы, что въ психической дѣятельности объективныя отношенія приспособляются къ субъективнымъ, въ сферѣ психической жизни — на оборотъ, то едва ли бы что-нибудь выиграли отъ такой замѣны, ибо и эти понятія опять относительны: элементы каждаго даннаго оборота, приспособляемыя къ чему-либо или приспособляющія къ себѣ что-либо, опять дѣлятся по нашей же теоріи на объективные и субъективные, такъ что пришлось бы согласиться въ такомъ случаѣ напр., что въ психической дѣятельности не только субъективныя отношенія приспособляютъ къ себѣ объективныя, но и объективныя (напр. комбинаціи движеній) другія, болѣе объективныя (отношенія среды); такія опредѣленія конечно опять привели бы къ путаницѣ понятій и въ сущности никого бы не могли удовлетворить. Пожалуй цѣлесообразнѣе были бы уже взятые напр. изъ древнефилософскаго языка термины эсотерическихъ и экзотерическихъ (въ примѣненіи къ данному обороту) отношеній, такъ какъ они по крайней мѣрѣ въ психологіи не употребляются ни въ какомъ другомъ значеніи; пользуясь этими терминами, мы должны были бы сказать, что въ психической дѣятельности — экзотерическія, въ примѣненіи къ оборотамъ, составляющимъ её, отношенія приспособляются къ эсотерическимъ; въ оборотахъ психической жизни, напротивъ, — эсотерическія отношенія приспособляются къ экзотерическимъ[1]). Но въ сущности эти термины выражаютъ почти то же самое, что и термины «внѣшнихъ» и «внутреннихъ» отношеній, и мы полагаемъ, что и эти послѣдніе могутъ быть вполнѣ пригодны для нашихъ цѣлей, если мы только не будемъ забывать ихъ относительнаго значенія.

На основаніи изложенныхъ соображеній, необходимо признать, что внѣшнія отношенія, приспособляемыя къ внутреннимъ въ оборотахъ психической дѣятельности, могутъ быть: во 1) отношеніями внѣшней среды, 2) отношеніями самого организма; эти послѣднія могутъ быть въ свою очередь 1) физическими (или физіологическими) и 2) психическими (т. е. отношеніями самихъ явленій сознанія, лежащихъ

---

[1]) Напр. въ примѣненіи къ частнымъ центральнымъ оборотамъ отношенія внѣшнихъ ощущеній и связанныхъ съ ними явленій будутъ «экзотерическими», а отношенія ощущеній, чувствованій, стремленій и движеній интеллектуальныхъ — «эсотерическими»: послѣднія приспособляютъ къ себѣ первыя и обратно.

въ другой сферѣ его, чѣмъ элементы даннаго оборота). А отсюда вытекаетъ, что психическую дѣятельность въ обширномъ значеніи слѣдуетъ прежде всего дѣлить на внѣшнюю, т. е. внѣ-органическую, и внутреннюю, или органическую; затѣмъ эту послѣднюю должно дѣлить на физическую (направленную къ измѣненію физическихъ отношеній организма) и въ тѣсномъ смыслѣ слова психическую. Эта въ тѣсномъ смыслѣ слова психическая дѣятельность, въ свою очередь, можетъ быть направлена къ измѣненію различныхъ группъ внѣшнихъ (по отношенію къ оборотамъ, ее составляющимъ) явленій сознанія и, прежде всего, явленій объективной или субъективной воспріимчивости, субъективной или же объективной дѣятельности. «Психическая дѣятельность» (въ тѣсномъ смыслѣ слова), спеціально направленная къ развитію явленій объективной воспріимчивости, т. е. къ приспособленію ихъ отношеній къ отношеніямъ органическихъ ощущеній, чувствованій и т. д., въ соотвѣтствующихъ частныхъ оборотахъ, и есть занимающая насъ по преимуществу познавательная дѣятельность.

Такимъ образомъ познавательная дѣятельность есть совокупность движеній и дѣйствій, или дѣятельныхъ оборотовъ (или, выражаясь общѣе, процессовъ), направленныхъ къ развитію явленій объективной воспріимчивости и имѣющихъ результатомъ приспособленіе отношеній этихъ явленій, какъ своего рода внѣшнихъ, — къ внутреннимъ отношеніямъ, лежащимъ въ основаніи самихъ оборотовъ, составляющихъ эту дѣятельность, т. е. оборотовъ познавательныхъ.

Это опредѣленіе конечно довольно сложно; но, во первыхъ, оно вполнѣ точно отдѣляетъ сферу «познавательной дѣятельности» отъ всѣхъ другихъ сферъ дѣятельности организма; во вторыхъ, послѣдняя его половина, какъ пояснительная, можетъ быть опущена безъ существеннаго ущерба для цѣлаго, если мы только вполнѣ усвоимъ себѣ значеніе дѣятельнаго психическаго существованія въ противуположность страдательному.

Теперь, предоставляя общей психодинамикѣ дальнѣйшее разчлененіе главныхъ видовъ психической дѣятельности, въ обширномъ значеніи этого понятія, на виды болѣе частные и спеціальные, мы подробнѣе остановимся на анализѣ состава познавательной дѣятельности, т. е. изъ области общей психодинамики перейдемъ наконецъ въ область логики.

Познавательная дѣятельность конечно можетъ быть различной сложности, отчего и составъ ея можетъ быть различенъ. Но въ человѣческомъ организмѣ несомнѣнно съ самого начала, въ силу унаслѣдованнаго отъ родителей устройства нервной системы, она уже слагается изъ оборотовъ составныхъ, хотя бы нѣкоторые моменты этихъ составныхъ оборотовъ (т. е. простые обороты, въ нихъ входящіе) были совершенно безсознательны. Дѣло въ томъ, что на самыя первыя впечатлѣнія среды мы откликаемся уже троякаго рода движеніями, имѣющими задачею измѣненіе отношеній объективныхъ воспріятій и связанными между собою въ болѣе или менѣе правильныя преемства. Эти троякаго рода движенія суть: извѣстныя движенія мозга, всѣ движенія органовъ чувствъ и нѣкоторыя движенія органовъ выраженія (напр. органовъ рѣчи). Сначала, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь пассивныхъ, внѣшнихъ или внутреннихъ, раздраженій, происходятъ извѣстныя центральныя движенія мозга, а затѣмъ, въ связи съ ними, тѣ или другія движенія органовъ чувствъ или органовъ выраженія. Первыя движенія устанавливаютъ отношенія нѣсколькихъ послѣдовательныхъ объективныхъ воспріятій между собою, т. е. приспособляютъ эти отношенія къ внутреннимъ потребностямъ центровъ, вторыя — приспособляютъ внѣшнія отношенія органовъ чувствъ къ такимъ же внутреннимъ потребностямъ центровъ, но не къ тѣмъ же самымъ, а къ другимъ, а именно къ потребностямъ новаго притока матеріала для внутренней центральной переработки; третьи, наконецъ, выражаютъ во внѣ результаты центральной переработки, а позднѣе приспособляютъ прямо самыя внѣшнія отношенія среды къ потребностямъ того же притока воспріятій (движенія рукъ въ научныхъ опытахъ). Стало быть, познавательная дѣятельность на самыхъ низшихъ ступеняхъ своихъ слагается уже изъ составныхъ оборотовъ, въ которыхъ переплетаются другъ съ другомъ троякаго рода болѣе простые обороты внутренняго происхожденія, периферическіе двухъ видовъ и центральные. Мы говоримъ «переплетаются», ибо разумѣется и тѣ, и другіе, и третьи опять въ каждую минуту весьма разнообразны: центральные органы пользуются различными органами периферической воспріимчивости и движенія для увеличенія своего матеріала и для выраженія результатовъ своей работы, а обороты этихъ периферическихъ органовъ въ свою очередь вызываютъ разнообразные, частію одновременные, частію преемственные, обороты въ центральныхъ органахъ. Сначала впрочемъ всѣ эти дѣятельные обороты совершенно безсознательны и сознаются только ихъ продукты:

ощущенія и различныя комбинаціи этихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи сознательность ихъ постепенно ростетъ и сложность движеній, составляющихъ въ нихъ центръ тяжести, тѣмъ самымъ тоже увеличивается; но это развитіе сознательности и сложности различныхъ познавательныхъ движеній и соотвѣтствующихъ имъ дѣятельныхъ оборотовъ мы разсмотримъ послѣ.

Во всякомъ случаѣ, и самые первоначальные, и болѣе сложные и сознательные, познавательные обороты, развивающіеся изъ нихъ впослѣдствіи, въ человѣческомъ организмѣ всѣ имѣютъ составной характеръ и разложимы на указанные три главные типа оборотовъ простыхъ, а именно центральныхъ и связанныхъ съ ними двоякаго рода периферическихъ, относящихся къ процессамъ воспріятія и къ процессамъ движенія. Центральные дѣятельные обороты, въ свою очередь весьма разнообразные, развиваютъ непосредственно отношенія самихъ психическихъ явленій объективной воспріимчивости; периферическіе перваго рода приспособляютъ къ внутреннимъ отношеніямъ (въ центрахъ) внѣшнія физическія отношенія органовъ объективной воспріимчивости; наконецъ, периферическіе второго рода — или тоже приспособляютъ къ тѣмъ же внутреннимъ отношеніямъ физическія отношенія органовъ выраженія (напр. органовъ рѣчи), или же приспособляютъ къ нимъ, чрезъ посредство органовъ движенія, самыя отношенія внѣшней среды (для усиленія притока впечатлѣній). Главную роль конечно играютъ обороты центральные, периферическіе же имѣютъ служебное или подчиненное значеніе; но, такъ или иначе, познавательная дѣятельность, какъ по преимуществу психическая, пользуется въ свою очередь, въ сложныхъ организмахъ, для своихъ цѣлей содѣйствіемъ другихъ видовъ дѣятельности, а именно — дѣятельности физической и дѣятельности внѣшней. Этотъ замѣчательный фактъ наводитъ на мысль, что и вообще всякая частная психическая дѣятельность (въ обширномъ значеніи слова) совершается въ сложномъ человѣческомъ организмѣ при содѣйствіи всѣхъ другихъ частныхъ видовъ дѣятельности, въ различномъ только ихъ распредѣленіи, — и эту мысль подтверждаютъ очень многія соображенія. Но пока, т. е. въ настоящемъ сочиненіи, мы оставляемъ ее гипотезою и не будемъ тратить времени и мѣста на ея подтвержденіе, такъ какъ она не имѣетъ отношенія къ ближайшимъ нашимъ задачамъ. Для насъ важенъ фактъ, что — какъ бы ни была сложна познавательная дѣятельность человѣка — составные обороты, изъ которыхъ

она слагается, разложимы съ самаго начала и до самаго конца (въ силу унаслѣдованной организаціи нашей нервной системы) на преемства троякаго рода простыхъ оборотовъ, а именно оборотовъ — связанныхъ съ отправленіями центровъ, органовъ воспріятія и органовъ движенія. Оставивъ пока въ сторонѣ болѣе подробный анализъ спеціальныхъ разновидностей оборотовъ этихъ господствующихъ классовъ, мы сосредоточимъ вниманіе лишь на упомянутыхъ главныхъ центральныхъ оборотахъ и движеніяхъ, имъ соотвѣтствующихъ.

Совокупность этихъ главныхъ центральныхъ познавательныхъ оборотовъ и обнимается понятіемъ умственной дѣятельности, или умственныхъ процессовъ, которые мы намѣрены подвергнуть спеціальному анализу въ слѣдующихъ главахъ. Слѣдовательно умственные процессы, какъ и вообще центральные, не суть что-либо особое и отдѣльное отъ психическихъ оборотовъ, а составляютъ лишь спеціальный видъ этихъ послѣднихъ: умственные процессы лучше всего опредѣлить, какъ ряды или преемства дѣятельныхъ центральныхъ оборотовъ и составляющихъ въ нихъ центръ тяжести движеній и дѣйствій, направленныхъ къ развитію явленій объективной воспріимчивости, а именно при помощи матеріала, даваемаго внѣшнимъ опытомъ, прежнимъ, настоящимъ и будущимъ. Какъ видъ общихъ центральныхъ процессовъ развитія явленій сознанія, эти умственные процессы уже отчасти извѣстны намъ: это главнымъ образомъ процессы ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи (ср. Психол. чувств., Глава XII). Но такъ какъ обыкновенно говорятъ и о цѣломъ рядѣ другихъ умственныхъ процессовъ (напр. сужденія и умозаключенія, анализа и синтеза и т. д.), и отношеніе этихъ другихъ процессовъ къ упомянутымъ выше, равно какъ и вообще спеціальное развитіе умственныхъ процессовъ, въ прежнемъ сочиненіи нами не было разсмотрѣно, то намъ очевидно предстоитъ въ настоящемъ трудѣ весьма обширная и интересная задача: прослѣдить постепенное осложненіе самихъ процессовъ осложненія или развитія одного круга психическихъ явленій, а именно явленій объективной воспріимчивости. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой задачи, необходимо однако разобрать еще два вопроса, а именно: во 1) можно ли всѣ умственные процессы разсматривать какъ составной элементъ познавательной дѣятельности, и во 2) въ какой связи развитіе умственныхъ процессовъ находится съ развитіемъ познавательной дѣя-

тельности вообще? Отсюда въ свою очередь мы придемъ къ анализу общихъ ступеней развитія познавательной дѣятельности.

Когда мы разрѣшимъ эти задачи, ближайшія цѣли изслѣдованія умственныхъ процессовъ выяснятся точнѣе.

Предположеніе, что всѣ умственные процессы входятъ въ составъ познавательной дѣятельности, раздѣляется далеко не всѣми психологами. Понятіе умственной дѣятельности, какъ совокупности этихъ процессовъ, весьма даже долго считалось болѣе широкимъ, чѣмъ понятіе познавательной дѣятельности, и эта послѣдняя признавалась только особымъ высшимъ видомъ и спеціальнымъ направленіемъ умственной дѣятельности вообще; но нечего и говорить, что при этомъ разумѣлась только высшая, произвольная и сознательная, познавательная дѣятельность и затѣмъ, въ предѣлахъ этой послѣдней, одни только процессы центральной переработки идей. Впрочемъ даже и тѣ психологи, которые признавали возможность непроизвольныхъ и даже безсознательныхъ познавательныхъ процессовъ, разумѣя подъ этими послѣдними однако большею частью лишь процессы центральной переработки, рѣдко считали умственные процессы элементомъ познавательныхъ, а чаще всего: или противуполагали познавательные процессы умственнымъ, какъ понятія, равныя по объему, но соотвѣтствующія двумъ различнымъ направленіямъ центральной переработки объективныхъ воспріятій, или же совершенно отождествляли эти два понятія другъ съ другомъ, сознавая, что въ сущности всѣ умственные процессы въ концѣ концевъ служатъ цѣлямъ познавательнымъ.

Если однако принять во вниманіе, что въ составъ познавательной дѣятельности, какъ и было указано выше, входятъ не одни центральные или умственные процессы и движенія, но и рядъ другихъ, периферическихъ, хотя бы играющихъ служебную роль, то и отождествленіе познавательной и умственной дѣятельности окажется незаконнымъ, и останется только признать, что умственные процессы — лишь одинъ, хотя бы и главный, элементъ познавательной дѣятельности. Но можетъ быть всетаки и въ самомъ дѣлѣ не всѣ умственные процессы, а только бо́льшая часть ихъ служитъ цѣлямъ познанія, т. е. цѣлямъ «развитія» объективныхъ воспріятій? Этотъ то вопросъ мы теперь и разсмотримъ.

Не имѣя пока еще никакихъ точныхъ представленій о составѣ

умственной дѣятельности, мы конечно должны сдѣлать точкою отправленія для своего анализа ходячія понятія о ея направленіяхъ и элементахъ. Умственная дѣятельность обыкновенно разлагается на слѣдующія элементарныя функціи, къ которымъ приводятся затѣмъ и всѣ болѣе сложныя отправленія ума: функціи памяти, ассоціаціи, сужденія и вывода, воображенія или творчества. Памятью называется усвоеніе и воспроизведеніе объективныхъ воспріятій, ощущеній и идей; но такъ какъ воспроизведеніе въ свою очередь конечно содѣйствуетъ болѣе прочному усвоенію тѣхъ или другихъ воспріятій, то понятіе «усвоенія» вполнѣ выражаетъ сущность процессовъ, называемыхъ памятью вообще. Нечего и говорить, что всякое усвоеніе объективныхъ воспріятій служитъ орудіемъ «познавательной дѣятельности» и источникомъ развитія идей: какъ бы нелѣпы и даже ошибочны ни были усвояемыя воспріятія, они отражаются на общемъ составѣ идей человѣка и, прямо или косвенно, на характерѣ его знаній о внѣшнемъ мірѣ: страдаютъ ли, или выигрываютъ его знанія отъ тѣхъ или другихъ усвояемыхъ воспріятій, — это другой вопросъ; но что они такъ или иначе видоизмѣняются подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ томъ же смыслѣ разумѣется, видоизмѣняются и, такъ или иначе, развиваются эти знанія подъ вліяніемъ правильныхъ или неправильныхъ ассоціацій между данными опытомъ воспріятіями и подъ вліяніемъ сужденій и выводовъ. Всѣ эти процессы, разнообразно комбинируя объективные продукты опыта, развиваютъ болѣе или менѣе, въ лучшую или въ худшую сторону, наши идеи о внѣшнемъ мірѣ и о собственномъ организмѣ, а равно и совокупности этихъ идей, называемыя знаніями. Слѣдовательно, остается только вопросомъ, не могутъ ли хоть процессы воображенія или умственнаго творчества быть поставлены внѣ познавательныхъ процессовъ? Но, во первыхъ, новѣйшая психологія и эти процессы, воображенія и творчества, считаетъ лишь особымъ видомъ процессовъ ассоціаціи и вывода (а именно построительными ассоціаціями и выводами). Во вторыхъ, ясно, что если бы даже построенія ума были совершенно фантастичны и произвольны и если бы даже мы сами сознавали эту ихъ фантастичность и произвольность, то и тогда они не только должны были бы измѣнять и осложнять наши идеи, но и отражаться, хотя бы косвенно, на представленіяхъ и понятіяхъ нашихъ о внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ сознаніе, по самой природѣ своей, всегда объективируетъ свои ощущенія и идеи, т. е. ставитъ имъ объекты во внѣшней дѣйствитель-

ности. Сколько бы мы ни увѣряли себя напр., что видѣнная нами историческая опера или прочитанный нами историческій романъ составляютъ продуктъ фантазіи ихъ авторовъ, — но воспріятія, сложившіяся въ связи съ этими фантастическими произведеніями, несомнѣнно войдутъ какъ извѣстный ингредіентъ въ составъ строго реальныхъ и даже научныхъ знаній нашихъ о соотвѣтствующихъ историческихъ эпохахъ, событіяхъ и лицахъ. Сколько бы ни увѣряли себя, что прочитанная въ литературномъ произведеніи или видѣнная нами на театрѣ бытовая сцена вымышлена тѣмъ или другимъ романистомъ, поэтомъ или драматургомъ, — мы всетаки не въ состояніи будемъ устранить пріобрѣтенныхъ даннымъ способомъ представленій изъ состава реальныхъ представленій о бытѣ того или другого народа, того или другого слоя общества, того или другого разряда людей вообще. Но не только мы, зрители и читатели произведеній фантазіи, но и самые авторы ихъ, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ многіе ихъ читатели, чрезъ призму этихъ произведеній, какъ готовыхъ цѣлыхъ, созерцаютъ дѣйствительность, ибо уже и самое созданіе соотвѣтствующихъ образовъ и картинъ и воплощеніе ихъ въ словѣ возможно лишь подъ условіемъ нѣкотораго отождествленія и смѣшенія фикцій и реальной дѣйствительности. Потому-то между прочимъ поэты и обладаютъ всегда совершенно своеобразными идеями о мірѣ и его значеніи, болѣе или менѣе далекими отъ объективныхъ результатовъ науки и часто даже противорѣчащими выводамъ этой послѣдней: ихъ знанія чаще всего носятъ мистическій отпечатокъ, составляющій прямой продуктъ сплетенія фантазіи съ объективными данными опыта (припомнимъ только Достоевскаго!).

Такимъ образомъ всѣ умственные процессы тѣмъ или инымъ путемъ, служа развитію и осложненію нашихъ идей, въ то же время являются орудіями и моментами познавательной дѣятельности. Вся разница лишь въ томъ, что въ однихъ случаяхъ они оказываются безсознательными, въ другихъ — сознательными, въ однихъ — косвенными, въ другихъ — прямыми орудіями этой послѣдней, и что въ иныхъ случаяхъ результаты умственныхъ процессовъ положительны, въ другихъ — отрицательны, т. е. что иногда они совершенствуютъ и исправляютъ знанія, а иногда, напротивъ, только спутываютъ и искажаютъ ихъ. Но всѣ эти различія конечно зависятъ не столько отъ характера самыхъ процессовъ умственной дѣятельности, которые, какъ мы увидимъ въ свое время, всегда имѣютъ

одинъ и тотъ же общій типъ, сколько отъ характера ихъ матеріала, т. е. отъ отношенія элементовъ умственной дѣятельности къ данному объективной дѣйствительности, а также отчасти и отъ различной сознательности и степени развитія однихъ и тѣхъ же движеній ума. Поэтому-то мы и признали всѣ умственные процессы составнымъ элементомъ познавательной дѣятельности и притомъ, разумѣется, самымъ важнымъ и существеннымъ, ибо всѣ прочіе процессы и движенія, ее составляющія, опредѣляются умственными процессами и служатъ лишь пособіями для внутренняго или центральнаго развитія идей.

Но если умственные процессы всего важнѣе и существеннѣе въ системѣ процессовъ познавательныхъ, если они составляютъ какъ бы настоящее зерно и центръ тяжести познавательной дѣятельности, то и анализъ ихъ конечно долженъ стоять на первомъ планѣ въ психодинамикѣ этой дѣятельности, и вслѣдствіе этого-то мы и рѣшили сдѣлать его предметомъ настоящаго сочиненія.

Въ изслѣдованіи умственныхъ процессовъ, какъ и всякой группы процессовъ, совершающихся въ природѣ и въ самомъ организмѣ, правильно понимающая свои задачи наука можетъ стать только на одну точку зрѣнія, а именно на точку зрѣнія развитія. Только выходя изъ этой точки зрѣнія, можно надѣяться привести всѣ умственные процессы къ одному основному типу и къ однообразнымъ, неизмѣннымъ законамъ; только выходя изъ нея, можно надѣяться пріобрѣсти и правильную естественную классификацію всѣхъ умственныхъ процессовъ. Но въ такомъ случаѣ конечно невольно приходишь ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ, а именно — въ какой связи и отношеніи развитіе умственныхъ процессовъ находится съ общимъ развитіемъ познавательной дѣятельности?

Уже a priori понятно, что развитіе частей или элементовъ находится всегда въ связи съ развитіемъ цѣлаго, и болѣе или менѣе параллельно ему. Понятно также и то, что связь эта заключается столько же въ зависимости развитія цѣлаго отъ развитія частей, сколько и развитія частей отъ развитія цѣлаго; цѣлое, какъ совокупность другихъ еще частей, развиваясь въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ, въ такой же мѣрѣ можетъ отражаться обратно на развитіи данной одной части, какъ и развитіе этой послѣдней, черезъ посредство другихъ частей, на общемъ развитіи цѣлаго. Эти соображенія всего лучше подтверждаются и общею наукою объ организмѣ, біологіею: каждый органъ развивается въ связи съ развитіемъ всего организма, а развитіе

всего организма зависитъ обратно отъ развитія отдѣльныхъ его органовъ. Но такъ какъ несомнѣнно все же, что развитіе цѣлаго есть въ концѣ концевъ итогъ развитія его частей и что цѣлое не самостоятельно, а лишь при посредствѣ другихъ своихъ частей, можетъ оказать вліяніе на развитіе данной части, ибо цѣлое и не существуетъ внѣ своихъ элементовъ, то естественно, что и ступени развитія познавательной дѣятельности суть въ сущности лишь итогъ ступеней развитія умственныхъ и другихъ спеціальныхъ процессовъ, ее составляющихъ Вслѣдствіе этого, повидимому, и въ логикѣ опредѣленіе ступеней развитія умственныхъ и другихъ частныхъ процессовъ должно предшествовать опредѣленію общихъ ступеней развитія познавательной дѣятельности, а не на оборотъ. Тутъ однако является еще иное соображеніе: какъ скоро признано, что развитіе цѣлаго и развитіе частей должны идти параллельно и совмѣстно, то ясно, что отъ ступеней осложненія цѣлаго, если онѣ могутъ быть подмѣчены самостоятельно, столько же можно заключать къ ступенямъ развитія какой-нибудь части, какъ и обратно. Разница будетъ только въ томъ, что первымъ способомъ можно придти лишь къ гипотетическимъ выводамъ, вторымъ же способомъ — къ выводамъ совершенно достовѣрнымъ; но такъ какъ гипотетическіе выводы de facto всегда предшествуютъ достовѣрнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ руководятъ спеціальнымъ анализомъ (ср. въ концѣ введенія), то и въ данномъ случаѣ ничто не мѣшаетъ съ нихъ начать дѣло, если только въ этомъ методѣ есть какія-нибудь выгоды. Выгоды же есть несомнѣнно: такъ какъ цѣлое всегда обладаетъ бóльшимъ количествомъ признаковъ, чѣмъ каждая его часть, то подмѣтить фазисы измѣненія цѣлаго легче, чѣмъ фазисы измѣненія какой-нибудь части; а затѣмъ, если хотѣть прослѣдить развитіе части независимо отъ развитія цѣлаго, то при этомъ непремѣнно рискуешь сдѣлать ошибку, ибо развитіе одной части всетаки не есть совершенно самостоятельный процессъ: каждая часть, какъ мы уже указали, развивается и измѣняется всегда подъ вліяніямъ развитія и измѣненія другихъ частей, въ свою очередь оказывая вліяніе на осложненіе этихъ послѣднихъ. Поэтому, только при помощи общей, хотя бы и гипотетической картины развитія цѣлаго, можно избѣгнуть односторонности въ спеціальномъ изслѣдованіи развитія той или другой его части[1]).

---

[1]) Оттого то и въ наукахъ объ организмѣ теорія развитія отдѣльныхъ частей его, или органовъ, получила твердое основаніе лишь съ постановкою болѣе широкой

Вотъ тѣ соображенія, которыя оправдываютъ необходимость и въ данномъ случаѣ предпослать первичную дедукцію, основанную на первичныхъ индукціяхъ, спеціальному анализу, или индукціямъ вторичнымъ.

Стало быть, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію состава и ступеней развитія умственныхъ процессовъ, мы попробуемъ нарисовать общую картину развитія познавательной дѣятельности, предупреждая однако, что вѣрность этой картины можетъ окончательно потвердиться лишь съ анализомъ ступеней развитія всѣхъ частныхъ познавательныхъ процессовъ и что поэтому даже послѣдующій анализъ умственныхъ процессовъ можетъ сдѣлать правильность ея лишь въ высшей степени вѣроятною, а отнюдь не окончательно достовѣрною. Эта окончательная достовѣрность можетъ быть достигнута лишь съ разработкою всѣхъ частей логики.

Ступени развитія познавательной дѣятельности къ сожалѣнію до сихъ поръ еще никѣмъ не были изслѣдованы и опредѣлены, какъ это конечно хорошо извѣстно всѣмъ знатокамъ исторіи психологіи и логики. Самый вопросъ въ той постановкѣ, какую мы ему дали, совершенно новый. Можно разумѣется съ натяжкою найти нѣкоторые намеки на него у психологовъ и представителей теоріи познанія въ самыя различныя эпохи, начиная чуть ли не съ Аристотеля: можно найти напр. отдѣльныя сопоставленія познавательныхъ явленій и процессовъ съ точки зрѣнія различной ихъ сложности или, какъ прежде обыкновенно говорили, съ точки зрѣнія ихъ относительной высоты и достоинства; но наука, какъ извѣстно, строится не изъ намековъ и отрывочныхъ указаній, а изъ сознательныхъ теорій, отвѣчающихъ на ясно поставленные вопросы. Поэтому говорить въ данномъ случаѣ о предшественникахъ значило бы почти тоже самое, что искать объясненія явленіямъ человѣческаго сознанія на яву въ отрывочныхъ сновидѣніяхъ предшествующей ночи. Мы уже однажды потратили много драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ на такую работу (въ «Психологіи чувствованій») и повторять вторично ту же самую ошибку не станемъ.

гипотезы объ общемъ развитіи организмовъ, и эта гипотеза освѣтила множество такихъ частныхъ фактовъ, которые прежде или были непонятны или даже вовсе не замѣчались.

Для опредѣленія ступеней развитія какой бы то ни было психической дѣятельности существуетъ только одинъ твердый критерій, а именно различная степень сознательности соотвѣтствующихъ ей процессовъ или движеній. Но можетъ казаться съ перваго взгляда, что и этотъ критерій далеко не вполнѣ достовѣренъ, ибо сознательность повидимому имѣетъ безчисленныя степени и развитіе ея совершается съ такой незамѣтной постепенностью, что опредѣлить ея фазисы нѣтъ никакой возможности. Это однако невѣрно: въ примѣненіи къ каждому единичному и простому явленію въ организмѣ можно всегда поставить вопросъ, сознательно ли оно или безсознательно, и на этотъ вопросъ возможны только два отвѣта — утвердительный или отрицательный. Если же рѣчь идетъ о явленіяхъ сложныхъ или о совокупностяхъ и преемствахъ простыхъ явленій въ организмѣ, то конечно, смотря по тому, какой процентъ единичныхъ элементовъ, изъ которыхъ они составлены, сознателенъ и какой безсознателенъ, можно говорить о различной степени сознательности этихъ сложныхъ явленій; но эти различныя степени сознательности всегда разложимы въ концѣ концевъ на то или другое опредѣленное число сознательностей и безсознательностей, пропорцію которыхъ и остается вычислить. Поэтому тамъ, гдѣ можно опредѣлить самые элементы сложнаго аггрегата, всегда можно разграничить и ступени сознательности, опредѣливъ лишь процентное отношеніе элементовъ сознательныхъ и безсознательныхъ.

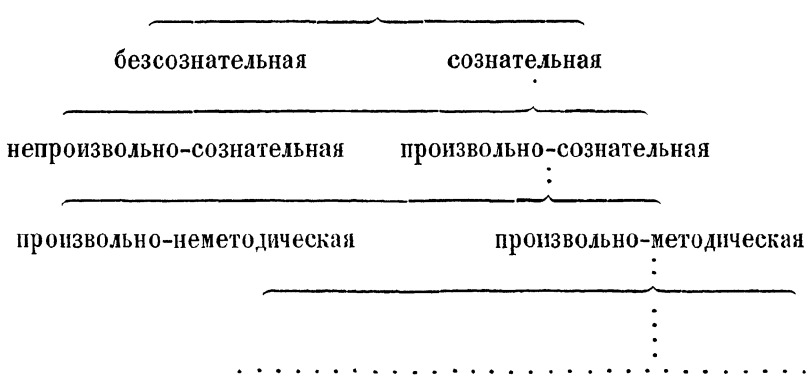
Познавательная дѣятельность, какъ мы видѣли, есть совокупность разнообразныхъ движеній. Эти движенія сначала конечно не связаны органически, а лишь механически сцѣплены и слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной очереди лишь въ силу унаслѣдованнаго устройства соотвѣтствующихъ частей тѣла. Поэтому прежде всего должно ихъ разсматривать какъ единичные и разрозненные элементы. Всѣ эти движенія, въ отдѣльности взятыя, могутъ быть безсознательны или сознательны. Такимъ образомъ двѣ основныя ступени познавательной дѣятельности можно опредѣлить общими наименованіями безсознательной и сознательной, разумѣя подъ этимъ, что отдѣльныя движенія, ее составляющія, или безсознательны, или сознательны. Но затѣмъ на второй, сознательной, ступени отдѣльныя движенія могутъ находиться въ различномъ отношеніи другъ къ другу, а именно связь отдѣльныхъ движеній между собою съ свою очередь можетъ быть безсознательна, или же сознательна. Сознательную

связь движеніямъ даютъ сознательныя чувства и стремленія, ибо они служатъ мотивами для координаціи движеній. Поэтому можно сказать, что отдѣльныя сознательныя движенія могутъ составлять въ свою очередь безсознательный или сознательный аггрегатъ, смотря по тому, сознательны или безсознательны стремленія, ихъ опредѣляющія; другими словами, сознательная познавательная дѣятельность съ новой точки зрѣнія опять дѣлится на безсознательную и сознательную или, правильнѣе, на безсознательно-сознательную и двояко-сознательную. Двояко-сознательная психическая дѣятельность, т. е. сознательная не только объективно, но и субъективно, обыкновенно называется также и произвольною, ибо движенія опредѣляются въ ней волею (т. е. сознательными стремленіями). Поэтому еще иначе эти двѣ ступени сознательной познавательной дѣятельности можно обозначить терминами — непроизвольно-сознательной и произвольно-сознательной. Затѣмъ стремленія, опредѣляющія движенія, могутъ быть опять въ различной степени сознательны, а именно какъ отдѣльныя единицы и какъ элементы общаго единства, т. е. опять и стремленія могутъ быть сознательны не только въ отдѣльности, но и въ связи другъ съ другомъ. Сознательную связь стремленіямъ даютъ уже не чувства, ибо чувства опредѣляютъ лишь ближайшія, конкретныя цѣли отдѣльныхъ стремленій: эту связь или единство стремленіямъ даютъ извѣстныя идеи, опредѣляющія конечныя общія цѣли, къ которымъ направлены тѣ или другія цѣпи стремленій и соотвѣтствующихъ имъ движеній. Поэтому и произвольно-сознательная познавательная дѣятельность (какъ и всякая вообще психическая дѣятельность) можетъ быть опять въ извѣстномъ смыслѣ безсознательною и сознательною, или, точнѣе говоря, двояко-сознательною и трояко-сознательною. Въ первой сознаются только движенія и непосредственные ихъ источники — чувства и стремленія, но яснаго сознанія объективной цѣли, а потому и связи стремленій, не существуетъ; во второй, напротивъ, сознается объективная цѣль и связь стремленій, опредѣляемая идеями, и самыя движенія сознаются лишь какъ средства или орудія для достиженія этой цѣли. Другими словами и произвольность опять имѣетъ двѣ ступени, низшую и высшую: дѣятельность, обладающая высшею произвольностью называется методическою, ибо въ ней движенія координируются въ одно цѣлое согласно извѣстному методу, способному привести всего прямѣе къ достиженію предположенныхъ задачъ; вся же произвольная познавательная дѣятельность въ совокуп-

ности дѣлится на неметодическую и методическую. Методическая дѣятельность конечно опять можетъ быть сознательною въ различной мѣрѣ, смотря по тому, какія идеи объективныхъ цѣлей, болѣе поверхностныя или болѣе глубокія, болѣе узкія или болѣе широкія, ею руководятъ: осуществленіе болѣе широкихъ и глубокихъ задачъ вызываетъ конечно и болѣе сложную координацію стремленій и требуетъ болѣе искусно организованныхъ методовъ. Но эти дальнѣйшія дифференціаціи познавательной дѣятельности вообще и методической въ частности мы теперь оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ онѣ основаны уже на развитіи такого сложнаго фактора, идей о цѣляхъ знанія, о природѣ котораго мы теперь не можемъ сказать еще ничего опредѣленнаго (вѣдь именно процессы развитія идей мы и намѣрены спеціально изслѣдовать въ этомъ сочиненіи!). Во всякомъ случаѣ тутъ уже рефлексія двойная: идеи, развиваясь, въ свою очередь являются источникомъ и орудіемъ дальнѣйшаго собственнаго своего развитія, и прослѣдить этотъ процессъ можно лишь при знаніи основныхъ законовъ осложненія идей, которые намъ теперь еще совершенно неизвѣстны.

Поэтому, ограничиваясь пока лишь указанными выше ступенями развитія познавательной дѣятельности, мы изобразимъ результаты своего анализа наглядною схемою, которая дала бы возможность обозрѣть разомъ весь пройденный путь:

Главныя ступени познавательной дѣятельности:



Изъ сдѣланнаго нами общаго очерка развитія познавательной дѣятельности, въ связи съ критеріемъ сознательности ея, между прочимъ вытекаетъ, что развитіе это идетъ, такъ сказать, не по

прямой линіи, отъ низшей ступени къ болѣе высокой, отъ этой къ еще болѣе высокой и т. д., а что въ основаніи его лежитъ процессъ дифференціаціи, т. е. послѣдовательнаго двоенія каждаго высшаго продукта на новые элементы (разумѣется при этомъ, что и первое дѣленіе познавательной дѣятельности на безсознательную и сознательную есть уже дифференціація исключительно безсознательной дѣятельности, свойственной низшимъ животнымъ). Этотъ законъ развитія, путемъ двоенія, можно признать всеобщимъ закономъ развитія природы: не только каждый организмъ изъ своего зародыша развивается по этому закону (какъ о томъ учитъ эмбріологія); но и вся природа двоится сначала на неорганическую и органическую, органическая въ свою очередь на растительную и животную, животная органическая на низшіе и высшіе организмы, въ высшихъ животныхъ организмахъ человѣкъ представляетъ опять особую, самую высшую, степень развитія, и т. д. Такъ какъ однако не только высшіе продукты развитія, но и низшіе, разумѣется, тоже дифференцируются на цѣлый рядъ новыхъ продуктовъ различной степени высоты или сложности, то разумѣется и каждая изъ приведенныхъ низшихъ (сравнительно съ другими) ступеней познавательной дѣятельности, распадается на новыя подъ-ступени, смотря по степени сознательности еще болѣе простыхъ элементовъ, ее составляющихъ, ибо вѣдь и единичныя движенія, стремленія и чувствованія человѣка (о познавательной дѣятельности котораго и идетъ рѣчь), по сложности его организаціи, могутъ имѣть тоже различную степень развитія. Съ этими подъ-ступенями познавательной дѣятельности мы однако познакомимся ближе лишь при спеціальномъ анализѣ умственныхъ процессовъ; теперь же мы имѣли въ виду выяснить только общій ходъ развитія познавательной дѣятельности, и потому постараемся опредѣлить указанныя главныя ступени ея болѣе точными признаками, при помощи составныхъ ея элементовъ.

Составные элементы познавательной дѣятельности, какъ уже не разъ было указано, суть, во первыхъ, движенія и дѣйствія, во вторыхъ явленія, къ измѣненію и приспособленію которыхъ они направлены. Тѣ и другіе могутъ быть опять различны: движенія, какъ мы видѣли, могутъ быть троякаго рода, — периферическими: а) въ органахъ чувствъ и б) въ органахъ движенія, особенно въ органахъ рѣчи, и центральными — въ самомъ мозгу; явленія, соотвѣтственно этому, тоже могутъ быть троякаго рода, а именно: во 1) тѣ, которыя представляются продуктами движеній органовъ чувствъ и другихъ

органовъ, участвующихъ въ воспріятіи, и которыя служатъ въ свою очередь матеріаломъ для движеній мозга, 2) тѣ, которыя представляются продуктами движеній центральныхъ или умственныхъ (идеи), 3) тѣ, которыя представляются продуктами движеній органовъ рѣчи, т. е. словà или знаки, соотвѣтствующіе результатамъ умственной переработки. Всѣ эти различные виды движеній и явленій, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, должны быть приняты во вниманіе для болѣе точнаго опредѣленія главныхъ ступеней познавательной дѣятельности.

Если начать анализъ съ движеній и дѣйствій, составляющихъ главный элементъ познавательной дѣятельности, то легко будетъ замѣтить, что въ каждой сферѣ этихъ движеній и соотвѣтствующихъ имъ дѣятельныхъ оборотовъ, мысль человѣка уже давно отмѣтила особыми терминами, конечно большею частью инстинктивно и чисто эмпирически, различныя ступени ихъ развитія, соотвѣтствующія указаннымъ выше общимъ ступенямъ осложненія познавательной дѣятельности.

Такъ различнаго рода движенія органовъ чувствъ, въ видахъ увеличенія притока впечатлѣній, обозначаются терминами ощущенія, воспріятія, наблюденія и эксперимента; эти понятія очевидно имѣютъ значеніе лишь съ точки зрѣнія различной сознательности и соотвѣтственной сложности упомянутыхъ движеній: воспріятіе есть болѣе сознательный и сложный процессъ ощущенія, наблюденіе есть болѣе сознательный и сложный процессъ воспріятія, экспериментъ — еще болѣе сознательный и сложный процессъ наблюденія, въ которомъ уже вмѣстѣ съ движеніями органовъ чувствъ пріобрѣтаетъ серіозное значеніе и рядъ другихъ вспомогательныхъ движеній (особенно рукъ). Совокупности движеній въ центральныхъ органахъ (умственной дѣятельности) тоже, соотвѣтственно ихъ сознательности и сложности, обозначаются различными терминами: подъ процессами ассоціаціи разумѣется обыкновенно совокупность безсознательныхъ движеній, процессами мышленія называются уже ряды движеній сознательныхъ, понятіе размышленія обнимаетъ очевидно ряды движеній сознательно-произвольныхъ, наконецъ терминомъ изслѣдованія обозначаются умственныя движенія произвольно-методическія. Точно также и въ области движеній органовъ рѣчи: языкомъ называется обыкновенно совокупность движеній безсознательныхъ (оттого говорятъ даже и про языкъ животныхъ), рѣчью называется совокупность сознательныхъ движеній (т. е. сознательный языкъ), терминомъ разсужденія или бесѣды обозначается совокупность сознательно-произвольныхъ движеній (двояко-

сознательная рѣчь), подъ изложеніемъ разумѣютъ большею частью совокупность движеній произвольно-методическихъ. Конечно мы не говоримъ, чтобы всѣ приведенные термины употреблялись въ совершенно опредѣленномъ и рѣзко-очерченномъ значеніи: напротивъ, инстинктивное, по большей части, происхожденіе ихъ уже исключаетъ возможность совершенно точнаго ихъ употребленія; но всетаки смыслъ этихъ параллельныхъ терминовъ, встрѣчающихся притомъ въ различныхъ языкахъ, непонятенъ ни съ какой иной точки зрѣнія, какъ только съ точки зрѣнія оцѣнки разнообразной сознательности и сложности соотвѣтствующихъ имъ движеній. Поэтому наука прекрасно можетъ воспользоваться ими для болѣе точнаго разграниченія ступеней развитія различныхъ познавательныхъ процессовъ, лишь очертивъ, соотвѣтственно указаннымъ принципамъ, опредѣленнѣе и яснѣе ихъ содержаніе. Вѣдь въ томъ и состоитъ задача науки, чтобы смутныя понятія превращать въ отчетливыя и, параллельно этому, дѣлать слова постоянными и твердо намѣченными рамками этихъ понятій.

Если мы теперь отъ движеній перейдемъ къ явленіямъ, которыя представляются ихъ продуктомъ, то опять замѣтимъ существованіе различныхъ терминовъ для выраженія различной ихъ сложности и сознательности. Явленія, которыя представляются съ одной точки зрѣнія продуктомъ движеній органовъ чувствъ, съ другой точки зрѣнія можно разсматривать и какъ элементы умственной переработки; съ первой точки зрѣнія, на которую и необходимо обратить вниманіе, они называются ощущеніями, воспріятіями, наблюденіями и данными эксперимента или научными фактами. Нечего и говорить, что эти термины находятся въ томъ же отношеніи другъ къ другу, когда они прилагаются къ продуктамъ извѣстныхъ движеній, какъ и тогда, когда они выражаютъ природу самыхъ этихъ движеній (см. выше). Явленія, къ которымъ относятся центральныя или умственныя движенія можно разсматривать опять съ двоякой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что явленія, представляющіяся продуктомъ движеній менѣе сложныхъ и сознательныхъ, въ тоже время служатъ матеріаломъ для умственныхъ движеній болѣе сознательныхъ и сложныхъ. Поэтому, если психостатика просто различаетъ ощущенія, какъ первоначальныя явленія, отъ идей, какъ продуктовъ ихъ осложненія, и идеи въ свою очередь можетъ дѣлить по различнымъ ступенямъ ихъ развитія, напр. на идеи первичныя или конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ, идеи вторичныя или конкретныя понятія о предметахъ,

явленіяхъ и ихъ группахъ, идеи третичныя или отвлеченныя понятія о тѣхъ же предметахъ, явленіяхъ и группахъ тѣхъ и другихъ, идеи четвертой степени или научныя идеи, или, еще иначе, идеи въ тѣсномъ значеніи этого слова, и т. д. (ср. въ Психол. чувствов., стр. 496), — то психодинамика, и въ частности логика, должна попробовать изъ комбинаціи тѣхъ же понятій составить такую градацію явленій, въ которой отмѣчено было бы различіе объективныхъ явленій сознанія: 1) какъ матеріала, 2) какъ продуктовъ умственныхъ движеній различной сложности. Въ такомъ случаѣ можно будетъ сказать, что:

Безсознательнымъ умств. движеніямъ соотвѣтствуютъ ощущенія, какъ матеріалъ, — первичныя идеи или конкретныя представленія, какъ продуктъ переработки.

Сознательнымъ умств. движеніямъ соотвѣтствуютъ первичныя идеи, какъ матеріалъ, — вторичныя идеи или конкретныя понятія, какъ продуктъ переработки.

Произвольно-сознательнымъ умств. дѣйствіямъ — вторичныя идеи, какъ матеріалъ, — идеи третичныя или неметодически отвлеченныя понятія, какъ продуктъ переработки.

Произвольно-методическимъ умств. дѣйствіямъ — третичныя идеи, какъ матеріалъ, — идеи еще болѣе сложныя, т. е. методически отвлеченныя понятія или научныя идеи, какъ продуктъ переработки.

Что каждый родъ движеній выработываетъ своеобразные познавательные продукты едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Пока замѣтимъ, что въ идеѣ «понятія» уже лежитъ идея сознательности, въ идеѣ «отвлеченія» — идея произвольности. Чтобы образовалось понятіе о единичныхъ или о многихъ однородныхъ (но не совсѣмъ тождественныхъ) предметахъ, необходимы непремѣнно извѣстныя сознательныя, хотя бы и непроизвольныя еще, движенія ума, которыя называются непроизвольнымъ различеніемъ и отождествленіемъ признаковъ этихъ предметовъ и которыя, какъ мы увидимъ въ свое время, имѣютъ орудіемъ своимъ сознательные процессы сужденія и умозаключенія; а затѣмъ для того, чтобы изъ конкретнаго образовалось отвлеченное понятіе, и сознательныхъ сужденій и умозаключеній конечно уже не достаточно: для этой цѣли необходимы болѣе

сложныя, произвольныя, дѣйствія ума, ибо отвлеченіе есть выборъ и сортировка признаковъ, а выборъ и произвольность — два различныя названія для одного и того же факта. Наконецъ нужно ли говорить, что научное или методически-отвлеченное понятіе различается отъ ненаучнаго, или неметодическаго, и основано опять на новыхъ, высшихъ дѣйствіяхъ ума?

Отъ явленій центральной умственной дѣятельности перейдемъ къ явленіямъ периферической дѣятельности, направленной къ выраженію продуктовъ центральной работы. Эти явленія конечно весьма разнородны; но если принять пока во вниманіе только самыя важныя выраженія идей — въ словѣ, то и тутъ мы найдемъ уже готовыя обозначенія для явленій различной сложности и различной сознательности. Въ понятіи звуковъ (издаваемыхъ животными, дѣтьми, дикарями) обнимаются обыкновенно безсознательныя выраженія ощущеній, въ понятіи именъ — сознательныя выраженія идей, названіями или обозначеніями обнимается совокупность произвольно-составленныхъ именъ, терминами считаются названія, составленныя методически и являющіяся знаками для методически-отвлеченныхъ понятій.

Наконецъ, если мы отъ частныхъ продуктовъ различныхъ познавательныхъ движеній перейдемъ къ общимъ результатамъ всей познавательной дѣятельности, то и для выраженія этихъ послѣднихъ найдутся понятія, вполнѣ соотвѣтствующія указаннымъ выше ступенямъ ея осложненія. Такъ опытомъ человѣка называются обыкновенно общіе результаты безсознательнаго развитія его ума, знаніями называются результаты сознательнаго мышленія, познаніями — результаты произвольно-сознательныхъ отправленій, наукою обозначается совокупность результатовъ методической познавательной дѣятельности, — причемъ «наука» разумѣется имѣетъ опять различныя ступени развитія.

Стало быть, и при анализѣ различныхъ составныхъ элементовъ познавательной дѣятельности возможность разграниченія указанныхъ выше ступеней ея, съ точки зрѣнія сознательности и сложности соотвѣтствующихъ ей отправленій и явленій, вполнѣ подтверждается. Мало того: оказывается даже, что уже въ существующемъ языкѣ готовы термины для выраженія ступеней сознательности различныхъ познавательныхъ движеній и ихъ продуктовъ, и что остается только болѣе точно опредѣлить значеніе этихъ терминовъ, чтобы получить правильно-организованную систему знаковъ для оттѣненія всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ познавательной дѣятельности на разсмотрѣнныхъ

ступеняхъ ея осложненія. Пользуясь этими готовыми средствами языка, частію народнаго, частію литературнаго, можно выразить наглядно содержаніе познавательной дѣятельности различнаго развитія слѣдующею системою терминовъ:

	Познавательная дѣятельность:			
	Безсознательная:	Сознательная:	Произвольная:	Методическая:
Периферич. движенія, снабжающія познавательнымъ матеріаломъ:	Ощущеніе.	Воспріятіе.	Наблюденіе.	Экспериментъ.
Продукты этихъ движеній	Ощущенія.	Воспріятія.	Наблюденія.	Данныя эксперимента или научные факты.
Центральныя или умств. движенія.	Ассоціація.	Мышленіе.	Размышленіе.	Изслѣдованіе.
Ихъ продукты . .	Конкретныя представленія.	Конкретныя понятія.	Отвлеченныя понятія.	Научныя идеи.
Периферич. движенія, направленныя къ выражен. умств. пріобрѣтеній:	Языкъ.	Рѣчь.	Разсужденіе.	Изложеніе.
Продукты этихъ движеній	Звуки.	Имена.	Названія.	Термины.
Общіе результаты познават. дѣятельности:	Опытъ.	Знаніе.	Познанія.	Наука.

Опредѣливъ точнѣе главныя ступени познавательной дѣятельности, мы должны условиться теперь лишь относительно способовъ ихъ общаго обозначенія. Названія безсознательно-непроизвольной, непроизвольно-сознательной, произвольно-сознательной и методически-произвольной ступеней познавательной дѣятельности конечно пригоднѣе всего и мы часто будемъ ими пользоваться: но, во первыхъ, они слишкомъ длинны и сложны для постояннаго употребленія; во вторыхъ они составлены изъ понятій соотносительныхъ, что́ легко можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ смыслѣ краткости конечно уже удобнѣе сокращенныя изъ предыдущихъ названія: безсознательной, сознательной, произвольной и методи-

ческой познавательной дѣятельности. Но эти названія, будучи короче, зато менѣе точны и во всякомъ случаѣ всетаки относительны. Менѣе относительны, но зато совершенно формальны будутъ обозначенія ступеней познавательной дѣятельности терминами: первичной, вторичной, третичной, четвертой степени и проч. Однако другого выбора у насъ пока нѣтъ и мы должны довольствоваться приведенными названіями, не забывая только одного, что каждая изъ обозначенныхъ ступеней познавательной дѣятельности тѣсно связана и съ предъидущею и съ послѣдующею, — съ предъидущею, какъ съ основою, изъ которой она сама развивается, — съ послѣдующею, какъ съ продуктомъ дальнѣйшаго своего осложненія. Въ этомъ смыслѣ безсознательная познавательная дѣятельность есть основа сознательной, сознательная — продуктъ развитія безсознательной и основа произвольной, произвольная — продуктъ развитія сознательной и основа развитія методической, методическая — продуктъ развитія произвольной; или, выражая тоже самое другими словами: методическая ступень познавательной дѣятельности есть лишь высшій видъ произвольной, произвольная — высшій видъ сознательной, сознательная — высшій видъ безсознательной. Только помня эту тѣсную связь ступеней познавательной дѣятельности, можно надѣяться избѣгнуть односторонности и ошибокъ при ея изслѣдованіи.

Въ заключеніе коснемся еще вопроса: насколько эти ступени познавательной дѣятельности, идеи которыхъ пріобрѣтены нами помощью дедукціи, воплощаются въ дѣйствительной жизни. Въ дѣйствительной жизни конечно, какъ уже видно и изъ самаго происхожденія означенныхъ ступеней познанія, только развѣ безсознательная дѣятельность, какъ низшая, можетъ быть встрѣчена независимо отъ всѣхъ прочихъ; сознательная же конечно не исключаетъ безсознательную, а идетъ съ нею рука объ руку; произвольная точно также идетъ рука объ руку съ сознательной и безсознательной; методическая сопровождается одновременно — произвольной, сознательной и безсознательной. Вѣдь и во всей природѣ низшіе процессы и явленія всегда сопровождаютъ высшія, и участіе первыхъ даже необходимо для осуществленія вторыхъ; точно также и низшія тѣла сосуществуютъ съ высшими и, безъ содѣйствія первыхъ, бытіе вторыхъ было бы не мыслимо. Совершенно тотъ же законъ разумѣется имѣетъ приложеніе въ частности

и къ психическимъ явленіямъ и процессамъ. Поэтому вопросъ о дѣйствительномъ воплощеніи различныхъ ступеней познавательной дѣятельности въ существованіи разнообразныхъ организмовъ можетъ быть поставленъ только въ слѣдующей формѣ: существуютъ ли организмы, которымъ доступна только безсознательная познавательная дѣятельность; существуютъ ли организмы, которымъ, рядомъ съ безсознательною, доступна только сознательная познавательная дѣятельность и т. д.? На этотъ вопросъ должно отвѣчать утвердительно. Многимъ животнымъ, дѣтямъ въ первые мѣсяцы жизни, а также и взрослымъ людямъ, съ низшимъ или болѣзненно искаженнымъ умственнымъ развитіемъ (нѣкоторые расы дикарей, идіоты, многіе душевно больные), доступна лишь самая низшая или безсознательная познавательная дѣятельность, съ которою впрочемъ и каждый развитой человѣкъ знакомъ во снѣ, т. е. изъ сновидѣній. Безсознательная и сознательная ступени познавательной дѣятельности доступны совмѣстно нѣкоторымъ высшимъ животнымъ (которыя способны судить и дѣлать простѣйшія умозаключенія), дѣтямъ въ низшемъ возрастѣ (пока они не привыкнутъ размышлять и разсуждать) и людямъ низшаго умственнаго уровня и развитія, т. е. стоящимъ на низшей степени культуры и самосознанія. Произвольная познавательная дѣятельность, рядомъ съ сознательной и безсознательной, доступна всѣмъ людямъ мало мальски развитымъ, хотя бы они принадлежали и къ низшимъ слоямъ культурнаго общества. Методическая познавательная дѣятельность, на ряду съ другими, доступна всѣмъ людямъ научно-образованнымъ, хотя конечно опять въ различной степени: высшія формы ея извѣстны только людямъ науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. спеціалистамъ знанія (да и то далеко не всѣмъ!).

Стало быть, о дѣйствительномъ воплощеніи познавательной дѣятельности различныхъ ступеней развитія совершенно законно говорить; но необходимо при этомъ помнить, что мы пока разсмотрѣли лишь самыя выдающіяся изъ нихъ, что рядомъ съ главными существуетъ еще много второстепенныхъ, переходныхъ, и что поэтому нужно обращаться съ приведенными выше понятіями весьма осторожно и не сближать, при посредствѣ ихъ, существъ, обладающихъ всетаки далеко не тождественнымъ познавательнымъ уровнемъ. Вѣдь и то надо принять во вниманіе, что напр., при совмѣстномъ развитіи безсознательныхъ, сознательныхъ и произвольныхъ процессовъ, относительное преобладаніе тѣхъ или другихъ можетъ быть весьма

различно: произвольные процессы могутъ имѣть перевѣсъ надъ сознательными и безсознательными; но можетъ случиться и на оборотъ, что они почти совсѣмъ стушевываются передъ процессами низшаго порядка. То же самое возможно конечно и въ другихъ случаяхъ. Слѣдовательно приложеніе настоящей теоріи къ жизни должно сопрождаться во всякомъ случаѣ большою осмотрительностью.

Всѣ приведенныя соображенія сдѣлаются впрочемъ еще понятнѣе при спеціальномъ анализѣ умственныхъ процессовъ. Для этого послѣдняго теперь, кажется, достаточно подготовлена почва, и остается надѣяться, что по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ умственной дѣятельности изложенная нами только что гипотеза общихъ ступеней развитія познавательной дѣятельности оправдается; а это уже будетъ весьма много, ибо умственные процессы, какъ уже не разъ было указано, составляютъ главное ея зерно. Изслѣдованіемъ этихъ умственныхъ процессовъ мы теперь и займемся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБЩІЙ СОСТАВЪ И СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ УМСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Мы опредѣлили «умственные процессы» какъ ряды или преемства дѣятельныхъ центральныхъ оборотовъ, направленныхъ къ развитію явленій объективной воспріимчивости, т. е. ощущеній въ идеи и менѣе сложныхъ идей въ болѣе сложныя, или иначе — какъ преемства движеній и дѣйствій, составляющихъ центръ тяжести означенныхъ оборотовъ. «Умственная дѣятельность» есть конечно вся совокупность умственныхъ процессовъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи понятій процессовъ, оборотовъ и движеній, съ которыми намъ и впредь постоянно придется имѣть дѣло.

Психическій процессъ есть вообще смѣна психическихъ явленій, а такъ какъ всякая смѣна психическихъ явленій разложима на послѣдовательный рядъ психическихъ оборотовъ, то психическій процессъ есть ничто иное, какъ преемство или рядъ психическихъ оборотовъ. Такъ какъ эти обороты въ сложномъ организмѣ бываютъ страдательные и дѣятельные, то таковыми же конечно могутъ быть и преемства ихъ, т. е. психическіе процессы. Страдательный психическій процессъ, по характеру составляющихъ его оборотовъ, есть по преимуществу смѣна явленій; дѣятельный процессъ, по характеру соотвѣтствующихъ оборотовъ, есть по преимуществу преемство движеній (или дѣйствій). Дѣятельный процессъ есть въ то же время и процессъ по преимуществу, ибо въ понятіи «процесса» лежитъ уже идея движенія и соотвѣтствующаго ему измѣненія. Поэтому то мы не разъ и противуполагали психическіе процессы психическимъ явленіямъ, разумѣя въ особенности тѣ дѣятельные процессы, которые

направлены къ измѣненію и осложненію самихъ явленій сознанія. Этого рода дѣятельные процессы мы называли иначе процессами развитія психическихъ явленій и признали ихъ центральными, въ противуположность тѣмъ дѣятельнымъ процессамъ, такъ сказать периферическимъ, которые состоятъ изъ движеній, направленныхъ къ измѣненію внѣшнихъ отношеній въ средѣ и въ физическомъ организмѣ; къ центральнымъ процессамъ развитія психическихъ явленій принадлежатъ конечно и умственные процессы.

Слѣдовательно понятіе процесса можно принимать въ широкомъ и въ болѣе тѣсномъ значеніи. Въ такомъ двоякомъ значеніи употребляетъ его и физіологія организма: въ широкомъ смыслѣ слова процессомъ называется въ организмѣ всякая смѣна явленій, хотя бы эта смѣна имѣла совершенно случайный и пассивный характеръ, — въ тѣсномъ смыслѣ физіологическими процессами называются лишь болѣе опредѣленныя смѣны явленій, имѣющія подкладкою какія-нибудь движенія органовъ, соотвѣтствующія ихъ назначенію въ организмѣ, вслѣдствіе чего понятіе процесса иначе выражается понятіемъ «отправленія» того или другого органа: говоря напр. о пищеварительныхъ процессахъ, разумѣютъ обыкновенно дѣятельныя отправленія пищеварительныхъ органовъ, а не всякую вообще смѣну явленій въ этихъ органахъ, напр. ту, которая связана съ возстановленіемъ собственнаго ихъ вещества, или же съ измѣненіемъ ихъ состава, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь особыхъ болѣзненныхъ причинъ. Однако и такія пассивныя смѣны явленій, въ широкомъ смыслѣ слова, тоже называются «процессами»; но это уже другого рода процессы — процессы общіе, напр. процессы питанія тканей, и затѣмъ процессы патологическіе, въ отличіе отъ собственно физіологическихъ. Совершенно то же словоупотребленіе можно конечно перенести и въ область психологическую, называя психическимъ процессомъ въ обширномъ значеніи всякую смѣну явленій сознанія, въ тѣсномъ смыслѣ слова — лишь такую смѣну, которая, имѣя подкладкою извѣстныя психическія движенія, представляется опредѣленнымъ отправленіемъ той или другой сферы сознанія. Въ этомъ-то тѣсномъ значеніи мы и будемъ понимать терминъ «процесса», говоря объ умственныхъ процессахъ.

Итакъ умственные процессы, какъ одна область центральныхъ процессовъ психическаго развитія, представляютъ преемства извѣстныхъ движеній. Каковы эти движенія съ физіологической стороны наука пока не знаетъ: физіологія мозга еще не изслѣдовала этихъ

движеній и характера ихъ не опредѣлила; болѣе того — она даже далеко еще не опредѣлила самыхъ способовъ наблюденія и экспериментаціи надъ этими движеніями, которыя конечно всего менѣе доступны внѣшнему опыту изъ числа всѣхъ физіологическихъ движеній въ организмѣ. Извѣстный пріемъ «трепанаціи мозга» представляется конечно однимъ изъ самыхъ трудныхъ пріемовъ физіологической экспериментаціи, да и въ случаѣ успѣха онъ не приводитъ еще пока ни къ какимъ существеннымъ результатамъ (по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія физіологіи психической дѣятельности), ибо элементы мозга принадлежатъ къ числу самыхъ мелкихъ, для простого глаза недоступныхъ, а наблюдать детальные процессы, совершающіеся въ мозгу, помощью микроскопа или какого-нибудь другого инструмента физіологія еще не научилась. Тѣмъ не менѣе самый фактъ существованія физіологическихъ движеній мозга или въ мозгу не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо постепенно совершающіяся, въ связи съ психическою дѣятельностью, перемѣны въ его строеніи и измѣненія въ характерѣ и отношеніи его элементовъ (о которыхъ можно косвенно заключать хотя бы изъ сравненія микроскопическихъ элементовъ мозга у мертвыхъ организмовъ того же вида, но различнаго возраста и развитія) иначе и не объяснимы, какъ помощью «движеній».

Но если умственныя движенія недоступны еще со стороны физіологической, то со стороны психологической или со стороны сознанія они болѣе или менѣе доступны наблюденію, — вслѣдствіе чего для обозначенія ихъ различныхъ видовъ и существуютъ уже давно различныя психологическія понятія. Одни умственныя движенія называются «процессами ассоціаціи», другія — «процессами сужденія и умозаключенія», третьи, еще болѣе сложныя, — «процессами анализа и синтеза», четвертые — «процессами индукціи и дедукціи» и т. д. Къ сожалѣнію, внутренняя природа и истинное отношеніе всѣхъ этихъ движеній и преемствъ движеній далеко еще не опредѣлена, — вслѣдствіе того, что каждый ихъ видъ изслѣдовался большею частью особо и самостоятельно отъ другихъ, на основаніи ходячихъ представленій о его составѣ, и притомъ почти всегда въ связи съ какими-нибудь метафизическими теоріями о сущности «души», о законахъ «ума», о природѣ «сознанія» и т. д. Даже понятіе «движенія» примѣнялось къ области умственныхъ процессовъ весьма рѣдко и, когда примѣнялось, то всегда, начиная съ Аристотеля и кончая Тренделенбургомъ, подъ какимъ-нибудь метафизическимъ угломъ зрѣнія: теоріи умственныхъ

движеній, другими словами, всегда предшествовала метафизическая теорія о «движеніи вообще».

Нечего и говорить, что мы разумѣемъ подъ умственными движеніями совершенно эмпирическій фактъ: а именно тѣ, съ одной стороны физіологическія, съ другой — психическія перемѣны, благодаря которымъ между объективными воспріятіями или явленіями объективной воспріимчивости устанавливается извѣстная связь или извѣстныя отношенія, которыя первоначально, т. е. при поступленіи ихъ въ сензоріумъ,[1]) не существовали. Мы ставимъ тезисомъ, что всѣ эти движенія однородны и сводятся къ немногимъ первоначальнымъ формамъ, которыя постепенно все болѣе и болѣе осложняются; другими словами, мы утверждаемъ, что бо́льшая часть умственныхъ движеній, считавшихся прежде совершенно разнородными, отличаются другъ отъ друга не качественно и по самой своей природѣ, а, такъ сказать, количественно — по сложности своего состава. Основными движеніями или процессами не только умственнаго развитія, но и всякаго психическаго развитія или осложненія психическихъ явленій, мы признали въ свое время процессы ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи (ср. въ Психологіи чувствованій, Главу XII) и къ этимъ или подобнымъ процессамъ мы надѣемся свести всѣ умственные процессы: сужденія и вывода, анализа и синтеза, индукціи и дедукціи, и т. д. На сколько попытка эта намъ удастся, увидитъ самъ читатель. Мы впрочемъ и не думаемъ, чтобы она удалась намъ сразу, потому что она представляетъ задачу, по своей сложности и трудности разрѣшимую лишь постепенно, къ которой и мы сами еще не разъ, надо надѣяться, воротимся, которой можетъ быть посвятятъ свои силы, вслѣдъ за нами, и многіе другіе изслѣдователи. Но мы всетаки надѣемся доказать и въ настоящемъ сочиненіи, что это попытка осуществима и обѣщаетъ важные результаты въ будущемъ, именно съ точки зрѣнія того взгляда на «психическія» и въ частности «умственныя движенія», на которую мы стали.

О конечной цѣли своего анализа умственныхъ процессовъ мы потому сочли нужнымъ объявить съ самаго начала, чтобы мотивировать

---

[1]) Этотъ терминъ, по обычаю многихъ психологовъ, мы будемъ употреблять для обозначенія совокупности центровъ психической дѣятельности съ точки зрѣнія психологической, а не физіологической, т. е. какъ психологическій коррелатъ понятія мозга.

передъ читателемъ тотъ порядокъ изложенія, который мы намѣрены вслѣдъ за тѣмъ принять: сначала мы подвергнемъ новому пересмотру и нѣкоторымъ исправленіямъ и дополненіямъ свою общую теорію процессовъ психическаго развитія, однажды уже изложенную въ «Психологіи чувствованій»; затѣмъ перейдемъ къ изслѣдованію различныхъ частныхъ сферъ умственной дѣятельности, съ цѣлью сведенія всѣхъ умственныхъ процессовъ къ немногимъ первоначальнымъ видамъ движеній.

Главными процессами психическаго развитія мы признали въ «Психологіи чувствованій», основываясь по преимуществу на Спенсерѣ, процессы интеграціи и дифференціаціи, къ которымъ, по мнѣнію Спенсера въ его «Началахъ философіи», сводится развитіе не только организмовъ, но и неорганическихъ тѣлъ. Въ области психологической, къ которой самъ Спенсеръ всего менѣе прилагалъ означенныя понятія, мы признали интеграціей — процессъ образованія изъ единичныхъ психическихъ явленій такихъ новыхъ цѣльныхъ аггрегатовъ, въ которыхъ утрачивается самостоятельное значеніе ихъ элементовъ, дифференціаціей — процессъ распаденія этихъ цѣльныхъ аггрегатовъ на рядъ болѣе частныхъ или спеціальныхъ.[1]) Стараясь опредѣлить всю совокупность условій этихъ двухъ главныхъ процессовъ интеграціи и дифференціаціи, мы пришли къ выводу, что этимъ процессамъ предшествуютъ другіе, болѣе простые, служащіе необходимою къ нимъ подготовкою. Процессу интеграціи предшествуютъ процессы памятованія (или образованія слѣдовъ) и ассоціаціи, процессу дифференціаціи — процессы забвенія и диссоціаціи, какъ мы въ то время выражались. Мы старались точно формулировать частныя условія каждаго изъ этихъ процессовъ и ихъ взаимную связь, и въ концѣ концевъ пришли къ выводу, что настоящими процессами развитія или измѣненія психическихъ явленій можно признать только процессы ассоціаціи и интеграціи, диссоціаціи и дифференціаціи, — процессы же памяти и забвенія суть лишь чисто отрицательныя условія развитія и осложненія явленій сознанія, ибо они сами по себѣ «ничего существеннаго не измѣняютъ въ явленіяхъ элементарнаго (вообще даннаго) характера, а

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ «Психол. чувствов.», стр. 483—485.

только закрѣпляютъ или стушевываютъ ихъ въ сознаніи» (см. тамъ же, стр. 493). Эту мысль, высказанную въ то время лишь мимоходомъ и не достаточно сознательно, необходимо теперь развить подробнѣе.

Если мы вникнемъ болѣе внимательно въ процессы памяти и забвенія, то въ свою очередь принуждены будемъ въ большинствѣ случаевъ признать образованіе или закрѣпленіе и стушевываніе слѣдовъ психическихъ явленій лишь продуктомъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи, диссоціаціи и дифференціаціи. Дѣйствительно: изъ всѣхъ отмѣченныхъ нами условій образованія слѣдовъ психическихъ явленій (см. тамъ же, стр. 488) только одно повидимому исключаетъ необходимость процессовъ ассоціаціи и интеграціи, — а именно «сила или интенсивность раздраженія», вслѣдствіе которой въ сознаніи прочно напечатлѣваются извѣстныя ощущенія, чувствованія и т. д. Но дѣло въ томъ, что и сильное единичное раздраженіе напечатлѣвается въ сознаніи не сразу, а лишь вслѣдствіе, такъ сказать, послѣдовательнаго ряда мелкихъ раздраженій, хотя бы вызванныхъ и однимъ толчкомъ, внѣшнимъ или внутреннимъ: слѣды этихъ мелкихъ раздраженій ассоціируются и интегрируются въ одно цѣлое и лишь этимъ путемъ образуется сознательный слѣдъ извѣстнаго психическаго возбужденія. Вторымъ условіемъ образованія слѣда въ сознаніи мы признали «продолжительность дѣйствія» впечатлѣнія или «повтореніе» этого дѣйствія; но если самое впечатлѣніе или раздраженіе разложимо на рядъ единичныхъ элементовъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, то нечего и говорить, что сознательный слѣдъ образуется путемъ ассоціаціи и интеграціи болѣе мелкихъ слѣдовъ, которые сами по себѣ безсознательны. Третье и четвертое условія образованія слѣда: «вниманіе» и «припоминаніе» даннаго впечатлѣнія по связи съ другими. Сосредоточеніе вниманія на извѣстномъ впечатлѣніи, какъ мы уже говорили въ свое время (ср. стр. 491), въ сущности возможно только по связи и ассоціаціи даннаго впечатлѣнія съ какими-либо иными; слѣдовательно образованіе слѣда и въ этомъ случаѣ основано опять на ассоціаціи и интеграціи нѣсколькихъ впечатлѣній, хотя бы и разнородныхъ. Припоминаніе, наконецъ, будучи очевидно лишь орудіемъ дальнѣйшаго закрѣпленія уже существующихъ слѣдовъ, а не образованія совершенно новыхъ, даже вдвойнѣ основано на ассоціаціи впечатлѣній, ибо воспроизведеніе ихъ возможно только на почвѣ прежнихъ ассоціацій, и затѣмъ это воспроизведеніе ведетъ опять къ ассоціаціямъ и интеграціямъ между прежними и данными вновь впечатлѣніями. Стало быть, можно вообще признать несомнѣннымъ

фактомъ, что образованіе сознательныхъ слѣдовъ какихъ-нибудь внѣшнихъ впечатлѣній или внутреннихъ раздраженій совершается при болѣе или менѣе значительномъ участіи процессовъ ассоціаціи и интеграціи (въ новое цѣлое) единичныхъ впечатлѣній и раздраженій, или же ихъ элементовъ. Остаются слѣды безсознательные; но образованіе безсознательныхъ слѣдовъ очевидно не есть особый отъ даннаго психическаго возбужденія процессъ, а лишь обратная его сторона: каждое психическое возбужденіе, сопровождаясь физіологическою перемѣною въ мозгу, которая остается и по минованіи ея причины, тѣмъ самымъ оставляетъ въ сензоріумѣ безсознательный слѣдъ, который при повтореніи того же возбужденія присоединяется къ этому послѣднему, т. е. воспроизводится. Эти безсознательные слѣды, недоступные даже внутреннему наблюденію суть своего рода психическіе атомы, изъ которыхъ и образуются тѣ замѣтныя для сознанія единицы, которыя называются психическими явленіями. Но въ такомъ случаѣ конечно нѣтъ никакого основанія говорить о процессѣ образованія слѣдовъ, какъ объ особомъ психическомъ процессѣ: этотъ процессъ или есть обратная сторона процессовъ ассоціаціи и интеграціи, или обратная сторона процесса непосредственнаго психическаго возбужденія.

Точно такимъ же способомъ и процессъ забвенія есть: или обратная сторона процесса диссоціаціи и дезинтеграціи, или обратная сторона отрицательнаго факта — отсутствія, въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, того психическаго возбужденія, которое необходимо для поддержанія слѣда въ сензоріумѣ. Особо доказывать это утвержденіе разумѣется нѣтъ и надобности, ибо процессъ забвенія прямо противуположенъ процессу памятованія, вслѣдствіе чего и условія этихъ процессовъ должны быть противуположны другъ другу.

Итакъ единственными самостоятельными процессами психическаго развитія, т. е. единственными видами центральныхъ движеній, производящихъ какія-либо измѣненія въ отношеніяхъ данныхъ психическихъ явленій, должно считать только процессы ассоціаціи и интеграціи и ихъ отрицательные коррелаты; предварительнымъ же условіемъ, т. е. conditio sine qua non, этихъ процессовъ конечно является наличность или отсутствіе извѣстныхъ психическихъ возбужденій, неизбѣжно оставляющихъ слѣдъ въ сензоріумѣ.

Переходя къ теоріи процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи, изложенной нами въ «Психологіи чувствованій»,

мы должны сознаться однако, что и она требуетъ новыхъ разъясненій и даже исправленій. Дѣло въ томъ, что эти четыре понятія не выражаютъ еще всѣхъ существенныхъ процессовъ измѣненія явленій сознанія и что они должны быть дополнены еще двумя понятіями. Одно изъ этихъ послѣднихъ въ наукѣ уже давно принято: это — понятіе дезинтеграціи; другое, по формѣ тоже не представляющее ничего новаго, явится само собою, если мы ближе вникнемъ въ отношенія процессовъ интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Эти отношенія сводятся къ тому, что дифференціація есть процессъ составной, въ который входятъ, какъ элементы, процессы интеграціи и дезинтеграціи. Дѣйствительно: при дифференціаціи интегрированнаго цѣлаго прежде всего происходятъ новыя интеграціи между частными элементами, его составляющими, затѣмъ оно само до извѣстной степени должно дезинтегрироваться, чтобы изъ него получилось нѣсколько самостоятельныхъ меньшихъ цѣлыхъ. Отсюда между прочимъ слѣдуетъ, что прямо противуполагать процессъ дифференціаціи процессу интеграціи, какъ мы это дѣлали прежде, неправильно: процессу интеграціи противуположенъ не процессъ дифференціаціи, а процессъ дезинтеграціи, и уже изъ сочетанія этихъ двухъ процессовъ составляется болѣе сложный процессъ дифференціаціи. Если мы теперь проведемъ параллель между только-что разсмотрѣнными сложными процессами и болѣе простыми, имъ предшествующими и ихъ обусловливающими, то и тутъ признаемъ необходимость постановки параллельнаго новаго понятія. Интеграція, какъ мы говорили, предполагаетъ ассоціацію, т. е. органическое соединеніе требуетъ предварительнаго механическаго. Диссоціація же собственно предваряетъ не дифференціацію, а болѣе элементарный процессъ дезинтеграціи, ибо — какъ дезинтеграція есть простое распаденіе органическаго единства, такъ и диссоціація есть простое уничтоженіе механической связи. Но затѣмъ процессы ассоціаціи и диссоціаціи въ свою очередь могутъ соединиться вмѣстѣ, какъ и процессы интеграціи и дезинтеграціи: другими словами, ассоціація можетъ вызвать неизбѣжно извѣстную диссоціацію и этотъ то соединенный процессъ ассоціаціи и диссоціаціи, который мы назовемъ процессомъ диз'ассоц'іаціи (т. е. диссоціаціи, вызванной ассоціаціей), и есть очевидно непосредственное условіе составного процесса дифференціаціи, — ибо для того, чтобы органическое цѣлое распалось на нѣсколько меньшихъ органическихъ цѣлыхъ, мало новыхъ ассоціацій его частныхъ элементовъ: необходимъ и рядъ неизбѣжно связанныхъ съ ними диссоціацій между элементами,

которые прежде были ассоціированы; иначе говоря, новая механическая комбинація элементовъ другъ съ другомъ въ извѣстныхъ случаяхъ приводитъ къ разрушенію старой[1]).

Такимъ образомъ, въ результатѣ оказывается, что центральныя психическія движенія и преемства движеній, измѣняющія отношенія между данными психическими явленіями и служащія источникомъ развитія этихъ послѣднихъ, могутъ быть сведены къ шести родамъ. Эти движенія, или процессы, суть: процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи; интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Разберемъ теперь подробнѣе отношенія ихъ между собою.

Процессы первой серіи мы уже назвали механическими, процессы второй серіи — органическими. Объяснять эти термины едва ли нужно, ибо они давно приняты въ наукѣ, какъ способы выраженія двоякаго рода связи между какими-нибудь предметами и явленіями, а именно связи незаконченной, такъ сказать поверхностной и случайной, которая не измѣняетъ свойствъ данныхъ элементовъ и можетъ прекратиться, тоже не повліявъ на эти свойства, и связи законченной, необходимой, и на столько глубокой, что въ ней исчезаютъ свойства элементовъ, какъ особыхъ единицъ. Примѣровъ такой двоякой связи элементовъ много во всей природѣ; мы можемъ видѣть подобіе ея и въ двоякаго рода соединеніяхъ неорганическихъ веществъ, о которыхъ учитъ химія, — а именно въ соединеніяхъ въ видѣ про-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что составные процессы дизассоціаціи и дифференціаціи могутъ имѣть только одно теченіе, а не два: ассоціація можетъ вызвать неизбѣжно извѣстную диссоціацію, интеграція — извѣстную дезинтеграцію; но обратный случай, чтобы диссоціація вызвала съ необходимостью извѣстную ассоціацію, дезинтеграція — интеграцію, совершенно невозможенъ. Мы это говоримъ тѣмъ сознательнѣе, что сами прежде думали противуположное; но должны были при ближайшемъ анализѣ отказаться отъ такого мнѣнія. На первый взглядъ можетъ казаться напр., что если представленіе объ извѣстной комнатѣ диссоціировалось отъ представленія темноты, съ которымъ оно было прежде ассоціировано, то оно должно eo ipso ассоціироваться съ представленіемъ свѣта; но это обманъ сознанія: если мы спросимъ себя, почему представленія комнаты и темноты диссоціировались, то придется отвѣтить «а потому, что представленіе комнаты ассоціировалось съ противуположнымъ представленіемъ свѣта». Вообще, если ассоціація можетъ съ необходимостью вызвать извѣстную диссоціацію, то никакъ не на оборотъ, ибо всякая диссоціація оставляетъ открытое поле для нѣсколькихъ различныхъ ассоціацій и ни одной не опредѣляетъ съ неизбѣжностью. Тоже самое относится конечно и къ преемству процессовъ интеграціи и дезинтеграціи.

стой смѣси и въ такихъ соединеніяхъ, которыя образуютъ нѣчто новое, отличное отъ первоначальныхъ элементовъ (какъ напр. вода, составляющая неразрывное соединеніе двухъ газовъ: водорода и кислорода). Отношенія процессовъ механическихъ, взятыхъ въ отдѣльности, другъ къ другу, и параллельно органическихъ — тоже другъ къ другу, мы уже разъяснили: два первые процесса каждаго ряда прямо противуположны одинъ другому, два остальные составляютъ результатъ сочетанія упомянутыхъ противуположныхъ процессовъ каждой группы. Поэтому мы теперь остановимся подробнѣе на разборѣ отношенія процессовъ механическихъ вообще къ органическимъ вообще.

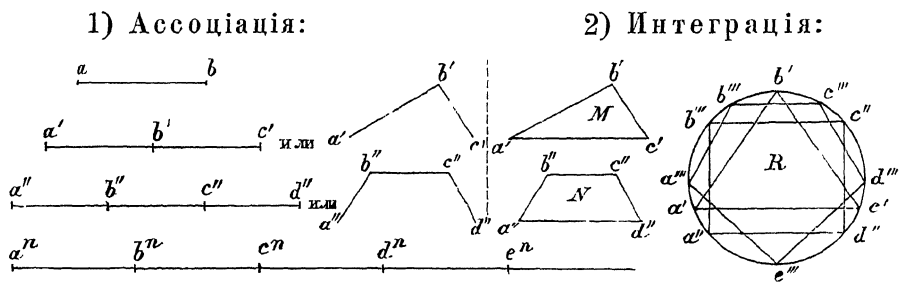
Отношеніе это можно сравнить съ отношеніемъ процессовъ сложенія, вычитанія и т. д., съ одной стороны, къ процессамъ подведенія окончательной суммы, разности и проч., съ другой, — въ математикѣ. Но «comparaison n'est pas raison», — и сравненіемъ мы не удовольствуемся.

Если мы остановимся подробнѣе на анализѣ отношеній процессовъ ассоціаціи и интеграціи и выяснимъ ближе характеръ отношенія этихъ двухъ процессовъ, то намъ сдѣлаются понятны конечно и параллельныя имъ отношенія прочихъ процессовъ: диссоціаціи и дезинтеграціи, дизассоціаціи и дифференціаціи. Поэтому спрашивается, какое существуетъ различіе и что общаго между процессами ассоціаціи и интеграціи? Различіе этихъ процессовъ мы уже опредѣлили изъ свойства ихъ результатовъ: ассоціація связываетъ, не разрушая элементовъ, интеграція связываетъ въ ущербъ элементамъ, которые въ этой связи исчезаютъ какъ самостоятельныя единицы и получаютъ новыя функціи какъ части извѣстнаго цѣлаго. Но всетаки уже и въ «Психологіи чувствованій» мы разсматривали ассоціацію только какъ фазисъ или моментъ интеграціи: ассоціація есть ступень къ интеграціи, есть такъ сказать незаконченная интеграція; интеграція есть напротивъ завершеніе ассоціаціи или законченная ассоціація. Изъ такого сопоставленія возникаетъ вообще вопросъ, заключаетъ ли въ себѣ процессъ интеграціи, какъ процессъ, нѣчто новое и оригинальное сравнительно съ процессомъ ассоціаціи, или онъ долженъ быть признанъ только комбинаціею ассоціацій? Иначе сказать, представляетъ ли интеграція особый родъ движенія или она есть лишь извѣстная совокупность или преемство движеній ассоціативныхъ.

Такъ какъ мы говоримъ объ ассоціаціи и интеграціи психическихъ явленій, то изъ этой области и возьмемъ примѣры для

анализа. Положимъ мы сидимъ въ концертѣ, довольно далеко отъ сцены, да къ тому же отличаемся близорукостью и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о различіи струнныхъ инструментовъ: вышелъ артистъ, мелькнулъ въ воздухѣ какой-то коричневый предметъ и полились звуки: ощущеніе извѣстнаго цвѣта и ощущеніе какой-то неопредѣленной формы ассоціировалось въ нашемъ умѣ съ извѣстнымъ преемствомъ звуковыхъ ощущеній, и больше ничего. Но вотъ въ антрактѣ мы случайно встрѣчаемъ въ корридорѣ носъ къ носу артиста съ его инструментомъ, бесѣдующаго съ какимъ-нибудь любителемъ изъ публики. Мы подходимъ поближе, становимся въ сторонку и разсматриваемъ инструментъ: скрипку мы немного знаемъ, віолончель тоже; но это ни то, ни другое, — больше скрипки, но меньше віолончели. Собесѣдники упоминаютъ часто объ альтѣ, кивая на данный инструментъ; ощущенія цвѣта, формы, величины становятся опредѣленнѣе и ассоціируются полнѣе, ассоціируются они и съ суммою ощущеній отъ слышанныхъ ранѣе звуковъ, ассоціируются наконецъ и съ именемъ, случайно нами услышаннымъ, — и въ результатѣ является интегрированное цѣлое, новое для насъ представленіе объ альтѣ, какъ особомъ инструментѣ. Ничего, кромѣ ассоціацій, въ этомъ случаѣ не было; но онѣ совершили извѣстный кругъ — и получилась интеграція. Возьмемъ другой примѣръ. Ребенокъ видитъ постоянно въ своей дѣтской предметъ съ четырьмя ножками, на которомъ онъ играетъ въ игрушки: ему говорятъ, что это столъ; посреди столовой стоитъ предметъ гораздо больше, овальной формы съ шестью ножками, и про него говорятъ ему тоже, что это столъ: происходитъ ассоціація по сходству; въ гостиной стоитъ предметъ, состоящій изъ круглой доски, покрытой скатертью, съ одной ногою, внизу раздѣляющейся на три ножки: опять, говорятъ, столъ, — новая ассоціація; у отца въ кабинетѣ большая масса безъ ножекъ, покрытая зеленымъ сукномъ и въ серединѣ подъ доской имѣющая пустоту, — опять «столъ», — еще ассоціація. Такъ какъ эти формы постоянно повторяются и въ другихъ комнатахъ и въ другихъ квартирахъ, то всѣ частныя представленія ассоціируются другъ съ другомъ наконецъ совершенно прочно и окончательно, и является общее представленіе о столѣ, т. е. новое интегрированное цѣлое. Очевидно и тутъ опять нѣтъ ничего, кромѣ ассоціацій, но прошедшихъ извѣстный кругъ: представленіе a ассоціировалось съ представленіямъ b, b съ c, c съ d и d опять съ a, — кругъ закончился и рядъ ассоціацій привелъ къ интеграціи: явилось новое цѣлое — N.

Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ психической сферѣ, а мы думаемъ, что и во всякой, интеграція не есть особый процессъ, а есть лишь законченный или полный кругъ ассоціацій. Ощущеніе или представленіе a соединилось съ b, b съ c, c съ a — явилось законченное цѣлое $a\,b\,c = M$. Представленіе a соединилось съ b, b съ c, c съ d, d въ свою очередь съ a, — опять кругъ закончился, и интегрированное цѣлое N явилось тоже продуктомъ ряда ассоціацій, и т. д. Мы думаемъ, что если хотѣть изобразить отношеніе процессовъ ассоціаціи и интеграціи схемами, то можно различныя ассоціаціи изобразить линіями, соединяющими точки, а интеграціи — линіями, замкнутыми въ плоскости, ибо такое соединеніе линій въ плоскости тоже даетъ новые продукты (плоскости) и не заключаетъ въ себѣ, какъ процессъ, ничего существенно новаго. Ассоціацію двухъ элементовъ сознанія можно изобразить одной линіей ($a\,b$), интеграція двухъ элементовъ конечно невозможна, ибо для интеграціи требуется нѣсколько ассоціацій, для чего необходимо не менѣе трехъ элементовъ; ассоціацію трехъ элементовъ, или двойную ассоціацію, можно изобразить схемою двухъ линій ($a'\,b'$ и $b'\,c'$), интеграцію трехъ элементовъ сознанія — схемою треугольника ($a'\,b'\,c' = M$); ассоціацію четырехъ элементовъ — схемою трехъ линій ($a''\,b''$, $b''\,c''$ и $c''\,d''$), интеграцію ихъ — схемою четыреугольника ($a''\,b''\,c''\,d'' = N$) и т. д. Ассоціацію многихъ элементовъ можно выразить безконечною линіею ($a^n\,b^n\,c^n\,d^n\,e^n\ldots$), интеграцію — кругомъ (R), внутри котораго можно мыслить безконечное число разнообразныхъ фигуръ:

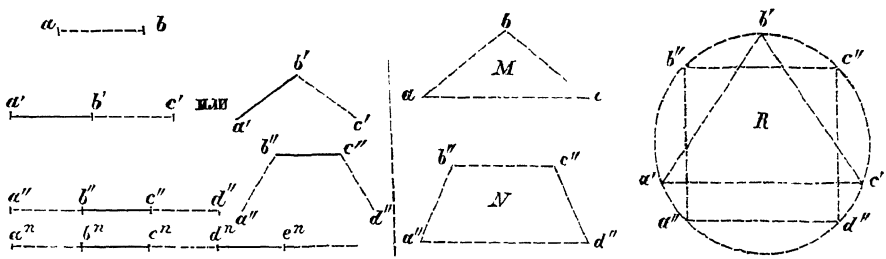


Схемы и въ данномъ случаѣ весьма наглядно поясняютъ идею. Но схемы конечно можно брать не только изъ геометріи, но напр. и изъ ариѳметики или алгебры, — и потому, если мы сравнили выше процессъ ассоціаціи съ процессомъ сложенія отдѣльныхъ величинъ, а

процессъ интеграціи съ процессомъ подведенія итога или общей суммы, то это сравненіе тоже можетъ быть обращено теперь въ схемы: $a + b + c + d$ — схема ассоціаціи, заключительное сочетаніе этихъ величинъ, $a + b + c + d + a = (a + b + c + d)$ въ сумму M — схема интеграціи.

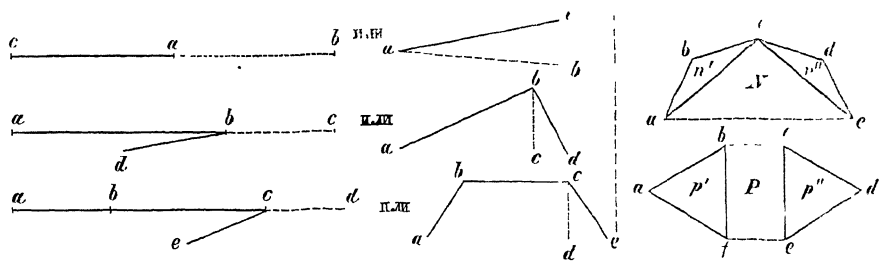
Стало быть интеграцію можно опредѣлить какъ законченную совокупность ассоціацій. Точно также, разумѣется, дезинтеграція есть законченный рядъ диссоціацій, дифференціація — законченный рядъ дизассоціацій. Эти отношенія можно тоже выразить геометрическими схемами. Для диссоціаціи и дезинтеграціи, изображая эти отрицательные процессы точками (вмѣсто линій), получимъ слѣдующія схемы:

1) Диссоціація: 2) Дезинтеграція:



Схемы процессовъ дизассоціаціи и дифференціаціи будутъ, согласно тѣмъ же принципамъ, слѣдующія:

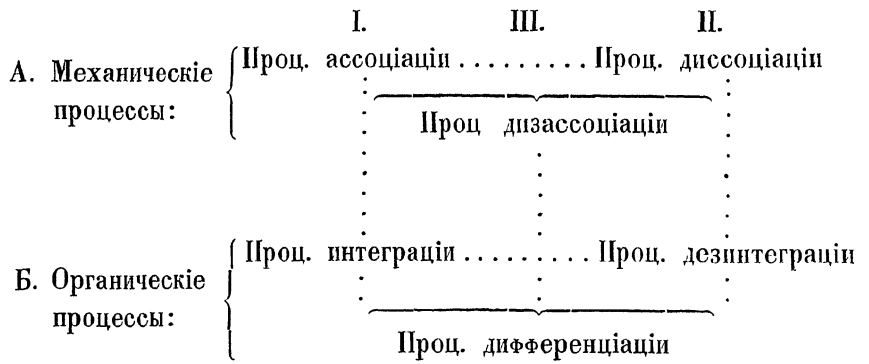
1) Дизассоціація: 2) Дифференціація:



Здѣсь въ первой группѣ схемъ ассоціаціи между a и c, b и d, c и e вызвали диссоціаціи между a и b, b и c, c и d; во второй группѣ дизассоціаціи, состоящія изъ новыхъ ассоціацій c и a, c и e, съ одной

стороны, b и f, c и e — съ другой, и соотвѣтствующихъ имъ диссоціацій между a и e, съ одной, b и c, f и e, съ другой стороны, вызвали дифференціаціи: N на меньшія цѣлыя n' и n'', P — на части p' и p'', или, говоря другими словами: новыя интеграціи элементовъ $a\ b$ и c, $c\ d$ и e — съ одной стороны, элементовъ $a\ b$ и f, $c\ d$ и e — съ другой, вызвали дезинтеграціи цѣлыхъ N и P, что и произвело дифференціаціи ихъ на n' и n'', p' и p''.

Итакъ, если *результаты* каждаго изъ двухъ процессовъ, составляющихъ три упомянутыя главныя группы процессовъ психическаго развитія, различаются другъ отъ друга *качественно*, то *самые процессы*, сопоставленные попарно, различны только *количественно*, а не качественно. Если развить эту мысль подробнѣе, то окажется, что самымъ фундаментальнымъ или *основнымъ* изъ числа шести процессовъ, нами разобранныхъ, долженъ быть признанъ *процессъ ассоціаціи*: процессъ диссоціаціи есть только отрицательный коррелатъ этого послѣдняго, процессъ интеграціи — лишь законченный рядъ процессовъ ассоціаціи; далѣе процессъ дизассоціаціи есть необходимое преемство процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи; процессъ дезинтеграціи есть законченная совокупность процессовъ диссоціаціи или отрицательный коррелатъ процесса интеграціи; наконецъ процессъ дифференціаціи, самый сложный, является законченнымъ рядомъ дизассоціацій или, что то же, необходимымъ преемствомъ процессовъ интеграціи и дезинтеграціи. Всѣ эти отношенія можно изобразить слѣдующею простою и наглядною схемою:



Въ виду тѣсной связи всѣхъ процессовъ психическаго развитія и той роли, которую играетъ среди нихъ процессъ ассоціаціи, можно между прочимъ обнять всю ихъ совокупность въ понятіи *процессовъ*

ассоціаціи въ обширномъ значеніи этого слова и, выходя изъ этого соображенія, мы будемъ впослѣдствіи часто, ради краткости, называть «процессами ассоціаціи» всѣ процессы психическаго развитія, причемъ уже изъ прочаго изложенія будетъ видно, въ какомъ значеніи — широкомъ или тѣсномъ — мы разумѣемъ это названіе.

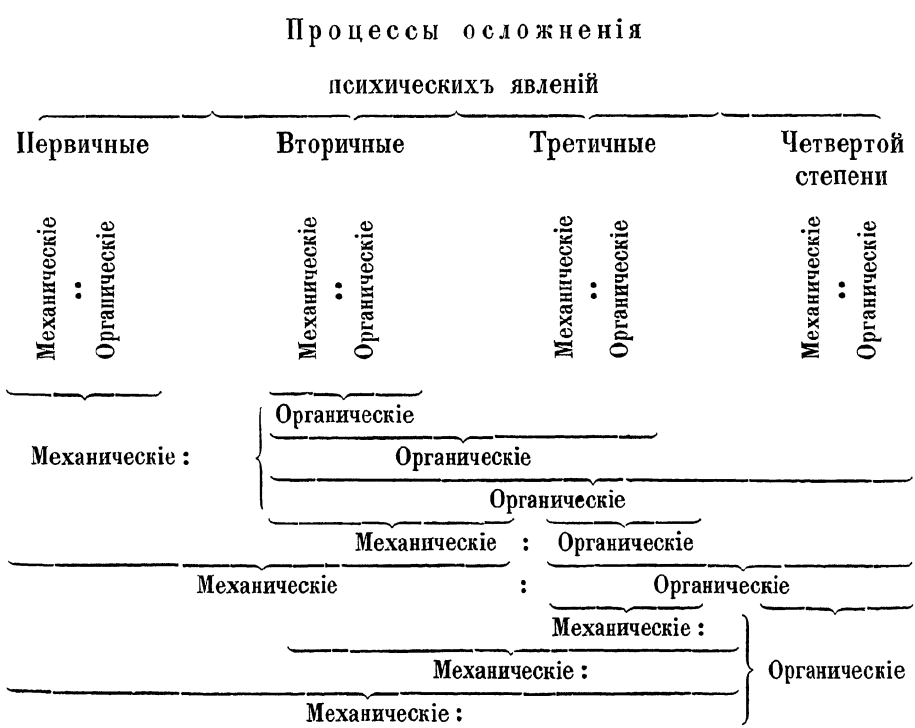
Но если таково отношеніе механическихъ и органическихъ процессовъ осложненія психическихъ явленій другъ другу, то естественно, что эти понятія могутъ имѣть только относительный, а не абсолютный смыслъ. Они обозначаютъ очевидно не столько различіе самыхъ процессовъ, сколько различіе ихъ продуктовъ; если же мы еще ближе вникнемъ въ дѣло, то окажется, что даже и въ примѣненіи къ этимъ продуктамъ понятія о механическихъ и органическихъ соединеніяхъ относительны. Послѣднее уже ясно и изъ различнаго значенія, въ которомъ они могутъ быть употребляемы и дѣйствительно часто употребляются въ наукахъ физическаго круга, когда рѣчь идетъ о соединеніяхъ вещественныхъ элементовъ природы. Мы уже говорили, что и неорганическія вещества могутъ соединяться другъ съ другомъ механически и органически (или химически), т. е. въ механическія смѣси и органическія единства; но въ свою очередь эти органическія единства считаются механическими соединеніями при сравненіи съ болѣе прочными единствами, которыя образуются изъ сочетанія ихъ другъ съ другомъ и которыя называются органическими тѣлами въ собственномъ значеніи этого слова; затѣмъ первоначальныя органическія тѣла, т. е. органическія клѣточки и нѣкоторыя ихъ соединенія, опять могутъ быть признаны механическими цѣлыми, сравнительно съ другими, болѣе сложными, органическими цѣлыми; такъ напр. растительныя органическія клѣточки и тѣла обыкновенно признаются болѣе механическими аггрегатами сравнительно съ животными органическими клѣточками и тѣлами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ опять тѣ, которыя обладаютъ сложною нервною системою, дающею особое высшее единство частямъ, могутъ быть признаны болѣе органическими въ сравненіи съ другими животными тѣлами, въ которыхъ, при разбросанности и нѣкоторой независимости нервныхъ узловъ и волоконъ, связь элементовъ болѣе механическая, и т. д.[1])

[1]) Относительность понятія «органическаго единства» въ природѣ тѣмъ болѣе несомнѣнна, что современная наука установила существованіе переходныхъ образованій между растительными и животными организмами, между неорганическимъ міромъ веществъ и организмами, и органическія ткани признала лишь болѣе сложными химическими соединеніями (откуда и возникла «органическая» химія).

Если мы обратимся теперь отъ соединеній веществъ къ соединеніямъ психическихъ явленій, то и тутъ точно также относительность понятій механическихъ и органическихъ ассоціацій вполнѣ подтвердится. Напр. конкретное представленіе объ отдѣльномъ предметѣ, составленное изъ законченнаго ряда ассоціацій между ощущеніями, конечно должно быть признано органическимъ единствомъ, сравнительно съ единичными ассоціаціями ощущеній; но зато, если сравнить его съ обобщеннымъ представленіемъ о цѣлой массѣ экземпляровъ того же предмета или, что то же, съ конкретнымъ понятіемъ о предметѣ, то оно представится сравнительно механическимъ аггрегатомъ. Конкретное понятіе въ свою очередь, будучи органическимъ единствомъ, при сравненіи съ конкретнымъ представленіемъ, является сравнительно механическимъ аггрегатомъ по отношенію къ отвлеченному понятію о томъ же предметѣ, ибо произвольно подобранные элементы этого новаго цѣлаго конечно связаны между собою болѣе прочною органическою связью, чѣмъ болѣе или менѣе безпорядочно натасованные въ одну кучу элементы непроизвольно-обобщеннаго представленія. Наконецъ, и это отвлеченное понятіе, будучи съ одной точки зрѣнія органическимъ единствомъ, опять можетъ представиться относительно механическимъ соединеніемъ, въ сравненіи съ высшимъ, не только произвольно, но и методически-отвлеченнымъ понятіемъ, т. е. научною идеею.

Но если такъ, то относительность понятій о механическихъ и органическихъ процессахъ даже, такъ сказать, двойная: механическіе и органическіе процессы, образующіе низшіе по развитію аггрегаты, будучи уже относительными величинами, въ свою очередь представляются, вмѣстѣ взятые, механическими процессами, по сравненію съ совокупностью тѣхъ механическихъ и органическихъ процессовъ, которые образуютъ аггрегаты болѣе высокой степени единства; эти опять, будучи по отношенію къ упомянутымъ процессамъ органическими (съ точки зрѣнія своихъ продуктовъ), являются механическими по отношенію къ другой совокупности механическихъ и органическихъ процессовъ, образующихъ еще болѣе прочныя соединенія, и т. д. Затѣмъ перваго и второго рода процессы въ общей совокупности также должны представляться механическими въ сравненіи съ органическими процессами третьей группы и точно также первые представляются механическими въ сравненіи съ общею совокупностью процессовъ второй и третьей группы, и проч. Если назвать совокупность механическихъ

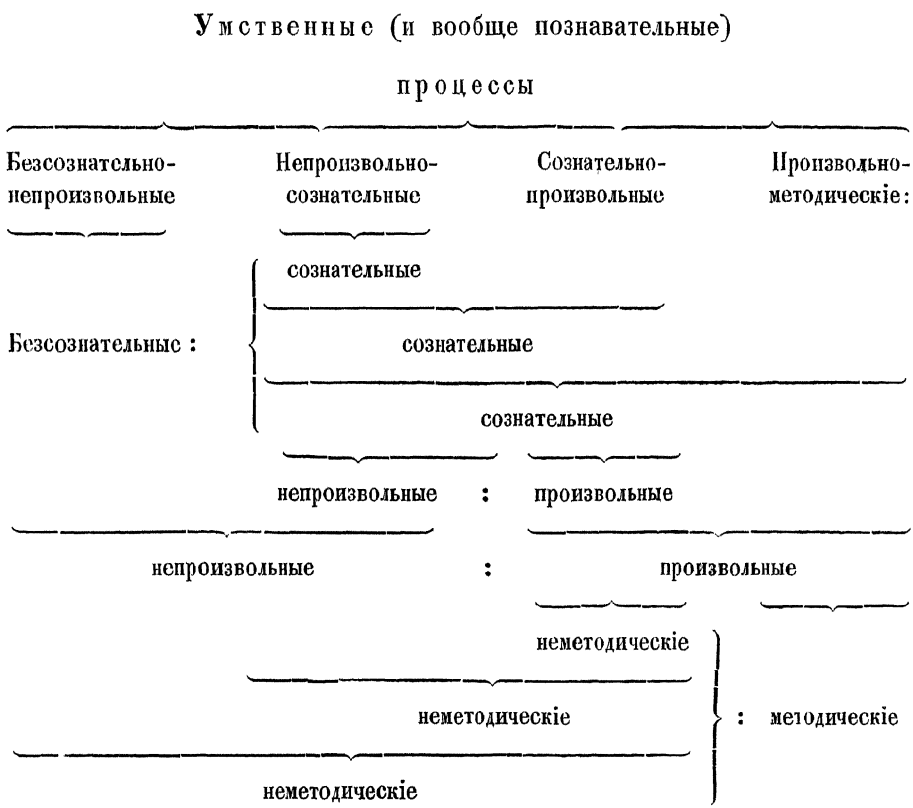
и органическихъ процессовъ или движеній, комбинирующихъ въ извѣстныя отношенія первоначальныя психическія явленія, напр. ощущенія, и дающихъ въ результатѣ первичныя осложненныя психическія явленія, напр. конкретныя представленія, группою первичныхъ процессовъ ассоціаціи; совокупность процессовъ, комбинирующихъ между собою эти первичныя осложненныя явленія и приводящихъ къ вторичнымъ, напр. къ представленіямъ обобщеннымъ или понятіямъ конкретнымъ, — группою процессовъ вторичныхъ; далѣе, совокупность процессовъ, приводящихъ въ концѣ концевъ къ явленіямъ третичнымъ, напр. къ отвлеченнымъ понятіямъ, — группою третичныхъ процессовъ, и, наконецъ, совокупность процессовъ приводящихъ къ еще болѣе сложнымъ продуктамъ сознанія (напр. къ научнымъ идеямъ), — группою процессовъ четвертой степени: то полную относительность понятій механическихъ и органическихъ процессовъ осложненія психическихъ явленій можно выразить слѣдующею сложною схемою, въ которой знакъ «:» будетъ именно передавать эту идею относительности:



Въ этой схемѣ очевидно исчерпаны всѣ возможныя соотношенія процессовъ развитія психическихъ явленій данныхъ четырехъ степеней съ точки зрѣнія понятій о процессахъ «механическихъ» и «органическихъ» и изъ этой схемы ясно между прочимъ, что въ представленной системѣ первичные механическіе процессы суть механическіе по преимуществу, органическіе четвертой степени — органическіе по преимуществу.

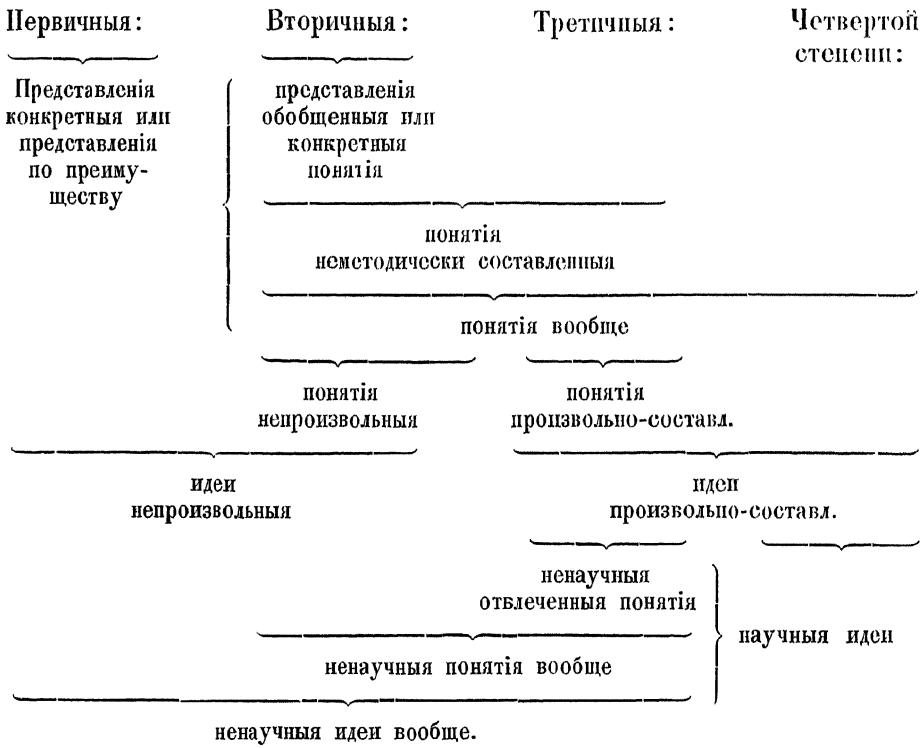
Ограничиваясь вышеизложенными самыми существенными чертами въ характеристикѣ общихъ процессовъ психическаго развитія, перейдемъ къ спеціальному классу умственныхъ процессовъ или процессовъ развитія явленій объективной воспріимчивости.

Припомнимъ, что мы и умственные процессы, какъ и всю познавательную дѣятельность, ингредіентомъ которой они являются, дѣлили выше (глава первая, стр. 79) тоже на четыре ступени — процессовъ безсознательно-непроизвольныхъ, непроизвольно-сознательныхъ, сознательно-произвольныхъ и произвольно-методическихъ, или, какъ мы иначе ихъ называли, безсознательныхъ, сознательныхъ, произвольныхъ и методическихъ, или еще: первичныхъ, вторичныхъ, третичныхъ и четвертой степени. Нечего и говорить, что если общая наша теорія процессовъ психическаго развитія правильна, то эта лѣстница умственныхъ процессовъ различной степени должна совпадать съ только-что приведенною общею лѣстницею процессовъ развитія, и что вышеупомянутая теорія механическихъ и органическихъ процессовъ только точнѣе опредѣляетъ, что̀ именно слѣдуетъ разумѣть подъ отношеніями безсознательныхъ, сознательныхъ, произвольныхъ и методическихъ умственныхъ процессовъ. Это ясно уже и изъ того, что умственные процессы суть только одинъ изъ частныхъ видовъ процессовъ психическаго развитія, — и далѣе изъ разсмотрѣнныхъ въ свое время отношеній умственныхъ и вообще познавательныхъ процессовъ различной степени между собою. Дѣйствительно: эти послѣднія отношенія мы можемъ безъ всякихъ натяжекъ облечь въ слѣдующую схему, совершенно тождественную или параллельную приведенной общей схемѣ отношеній между механическими и органическими процессами:



Но такъ какъ въ этой классификаціи много отрицательныхъ понятій, да притомъ же нѣтъ намека на взаимное отношеніе продуктовъ различныхъ процессовъ, и такъ какъ кромѣ того въ ней не указано на единство и однородность этихъ процессовъ, то очевидно, что прежде приведенная схема даетъ этой послѣдней классификаціи болѣе опредѣленное содержаніе. Остается еще выразить въ третьей параллельной схемѣ уже разсмотрѣнныя выше отношенія понятій, соотвѣтствующихъ различной сложности продуктамъ умственной дѣятельности, т. е. идеямъ различной степени развитія, и мы будемъ имѣть совершенно твердую почву для послѣдующаго детальнаго анализа умственныхъ процессовъ. Эта третья схема слѣдующая:

Продукты умственныхъ процессовъ или идеи:



По поводу этихъ послѣднихъ схемъ и классификацій намъ конечно замѣтятъ, что онѣ еще пока являются совершенно гипотетическими и пожалуй даже вымышленными, ибо онѣ основаны на дедукціи, а не на индукціи изъ фактическаго анализа психическаго содержанія. Это замѣчаніе невѣрно будетъ въ томъ смыслѣ, что мы лично пришли къ такому разчлененію умственныхъ процессовъ и явленій чисто индуктивнымъ путемъ, путемъ разносторонняго и весьма кропотливаго анализа конкретнаго познавательнаго содержанія; если же мы до сихъ поръ не раскрывали передъ читателемъ этого сложнаго процесса анализа, то во первыхъ по тому, что пока ничего кромѣ гипотезъ мы и не намѣрены были предлагать, такъ какъ хотѣли только подготовить почву для спеціальнаго изслѣдованія умственныхъ отправленій человѣка, а такая подготовка и должна состоять, какъ мы не разъ уже говорили, изъ

гипотезъ, основанныхъ на дедукціяхъ; во вторыхъ нами руководило еще и то соображеніе, что только дедукціи изъ общихъ законовъ природы и жизни могутъ дать вполнѣ твердую опору для наукъ о сознаніи, а не безпорядочный анализъ изолированныхъ фактовъ внутренняго опыта, самъ по себѣ совершенно субъективный. Поэтому мы старались найти основанія для своихъ дедукцій въ біологіи и вообще въ наукахъ объ организмѣ и о природѣ: общія современныя теоріи объ организмѣ и о природѣ послужили орудіемъ для освѣщенія психическаго существованія вообще, затѣмъ психической дѣятельности, далѣе въ частности процессовъ психическаго развитія и, наконецъ, спеціально умственныхъ процессовъ. Вопросъ о томъ, правильно ли это освѣщеніе, пока еще гипотетическое, намъ и предстоитъ теперь разрѣшить путемъ спеціальнаго изслѣдованія умственныхъ процессовъ.

Главный нашъ тезисъ, какъ уже было указано (ср. стр. 92), состоитъ въ томъ, что умственные процессы или движенія всѣ однородны и сводятся къ немногимъ первоначальнымъ формамъ, которыя постепенно все болѣе и болѣе осложняются; но какія это первоначальныя формы и какъ онѣ осложняются, мы еще не знали, когда эта мысль впервые была высказана нами. Теперь же, когда мы знаемъ и то и другое, упомянутый общій тезисъ является возможнымъ спеціализировать въ слѣдующіе два частные:

1) Всѣ умственные процессы сводятся къ шести элементарнымъ формамъ процессовъ, выражаемымъ понятіями процессовъ ассоціаціи, диссоціаціи, дизассоціаціи; интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Въ виду же того, что изъ этихъ процессовъ основнымъ является процессъ ассоціаціи, можно сказать также, что всѣ умственные процессы сводятся къ процессамъ ассоціаціи.

2) Ступени развитія «умственныхъ процессовъ» тождественны указаннымъ выше ступенямъ развитія процессовъ ассоціаціи вообще. Поэтому первое различіе умственныхъ процессовъ со стороны сложности сводится къ различію механическихъ процессовъ отъ органическихъ; затѣмъ эти механическіе и органическіе процессы въ совокупности могутъ быть опять различной сложности или развитія, т. е. первичными, вторичными, третичными, четвертой степени и т. д., причемъ это различіе совпадаетъ съ различіемъ умственныхъ процессовъ безсознательныхъ, сознательныхъ, произволь-

ныхъ, методическихъ и проч. Далѣе отношенія этихъ главныхъ ступеней развитія умственныхъ процессовъ въ свою очередь могутъ быть выражены понятіями процессовъ «механическихъ» и «органическихъ», которыя и въ сферѣ умственной дѣятельности, какъ и во всякой другой, совершенно относительны.

Если бы намъ удалось доказать эти два тезиса совершенно неопровержимо, то результатъ былъ бы, разумѣется, весьма утѣшителенъ и важенъ для наукъ психологическихъ вообще и для логической науки въ частности: сведеніе всей умственной дѣятельности, а затѣмъ и психической вообще, къ немногимъ основнымъ процессамъ давно уже составляло мечту этихъ наукъ; но мечта эта до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не осуществлялась. Правда уже Юмъ и особенно Гертли въ XVIII в. пробовали дать принципу ассоціаціи всеобщее значеніе въ наукахъ о сознаніи; но въ виду различныхъ препятствій какъ со стороны этихъ наукъ, такъ и со стороны прочихъ наукъ о природѣ, ихъ ученія не привели въ свое время къ желанному результату и теорія ассоціаціи осталась частною теоріею одной группы безсознательныхъ умственныхъ процессовъ. Главное препятствіе было конечно со стороны стараго логическаго ученія о сужденіяхъ и выводахъ, которое еще никѣмъ не было вполнѣ переработано въ смыслѣ согласованія его съ теоріею ассоціаціи (слабые намеки Милля и другихъ англійскихъ эмпириковъ, въ этомъ направленіи, пока такъ и остаются намеками). Другимъ препятствіемъ было то, что самая теорія процессовъ ассоціаціи была разработана слишкомъ узко и односторонне и не была поставлена въ связь съ теоріею общихъ процессовъ развитія явленій природы. Зато, въ замѣнъ принциповъ ассоціаціи, наука о мышленіи, выходя изъ старой теоріи сужденій и выводовъ, пробовала опереться на другіе общіе принципы, тождества и различія (или противорѣчія), и давно ходячимъ сдѣлалось мнѣніе, что всѣ процессы мышленія могутъ быть сведены къ процессамъ отождествленія и различенія, вслѣдствіе чего логика и говорила о законахъ тождества и противорѣчія, какъ объ «основныхъ законахъ мысли». Однако эти принципы, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, вовсе не выражаютъ природы всей совокупности умственныхъ движеній и процессовъ, и съ точки зрѣнія нашей теоріи ассоціаціи являются лишь совершенно частными обобщеніями, да и то, по способу формулированія, отнюдь не годятся въ принципы мышленія; но объ этомъ въ свое время, — теперь достаточно сказать, что оправданіе вышепоставленныхъ те-

зисовъ будетъ совершенно новымъ и весьма капитальнымъ шагомъ въ наукѣ о познавательной дѣятельности и вообще въ наукахъ о сознаніи и что въ прошломъ этихъ наукъ этимъ тезисамъ соотвѣтствуютъ лишь скромныя pia desideria, общіе постулаты и смутныя желанія, слабые намеки и предположенія. Важность предстоящей задачи слѣдовательно вполнѣ установлена и остается повторить то, что́ мы сказали уже и прежде, а именно, что, въ виду ея трудности и обширности, нашею цѣлью будетъ доказать только возможность и самые способы ея осуществленія, но исчерпать всего предмета мы въ настоящее время не надѣемся даже и приблизительно. Съ доказательствомъ возможности сведенія всѣхъ умственныхъ процессовъ къ указаннымъ выше первоначальнымъ формамъ, какъ убѣдится послѣ и самъ безпристрастный читатель, открывается такой необъятный горизонтъ для логическаго анализа, что работы хватитъ на нѣсколько поколѣній изслѣдователей.

Спрашивается теперь, какого плана мы должны держаться въ своемъ спеціальномъ разборѣ умственныхъ процессовъ? Изъ предъидущаго уже ясно, что самою существенною нашею задачею представляется переработка старой теоріи сужденій и выводовъ. Эта переработка, скажемъ точнѣе, будетъ имѣть цѣлью доказать прежде всего, что процессы сужденія суть лишь сознательные процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи идей, процессы умозаключенія — сознательные процессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи идей. Если эта цѣль будетъ достигнута, то во всемъ остальномъ оправданіе поставленныхъ выше тезисовъ уже представится дѣломъ сравнительно легкимъ. Но если такова главная проблемма, которую намъ должно рѣшить, то отсюда еще не слѣдуетъ, что съ нея нужно и начать анализъ. Сознательные процессы ассоціаціи, т. е. процессы сужденія и умозаключенія, представляютъ во всякомъ случаѣ вторичную ступень умственныхъ процессовъ. Анализъ этой вторичной ступени должно разумѣется подготовить изслѣдованіемъ ступени первичной, или тѣхъ безсознательныхъ процессовъ, которые старая психологія обнимала въ понятіи «процессовъ ассоціаціи». Общую картину состава и развитія этихъ первичныхъ процессовъ мы и попробуемъ прежде всего начертать.

Такъ какъ однако путь, на который мы теперь вступаемъ, представляется весьма длиннымъ (ибо, и при идеальной сжатости изложенія, для обозрѣнія безсознательныхъ, сознательныхъ, а затѣмъ про-

извольныхъ и методическихъ умственныхъ процессовъ, да еще съ совершенно новой точки зрѣнія, потребуется не мало мѣста), то для удобства читателей мы раздѣлимъ предстоящій спеціальный анализъ на два отдѣла или на двѣ главы: въ первой мы разсмотримъ непроизвольные, безсознательные и сознательные, или первичные и вторичные, умственные процессы; во второй — произвольные, неметодическіе и методическіе, или третичные и четвертой степени процессы. Но и при этомъ мы будемъ всетаки стараться излагать свои мысли насколько можно кратко и на примѣры не особенно будемъ щедры, въ томъ расчетѣ, что изобиліе примѣровъ отвлекаетъ мысль отъ главныхъ тезисовъ и что спеціалисты, для которыхъ мы пишемъ это первое изложеніе своихъ теорій поймутъ насъ и безъ особенныхъ съ нашей стороны усилій, имѣя сами въ запасѣ достаточное число фактовъ и наблюденій. Импонировать изобиліемъ фактическаго матеріала не трудно, но этотъ пріемъ, хотя онъ и въ модѣ, довольно ребяческій: факты можно коверкать и ложно освѣщать, и иногда глубокій анализъ одного факта приноситъ больше, чѣмъ поверхностный разборъ цѣлой сотни. Въ наукѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, — дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. НЕПРОИЗВОЛЬНЫЕ УМСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ.

1. Процессы первичные или безсознательные.

Этимъ именемъ мы называемъ тѣ центральныя движенія и преемства движеній, по преимуществу физіологическаго характера, которыя безъ участія не только воли, но и сознанія, комбинируютъ и ставятъ въ различныя отношенія другъ къ другу простѣйшіе продукты объективной воспріимчивости. Всѣ эти движенія или, другими словами, безсознательные процессы ассоціаціи, какъ мы предположили въ свое время, совершаются въ предѣлахъ между ощущеніями и конкретными представленіями о предметахъ и ихъ свойствахъ, о явленіяхъ и событіяхъ внѣшняго и внутренняго міра, или, говоря иначе, въ предѣлахъ между первоначальными объективными воспріятіями и первичными идеями. Но этимъ еще не все сказано. Ощущенія и конкретныя представленія по составу и степени сложности не всѣ одинаковы: психологія давно признала различіе ощущеній безсознательныхъ и сознательныхъ, ощущеній безусловно простыхъ и ощущеній составныхъ; точно также, если мы обратимъ вниманіе на природу конкретныхъ представленій[1]), то признаемъ необходимымъ различать такія, которыя относятся къ предметамъ и явленіямъ простымъ, отъ такихъ, которыя относятся къ предметамъ и явленіямъ составнымъ

---

[1]) Этимъ именемъ мы пока обозначаемъ лишь тѣ представленія, въ которыхъ мы еще не отдаемъ себѣ отчета въ отдѣльныхъ признакахъ предметовъ и явленій, а мыслимъ эти послѣдніе въ общихъ, хотя и нѣсколько туманныхъ, образахъ; напр. таковы многія представленія о видѣнныхъ картинахъ, остающіяся въ нашемъ умѣ по возвращеніи съ художественной выставки.

большей или меньшей сложности: конкретное представленіе о палкѣ, которая валяется на дорогѣ, по своей внутренней природѣ ничѣмъ не отличается отъ конкретнаго представленія о деревѣ, растущемъ передъ моимъ окномъ, и, далѣе, отъ конкретнаго представленія о цѣлой мѣстности, въ которой я живу, и проч. Отсюда конечно является необходимость въ процессѣ осложненія ощущеній въ конкретныя представленія или первичныя идеи различать въ свою очередь цѣлый рядъ ступеней. Прежде всего можно говорить о процессахъ комбинаціи безсознательныхъ ощущеній другъ съ другомъ, продуктомъ которыхъ являются ощущенія сознательныя. Затѣмъ слѣдуетъ признать процессы осложненія сознательныхъ ощущеній, конечнымъ продуктомъ которыхъ являются простѣйшія конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ. Наконецъ должно признать еще и такіе первичные процессы ассоціаціи, которые комбинируютъ другъ съ другомъ меньшія по объему конкретныя представленія въ бо́льшія. Таковы главныя ступени безсознательныхъ умственныхъ процессовъ; но каждая изъ этихъ главныхъ ступеней разумѣется въ свою очередь можетъ распадаться на безконечный рядъ болѣе частныхъ или второстепенныхъ, ибо не всѣ интеграціи безсознательныхъ ощущеній даютъ въ результатѣ ощущенія сознательныя, не всѣ интеграціи сознательныхъ ощущеній приводятъ къ конкретнымъ представленіямъ о единичныхъ предметахъ и явленіяхъ; наконецъ, каждая интеграція конкретныхъ представленій объ отдѣльныхъ предметахъ въ конкретное представленіе о предметѣ болѣе сложнаго состава (или о суммѣ нѣсколькихъ предметовъ) въ свою очередь можетъ служить элементомъ при интеграціи конкретнаго представленія о цѣломъ еще болѣе сложнаго состава или бо́льшаго объема. Такъ напр. въ умѣ путешественника, переѣзжающаго изъ го́рода въ городъ, конкретное представленіе о каждомъ городѣ есть интеграція цѣлой массы меньшихъ конкретныхъ представленій объ отдѣльныхъ улицахъ, зданіяхъ, площадяхъ, садахъ и т. д., имъ видѣнныхъ, при чемъ уже и эти конкретныя представленія — довольно сложнаго состава; а затѣмъ изъ конкретныхъ представленій о нѣсколькихъ городахъ слагается конкретное представленіе о цѣлой провинціи, изъ конкретныхъ представленій о нѣсколькихъ провинціяхъ слагается конкретное представленіе о странѣ, изъ конкретныхъ представленій о разныхъ странахъ, пріобрѣтенныхъ цѣлымъ рядомъ путешествій, слагается конкретное представленіе о той или другой части свѣта, и проч.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ анализѣ, общій классъ первичныхъ или безсознательныхъ умственныхъ процессовъ оказывается аггрегатомъ безконечнаго ряда частныхъ ступеней, которыя въ свою очередь могутъ быть распредѣлены въ три главныя группы, сферы которыхъ очерчиваются предѣлами: 1) безсознательныхъ ощущеній, съ одной стороны, и сознательныхъ — съ другой, 2) сознательныхъ ощущеній и простѣйшихъ конкретныхъ представленій, 3) простѣйшихъ конкретныхъ представленій и наиболѣе сложныхъ по количеству обнимаемыхъ ими предметовъ и явленій, каковы напр. представленія о своей странѣ, о своей планетѣ, наконецъ о цѣломъ мірѣ. Конечно эти послѣднія представленія не всегда имѣютъ первичный характеръ: у образованнаго и развитого человѣка они замѣняются соотвѣтствующими конкретными или отвлеченными понятіями, или даже научными идеями; но бываютъ случаи, когда эти высшія образованія невозможны, какъ напр. у какихъ-нибудь дикарей или у людей съ ограниченнымъ интеллектомъ, не говоря уже о животныхъ, — и только эти случаи мы выше и разумѣли; а затѣмъ конечно, если не упомянутыя, то другія, конкретныя представленія различнаго объема составляютъ достояніе каждаго человѣка.

Однако, если число ступеней развитія безсознательныхъ или первичныхъ умственныхъ процессовъ безконечно, вслѣдствіе различной степени сложности ихъ результатовъ, то это еще не значитъ, разумѣется, чтобы самые процессы, какъ процессы, были безконечно разнообразны. Напротивъ, на всѣхъ ступеняхъ они имѣютъ тотъ же характеръ, опредѣляемый ихъ безсознательностью, и все разнообразіе ихъ зависитъ лишь отъ того, какіе статическіе элементы сознанія они комбинируютъ, — безусловно ли простые (единичныя безсознательныя ощущенія или, какъ мы выразились на стр. 95, атомы воспріятія), или же составные, т. е. уже интегрированныя единства, и притомъ, какой именно степени сложности. Другими словами, безсознательные умственные процессы разложимы на безконечный послѣдовательный рядъ безсознательныхъ ассоціацій и интеграцій, или механическихъ и органическихъ движеній и рядовъ движеній, которыя по природѣ своей совершенно однородны или тождественны. Различіе развѣ только можетъ состоять въ количествѣ этихъ однородныхъ и тождественныхъ движеній и рядовъ движеній, которыя другъ съ другомъ сочетаются въ одно общее преемство, чтобы произвести извѣстное соединеніе: конечно чѣмъ проще комбинируемые элементы, тѣмъ коли-

чество послѣдовательныхъ движеній, нужныхъ для означенной цѣли, меньше, и на оборотъ; напр. чтобы произвести интеграцію конкретныхъ представленій о городахъ въ конкретное представленіе о цѣлой мѣстности, нужно большее количество, или болѣе длинная цѣпь, движеній, чѣмъ для того, чтобы интегрировать нѣсколько сознательныхъ ощущеній въ конкретное представленіе о какомъ-нибудь единичномъ предметѣ, напр. о графинѣ съ водой, который стоитъ на столѣ. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что безсознательные умственные процессы, при помощи которыхъ осложняются объективныя воспріятія, наука удобнѣе всего можетъ изслѣдовать въ двухъ главныхъ классахъ: во 1) процессовъ элементарныхъ и во 2) процессовъ комбинированныхъ въ различныя группы, при чемъ разумѣется анализъ процессовъ комбинированныхъ, или группъ процессовъ, будетъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ теорій, къ которымъ приведетъ анализъ процессовъ элементарныхъ. Такъ какъ нашею задачею въ настоящемъ сочиненіи является лишь положить твердыя основанія анализу главныхъ видовъ умственныхъ движеній и выработать методы этого анализа, то мы разберемъ подробнѣе лишь элементарные безсознательные умственные процессы, о комбинированныхъ же упомянемъ только вскользь, отложивъ ихъ анализъ до другого времени. Теорія элементарныхъ безсознательныхъ процессовъ, какъ мы увидимъ, и дастъ тотъ фундаментъ для теоріи сознательныхъ умственныхъ движеній, т. е. для теоріи сужденій и умозаключеній, который мы признали необходимымъ установить.

Элементарные безсознательные умственные процессы[1]) можно опредѣлить другими словами какъ элементарныя по своему составу безсознательныя ассоціаціи, диссоціаціи, дизассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи единичныхъ ощущеній. Но эти элементарныя безсознательныя ассоціаціи (въ обширномъ значеніи слова) могутъ быть опять различнаго рода: онѣ могутъ быть 1) основными и 2) воспроизведенными, и затѣмъ основныя могутъ быть 1) усвоительными и 2) построительными. Основными мы называемъ тѣ ассоціаціи, которыя устанавливаютъ между ощущеніями какія-нибудь новыя отношенія; воспроизведенныя суть тѣ, которыя лишь воз-

---

[1]) Мы говоримъ «процессы», а не «движенія», ибо процессы интеграціи и дезинтеграціи, дизассоціаціи и дифференціаціи уже суть по своей природѣ ряды движеній, а не единичныя движенія.

становляютъ въ сензоріумѣ отношенія, уже однажды установленныя. Основныя ассоціаціи могутъ быть въ свою очередь усвоительными и построительными въ томъ смыслѣ, что однѣ имѣютъ матеріаломъ ощущенія, данныя непосредственнымъ опытомъ, другія — ощущенія, возникшія независимо отъ ближайшаго опыта, а именно при помощи процессовъ воспроизведенныхъ, — такъ какъ воспроизведенные процессы, возстановляя въ сознаніи ощущенія, данныя прежними опытами, въ свою очередь могутъ служить источникомъ новыхъ основныхъ процессовъ, устанавливающихъ такія отношенія между ощущеніями, которыя прежде не существовали и которыя непосредственною объективною дѣйствительностью не мотивированы. Такъ какъ эти отношенія не совпадаютъ съ внѣшними отношеніями между впечатлѣніями и раздраженіями, то мы и назвали ихъ построительными или творческими, и эти творческіе процессы ассоціаціи составляютъ конечно ту самую совокупность безсознательныхъ умственныхъ процессовъ, которая въ старой психологіи обнималась въ понятіи воображенія или фантазіи.

По внутреннему характеру своему ассоціативныя движенія основныя и воспроизведенныя, основныя усвоительныя и построительныя, разумѣется ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, ибо матеріалъ и продукты ихъ одного и того же качества; но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что именно многократное воспроизведеніе безсознательныхъ движеній и есть именно та почва, на которой развиваются впослѣдствіи сознательные умственные процессы. Мы однако разумѣемъ еще пока лишь тѣ воспроизведенныя ассоціаціи, которыя также безсознательны, какъ и основныя, имъ соотвѣтствующія: именно въ этомъ смыслѣ онѣ по внутренней природѣ ничѣмъ и не различаются отъ основныхъ, какъ не различаются напр. отъ перваго безсознательнаго крика ребенка, при появленіи его на свѣтъ, — второй, третій и десятый.

Въ виду этихъ соображеній, приступая къ анализу элементарныхъ безсознательныхъ процессовъ, мы должны замѣтить, что будемъ разумѣть подъ этимъ названіемъ безразлично — процессы столько же усвоительные, сколько и построительные, столько же основные, сколько и воспроизведенные, лишь бы они были безсознательны.

Начнемъ изслѣдованіе съ элементарныхъ процессовъ ассоціаціи, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Всѣ ли они одинаковы, или есть нѣсколько типовъ этихъ процессовъ? Въ «Психологіи чувствованій» мы уже указали, что должно различать двѣ главныя формы ассоціаціи,

а именно ассоціацію по внѣшней смежности впечатлѣній и по внутренней смежности раздраженій (ср. Псих. чувств., стр. 489). Конечно въ обоихъ случаяхъ непосредственная причина ассоціаціи соотвѣтствующихъ впечатлѣніямъ и раздраженіямъ ощущеній одна и та же, а именно извѣстное сосуществованіе этихъ ощущеній въ сензоріумѣ; но такое сосуществованіе можетъ имѣть различныя причины: внѣшнія и внутреннія, а именно смежность впечатлѣній въ пространствѣ или во времени, или же смежность ихъ въ центрахъ, вслѣдствіе ихъ тождества (сходства) или противуположности (контраста). Различіе внѣшней смежности въ пространствѣ и во времени, внутренней — по принципу тождества и по принципу противуположности можетъ дать поводъ для новаго дѣленія процессовъ ассоціаціи каждаго главнаго вида на два новые подвида. Затѣмъ въ свою очередь смежность въ пространствѣ можетъ быть различна (такъ сказать въ длину, высоту и глубину, и далѣе — линіальная, плоскостная и тѣлесная) и смежность во времени, т. е. послѣдовательность, также можетъ быть различна (напр. случайная и необходимая, т. е. послѣдовательность причины и дѣйствія, прогрессивная и регрессивная, и проч.); такимъ же образомъ и внутренняя смежность по принципу тождества можетъ быть разнообразна (тождество можетъ быть полное и неполное, неполное можетъ быть близкое, т. е. сходство, или отдаленное, т. е. только аналогія, и т. д.); смежность по принципу противуположности опять можетъ имѣть различный характеръ (противуположность бываетъ въ различной степени рѣзкой, и отсюда различіе понятій противуположности и контраста; далѣе она можетъ быть реальная и номинальная: противорѣчіе, и т. д.). Всѣ эти новые спеціальные типы смежности могутъ служить и новыми основаніями для разграниченія спеціальныхъ видовъ ассоціаціи. Но такъ какъ очевидно, что всѣ такіе спеціальные типы смежности основаны на различныхъ объективныхъ отношеніяхъ предметовъ и явленій, которыя мы оцѣниваемъ ближайшимъ образомъ посредствомъ спеціальныхъ органовъ чувствъ, т. е. вообще периферическихъ аппаратовъ, приспособленныхъ къ условіямъ этихъ отношеній, то съ точки зрѣнія теоріи умственной дѣятельности соотвѣтствующее спеціальное разчлененіе процессовъ ассоціаціи не можетъ имѣть большой цѣны: эти процессы ассоціаціи происходятъ совершенно одинаково, отъ какихъ бы органовъ чувствъ сензоріумъ ни получалъ впечатлѣнія. Поэтому для теоріи мысли единственно важнымъ является различіе ассоціацій,

основанныхъ на внѣшней и на внутренней смежности, ибо тутъ мы имѣемъ дѣйствительно два особые типа сообщеній между статическими элементами сознанія: типъ сообщенія однородныхъ явленій, т. е. принадлежащихъ къ одной сферѣ сознанія и имѣющихъ извѣстное отношеніе другъ къ другу въ немъ самомъ, и типъ сообщенія разнородныхъ явленій, т. е. принадлежащихъ къ разнымъ сферамъ сознанія и имѣющихъ отношеніе другъ къ другу внѣ или независимо отъ сознанія. Всѣ же остальные виды ассоціацій съ точки зрѣнія самихъ умственныхъ процессовъ являются безразличными: даже различіе ассоціацій впечатлѣній въ пространствѣ и во времени, ассоціацій по тождеству и по контрасту имѣютъ, такъ сказать, периферическое, а не центральное значеніе. Дѣло въ томъ, что въ центрахъ раздѣльныя впечатлѣнія всегда возникаютъ только послѣдовательно, т. е. во времени, и отсюда понятіе вниманія, поочередно переходящаго отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ; благодаря слѣдамъ, эта послѣдовательность впечатлѣній въ свою очередь создаетъ и ихъ сосуществованіе въ сензоріумѣ, которое мы признали необходимымъ условіемъ ассоціаціи. Но важно то, что послѣдовательное пробужденіе впечатлѣній въ сензоріумѣ можетъ имѣть внѣшнія и внутреннія причины: внѣшнія причины можно обнять и въ понятіи тождества объектовъ, отъ которыхъ впечатлѣнія исходятъ; внутреннія причины можно выразить идеею тождества субъекта, воспринимающаго впечатлѣнія. Въ какой степени и въ какомъ отношеніи тождественны объекты, отъ которыхъ сензоріумъ получаетъ впечатлѣнія, про то отчасти свидѣтельствуютъ органы чувствъ, — для ума же это безразлично, ибо въ немъ ассоціируются только впечатлѣнія, возникающія въ ближайшей послѣдовательности, хотя бы и отъ различныхъ въ пространствѣ объектовъ. Точно также и степень, а также и характеръ тождественности впечатлѣній въ субъектѣ зависитъ отъ органовъ чувствъ, помощью которыхъ они доставляются въ сензоріумъ, или, правильнѣе говоря отъ отношенія центровъ, имъ соотвѣтствующихъ, — для ума же она опять безразлична, ибо въ немъ ассоціируются по внутренней смежности только вполнѣ тождественныя впечатлѣнія или элементы впечатлѣній; тѣ же, которыя не вполнѣ тождественны, напр. сходныя, аналогичныя, противуположныя, входятъ въ сообщеніе по внутренней смежности конечно только чрезъ посредство своихъ тождественныхъ, а не различныхъ, элементовъ (напр. черный и бѣлый цвѣтъ ассоціи-

руются по противуположности не въ силу присущихъ имъ различій, а вслѣдствіе тождественныхъ сторонъ, принадлежащихъ имъ какъ впечатлѣніямъ цвѣтоваго круга, при чемъ эти тождественныя стороны ощущеній лишь особенно рѣзко и рельефно оттѣняются упомянутыми ихъ различіями).

Изъ этихъ соображеній ясно, что объективная послѣдовательность впечатлѣній въ пространствѣ съ точки зрѣнія умственныхъ процессовъ есть только случайное дополненіе къ объективной послѣдовательности ихъ во времени; точно также и различіе впечатлѣній противуположныхъ, съ той же точки зрѣнія, опять-таки есть лишь случайное дополненіе къ тождеству извѣстныхъ ихъ элементовъ въ сензоріумѣ. Эти случайныя дополненія внутренней природы процессовъ ассоціаціи не могутъ измѣнять и имѣютъ смыслъ только въ процессѣ объективированія впечатлѣній во внѣшней средѣ, который очевидно принадлежитъ уже къ разряду не центральныхъ, а периферическихъ процессовъ познавательнаго круга, вслѣдствіе чего въ настоящее время результаты этого процесса и не могутъ насъ интересовать.

Установивъ фактъ, что единственными существенными элементарными формами безсознательной ассоціаціи впечатлѣній являются ассоціаціи ихъ по внѣшней и по внутренней смежности, разберемъ внимательнѣе отношеніе этихъ двухъ формъ или типовъ ассоціаціи. Такъ какъ въ процессѣ ассоціаціи по внѣшней смежности устанавливаются сообщенія между разнородными явленіями объективной воспріимчивости, въ процессѣ же ассоціаціи по внутренней смежности — между явленіями однородными, то принимая математическій знакъ $+$ за выраженіе безсознательнаго сообщенія психическихъ явленій въ сензоріумѣ, мы можемъ выразить указанные два типа ассоціаціи слѣдующими схемами:

1) $a + b + c + \cdots$ или $d + e + f + \cdots$
2) $a + a' + a'' + \cdots$ или $b + b' + b'' + \cdots$

Различные надстрочные знаки при буквахъ второго ряда означаютъ различіе соотвѣтствующихъ однородныхъ ощущеній лишь по времени ихъ возникновенія въ сознаніи. Результаты обоего типа ассоціацій совершенно различны: въ первомъ случаѣ для опредѣленія ихъ характера важно знать, какія различныя по качеству впечатлѣнія всту-

пили въ сообщеніе другъ съ другомъ: во второмъ — сколько количественно, а не качественно, различныхъ впечатлѣній одного и того же рода вступило въ связь или сообщеніе; другими словами, въ первомъ случаѣ вопросъ состоитъ въ томъ, какія впечатлѣнія возникли послѣдовательно въ сознаніи, во второмъ — сколько разъ одно и тоже впечатлѣніе повторилось. Поэтому второй типъ ассоціацій можно выразить еще и иною схемою, а именно:

$a \times x = (a)\,x$ или $b \times y = (b)\,y$, при чемъ x и y означаютъ «x-разъ» и «y-разъ».

Отсюда уже ясно, что принципы ассоціаціи въ обоихъ случаяхъ совершенно разнородны: въ одномъ случаѣ впечатлѣнія исключительно складываются другъ съ другомъ, въ другомъ — такъ сказать помножаются извѣстное число разъ. Эту двоякую идею ассоціацій — по схемѣ сложенія и по схемѣ умноженія — можно выразить и особыми техническими терминами, заимствованными изъ области математики, напр., по аналогіи съ двоякаго рода «прогрессіями» — по схемѣ сложенія и по схемѣ умноженія, можно назвать одинъ типъ ассоціацій ариѳметическимъ, другой — геометрическимъ.

Опредѣливъ основные типы безсознательныхъ ассоціацій, перейдемъ къ анализу безсознательныхъ интеграцій ощущеній. Процессъ интеграціи мы опредѣлили какъ законченный рядъ ассоціацій или какъ законченный процессъ ассоціаціи. Законченность эта выражается тѣмъ, что ассоціированные элементы теряютъ значеніе свое какъ самостоятельныя единицы и получаютъ новый смыслъ какъ ингредіенты извѣстнаго цѣлаго. Поэтому мы и сказали, что конечное совокупленіе нѣсколькихъ слагаемыхъ въ сумму есть общая схема интеграціи. Но такъ какъ процессъ интеграціи не есть самостоятельный процессъ, а лишь особая форма процесса ассоціаціи, то разумѣется и типы его тѣ же самые; эти типы можно выразить схемами суммы и произведенія величинъ (причемъ произведеніе конечно есть лишь особая форма суммы, а именно суммы одинаковыхъ слагаемыхъ). Конкретно эти схемы можно изобразить слѣдующимъ способомъ:

1) $\begin{matrix} & b & \\ + & & + \\ a & & c \\ + & & + \\ & d & \end{matrix} = a + b + c + d + a = (a + b + c + d) = M.$

$$2)\ a \overset{a'}{+} \overset{+}{\underset{a'''}{+}} a' = a + a' + a'' + a''' + a = (a + a' + a'' + a''') = A$$
$$\text{или } a \times n = A$$

Такіе два типа безсознательныхъ интеграцій мы тоже назовемъ ариѳметическимъ и геометрическимъ. Знакъ n, вмѣсто знака x, во второй схемѣ, выражаетъ идею законченности ряда ассоціацій, точно также какъ и повтореніе знака a въ концѣ первой цѣпи слагаемыхъ каждаго ряда; но такъ какъ такое повтореніе одной и той же величины въ математическихъ рядахъ не принято и имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, то во второй цѣпи слагаемыхъ обоихъ рядовъ мы замѣнили его скобками, также служащими для выраженія той же законченности процессовъ. Теперь, въ параллель приведеннымъ частнымъ схемамъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи, можно конечно выразить особыми схемами и общій характеръ этихъ процессовъ. Вотъ эти схемы:

1) Для процесса ассоціаціи:

$$x + y + z + \cdots \begin{cases} a + b + c + \cdots \\ a + a' + a'' + \cdots \end{cases} = a \times x = (a)\, x$$

2) Для процесса интеграціи:

$$\overset{y}{\underset{x}{+}} \overset{+}{+} z = (x + y + z) = R \begin{cases} (a + b + c + d) = M \\ (a + a' + a'' + a''') = a \times n = A. \end{cases}$$

Процессы диссоціаціи и дезинтеграціи, будучи лишь отрицательнымъ дополненіемъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи, конечно могутъ быть того же двоякаго, ариѳметическаго и геометрическаго, типа. Но такъ какъ эти процессы всегда совершаются на почвѣ предшествующихъ ассоціацій и интеграцій и имѣютъ результатомъ ихъ уничтоженіе (ибо диссоціироваться конечно можетъ только то, что́ прежде ассоціировалось, дезинтегрироваться — то, что́ прежде интегрировалось), то мы выразимъ ихъ различіе не знаками — и :, а знаками $\pm$ и $\overset{\cdot}{\times}$. Соотвѣтствующія схемы, общія и частныя, будутъ слѣдующія:

1) Для процесса диссоціаціи:

$$x \pm y \pm z \cdots \begin{cases} a \pm b \pm c \pm \cdots \\ a \pm a' \pm a'' \pm \cdots = a \times x \end{cases}$$

2) Для процесса дезинтеграціи:

$$x \pm y \pm z \pm x = (x \pm y \pm z) = 1 - R \begin{cases} (a \pm b \pm c \pm d) = 1 - M \\ (a \pm a' \pm a'' \pm a''') = 1 - A = a \times n = \frac{A}{n} \end{cases}$$

Въ этихъ послѣднихъ формулахъ знакъ 1, употребляемый, хотя и въ другомъ (болѣе объективномъ) значеніи, и представителями математической логики, выражаетъ все вообще содержаніе сознанія.

Обратимся теперь къ составнымъ процессамъ дизассоціаціи и дифференціаціи. Мы уже сказали, что эти составные процессы могутъ заключаться только въ неизбѣжномъ преемствѣ процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дезинтеграціи, но никакъ не на оборотъ (ср. стр. 97, примѣч.). Это уже ясно и a priori, ибо новая ассоціація можетъ уничтожить какую-либо другую опредѣленную ассоціацію, съ нею несовмѣстимую; диссоціація же, какъ чисто отрицательное движеніе, можетъ служить почвою для самыхъ разнообразныхъ новыхъ ассоціацій: напр. новая ассоціація между ощущеніями какой-либо формы и цвѣта предмета и ощущеніемъ тепла неизбѣжно потребуетъ диссоціаціи между тѣми же ощущеніями и ощущеніемъ холода, съ которымъ прежде они были связаны и которое несовмѣстимо съ вновь возникшимъ ощущеніемъ; диссоціація же между упомянутыми ощущеніями и ощущеніемъ тепла, наступившая вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія этого послѣдняго, отнюдь еще не требуетъ ассоціаціи ихъ съ противуположнымъ ощущеніемъ холода: можетъ быть на почвѣ этой диссоціаціи вовсе никакой новой ассоціаціи не произойдетъ, а если и произойдетъ, то совсѣмъ другая. Мысль эта такъ понятна, что пояснять её болѣе нѣтъ и надобности. Однако, если ассоціація можетъ вызвать неизбѣжную диссоціацію, интеграція — неизбѣжную дезинтеграцію, то это конечно далеко не всегда случается: иными словами, не всякая ассоціація вызываетъ какую-нибудь диссоціацію, не всякая интеграція какую-нибудь дезинтеграцію. Оттого и должно различать процессъ дизассоціаціи отъ самостоятельныхъ процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи, процессъ дифференціаціи — отъ самостоятельныхъ процессовъ интеграціи и дезинтеграціи. Но тогда конечно прежде всего должно опредѣлить, въ какихъ же именно случаяхъ ассо-

ціація должна неизбѣжно вызывать диссоціацію, интеграція — дезинтеграцію, и въ какихъ нѣтъ? Рѣшеніе этого вопроса и будетъ опредѣленіемъ условій процессовъ дизассоціаціи и дифференціаціи.

Начнемъ съ условій процесса дизассоціаціи. Выраженіе, что ассоціація неизбѣжно вызвала какую-либо диссоціацію, очевидно тождественно выраженію, что одна ассоціація разрушила другую. Когда же одна ассоціація способна разрушить другую? Очевидно только тогда, когда отношеніе новаго впечатлѣнія къ данному тождественно отношенію стараго впечатлѣнія къ данному: это тождество только и можетъ служить мотивомъ къ взаимному исключенію стараго и новаго впечатлѣнія. Если $a : b$ не равно $a : c$, то ассоціація $a + b$ не можетъ исключать ассоціаціи $a + c$; но если $a : b = a : d$, то ассоціація $a + d$ разрушитъ ассоціацію $a + b$, т. е. произведетъ диссоціацію между a и b, ибо d станетъ на мѣсто b. Тождество отношеній между впечатлѣніями, какъ и вообще самыя эти отношенія, можетъ быть внѣшнее и внутреннее: если впечатлѣніе d вступило въ то же отношеніе къ a, въ какомъ прежде было къ этому послѣднему b, во внѣшнемъ преемствѣ впечатлѣній въ средѣ (въ пространствѣ ли, или только во времени, — безразлично), то тождество отношеній будетъ внѣшнее; если же d вступило въ то же отношеніе къ a, въ какомъ было b къ a, въ самомъ сензоріумѣ, безъ вліянія условій среды, то тождество отношеній будетъ внутреннее. Напр. я прежде всегда видѣлъ на полу въ своей комнатѣ какое-нибудь темное пятно, но затѣмъ вмѣсто темнаго пятна, когда его отскоблили, оказалось бѣлое: равенство отношеній между впечатлѣніями темнаго и бѣлаго пятна, съ одной стороны, и другими смежными впечатлѣніями (напр. желтой краски пола), съ другой, — внѣшнее. Точно также оно будетъ внѣшнее, если, вмѣсто извѣстнаго аккорда въ знакомомъ мнѣ мотивѣ пѣсни, я въ опредѣленный моментъ услышалъ другой аккордъ. Но если напр. ощущеніе извѣстнаго шума на улицѣ сначала вызвало во мнѣ впечатлѣніе громоваго раската, а черезъ нѣсколько минутъ, повторившись, уже иное впечатлѣніе, напр. хоть шума морскихъ волнъ, то тождество отношеній уже очевидно будетъ внутреннимъ, а не внѣшнимъ: это будетъ, другими словами, тождество сходствъ. Точно также оно будетъ внутреннимъ, если напр. ощущеніе отъ прикосновенія къ шкурѣ какого-нибудь животнаго сперва вызвало во мнѣ впечатлѣніе отъ прикосновенія къ ватѣ, а затѣмъ впечатлѣніе отъ прикосновенія къ шерстяной матеріи. Нечего и говорить, что эти два различные случая тождества отношеній между впе-

чатлѣніями, вызывающаго необходимую послѣдовательность процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи, совершенно параллельны разобраннымъ выше отношеніямъ ихъ по внѣшней и внутренней смежности. Другими словами, ассоціація ариѳметическаго типа въ такой же мѣрѣ можетъ исключать другую ассоціацію того же типа, т. е. вызвать диссоціацію этого типа, какъ и ассоціація геометрическаго типа можетъ вызвать диссоціацію одинаковаго типа. Такимъ образомъ и дизассоціаціи бываютъ столько же типа ариѳметическаго, сколько и геометрическаго. Условія этихъ двоякихъ дизассоціацій можно выразить слѣдующими схемами:

$$x : z' = x : z \begin{cases} a : d = a : b \\ a : a''' = a : a' \end{cases}$$

Самыя же дизассоціаціи можно изобразить такимъ образомъ:

$$x + z' = x \pm z \begin{cases} a + d = a \pm b \\ a + a''' = a \pm a' \\ \text{или } a \times x' = a \times x \end{cases}$$

Въ этихъ формулахъ знакъ $=$ означаетъ именно фактъ замѣны одной ассоціаціи другою, основанный на равенствѣ отношеній ихъ элементовъ.

Процессъ дифференціаціи, какъ мы видѣли въ свое время, есть неизбѣжное преемство процессовъ интеграціи и дезинтеграціи; но въ то же время онъ является и законченнымъ рядомъ дизассоціацій. Поэтому и этотъ процессъ конечно имѣетъ тѣ же два типа, какъ и всѣ прочіе, что́ подверждается и тѣмъ соображеніемъ, что представленіе объ извѣстной суммѣ однородныхъ признаковъ, предметовъ, или явленій, можетъ въ такой же мѣрѣ дифференцироваться на нѣсколько частныхъ представленій, какъ и представленіе о суммѣ признаковъ, предметовъ, или явленій, разнородныхъ; напр. конкретное представленіе о темномъ цвѣтѣ можетъ дифференцироваться на представленія о цвѣтѣ коричневомъ и о цвѣтѣ темносинемъ, — конкретное представленіе о свѣчкѣ на представленіе о свѣчкѣ въ собственномъ смыслѣ, представленіе о подсвѣчникѣ и представленіе о розеткѣ, и т. д. Эти два вида дифференціаціи можно также изобразить схемами. Положимъ, что схемы двухъ противуположныхъ интеграцій, на почвѣ которыхъ произошли дифференціаціи, слѣдующія:

1) $a + b + c + d + e + f + a = (a + b + c + d + e + f) = P$

2) $a + a' + a'' + a''' + a'''' + a^{\text{V}} + a = (a + a' + a'' + a''' + a'''' + a^{\text{V}}) = A.$

Положимъ далѣе, что P дифференцируется на S и T, — вслѣдствіе новыхъ интеграцій между впечатлѣніями a b и c — съ одной стороны, d e и f — съ другой, которыя произведутъ конечно и соотвѣтствующую дезинтеграцію цѣлаго; точно также A дифференцируется на A_1 и A_2 — вслѣдствіе новыхъ интеграцій между a a' и a'' съ одной стороны, a''' a'''' и a^{V} — съ другой. Тогда процессъ дифференціаціи можно будетъ изобразить слѣдующими тремя схемами (одною общею и двумя частными):

$$\left.\begin{array}{l} x+y+z+x\pm x'+y'+z'+x'\pm x= \\ (x+y+z)\pm(x'+y'+z')=R_1\pm R_2 \end{array}\right\} \begin{cases} a+b+c+a\pm d+e+f+d\pm a= \\ (a+b+c)\pm(d+e+f)=S\pm T. \end{cases}$$

$$\begin{cases} a+a'+a''+a\pm a'''+a''''+a^{\mathrm{V}}+ \\ a'''\pm a=(a+a'+a'')+(a'''+a''''+ \\ a^{\mathrm{V}})=A_1\pm A_2=(a\times m_1)\times(a\times m_2) \end{cases}$$

Въ этихъ схемахъ выраженъ отчасти уже и тотъ фактъ, что приведенныя дифференціаціи съ другой точки зрѣнія представляются лишь законченными совокупностями слѣдующихъ дизассоціацій:

1) $c+a=c\pm d$ и $f+d=f\pm a$

2) $a''+a=a''\pm a'''$ и $a^{\mathrm{V}}+a'''=a^{\mathrm{V}}\pm a$.

Разобравъ два главные типа всѣхъ безсознательныхъ процессовъ ассоціаціи, въ обширномъ значеніи этого слова, мы должны оговориться, что математическимъ схемамъ, которыя нами приводились, мы даемъ именно только значеніе схемъ или символическихъ наглядныхъ выраженій соотвѣтствующихъ идей. Возможны ли при помощи этихъ схемъ дѣйствительныя математическія операціи, которыя бы означали перенесеніе теоріи ассоціаціи на точную математическую почву, мы не беремся судить, ибо считаемъ себя въ этомъ дѣлѣ некомпетентными. Это было бы слишкомъ смѣлой надеждой, — тѣмъ болѣе, что можетъ быть и схемы, нами употребленныя, не всегда удачны: математики-спеціалисты можетъ быть найдутъ возможнымъ замѣнить ихъ иными схемами, еще точнѣе выражающими сдѣланныя нами обобщенія. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что изложили теорію ассоціаціи, при содѣйствіи указанныхъ схемъ, яснѣе, чѣмъ она обыкновенно прежде излагалась психологами, и что контрастъ понятій объ ассоціаціяхъ «ариѳметическаго» и «геометрическаго» типа имѣетъ будущность въ наукахъ психологическаго круга.

Разбирая элементарные ассоціативные процессы, мы имѣли конечно въ виду только ряды ассоціативныхъ движеній однороднаго типа; но есть и такіе ряды, въ которыхъ совокупляются движенія типа разнороднаго. Эти ассоціаціи можно назвать смѣшанными. Ихъ простѣйшія схемы будутъ слѣдующія:

1) Для ассоціаціи въ собственномъ смыслѣ:

$$(a+a'+\cdots)+(b+b'+\cdots)+(c+c'+\cdots)+\cdots=(a+b+c+\cdots)x.$$

2) Для интеграціи:

$$((a+a'+a'')+(b+b'+b''+b'''))=(a^m+b^n)=Y^r$$

и т. д.

Этими и подобными схемами между прочимъ должно выражать ассоціаціи первичныхъ представленій другъ съ другомъ, а съ извѣстной точки зрѣнія пожалуй уже и ассоціаціи сознательныхъ ощущеній, если принять во вниманіе, что эти послѣднія въ свою очередь суть интегрированные аггрегаты ощущеній безсознательныхъ. Но въ подробный анализъ этихъ смѣшанныхъ ассоціацій и вообще комбинацій элементарныхъ процессовъ [1]), какъ уже сказано было, мы не будемъ теперь входить, такъ какъ намъ и безъ того предстоитъ еще очень длинный путь изслѣдованія: анализъ сознательныхъ процессовъ мышленія, какъ мы увидимъ, представляетъ уже гораздо болѣе сложную и трудную задачу. Поэтому и перейдемъ теперь къ разбору этихъ сознательныхъ процессовъ, для котораго главныя основанія установлены.

2. Процессы вторичные или сознательные.

Этимъ именемъ мы обозначили сознательныя, но тоже еще непроизвольныя, умственныя движенія и преемства движеній, называемыя также сужденіями и умозаключеніями, — причемъ сужденія въ тѣсномъ значеніи можно опредѣлить точнѣе какъ сознательные процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи; умозаключенія же, т. е. законченные ряды сужденій, какъ сознательные про-

---

[1]) Возможно конечно и соединеніе процессовъ ассоціаціи и интеграціи, диссоціаціи и дезинтеграціи, дизассоціаціи и дифференціаціи различныхъ степеней, и т. д.

цессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи представленій[1]). Предѣлы, въ которыхъ происходятъ эти сознательные, но еще непроизвольные, процессы ассоціаціи, въ обширномъ значеніи слова, опредѣляются, какъ мы уже говорили, съ одной стороны конкретными представленіями, съ другой — конкретными понятіями о предметахъ, явленіяхъ, событіяхъ и т. д., — другими словами: первичными и вторичными идеями. Это общее указаніе предѣловъ однако опять еще не даетъ вполнѣ точнаго понятія о характерѣ сознательныхъ умственныхъ процессовъ, ибо и эти послѣдніе, какъ и процессы безсознательные, могутъ проходить безконечный рядъ ступеней развитія. Во первыхъ, конкретныя представленія могутъ имѣть содержаніемъ отдѣльныя свойства или признаки предметовъ и явленій и, съ другой стороны, совокупности признаковъ, соотвѣтствующія цѣлымъ предметамъ, — вообще конкретныя представленія, какъ мы уже видѣли, могутъ быть различнаго объема и сложности; затѣмъ и вторичныя идеи, или конкретныя понятія, могутъ обнимать соотвѣтственно болѣе или менѣе значительное содержаніе. Поэтому можно сказать, что и въ развитіи непроизвольно-сознательныхъ процессовъ сужденія и умозаключенія слѣдуетъ различать три главныя ступени, ибо можно говорить: 1) о сознательныхъ комбинаціяхъ конкретныхъ представленій меньшаго объема въ конкретныя представленія бо́льшаго объема, 2) о сознательныхъ комбинаціяхъ конкретныхъ представленій въ конкретныя понятія и, наконецъ, 3) о непроизвольно-сознательныхъ сочетаніяхъ конкретныхъ понятій меньшаго объема въ конкретныя же понятія бо́льшаго объема. Изъ этого распредѣленія видно между прочимъ, что первая, такъ сказать подготовительная, ступень сознательныхъ процессовъ орудуетъ надъ тѣмъ же умственнымъ матеріаломъ, какъ послѣдняя, заключительная, ступень процессовъ безсознательныхъ. Это вполнѣ естественно и даже необходимо, ибо сознательныя умственныя движенія, какъ мы уже говорили, возникаютъ на почвѣ неоднократнаго воспроизведенія безсознательныхъ. Нечего и прибавлять, что затѣмъ каждая главная ступень сознательныхъ процессовъ распадается опять на рядъ болѣе частныхъ ступеней, число которыхъ опредѣлить невозможно. Въ

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что мы будемъ употреблять предпочительно терминъ «умозаключенія», а не «вывода», такъ какъ понятіе вывода удобнѣе считать коррелатомъ понятія предложенія, для обозначенія законченнаго ряда предложеній, соотвѣтствующаго такому же ряду сужденій.

вѣрности всѣхъ этихъ предположеній мы наглядно убѣдимся послѣ, при болѣе подробномъ анализѣ процессовъ сужденія и умозаключенія.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору сознательныхъ процессовъ ассоціаціи, замѣтимъ, что много говорить о несовершенствахъ старой, аристотелевской, теоріи сужденій и умозаключеній, т. е. такъ называемой теоріи силлогизма, мы не будемъ, ибо во первыхъ они достаточно извѣстны, а во вторыхъ, всѣ прежде отмѣченные, Бэкономъ, Локкомъ, Кантомъ, Миллемъ, Спенсеромъ и цѣлымъ рядомъ другихъ философовъ, недостатки теоріи силлогизма[1]) совершенно блѣднѣютъ передъ тѣмъ однимъ недостаткомъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали и который состоитъ въ томъ, что предполагаемый составъ сужденія, выражающійся въ разчлененіи его на подлежащее и сказуемое, вовсе не есть истинный составъ сужденія, а лишь составъ предложенія, т. е. словесной его формулы. Съ этой точки зрѣнія говорить о томъ, что старая классификація сужденій и умозаключеній не исчерпываетъ всѣхъ процессовъ мышленія, что старые виды сужденія не выражаютъ еще такихъ-то и такихъ-то родовъ отношенія между элементами мысли, а старое распредѣленіе умозаключеній — такихъ-то и такихъ родовъ соединенія сужденій, представлялось бы совершенно праздным дѣломъ, ибо мы утверждаемъ что никакихъ процессовъ мысли эта старая теорія не исчерпывала и не обнимала, такъ какъ она относилась совсѣмъ не къ процессамъ мысли, а лишь къ процессамъ рѣчи. Съ точки зрѣнія процессовъ мысли, напр., вовсе нельзя говорить объ «общихъ» и «частныхъ» сужденіяхъ, какъ ихъ понимала старая логика, ибо въ этомъ значеніи общими и частными могутъ быть только предложенія: мысль всегда имѣетъ дѣло съ опредѣленнымъ представленіемъ или соединеніемъ представленій, такъ что всѣ сужденія общи въ томъ значеніи, какое давалось этому понятію прежней логикой; точно также съ точки зрѣнія теоріи мышленія не имѣетъ смысла говорить и о видахъ умозаключенія, основанныхъ на различіи общихъ и частныхъ сужденій, и вся извѣстная классификація «modi» силлогизма, по фигурамъ, въ этой теоріи не имѣетъ ни малѣйшаго приложенія, и т. д.

Вообще впослѣдствіи станетъ совершенно яснымъ, что какъ скоро мы отвергнемъ понятія подлежащаго и сказуемаго, то господствовавшая въ прежнихъ логикахъ теорія процессовъ сужденія и умозаклю-

---

[1]) Подробное изложеніе отрицательныхъ взглядовъ на силлогизмъ многихъ изъ этихъ писателей можно найти въ книгѣ Карпинскаго: Классификація выводовъ. СП. 1880.

ченія окажется лишь жалкою пародіею на научную теорію мышленія: она представится какою-то игрою въ шашки — перестановкою на искусственно-начертанной системѣ клѣточекъ произвольно окрашенныхъ въ различные цвѣта деревяшекъ. Поэтому-то именно, вмѣсто того, чтобы повторять на новый ладъ старыя жалобы на аристотелевскую теорію силлогизма, которыя, замѣтимъ кстати, въ отношеніи къ самому Аристотелю не вполнѣ оправдываются, ибо онъ, какъ извѣстно, всего менѣе выдавалъ её за теорію «мышленія», — мы сдѣлаемъ гораздо лучше, если прямо перейдемъ къ анализу истиннаго состава сужденій, разумѣя «сужденія» сначала въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. не различая еще сужденій механическихъ отъ органическихъ, или сужденій-ассоціацій отъ сужденій-интеграцій (или умозаключеній).

Утверждая, что всѣ прежнія теоріи о составѣ сужденія относились не къ составу сужденія, а къ составу предложенія, мы впрочемъ не хотимъ сказать, чтобы никогда никто изъ философовъ не сознавалъ различія между сужденіемъ, какъ процессомъ мысли, и предложеніемъ, какъ процессомъ рѣчи. Напротивъ: особенно со времени Канта это различіе весьма часто отмѣчалось, ибо уже понятіе о формахъ мысли въ противуположность ея содержанію было отчасти на немъ основано. Отсюда и попытки болѣе реальнаго опредѣленія природы сужденія, какъ орудія соединенія и раздѣленія понятій или представленій, какъ представленія о единствѣ или объ отношеніи понятій, какъ акта раздѣленія сложнаго представленія на составные его элементы, какъ убѣжденія въ сосуществованіи или преемствѣ представленій и т. д., которые весьма часто встрѣчаются у новѣйшихъ психологовъ и писателей по логикѣ[1]). Но всѣ эти реальныя опредѣленія природы сужденія, къ сожалѣнію, всетаки скрывали въ себѣ чисто формальное о немъ представленіе, ибо подъ понятіями и представленіями собственно разумѣлись обыкновенно не элементы мысли, отвлеченные отъ словъ, а слова, какъ выраженія элементовъ мысли; поэтому вслѣдъ затѣмъ, при болѣе подробномъ анализѣ, сужденія опять смѣшивались съ предложеніями и при ихъ разчлененіи на первый планъ выдвигалась всетаки неприложимая къ анализу мысли теорія подлежащаго и сказуемаго. Иногда впрочемъ, сверхъ этихъ элементовъ, необходимымъ элементомъ

---

[1]) Ср. о различныхъ способахъ опредѣленія «сужденія» у Ибервега, System d. Logik. 4. Aufl. 1874, § 67, у Вундта, Logik I· 1880, § 135 и слѣд., и у Владиславлева, Логика, 2 Изд. 1881, стр. 85 и слѣд.

сужденія признавалась еще связка; но мнѣнія представителей логики о роли связки въ сужденіи издавна раздѣлялись: одни считали ее столь же неотъемлемою частью сужденія, какъ подлежащее и сказуемое, полагая, что связка подразумѣвается и тамъ, гдѣ ея въ дѣйствительности не оказывается; другіе думали, напротивъ, что связка не только не есть необходимый элементъ сужденія, но даже, что и тамъ, гдѣ она есть, ее должно считать лишь принадлежностью или элементомъ сказуемаго. Послѣднее мнѣніе съ формальной точки зрѣнія конечно болѣе послѣдовательно, потому что при построеніи человѣческой рѣчи, связка является, какъ извѣстно, совершенно случайнымъ элементомъ, безъ котораго всегда можно обойтись при выраженіи мысли: въ тѣхъ же самыхъ предложеніяхъ одни языки ее имѣютъ, другіе безъ нея обходятся; она повидимому только возстановляетъ утратившую свое значеніе глагольную или прилагательную флексію, и потому никогда не имѣетъ независимаго отъ предиката значенія (ср. Вундтъ, l. c., p. 143 и слѣд.). Во всякомъ случаѣ всѣ представители логики сходятся въ томъ, что подлежащее и сказуемое — главные элементы сужденія, безъ которыхъ послѣднее невозможно. Въ противуположность этому мы утверждаемъ, что подлежащее и сказуемое вовсе не суть элементы «сужденія».

Начнемъ съ анализа терминовъ. Во первыхъ терминъ «сказуемаго» (κατηγορούμενον, praedicatum) во всѣхъ языкахъ и по происхожденію своему выражаетъ элементъ рѣчи, а не элементъ мысли (сказуемое = то, что сказывается, высказывается, говорится о чемъ-либо) и не видно, почему, при богатствѣ современныхъ языковъ, нельзя было бы болѣе точно обозначить соотвѣтствующій ему элементъ мысли, если таковой имѣется. Но онъ употребляется, скажутъ намъ, не въ прямомъ, а въ переносномъ значеніи въ примѣненіи къ составу мысли: къ сожалѣнію и такое употребленіе ничѣмъ не оправдывается, ибо какъ мы увидимъ ниже, въ составѣ сужденія этому понятію нѣтъ прямого коррелата. Что касается, во вторыхъ, до термина «подлежащаго» (ὑποκείμενον, subjectum), то онъ является лишь неизбѣжнымъ дополненіемъ термина сказуемаго, т. е. означаетъ идею того, о чемъ что-либо высказывается, и потому въ прежнемъ своемъ значеніи въ той же степени непригоденъ для обозначенія состава сужденія, какъ и терминъ сказуемаго. Однако самъ по себѣ терминъ «подлежащаго» или «субъекта» не заключаетъ въ себѣ еще ничего такого, что́ бы мѣшало обозначать при его помощи и элементы мысли; другими словами, подъ этимъ

терминомъ въ новомъ значеніи можно разумѣть и то, о чемъ что-либо мыслится (а не только высказывается). Но тогда-то мы и придемъ именно къ такому результату, который доказываетъ невѣрность старой теоріи подлежащаго и сказуемаго, или субъекта и предиката, въ примѣненіи къ составу сужденія. Дѣло въ томъ, что сужденіе обязательно имѣетъ не одно подлежащее, а два, и кромѣ того оно заключаетъ въ себѣ представленіе объ отношеніи ихъ между собою, которое можно выразить понятіемъ «мыслимаго» объ отношеніи этихъ двухъ подлежащихъ. Отсюда вытекаетъ, что сужденіе состоитъ не изъ двухъ, а обязательно изъ трехъ главныхъ элементовъ, въ противуположность предложеніямъ, въ которыхъ главныхъ элементовъ — два. Смутное или инстинктивное сознаніе этой истины вѣроятно и было причиною того, что многіе представители логики такъ настаивали на томъ, что связка есть необходимый элементъ сужденія, рядомъ съ подлежащимъ и сказуемымъ; однако отношеніе подлежащаго, сказуемаго и связки, въ предложеніи, весьма рѣдко совпадаетъ съ отношеніемъ двухъ подлежащихъ и того, что о нихъ мыслится, въ сужденіи, и потому понятіе о связкѣ, какъ необходимомъ элементѣ сужденія, въ старомъ значеніи этого слова, было всетаки невѣрно. Для отличія содержанія сужденія отъ содержанія предложенія, мы лучше будемъ называть подлежащія сужденія, въ противуположность подлежащему предложенія, техническимъ терминомъ «объектовъ» мысли, въ параллель старому логическому термину «субъекта», соотвѣтствовавшаго термину «предиката». Намъ предстоитъ слѣдовательно доказать, что всѣ сужденія состоятъ изъ трехъ элементовъ сознанія, а именно изъ двухъ представленій объ объектахъ и третьяго представленія объ ихъ отношеніи.

Методъ нашъ очевидно долженъ состоять въ томъ, чтобы составить прежде всего сколько-нибудь исчерпывающую классификацію предложеній и затѣмъ доказать, что въ основаніи предложеній каждаго главнаго типа лежатъ сужденія, состоящія изъ трехъ членовъ.

Старая логика, выходя изъ фальшиваго предположенія, что всякое предложеніе состоитъ изъ понятій, имѣла дѣло почти исключительно съ однимъ только видомъ предложеній, а именно съ тѣми, въ которыхъ одно понятіе, меньшее по объему, подводится подъ другое, большее. Эта односторонность старой логики давно уже открыта и давно предпринимаются представителями логики попытки дать болѣе широкую

классификацію предложеній. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи послѣдній опытъ Вундта (Logik, I. 152—199). Въ классификацію Вундта, какъ намъ кажется, дѣйствительно вошли косвенно всѣ возможные виды предложеній. Но она слишкомъ сложна и запутана, ибо Вундтъ основалъ ее на совершенно неправильномъ раздѣленіи трехъ точекъ зрѣнія, имѣющихъ въ виду 1) различныя свойства подлежащаго или субъекта предложеній, 2) различныя категоріи его сказуемаго или предиката и 3) различныя отношенія между субъектомъ и предикативнымъ понятіемъ. Такой принципъ распредѣленія предложеній могъ бы быть вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы элементы предложенія были независимыми другъ отъ друга и, такъ сказать, абсолютными, а не относительными, величинами. Но такъ какъ онѣ — величины относительныя, вполнѣ подчиненныя другъ другу и другъ друга опредѣляющія, то въ результатѣ и вышло, что между тремя распредѣленіями предложеній у Вундта есть постоянныя точки соприкосновенія, которыя приводятъ въ концѣ концевъ къ ужасной путаницѣ (напр. erklärende Urtheile второй группы очевидно заключаютъ въ себѣ Identitätsurtheile, Urtheile der Ueber- und Unterordnung и т. д. третьей группы). Путаница эта всего рельефнѣе выражается въ томъ, что отрицательныя и предположительныя предложенія оказываются у Вундта только частнымъ (пятымъ) классомъ третьей группы предложеній, между тѣмъ какъ очевидно, что и предложенія всѣхъ остальныхъ группъ могутъ быть и утвердительными и отрицательными, и положительными и предположительными. Вундтъ въ своей классификаціи предложеній поступилъ совершенно такъ, какъ если бы ботаникъ, желая классифицировать породы деревьевъ, сначала распредѣлилъ бы ихъ по свойствамъ листьевъ, потомъ по характеру стволовъ и затѣмъ по роду ихъ корней. Что́ бы изъ этого вышло? Вышли бы очевидно: 1) классификація листьевъ, 2) классификація стволовъ деревьевъ, 3) классификація ихъ корней; но классификаціи деревьевъ отнюдь бы не получилось. Такъ и у Вундта: мы находимъ у него классификацію подлежащихъ, классификацію сказуемыхъ, классификацію ихъ отношеній (хотя тутъ уже Вундтъ разумѣетъ въ сущности не отношенія подлежащаго и сказуемаго, а отношенія объектовъ мысли!); но классификаціи самыхъ предложеній онъ намъ въ сущности не даетъ: ее пожалуй можно пріобрѣсти критикою и сліяніемъ отдѣльныхъ его классификацій; но это уже будетъ классификація не Вундта, а его критика. У Вундта только одно хорошо, а именно, что отказавшись отъ узкихъ взглядовъ тради-

ціонной логики, онъ очевидно имѣлъ въ виду и такія формы предложеній, которыя прежде вовсе не принимались въ соображеніе, и вслѣдствіе этого подготовилъ до извѣстной степени почву для послѣдующихъ, болѣе широкихъ, классификацій предложеній. Мы сами обязаны Вундту многимъ въ окончательной выработкѣ своей классификаціи предложеній и даже въ теоріи сужденій, хотя вліяніе Вундта и было болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ: непроходимая путаница понятій въ его распредѣленіи предложеній заставила насъ глубже вникнуть въ природу процессовъ мышленія, что и привело насъ къ неожиданнымъ обобщеніямъ. Мы можемъ въ этомъ случаѣ уподобить себя путнику, который, пробираясь сквозь дремучій лѣсъ, иногда достигаетъ цѣли своихъ странствій скорѣе, чѣмъ если бы онъ пошелъ по общей торной дорогѣ; притомъ, пройдя лѣсъ, онъ иногда попадаетъ неожиданно въ такую мѣстность, о существованіи которой и не подозрѣвалъ. Это именно и случилось съ нами; но своего тяжелаго странствованія въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ понятій мы впрочемъ теперь воспроизводить не будемъ, а прямо изложимъ его результаты.

Выходя изъ принципа органической связи главныхъ частей предложенія, т. е. подлежащаго и сказуемаго, мы полагаемъ прежде всего, что классификація ихъ должна быть вся основана на одномъ принципѣ. Но какого рода долженъ быть этотъ принципъ? Пока предложенія смѣшивались съ сужденіями и пока составъ тѣхъ и другихъ считался безусловно одинаковымъ, принципа классификаціи предложеній искали обыкновенно внутри сознанія, въ самыхъ законахъ мысли; но это было ошибочно: предложенія состоятъ изъ словъ, слова суть символы вещей и ихъ отношеній, — слѣдовательно принципъ распредѣленія предложеній очевидно долженъ быть внѣшній, объективный, — внутренніе же принципы самого сознанія приложимы только къ классификаціи сужденій, а не предложеній. Вслѣдствіе этого мы полагаемъ, что нижеслѣдующее, весьма простое по идеѣ дѣленіе предложеній, основанное на отношеніи внѣшнихъ объектовъ по объему, т. е. какъ цѣлыхъ и частей, можетъ исчерпать по крайней мѣрѣ всѣ виды болѣе простыхъ по составу предложеній:

1) есть предложенія, которыя высказываютъ что-либо объ отношеніи самостоятельныхъ цѣлыхъ, т. е. утверждаютъ или отрицаютъ тождество, различіе, смежность, послѣдовательность и др. подобныя отношенія однихъ предметовъ къ другимъ;

2) есть предложенія, которыя высказываютъ что-либо объ отно-

шеніи частей одного цѣлаго; таковы тѣ, которыя утверждаютъ или отрицаютъ однородность, противуположность, цѣлостность, причинную зависимость, и др. подобныя отношенія предметовъ и явленій;

3) есть предложенія, которыя выражаютъ составъ цѣлаго, т. е. разчленяютъ цѣлое на части, и за предметомъ и явленіемъ, или же группою ихъ, утверждаютъ или отрицаютъ какіе-нибудь признаки (состоянія или дѣйствія);

4) есть предложенія, которыя утверждаютъ или отрицаютъ принадлежность какой-нибудь части къ цѣлому, напр. предмета къ цѣлой группѣ предметовъ, меньшей группы къ бо́льшей и т. д. Это именно тотъ классъ предложеній, съ которымъ по преимуществу и имѣла дѣло старая логика.

Очевидно, если вѣрно, что предложенія выражаютъ внѣшнія отношенія предметовъ и явленій, т. е. элементовъ дѣйствительности (хотя бы и воображаемой), то подъ указанныя четыре рубрики должны подойти всѣ формы простыхъ предложеній, ибо, выходя изъ понятій частей и цѣлыхъ, мы не можемъ предположить между ними никакихъ другихъ отношеній, кромѣ указанныхъ, — а именно 1) отношеній цѣлыхъ къ цѣлымъ, 2) отношеній частей къ частямъ, 3) отношеній цѣлыхъ къ частямъ и 4) отношеній частей къ цѣлымъ. Слѣдовательно наша классификація можетъ быть признана исчерпывающею по крайней мѣрѣ по отношенію къ простымъ предложеніямъ, а это намъ и было нужно. Если мы теперь докажемъ, что составъ сужденій, соотвѣтствующихъ этимъ классамъ предложеній, иной, чѣмъ составъ самыхъ предложеній, а именно, что всѣ означенныя сужденія трехчленны и что различіе подлежащаго и сказуемаго къ нимъ не приложимо, то поставленный нами выше тезисъ можно будетъ считать доказаннымъ.

Ради ясности и краткости, мы поступимъ слѣдующимъ образомъ: во 1) приведемъ по возможности разнообразные примѣры каждаго вида предложеній, которые обнимали бы, болѣе или менѣе, главныя разновидности каждаго вида, и одновременно разчленимъ предложенія эти на такъ называемыя «логическія» ихъ подлежащія и сказуемыя; во 2) разложимъ сужденія, имъ соотвѣтствующія, на ихъ дѣйствительные элементы. Когда это будетъ исполнено, то останется въ 3) сравнить разчлененіе предложеній и разчлененіе соотвѣтствующихъ имъ сужденій, и вывести изъ этого сравненія всѣ надлежащія заключенія. Замѣтимъ еще, что примѣры наши будутъ обнимать, тоже въ

видахъ сокращенія анализа, только утвердительныя и положительныя предложенія, ибо отрицательныя и предположительныя, при нашей классификаціи, вездѣ составляютъ лишь дополненіе утвердительныхъ и положительныхъ, и то, что̀ выяснится объ отношеніи этихъ послѣднихъ предложеній къ соотвѣтствующимъ сужденіямъ, должно будетъ конечно признать вѣрнымъ и въ примѣненіи къ первымъ:

А. Примѣры предложеній, разчлененныхъ на такъ называемыя «логическія» подлежащія и сказуемыя:

1) Высказывающихъ что-либо объ отношеніи цѣлыхъ къ другимъ цѣлымъ:

Подлежащія:	Сказуемыя:
Треугольникъ ABC	равенъ треугольнику DEF.
Норвегія	похожа на Швейцарію.
Мой стулъ	стоитъ возлѣ стола.
Воробьевы горы	находятся близь Москвы.
Декартъ	жилъ позднѣе Бэкона.
Первая французская революція. . .	была ранѣе вступленія на престолъ Наполеона I.

2) Высказывающихъ что-либо объ отношеніи частей одного цѣлаго къ другимъ частямъ:

Подлежащія:	Сказуемыя:
Болгары	одноплеменны русскимъ.
День	противуположенъ ночи.
Европейская Россія	граничитъ съ азіатской.
Появленіе грибовъ.	находится въ зависимости отъ погоды.
Атмосферное электричество.	есть причина грозы.
Движеніе органовъ	есть дѣйствіе сокращенія мышцъ.

3) Высказывающихъ что-либо о составѣ цѣлаго, т. е. о частяхъ или признакахъ цѣлаго:

Домъ, въ которомъ я живу, ...	сѣраго цвѣта.
Климатъ Россіи	суровый.

Земля	движется вокругъ солнца.
Москва	отличается кривизною улицъ.
Миланскій соборъ	сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора.

4) Высказывающихъ что-либо о принадлежности части къ извѣстному цѣлому:

Предметъ, освѣщающій мою комнату,	есть лампа.
Гроза	есть проявленіе электричества.
Растенія	суть организмы.
Рязанская губернія	есть часть Россіи.
«Пѣсня финна»	есть мотивъ изъ оперы «Руслана и Людмилы».

Мы брали нарочно примѣры по возможности изъ дѣйствительнаго міра, чтобы предложенія были какъ можно проще по своему составу.

Б. Разчлененіе сужденій, соотвѣтствующихъ приведеннымъ предложеніямъ:

Представленія, соотвѣтствующія объектамъ мысли:		Представленія, соотвѣтствующія мыслимому между ними отношенію:
1.	2.	3.
1. Предст. о △ABC.	Предст. о △DEF.	Предст. о тождествѣ.
» о Норвегіи.	» о Швейцаріи.	» о сходствѣ.
» о моемъ стулѣ.	» о столѣ.	» о смежности въ пространствѣ.
» о Воробьевыхъ горахъ.	» о Москвѣ.	» о близости въ пространствѣ.
» о жизни Декарта.	» о жизни Бэкона.	» о преемствѣ.
» о первой франц. революціи.	» о вступленіи на престолъ Наполеона I.	» о послѣдовательности.
2. Предст. о болгарахъ.	Предст. о русскихъ.	Предст. объ одноплеменности (однородности).
» о днѣ.	» о ночи.	» о противуположности.
» о европейской Россіи.	» объ азіатской Россіи.	» о пограничности (цѣлостности).

2. Предст. о появленіи грибовъ.	Предст. о погодѣ.	Предст. о зависимости.
» объ атмосферномъ электричествѣ.	» о грозѣ.	» о причинной связи.
» о движеніи органовъ.	» о сокращеніи мускуловъ.	» о причинной связи.
3. Предст. о домѣ, въ кот. я живу.	Предст. о сѣромъ цвѣтѣ	Предст. объ отношеніи предмета къ признаку.
» о климатѣ Россіи.	» о суровости.	» объ отношеніи общаго признака къ частному.
» о землѣ.	» о движеніи вокругъ солнца.	» объ отношеніи предмета къ его свойству (дѣятельному).
» о Москвѣ.	» о кривизнѣ улицъ.	» объ отношеніи предмета къ его свойству (страдательн.).
» о Миланскомъ соборѣ.	» о бѣломъ мраморѣ.	» объ отношеніи предмета къ его матеріальнымъ частямъ.
4. Представл. о предметѣ, освѣщающемъ мою комнату.	Предст. о лампѣ.	Предст. объ отношеніи предмета къ группѣ предметовъ.
» о грозѣ.	» объ электричествѣ.	» объ отношеніи явленія къ группѣ явленій.
» о растеніяхъ.	» объ организмахъ.	» объ отношеніи меньшей группы предметовъ къ большей.
» о рязанской губерніи.	» о Россіи.	» объ отношеніи части предмета къ цѣлому.
» о пѣснѣ финна.	» объ операѣ «Русланъ и Людмила».	» объ отношеніи меньшей группы явленій къ бо́льшей.

Конечно третій разрядъ представленій въ той формѣ, въ какой мы выражали эти послѣднія, является всетаки уже позднимъ продуктомъ цѣлаго ряда обобщеній. Эти представленія мы взяли уже въ моментъ ихъ значительной дифференціаціи и предположили ихъ уже объективированными, — между тѣмъ какъ первоначально они несравненно проще и относятся непосредственно къ отношеніямъ не внѣшнихъ предметовъ и явленій, а представленій, соотвѣтствующихъ этимъ послѣднимъ. Но теперь мы еще не имѣемъ въ виду самаго процесса развитія мышленія, а должны опредѣлить лишь общій составъ сравнительно простыхъ сужденій; поэтому упомянутыя ступени осложненія въ настоящее время и не имѣютъ для насъ существеннаго значенія, — мы можемъ пока ихъ игнорировать: вѣдь и представленія объ объектахъ, встрѣчающіяся въ нашихъ примѣрахъ, относительно уже весьма сложны[1]).

Итакъ сравнимъ теперь составъ приведенныхъ предложеній съ составомъ соотвѣтствующихъ имъ сужденій. Прежде всего очевидно, что нѣкоторые элементы, являющіеся неотъемлемою принадлежностью сужденій, — въ предложеніяхъ только подразумѣваются или выражаются косвенно въ глагольныхъ, прилагательныхъ и существительныхъ флексіяхъ, а также и въ связкахъ, гдѣ онѣ есть. Во вторыхъ очевидно, что постоянные три элемента сужденій весьма разнообразно распредѣляются между подлежащимъ и сказуемымъ предложеній. Въ первой и во второй группахъ предложеній сказуемыя обыкновенно обнимаютъ: представленія объ отношеніи объектовъ мысли + представленія объ одномъ изъ ея объектовъ; въ третьей группѣ предложеній отношеніе, мыслимое между объектами, только подразумѣвается и выражается лишь косвенно въ глагольныхъ и другихъ флексіяхъ, — собственно же подлежащія прямо выражаютъ одинъ изъ объектовъ мысли, сказуемыя — другой; наконецъ, въ четвертой группѣ предложеній, сказуемыя вообще выражаютъ опять совокупность представленій объ одномъ изъ объектовъ мысли и объ отношеніи двухъ сопоставляемыхъ объектовъ, но эти двоякія представленія выражены отдѣльно: 1) сказуемыми въ тѣсномъ смыслѣ (выраженія вторыхъ объектовъ) и 2) связками (выраженія отношеній объектовъ мысли). Если мы затѣмъ примемъ еще во вниманіе, что каждое сужденіе,

---

[1]) Примѣровъ самыхъ простыхъ сужденій мы уже потому не могли привести, что они, какъ мы увидимъ ниже, совершенно невыразимы или безсловесны, т. е. не могутъ быть переданы предложеніями.

будучи совершенно постояннымъ по своему составу, можетъ быть выражено по произволу нѣсколькими, разнообразными по составу, предложеніями, даже при сохраненіи однихъ и тѣхъ же наименованій для объектовъ мысли, — то не останется никакого сомнѣнія, что различіе подлежащаго и сказуемаго въ предложеніи къ составу сужденія не имѣетъ никакого отношенія. Дѣйствительно: съ точки зрѣнія мысли совершенно все равно, выразимъ ли мы ее такъ, что оба ея объекта окажутся подлежащими предложенія, а идея ихъ отношенія сказуемымъ (и этотъ случай возможенъ, напр. Болгары и Русскіе одноплеменны, △ABC и DEF равны между собою и т. д.), или такъ, что одинъ объектъ будетъ подлежащимъ, а другой войдетъ въ составъ сказуемаго, вмѣстѣ съ идею отношенія, или такъ, что подлежащее и сказуемое будутъ вполнѣ соотвѣтствовать обоимъ объектамъ, а идея ихъ отношенія будетъ только подразумѣваться, или наконецъ такъ, что идея этого отношенія будетъ намѣчена особымъ элементомъ — связкою, отдѣленною отъ сказуемаго. Для содержанія мысли всѣ эти способы выраженія сужденія въ предложеніяхъ вполнѣ безразличны, и если они не всегда всѣ одинаково возможны, то только вслѣдствіе недостаточной податливости языка; но есть однако и такіе, хотя и немногочисленные, случаи, гдѣ языкъ не полагаетъ препятствій ни одному изъ указанныхъ способовъ выраженія даннаго сужденія. Напримѣръ:

Парижъ и столица Франціи синонимы.
Парижъ названіе столицы Франціи.
Парижъ столица Франціи.
Парижъ есть столица Франціи.

Такое разнообразіе формъ предложеній, выражающихъ одно и тоже сужденіе возможно вообще тогда, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ именъ, какъ самостоятельныхъ цѣлыхъ, обозначающихъ съ различныхъ сторонъ одинъ и тотъ же предметъ. Въ большинствѣ же случаевъ нашъ языкъ допускаетъ только два или три изъ указанныхъ способовъ выраженія одной и той же мысли. Напр. все равно, скажемъ ли мы, что русскіе и болгары одноплеменны, или что русскіе одноплеменны болгарамъ (и на оборотъ, что болгары одноплеменны русскимъ), или что русскіе суть одноплеменники болгаръ; все равно, скажемъ ли мы, что гроза есть проявленіе электричества, или просто, что гроза проявленіе электричества, и т. д. Варіаціи въ способахъ выраженія сужденій предложеніями, завися отъ свойствъ языка, разу-

мѣется въ различныхъ языкахъ различны. Напр. въ германскихъ и романскихъ языкахъ въ предложеніяхъ первой, второй и третьей группы обыкновенно тоже употребляется связка, между тѣмъ какъ у насъ ея нѣтъ. Въ другихъ же языкахъ, напр. такъ называемыхъ моносиллабическихъ и агглутинирующихъ, составъ предложеній, какъ извѣстно, по формѣ совершенно иной, чѣмъ въ языкахъ арійской группы, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что сужденія у людей, говорящихъ на этихъ языкахъ, обладаютъ совершенно тѣми же элементами, какъ и у прочихъ людей.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что составъ предложеній по отношенію къ составу сужденій имѣетъ болѣе или менѣе случайный характеръ: предложенія, построенныя совершенно различнымъ образомъ, могутъ выражать, болѣе или менѣе полно, одно и то же сужденіе. Но какъ бы мы ни построили предложенія, въ нихъ всегда можно различать подлежащее и сказуемое, — предметъ, о которомъ что-либо высказывается, и то, что́ о немъ высказывается, т. е. два элемента; сужденія же, какъ бы мы ихъ ни выражали, всегда состоятъ изъ трехъ элементовъ, напримѣръ изъ трехъ представленій или понятій. Эту особенность сужденій, сравнительно съ предложеніями, необходимо выяснить теперь въ ея причинахъ и слѣдствіяхъ.

Припомнимъ, что мы различили въ свое время периферическіе моменты познавательной дѣятельности отъ центральныхъ, или двоякіе периферическіе процессы, воспріятія и выраженія, отъ центральныхъ процессовъ переработки познавательнаго матеріала. Въ противуположности периферическихъ и центральныхъ процессовъ и лежитъ, какъ намъ кажется, объясненіе различія между составомъ сужденій и предложеній. Дѣло въ томъ, что первые периферическіе познавательные процессы, или процессы воспріятія, какъ мы уже говорили (ср. стр. 119), послѣдовательно вносятъ въ сознаніе все новый и новый матеріалъ: элементы этого матеріала неизбѣжно относятся поэтому другъ къ другу, какъ предъидущія и послѣдующія, т. е. располагаются въ извѣстномъ рядѣ — по времени поступленія въ сознаніе. Эту послѣдовательность поступленія матеріала въ сознаніе стараются затѣмъ воспроизвести и вторые периферическіе процессы, т. е. процессы выраженія: слова, какъ символы вещей, разумѣется располагаются въ рѣчи нашей въ томъ же порядкѣ, какъ возникали воспріятія, и оттого въ предложеніяхъ, какъ и въ рядахъ воспріятій,

мы можемъ всегда отличить послѣдующее отъ предъидущаго: предъидущее выражается подлежащимъ, послѣдующее — сказуемымъ. Такимъ образомъ въ предложеніяхъ, подражающихъ обыкновенно отношенію воспріятій, различіе подлежащаго и сказуемаго совершенно неизбѣжно и естественно. Но подчиняются ли и центральные процессы переработки воспріятій тѣмъ же законамъ времени? Нѣтъ конечно сомнѣнія въ томъ, что и эти процессы, какъ и всѣ процессы природы, происходятъ во времени, такъ что и въ нихъ можно въ извѣстномъ смыслѣ различать предъидущее и послѣдующее. Вопросъ не въ этомъ: вопросъ въ томъ, подчиняются ли они тѣмъ же условіямъ времени, времени такъ сказать объективнаго, какъ и процессы периферическіе, или же другимъ? На это разумѣется возможенъ только одинъ отвѣтъ, а именно, что условія времени въ умственныхъ процессахъ — другія, чѣмъ въ процессахъ воспріятія, а именно не объективныя, а такъ сказать субъективныя. Мы уже видѣли прежде, что установленіе какого-нибудь центральнаго отношенія между элементами сознанія возможно лишь подъ условіемъ ихъ сосуществованія: изъ послѣдовательныхъ наши воспріятія или идеи должны сдѣлаться сосуществующими, чтобы произошло ихъ сообщеніе или ассоціація; слѣдовательно, если въ мысли есть тоже предъидущее и послѣдующее, то здѣсь роль предъидущаго принадлежитъ совмѣстно и предъидущему и послѣдующему воспріятія, роль же послѣдующаго выполняетъ нѣчто совершенно новое, а именно центральное движеніе, устанавливающее извѣстное отношеніе между воспріятіями и идеями. Однако и это, новое по характеру, преемство къ составу сужденія не имѣетъ прямого отношенія, ибо сужденіе есть лишь одно «послѣдующее» этого преемства: оно вѣдь и есть упомянутое центральное движеніе и, ранѣе этого движенія, никакого сужденія не существуетъ, а существуетъ развѣ только матеріалъ для сужденія. Слѣдовательно въ сужденіи сосуществуютъ не только извѣстныя двѣ идеи какъ объекты мысли, но и третья идея объ ихъ отношеніи: никакого предъидущаго и послѣдующаго въ самомъ актѣ единичнаго сужденія нѣтъ — это единовременное, не разложимое на моменты, событіе; сужденіе есть движеніе — все остальное есть лишь неразлучная съ нимъ среда, или почва его. Поэтому-то различіе подлежащаго и сказуемаго въ сужденіи и не имѣетъ смысла. Но зато, когда сужденіе есть уже совершившійся фактъ, то сознаніе можетъ снова возстановить послѣдовательность воспріятій, и это именно и происходитъ во второмъ периферическомъ

процессѣ — выраженія сужденія, т. е. въ предложеніи. Предложеніе, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ собственно не самой мысли, а ея результату, т. е. отношенію воспріятій, а именно отношенію предшествующаго воспріятія къ послѣдующему, установленному мыслію. Оттого-то оно и подчиняется рамкамъ времени и, сдѣлавъ центромъ тяжести предъидущее по времени воспріятіе (выражаемое подлежащимъ), присоединяетъ къ нему въ качествѣ послѣдующаго (сказуемое) все, что̀ явилось потомъ, т. е. и новое воспріятіе и установленное мыслью отношеніе между обоими, прежнимъ и новымъ.

Таковы, какъ намъ кажется, причины различнаго состава предложеній и сужденій: сужденіе есть одновременное сообщеніе двухъ данныхъ элементовъ сознанія помощью третьяго, — оттого оно трехчленно; предложеніе есть воспроизведеніе отношенія одного изъ этихъ элементовъ сознанія къ другому (установленнаго упомянутымъ сообщеніемъ) въ послѣдовательности поступленія воспріятій въ сознаніе, — оттого оно и двухчленно. Разсмотримъ теперь послѣдствія указаннаго факта различія состава сужденій и предложеній. Послѣдствія эти тоже заслуживаютъ вниманія. Дѣло въ томъ, что сужденіе, какъ уже ясно изъ предшествующаго, разомъ устанавливаетъ взаимное отношеніе между сосуществующими объектами мысли: отношеніе, устанавливаемое имъ между представленіями A и B есть столько же отношеніе A къ B, какъ и отношеніе B къ A, хотя бы мы даже и не сознавали ясно полноту этихъ отношеній. Напротивъ предложеніе, ставя центръ тяжести въ одномъ объектѣ, большею частью выражаетъ только одну сторону сужденія, т. е. или отношеніе представленія A къ B, или отношеніе B къ A. Но это однако не значитъ, чтобы невозможны были и такія предложенія, которыя выражали бы содержаніе мысли вполнѣ: такія предложенія часто возможны, но они уже не простыя, а составныя, или, точнѣе говоря, слитныя, т. е. представляютъ сліяніе двухъ простыхъ предложеній, и потому обязательно имѣютъ два подлежащихъ, а при сказуемомъ какія-нибудь дополненія, выражающія тоже его двоякій по идеѣ составъ (таковы дополненія: «между собою», «другъ къ другу», «другъ съ другомъ», «другъ отъ друга» и проч.)[1]. Такія слитныя

[1]) Примѣры: треугольники ABC и DEF равны между собою; Норвегія и Швейцарія похожи другъ на друга; движеніе органовъ и сокращеніе мышцъ находятся въ причинной связи другъ съ другомъ; представленіе о Москвѣ и о кривизнѣ улицъ неразлучны другъ съ другомъ; растенія и организмы находятся другъ къ другу въ отношеніи вида и рода, и проч.

предложенія по составу конечно уже ближе къ сужденіямъ, ибо въ нихъ сказуемое прямо выражаетъ мыслимое между предметами отношеніе, а подлежащія предложенія соотвѣтствуютъ объектамъ сужденія; но къ сожалѣнію они далеко не всегда возможны или, по крайней мѣрѣ, не всегда удобны. Когда отношенія объектовъ мысли совершенно подобны другъ другу, то тогда выразить ихъ слитнымъ предложеніемъ легко, ибо ихъ можно обнять въ одномъ, не очень сложномъ, сказуемомъ; когда же отношенія эти противуположны (напр. когда A предшествуетъ B, а B слѣдуетъ за A, когда A есть причина B, а B дѣйствіе A, когда A есть признакъ A, а B есть предметъ, которому принадлежитъ этотъ признакъ, и т. д.), то сліяніе предложеній часто весьма трудно (напр. возможно иногда лишь при помощи отрицательнаго сказуемаго: Декартъ и Бэконъ жили не одновременно), иногда же и вовсе не осуществимо при наличныхъ средствахъ даннаго языка. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи различные языки опять представляютъ своеобразныя особенности и, чѣмъ развитѣе языкъ, тѣмъ онъ конечно податливѣе къ указаннымъ операціямъ сліянія предложеній, — откуда конечно слѣдуетъ также, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ современныхъ языковъ можетъ быть будутъ найдены формулы для передачи всѣхъ сужденій слитными предложеніями. Однако и въ такихъ слитныхъ предложеніяхъ дуализмъ, выражающійся въ контрастѣ подлежащаго и сказуемаго, остается во всей силѣ, между тѣмъ какъ мысль является по прежнему трехчленною, ибо въ ней не имѣетъ смысла различіе предъидущаго и послѣдующаго. Эта трехчленность сужденій, какъ мы увидимъ ниже, съ удобствомъ можетъ быть выражена только помощью алгебраическихъ и вообще символическихъ знаковъ.

Выяснивъ такимъ образомъ не только причины, но и послѣдствія различнаго состава сужденій и предложеній, состоящія въ томъ, что сужденіе обыкновенно можетъ быть выражено вполнѣ только двумя, взаимно дополняющими другъ друга, предложеніями, мы можемъ считать окончательно установленною ту истину, что различіе подлежащаго и сказуемаго не имѣетъ ни малѣйшаго смысла въ сужденіяхъ, т. е. въ самомъ процессѣ мысли. Но въ такомъ случаѣ устранено и главное препятствіе къ сближенію процессовъ сужденія съ процессами ассоціаціи: если сужденіе есть сознательное умственное движеніе, устанавливающее какое-либо отношеніе между двумя представленіями, то его очевидно можно опредѣлить иначе,

какъ процессъ сознательной ассоціаціи представленій. На анализѣ этой формулы мы и остановимся теперь подробнѣе.

Припомнимъ высказанное нами ранѣе предположеніе, что безсознательныя умственныя движенія и преемства движеній, по мѣрѣ повторенія и воспроизведенія, становятся наконецъ сознательными. Признать возможность этого превращенія — безсознательныхъ движеній въ сознательныя — необходимо, если только принять во вниманіе общій характеръ развитія движеній организма въ отношеніи къ сознательности: всѣ движенія въ организмѣ человѣка сначала безсознательны; но со временемъ многія становятся сознательными, а затѣмъ и произвольными[1]). Поэтому вопросъ только въ томъ, въ какомъ именно смыслѣ или съ какой стороны умственныя движенія дѣлаются доступны сознанію, ибо сознавать движенія можно весьма различно. «Сознавать движеніе» можетъ значить, во первыхъ, сознавать, при помощи органическихъ мускульныхъ ощущеній, самое сокращеніе мышцъ, т. е. движеніе даннаго органа; во вторыхъ, можно сознавать, помощью специфическихъ ощущеній, свойственныхъ данному органу, результаты его движеній или отправленій, т. е. перемѣны, которыя происходятъ, благодаря этимъ отправленіямъ, въ отношеніи его элементовъ; въ третьихъ, можно сознавать субъективные антэцеденты движенія, т. е. чувствованія и стремленія, опредѣляющія его общее направленіе; наконецъ, въ четвертыхъ, можно сознавать объективную цѣль движенія и средства, помощью которыхъ эта цѣль можетъ быть вполнѣ достигнута; такое сознаніе объективной цѣли и средствъ движенія равносильно присутствію отвлеченной идеи движенія, т. е. схемы его въ связи съ извѣстными его результатами. Однако два послѣдніе способа сознаванія движеній конечно настолько выше и сложнѣе двухъ первыхъ, что ихъ конечно мы не могли еще имѣть въ виду, говоря о первыхъ сознательныхъ умственныхъ движеніяхъ: движенія, въ кото-

---

[1]) Конечно впослѣдствіи происходитъ и обратный процессъ: превращенія сознательныхъ движеній въ безсознательныя или рефлекторныя; но эти вторичныя безсознательныя движенія уже имѣютъ болѣе сложный составъ, чѣмъ первичныя, а именно подобный тому, какъ и вторичныя сознательныя движенія, вслѣдствіе чего, между прочимъ, психологія давно признала существованіе и безсознательныхъ сужденій и умозаключеній. Этого рода превращеніе, слѣдовательно, всетаки представляетъ дальнѣйшій прогрессъ, а не регрессъ въ развитіи умственной дѣятельности.

рыхъ сознаются чувства и стремленія, какъ мы уже видѣли (ср. стр. 78), не только сознательны, но и произвольны; движенія, которыя руководятся еще и идеею объективной цѣли и направляются сообразно этой идеѣ, не только произвольны, но и методичны. Слѣдовательно, говоря, что безсознательныя умственныя движенія превращаются въ сознательныя, мы могли разумѣть только: или ту сознательность, которая доставляется органическими мускульными ощущеніями, или ту, которая доставляется специфическими умственными или вообще центральными ощущеніями, имѣющими предметомъ объективное содержаніе умственныхъ отправленій, т. е. перемѣны, происходящія при помощи нихъ, въ отношеніи представленій. Но первыя ощущенія, хотя и существуютъ въ мозгу, ибо мы можемъ чувствовать утомленіе и свѣжесть мозга, легкость или трудность его работы, вообще различныя степени умственнаго напряженія, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ не могли входить въ разсчетъ, ибо эти ощущенія, какъ и всѣ органическія, имѣютъ общій и лишь весьма смутный характеръ и ничего не могутъ говорить сознанію о содержаніи единичныхъ ассоціативныхъ его движеній. Зато специфическія центральныя и въ частности умственныя ощущенія, если бы они существовали, вполнѣ могли бы объяснить сознательность единичныхъ умственныхъ движеній, т. е. ассоціацій. Но эти специфическія умственныя ощущенія до сихъ поръ вовсе не признавались психологіей; только Локкъ предугадалъ ихъ существованіе, обнявъ ихъ въ довольно еще неопредѣленномъ понятіи рефлексіи, на счетъ значенія котораго психологи и до сихъ поръ препираются. Тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ категорически утверждать, что такія специфическія центральныя ощущенія существуютъ и что благодаря именно тому, что психологія не обращала на нихъ вниманія, анализъ умственной дѣятельности и не могъ до сихъ поръ стать на твердую научную почву. Что они существуютъ, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что есть цѣлый рядъ представленій и понятій, вообще идей, которыя пріобрѣтаются не внѣшнимъ опытомъ, а собственною дѣятельностью ума; таковы идеи сходства, равенства, логическаго подчиненія, послѣдовательности во времени, причины и дѣйствія, и проч. Уже Юмъ и затѣмъ особенно Кантъ доказали вполнѣ убѣдительно субъективность этихъ идей; но Кантъ перенесъ на нихъ старую теорію прирожденности понятій и, признавъ эти идеи готовымъ достояніемъ ума, облекъ ихъ въ какія-то мистическія сущности въ понятіи «категорій разсудка». Не проще

ли однако предположить, что и эти идеи происходятъ изъ такой же ассоціаціи и интеграціи ощущеній, какъ и всѣ прочія идеи человѣка? Если бы намъ удалось доказать, что именно изъ такихъ ощущеній, т. е. изъ специфическихъ умственныхъ ощущеній, всѣ онѣ дѣйствительно и образуются, то мы думаемъ, что подвинулись бы немного далѣе на томъ пути, по которому шли Локкъ, Юмъ и Кантъ. Но почему же эти геніальные мыслители не сдѣлали, ранѣе насъ, того естественнаго повидимому шага къ конечному развитію теоріи умственной дѣятельности, каковымъ представляется признаніе особыхъ умственныхъ ощущеній, лежащихъ въ основаніи понятій, которыя вносятся нами въ сужденія высшаго порядка? Объяснить этотъ фактъ можно очень просто. Чтобы признать какой-нибудь новый классъ ощущеній, нужно признать существованіе новаго объекта, который прежде извѣстнымъ ощущеніямъ недоступенъ. Этимъ путемъ между прочимъ произошло и открытіе мускульныхъ ощущеній шотландскими психологами прошлаго вѣка: когда они подмѣтили, что въ воспріятіяхъ зрительныхъ, осязательныхъ и другихъ играютъ важную роль движенія органовъ чувствъ, которыя могутъ быть не только сознательны, но и произвольны, то явилась потребность предположенія особыхъ ощущеній, помощью которыхъ мы узнаемъ объ этихъ движеніяхъ, и вотъ возникла оказавшаяся впослѣдствіи столь плодотворною гипотеза специфическихъ мускульныхъ ощущеній, теперь уже вполнѣ доказанная. Такой же точно процессъ привелъ и насъ къ признанію ощущеній центральныхъ и въ частности умственныхъ. Мы пришли сначала къ убѣжденію, что всѣ умственные процессы суть движенія, затѣмъ принуждены были признать, что эти движенія могутъ быть сознательны, а отсюда уже сама собою возникаетъ мысль, что есть и специфическія ощущенія, помощью которыхъ эти движенія сознаются, что̀ вполнѣ подтверждается и давно признаннымъ существованіемъ идей, относительно которыхъ необходимо поставить дилемму, что — или онѣ прирождены нашему уму, или возникаютъ изъ комбинаціи такихъ-же простѣйшихъ сознательныхъ ощущеній, какъ и всѣ прочія идеи, — при чемъ эта дилемма только поставленною нами гипотезою и разрѣшается вполнѣ удовлетворительно, т. е. въ томъ направленіи, какого требуютъ общіе принципы современной психологіи, отрицающей прирожденность какихъ-бы то ни было понятій. Такимъ образомъ, только отсутствіе идеи умственныхъ движеній, т. е. понятія объ особыхъ объектахъ специфической воспріимчивости центровъ, объясняетъ и неопредѣленность Локкова понятія «рефлексіи»

и тотъ фактъ, что Кантъ, признавъ центральныя идеи, не попытался вывести ихъ изъ центральныхъ ощущеній. Свою гипотезу «умственныхъ ощущеній», какъ особаго класса ощущеній центральныхъ, т. е. гипотезу «ощущеній умственныхъ движеній», изъ которыхъ развиваются и всѣ сложныя идеи, входящія въ составъ сознательныхъ сужденій, мы надѣемся подробнѣе подтвердить послѣ, а теперь остается лишь подчеркнуть еще разъ тотъ фактъ, что говоря о сознаваніи умственныхъ движеній въ процессѣ сужденія, мы разумѣли выше прежде всего совокупность специфическихъ умственныхъ ощущеній, имѣющихъ предметомъ ассоціативныя умственныя движенія. Въ этомъ именно смыслѣ безсознательныя ассоціаціи, по мѣрѣ воспроизведенія, и становятся, по нашему мнѣнію, сознательными.

Но сужденія отличаются отъ безсознательныхъ ассоціацій, какъ мы уже говорили не разъ, не только сознательностью, но и сложностью своихъ элементовъ. Дѣйствительно: сужденіе, хотя бы и самое простое, есть уже ассоціація не ощущеній (объективныхъ), а конкретныхъ представленій. Напр. если мы отождествляемъ красный цвѣтъ обертки книги съ краснымъ цвѣтомъ сургуча, то очевидно, что мы въ обоихъ случаяхъ имѣемъ уже дѣло съ двумя конкретными представленіями краснаго цвѣта, а не ощущеніями, ибо мыслимъ красный цвѣтъ въ обоихъ случаяхъ въ ограниченной со всѣхъ сторонъ поверхности и вообще какъ цѣлое, въ которомъ интегрирована масса единичныхъ сознательныхъ ощущеній, не только однородныхъ, но частію и разнородныхъ. А между тѣмъ такое сужденіе, отождествляющее отдѣльные признаки предметовъ есть простѣйшее сужденіе, какое мы себѣ можемъ представить. Хотя однако простѣйшими элементами сужденій являются конкретныя представленія, а обыкновенными элементами безсознательныхъ ассоціацій мы признали ощущенія, — тѣмъ не менѣе мы видѣли, что и конкретныя представленія могутъ ассоціироваться безсознательно. Отсюда ясно, что нѣкоторыя безсознательныя и сознательныя ассоціаціи, т. е. сужденія, имѣютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, или одни и тѣ же ближайшіе элементы; но если такъ, то и связь этихъ элементовъ по качеству одна и та же, — разница лишь въ томъ, что одинъ разъ она безсознательна, другой — сознательна (что̀ выяснится впослѣдствіи нагляднѣе именно изъ анализа ощущеній, имѣющихъ объектомъ простѣйшія умственныя движенія). Примѣровъ такихъ тождественныхъ по содержанію безсознательныхъ и сознательныхъ ассоціацій конкретныхъ представленій можно было бы конечно привести

множество, потому что любыя два конкретныя представленія, способныя вообще ассоціироваться по внутренней или по внѣшней смежности, могутъ сообщиться въ умѣ нашемъ столько же безсознательно, сколько и сознательно, т. е. при помощи сужденія. Поэтому мы ограничимся двумя, тремя примѣрами только для поясненія своей мысли. Вспомнивъ о какомъ-нибудь городѣ, черезъ который мы разъ проѣхали, мы начинаемъ припоминать другъ за другомъ его улицы, зданія, церкви, между тѣмъ какъ проѣзжали чрезъ него можетъ быть совершенно разсѣянно, говоря все время съ сидѣвшимъ возлѣ насъ другимъ лицомъ, или думая о совершенно постороннихъ вещахъ. Мы не составляли сужденій, что церковь такая-то стояла на такой-то площади, а возлѣ нея былъ расположенъ базаръ, а далѣе шла широкая улица подъ гору, къ рѣкѣ, и т. д.: представленія ассоціировались безсознательно. Но можетъ быть и на оборотъ, что воспоминанія наши суть только воспроизведенія цѣлаго ряда слѣдовавшихъ въ то время другъ за другомъ сознательныхъ ассоціацій, или сужденій, совершенно тождественнаго содержанія. Точно также, когда мы ходимъ по выставкѣ картинъ, то представленія объ отдѣльныхъ картинахъ могутъ ассоціироваться по смежности въ пространствѣ столько же безсознательно, сколько и сознательно. Заучивая наизусть стихи, мы тоже ассоціируемъ слова иногда безсознательно или механически, если память у насъ хорошая, иногда же сознательно, т. е. отдавая себѣ ясный отчетъ, что такое-то слово слѣдуетъ за такимъ-то, а такое-то за такимъ, и т. д. Поэтому бо́льшая сложность элементовъ въ сознательныхъ ассоціаціяхъ есть во всякомъ случаѣ понятіе относительное: низшія сужденія по содержанію ничѣмъ не отличаются отъ высшихъ безсознательныхъ ассоціацій.

Въ связи со всѣми изложенными соображеніями, сдѣланное нами выше опредѣленіе процесса сужденія, какъ сознательнаго процесса ассоціаціи представленій, въ обширномъ значеніи этого слова, должно быть теперь совершенно понятно: сознательность умственнаго движенія и есть главная специфическая черта сужденій сравнительно съ ассоціаціями, прежде разсмотрѣнными. Эту идею сужденія, какъ сознательнаго процесса ассоціаціи, можно облечь и въ наглядную формулу или схему. Если мы признаемъ основной схемой всѣхъ безсознательныхъ ассоціацій формулу $a + b$, при чемъ a и b — символы ощущеній, какъ конечныхъ элементовъ всѣхъ этихъ первичныхъ процессовъ ума, знакъ же $+$ символъ безсознательной ихъ связи, то для выраженія природы сужденій мы можемъ взять, во первыхъ, знаки

A и B, какъ символы представленій, служащихъ основными элементами сознательнаго мышленія, знакъ же $+$ замѣнить знакомъ $\frown$ для обозначенія сознательности умственнаго движенія, устанавливающаго между ними то или другое отношеніе. Тогда мы получимъ слѣдующую приблизительную схему сознательныхъ процессовъ ассоціацій, сопоставленную съ схемою ассоціацій безсознательныхъ:

1) $a + b$
2) $A \frown B$

Отъ вопроса объ общемъ составѣ сужденій, какъ сознательныхъ ассоціацій, мы перейдемъ теперь къ анализу ихъ разновидностей и процесса ихъ развитія.

До сихъ поръ, говоря о сужденіяхъ, мы разумѣли всѣ безразлично процессы сознательныхъ ассоціацій, или сознательные умственные процессы, т. е. употребляли этотъ терминъ опять въ обширномъ значеніи слова (какъ выше терминъ «безсознательной ассоціаціи»), включая въ понятіе о процессѣ сужденія отчасти даже и понятіе о процессѣ умозаключенія, какъ законченной совокупности сужденій. Теперь намъ предстоитъ разобрать взаимныя отношенія различныхъ видовъ сознательныхъ ассоціацій — съ цѣлью опредѣлить, существуетъ ли параллелизмъ и между частными классами ассоціацій безсознательныхъ и сознательныхъ.

Прежде всего спрашивается, примѣнимо ли и къ сферѣ сознательной умственной дѣятельности различіе механическихъ и органическихъ процессовъ и соединеній? Если мы вникнемъ въ сущность различія процессовъ сужденія и процессовъ умозаключенія, то несомнѣнно придемъ къ выводу, что процессы умозаключенія относятся къ процессамъ сужденія, какъ разобранныя въ свое время органическія ассоціаціи, т. е. интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, къ ассоціаціямъ механическимъ, т. е. къ ассоціаціямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, диссоціаціямъ и дизассоціаціямъ. Дѣло въ томъ, что умозаключеніями называются законченные ряды сужденій, которые можно выразить слѣдующими схемами:

$$A \frown B,\ B \frown C,\ C \frown A \text{ или } \overset{B}{(\ )}\ A \frown C = \boldsymbol{M}$$

$$A \frown B,\ B \frown C,\ C \frown D,\ D \frown A = A \overset{(C \frown B)}{\frown} D = N,\ \text{и т. д.}$$

Какъ скоро сужденія совершили извѣстный законченный циклъ, такъ совокупность ихъ уже называется не простымъ аггрегатомъ нѣсколькихъ сужденій, а умозаключеніемъ. Притомъ и отношеніе такихъ законченныхъ рядовъ сужденій къ единичнымъ сужденіямъ совершенно то же самое, что́ и разсмотрѣнныхъ выше законченныхъ органическихъ процессовъ психическаго развитія къ механическимъ. Вѣдь несомнѣнно, что и процессы умозаключенія, какъ процессы, тоже ничего новаго и своеобразнаго въ себѣ не заключаютъ, — это просто ряды сужденій; но зато, благодаря особенному соотношенію нѣсколькихъ сужденій, продукты ихъ носятъ своеобразный отпечатокъ: отдѣльныя сужденія не создаютъ никакихъ новыхъ умственныхъ продуктовъ, а только сообщаютъ и разобщаютъ существующіе; напротивъ, умозаключенія создаютъ прямо новыя психическія единства, ибо если представленія A B и C вступили, при помощи законченнаго ряда сужденій, въ болѣе тѣсную связь другъ съ другомъ, чѣмъ въ какой они находятся по отношенію ко всѣмъ другимъ представленіямъ, то ясно, что мы отнынѣ будемъ мыслить ихъ не отдѣльно, а вмѣстѣ — какъ элементы одного высшаго цѣлаго; другими словами, продуктомъ такого законченнаго ряда сужденій непремѣнно будетъ новое, высшее единство, представленіе же ли, или понятіе. Старая логика эту важную истину упускала изъ виду: имѣя въ виду сцѣпленія предложеній, она разбирала умозаключенія лишь какъ процессы, и потому не видѣла въ нихъ ничего, кромѣ особаго соединенія двухъ сужденій въ третье. Но оттого-то ея теорія умозаключеній и не въ состояніи была объяснить возникновенія ни одного изъ сложныхъ умственныхъ образованій. Она считала многія идеи какъ бы уже готовыми, отчего и начинала свой анализъ прямо съ «понятій», а когда ее спрашивали, какъ же эти понятія сами образуются, то она отвѣчала: процессомъ обобщенія, процессомъ отвлеченія и т. д., не замѣчая, что эти термины процессовъ «обобщенія» и «отвлеченія» суть пустые звуки, лишенные всякаго содержанія, какъ скоро мы не мыслимъ въ нихъ именно рядовъ сужденій и умозаключеній. Поэтому-то давно, чуть ли уже не съ Вольфа, если не ранѣе, въ представителяхъ логики жило смутное сознаніе, что «понятія» образуются сами не

иначе, какъ помощью сужденій же и умозаключеній и что ставить анализъ понятій ранѣе анализа сужденій и умозаключеній, значитъ совершенно извращать идею о ходѣ умственной дѣятельности. Такъ какъ однако теорія сужденій и умозаключеній продолжала до послѣдняго времени фатально смѣшиваться, даже въ умахъ лучшихъ мыслителей, напр. Канта, съ теоріею предложеній и выводовъ — предложенія же состоятъ изъ словъ, а слова суть уже символы конкретныхъ «понятій», то, вопреки собственному здравому смыслу, представители логики продолжали анализъ понятій ставить въ основаніе своей теоріи сужденій и умозаключеній и, на подобіе бѣлки, вертѣлись въ колесѣ, изъ котораго ни въ какую сторону не открывалось выхода (замѣчательно, что даже Вундтъ еще держится стараго порядка изслѣдованія процессовъ мышленія и только Шуппе пробуетъ отъ него эмансипироваться, но къ сожалѣнію не въ томъ направленіи, въ какомъ слѣдуетъ).

Умозаключенія впрочемъ не всѣ даютъ въ результатѣ высшіе по объему продукты; иногда они имѣютъ, напротивъ, результатомъ дезинтеграцію этихъ продуктовъ на ихъ первоначальные элементы, иногда же дифференціацію ихъ на частные новые продукты меньшаго объема. Отсюда является потребность вникнуть ближе въ частные виды сужденій и умозаключеній, какъ механическихъ и органическихъ сознательныхъ ассоціацій.

Что касается до сужденій, то прежде всего различіе сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій уже давно признано логикой, хотя и косвенно, въ понятіи о «предложеніяхъ утвердительныхъ и отрицательныхъ». Къ сожалѣнію, это чисто формальное различіе предложеній, какъ и вообще вся теорія предложеній, не въ состояніи было выразить истинную природу упомянутыхъ двухъ классовъ сужденій. Дѣло въ томъ, что контрастъ утвердительныхъ и отрицательныхъ предложеній не вполнѣ совпадаетъ съ контрастомъ положительныхъ и отрицательныхъ сужденій, или сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій: многія сужденія-ассоціаціи, по свойствамъ языка, выражаются въ отрицательныхъ предложеніяхъ и, наоборотъ, многія сужденія-диссоціаціи облекаются въ предложенія утвердительныя. Напр., не имѣя особаго слова для обозначенія какого-нибудь предмета, или явленія, или ихъ свойства, мы часто прибѣгаемъ въ предложеніи къ описанію его помощью отрицательной формулы; такъ мы говоримъ часто «человѣкъ этотъ неосторожень», разумѣя однако совершенно положительную

совокупность его дѣйствій[1]). Такое несовпаденіе внѣшняго характера предложеній съ внутреннимъ характеромъ сужденій еще нагляднѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ утвердительный терминъ существуетъ, но, по забывчивости ли, или по неряшливости, или по другимъ причинамъ, мы вмѣсто него употребляемъ отрицательное опредѣленіе, напр. когда мы говоримъ: «онъ нехорошъ» вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ боленъ очень опасно, или «этотъ поступокъ некрасивъ» вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ уродливъ, подлъ, или низокъ, какимъ онъ намъ на самомъ дѣлѣ представляется, и т. д. Но точно такимъ же образомъ и на оборотъ: сужденія-диссоціаціи весьма часто имѣютъ утвердительную форму въ предложеніяхъ; напр. всѣ сужденія, утверждающія «различіе» какихъ-нибудь предметовъ, явленій, ихъ свойствъ и т. д. суть сужденія-диссоціаціи, а между тѣмъ они обыкновенно утвердительны, — таковы сужденія: сѣверная природа существенно отличается отъ южной, французы и нѣмцы различны по характеру, населеніе большихъ городовъ отличается отъ населенія малыхъ, и проч.

Разумѣется первоначально отрицаніе возникло въ языкѣ именно для выраженія сужденій-диссоціацій; но съ развитіемъ человѣческой рѣчи первоначальная связь отрицанія съ процессомъ сознательной диссоціаціи утратилась, и для выраженія сужденій-диссоціацій явились новые термины и новыя формулы, какъ и наоборотъ — для выраженія сужденій-ассоціацій приспособились многія старыя отрицательныя понятія и формулы. Тѣмъ не менѣе, контрастъ сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій конечно остается во всякомъ человѣческомъ умѣ въ полной силѣ. Сужденія-ассоціаціи можно опредѣлить какъ тѣ умственныя движенія, которыя сознательно сообщаютъ представленія, сосуществующія въ нашемъ умѣ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь независимыхъ отъ сознанія причинъ; сужденія-диссоціаціи, напротивъ, суть тѣ умственныя движенія, которыя сознательно разобщаютъ такія представленія: при этомъ сужденія-ассоціаціи устанавливаютъ вновь или укрѣпляютъ связь представленій, сужденія-диссоціаціи разрушаютъ эту связь. Но въ такомъ случаѣ конечно сужденія-диссоціаціи, также какъ и безсознательныя диссоціаціи, возникаютъ лишь на почвѣ сужденій-ассоціацій; другими словами, всякое сознательное разобщеніе представленій возможно только въ томъ

---

[1]) Объ этого рода случаяхъ говоритъ и Вундтъ: Logik, I. S. 188.

случаѣ, если они предварительно, хотя бы только за секунду передъ тѣмъ и лишь на эту одну секунду, сознательно же сообщились другъ съ другомъ, ибо иначе сознательное разобщеніе ихъ не имѣло бы никакого разумнаго основанія и смысла. Эту простую истину стали понимать только новѣйшіе представители логики, признавшіе въ отрицательныхъ сужденіяхъ «вторичную» функцію ума (напр. Зигвартъ; ср. также Вундта, S. 187); а между тѣмъ, можно ли было сомнѣваться въ томъ, что сужденію о различіи предметовъ должно предшествовать хотя бы минутное предположеніе о ихъ тождествѣ или сходствѣ, сужденію о несмежности ихъ въ пространствѣ или о непослѣдовательности ихъ во времени — хотя бы минутное предположеніе о ихъ смежности или послѣдовательности, и т. д.? Вслѣдствіе этого, если сужденія-ассоціаціи мы выразили выше общею схемою $A \frown B$, то сужденія-диссоціаціи мы можемъ выразить сначала столь же общею схемою $A \supset B$ или просто $A \supset B$, означающею (подобно схемѣ $a \dashv b$ для безсознательныхъ ассоціацій), что сознательная диссоціація всегда происходитъ на почвѣ предшествующей ассоціаціи между данными представленіями.

Однако различіемъ сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій еще не исчерпана вся совокупность сужденій; есть еще третій классъ сужденій-дизассоціацій, параллельный классу безсознательныхъ дизассоціацій. Объ этомъ классѣ сужденій старая логика обыкновенно и не упоминала[1]), а между тѣмъ въ процессѣ мышленія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, онъ играетъ большую роль. Подъ сужденіями-дизассоціаціями мы разумѣемъ тѣ, которыя, сознательно сообщая одни представленія, тѣмъ самымъ сознательно же разобщаютъ другія, — это одновременно сужденія-ассоціаціи и сужденія-диссоціаціи: напр. представленіе A, сообщаясь съ B, обязательно разобщается отъ C, что́ можно изобразить слѣдующею схемою:

$$A \frown B = A \supset C$$

Этого рода сужденія играютъ большую роль въ прогрессѣ человѣческихъ знаній. Когда астрономія установила, что земля вращается вокругъ солнца, она тѣмъ самымъ признала, что солнце не вращается

---

[1]) Кантовскій контрастъ отрицательныхъ и безконечныхъ сужденій отчасти намекаетъ на различіе сужденій-дизассоціацій и сужденій-диссоціацій (безконечныя сужденія), но онъ былъ у него слишкомъ формально обоснованъ, и потому новѣйшая логика его отвергла.

вокругъ земли; когда физіологія убѣдилась, что физіологическіе процессы подобны химическимъ и физическимъ, она тѣмъ самымъ отвергла участіе въ нихъ особой жизненной силы; когда біологія поставила гипотезу превращенія видовъ, она тѣмъ самымъ отвергла идею одновременнаго акта творчества въ основаніи происхожденія этихъ видовъ; точно также и мы: признавая процессы сужденія и умозаключенія за особый, болѣе сложный, видъ процессовъ ассоціаціи, принуждены были тѣмъ самымъ отказаться отъ взгляда на нихъ, какъ на самостоятельныя по природѣ отправленія ума, и т. д. Особенно обширное и постоянное приложеніе эти сужденія имѣютъ при открытіи причинъ явленій: всякая новая идея причины явленія, открываемая наукою, заставляетъ отвергнуть идею старой причины, которой мы приписывали данное явленіе. Намъ могутъ возразить однако, что такіе двойные умственные акты суть уже не сужденія, а умозаключенія; но мы твердо настаиваемъ на томъ, что это «сужденія», а именно сужденія-дизассоціаціи, ибо въ нихъ собственно умъ производитъ одно дѣйствіе, а не два, хотя это дѣйствіе и имѣетъ результатъ двойной. Вѣдь если мы, произведя чернильное пятно на бумагѣ, тѣмъ самымъ уничтожили написанное слово, то никто не скажетъ что мы совершили два дѣйствія, а именно 1) сдѣлали чернильное пятно и 2) уничтожили написанное на томъ же мѣстѣ ранѣе слово: оба дѣйствія вполнѣ совпадаютъ и покрываютъ другъ друга. Точно также и въ области мысли. Конечно на словахъ часто случается, что люди, признавъ извѣстное отношеніе представленія A къ новому представленію B, отказываются, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергнуть тождественное отношеніе A къ C, которое первымъ отношеніемъ исключается; это зависитъ однако лишь отъ случайностей слова, вслѣдствіе которыхъ представленіе A во второмъ случаѣ кажется инымъ, чѣмъ представленіе A въ первомъ случаѣ; но какъ скоро тождество представленія A въ обоихъ случаяхъ (т. е. въ сущности тождество словесныхъ представленій x' и x'', ему соотвѣтствующихъ) вполнѣ признано, то сужденіе $A \frown B$ только у сумасшедшаго не окажется одновременно и сужденіемъ $A \supset C$ (если только $A:B = A:C$). Вообще можно сказать, что въ умѣ человѣка сужденіе $A \frown B$ есть уже, въ указанныхъ случаяхъ, одновременно и сужденіе $A \supset C$, и только въ области слова, которое, какъ мы уже видѣли, даже и въ болѣе простыхъ случаяхъ не въ состояніи обнять разомъ всего содержанія мысли, сужденіе $B \frown A \supset C$ требуетъ двухъ предложеній или одного составного, чтобы быть выражено вполнѣ.

Такимъ образомъ въ сферѣ сознательныхъ механическихъ процессовъ ума различіе процессовъ ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи, точно также необходимо признать, какъ и въ сферѣ безсознательныхъ механическихъ процессовъ, и это различіе мы выразили, а также и впредь будемъ выражать, понятіями «сужденій-ассоціацій», «сужденій-диссоціацій» и «сужденій-дизассоціацій». Спрашивается далѣе, можно ли различать и въ сферѣ сознательныхъ органическихъ процессовъ мышленія процессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, т. е. можно ли дѣлить и умозаключенія на умозаключенія-интеграціи, умозаключенія-дезинтеграціи и умозаключенія-дифференціаціи? Такъ какъ умозаключенія могутъ приводить столько же къ новымъ сообщеніямъ, сколько и къ новымъ разобщеніямъ представленій, т. е. столько же къ положительнымъ, сколько и къ отрицательнымъ новымъ сужденіямъ, то — если мы только признаемъ окончательно, что умозаключенія съ положительными результатами въ извѣстныхъ случаяхъ суть интеграціи представленій, — намъ придется признать и обратно, что параллельныя имъ умозаключенія съ отрицательными результатами суть дезинтеграціи представленій. Но мы избѣгаемъ вообще апріорныхъ выводовъ и потому разсмотримъ a posteriori, дѣйствительно ли одни умозаключенія приводятъ къ интеграціямъ идей, другія имѣютъ послѣдствіемъ ихъ дезинтеграціи.

Какъ образуется напр. сознательное представленіе объ исторической эпохѣ, очевидно являющееся интеграціей какихъ-то идей? А очевидно такъ, что событіе A мы признаемъ предшествующимъ событію B, событіе B предшествующимъ событію C, событіе C — событію D, D—E и т. д., пока наконецъ не остановимся на какомъ-нибудь событіи G и не установимъ, при помощи промежуточныхъ событій, извѣстную связь его съ первымъ событіемъ A. Сообщеніе G съ A скрѣпило всѣ прочія сообщенія и явилось новое цѣльное представленіе объ эпохѣ. А какъ образуется напр. сознательное представленіе о какомъ-нибудь городѣ? Очевидно такъ, что представленіе объ улицѣ AB сознательно связывается съ представленіемъ о смежной улицѣ BC, представленіе о BC съ представленіемъ о площади $CDGN$, это представленіе въ свою очередь съ представленіями о новыхъ улицахъ DE, GH, NM, которыя идутъ отъ нея въ различныя стороны, и т. д., — пока наконецъ мы не узнаемъ весь городъ съ его улицами, площадями, мостами, замѣчательными зданіями и т. д., и пока любое послѣднее представленіе объ улицѣ VW на другой чертѣ города не свяжется, при

помощи другихъ воспроизведенныхъ въ умѣ сообщеній между представленіями, съ представленіемъ о первой улицѣ AB, въ которой мы напр. сами живемъ. Точно также образуются и конкретныя понятія. Напр. понятіе о собакѣ въ умѣ ребенка образуется при помощи сознательнаго сообщенія нѣсколькихъ сложныхъ представленій о собакахъ различной породы и различнаго вида — лишь въ тотъ моментъ однако, когда послѣднее усвоенное представленіе о собакѣ, только что видѣнной, сообщилось, при помощи воспроизведенія ряда другихъ представленій, съ первымъ представленіемъ объ этомъ животномъ, которое давно образовалось въ его умѣ, ибо въ противномъ случаѣ, т. е. безъ этого заключительнаго сообщенія, у него будетъ много связанныхъ другъ съ другомъ частныхъ представленій о собакахъ, но цѣльнаго понятія объ этой породѣ животныхъ не будетъ.

Нечего и говорить, разумѣется, что всѣ эти интеграціи могутъ быть облечены въ схемы умозаключеній:

$$\left.\begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ \hline C \frown A \end{array}\right\} = \boldsymbol{M} \qquad \text{или} \qquad \left.\begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ C \frown D \\ \vdots \\ E \frown F \\ \hline F \frown A \end{array}\right\} = \boldsymbol{P}$$

Такимъ образомъ сомнѣваться въ томъ, что извѣстныя умозаключенія, состоящія изъ положительныхъ сужденій, приводятъ къ интеграціямъ представленій въ высшія единства, едва ли возможно.

Дезинтеграціи, какъ мы уже прежде доказали, точно также происходятъ на почвѣ предшествующихъ интеграцій, какъ диссоціаціи на почвѣ ассоціацій, но въ то же время дезинтеграціи суть законченныя диссоціаціи. Существуютъ ли умозаключенія, которыя бы соотвѣтствовали этой идеѣ?

Если представленія A, B и C хотя бы на минуту сообщились въ нашемъ умѣ и дали мысль о новомъ единствѣ, изъ нихъ составленномъ, и если затѣмъ произойдетъ диссоціація между A и B, B и C или только между A и B, или же B и C, то мы должны будемъ отвергнуть во всякомъ случаѣ и связь представленій A и C, какъ послѣдствіе прочихъ соотношеній, и диссоціація между A и C, какъ заключительная и органически-неизбѣжная, будетъ главнымъ символомъ

дезинтеграціи единства, которое временно и предположительно образовалось въ нашемъ умѣ. Напр. если мы предположили сходство растеній A и B, B и C, C и D и, заключивъ отсюда и къ сходству растеній D и A, вмѣстѣ съ тѣмъ мысленно интегрировали ихъ въ одинъ общій классъ растеній $\boldsymbol{M}$; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, увидѣли, что растеніе A вовсе не похоже на B, а также и C на D, вслѣдствіе чего принуждены были разобщить и представленія D и A, то это послѣднее разобщеніе очевидно окончательно разрушитъ общее представленіе $\boldsymbol{M}$, т. е. дезинтегрируетъ его. Такъ какъ сомнѣваться въ томъ, что подобныя дезинтеграціи могутъ быть облечены тоже въ схемы умозаключеній, ведущихъ только не къ положительнымъ, а къ отрицательнымъ результатамъ, нѣтъ возможности, то приходится считать установленною и ту истину, что есть умозаключенія-дезинтеграціи, т. е. умозаключенія, представляющія собою органическія диссоціаціи представленій.

Но этими двумя классами умозаключеній всѣ ихъ виды также еще не выражены. Если мы обратимъ вниманіе только на сложныя умозаключенія, съ которыми имѣла дѣло старая логика, а именно на умозаключенія, выражающіяся въ формѣ силлогизмовъ, въ особенности утвердительныхъ силлогизмовъ первой фигуры, то окажется невозможнымъ признать въ этихъ послѣднихъ формулу интеграціи представленій въ новыя единства, а тѣмъ менѣе дезинтеграціи ихъ, ибо результатъ такихъ умозаключеній всетаки положительный:

Напр. Всѣ S суть P
S_1 есть S

Слѣд. S_1 есть P

Что за типъ умозаключенія выраженъ въ этомъ выводѣ? Интеграціею нѣсколькихъ представленій въ высшее единство это умозаключеніе по тому не можетъ быть, что сужденіе, лежащее въ основаніи предложенія S_1 есть P даетъ болѣе частный результатъ, чѣмъ какой выраженъ въ первомъ предложеніи «всѣ S суть P». Скорѣе уже первое предложеніе есть выраженіе интеграціи, ибо S есть названіе цѣлаго, содержащаго въ себѣ рядъ частныхъ представленій, интегрированныхъ другъ съ другомъ. Но если предложеніе «всѣ S суть P» есть выраженіе результатовъ интеграціи, а предложеніе S_1 есть P не есть выраженіе настоящей дезинтеграціи, ибо оно не уничтожаетъ само по себѣ пред-

ложенія «всѣ S суть P», то не имѣемъ ли мы въ разбираемомъ умозаключеніи примѣра умозаключенія-дифференціаціи? Очевидно на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно, ибо если мы выразимъ въ болѣе полной формѣ соотвѣтствующій процессъ мысли, то получимъ слѣдующую совокупность предложеній:

Всѣ S суть P
S_1 S_2 S_3 S_4 .... суть A

Слѣд. S_1 есть P', S_2 есть P'' и т. д.

Содержаніе понятія, выраженнаго формулою «всѣ S», очевидно дифференцировалось въ умозаключеніи, соотвѣтствующемъ этому выводу, между представленіями, именуемыми S_1 S_2 S_3 S_4 и т. д.

Такимъ образомъ есть и умозаключенія-дифференціаціи. Эти умозаключенія суть сочетанія интеграцій съ дезинтеграціей и въ то же время на нихъ можно смотрѣть какъ на законченныя дизассоціаціи. Но, чтобы въ этомъ убѣдиться, надо съ отвлеченной почвы перейти на болѣе конкретную. Терминъ P, какъ опредѣленіе содержанія S, конечно выражаетъ совокупность извѣстныхъ частныхъ признаковъ, напр. b, c и d, связанныхъ между собою, и принадлежащихъ группѣ предметовъ S. Если мы помощью умозаключенія указаннаго типа убѣдимся, что S_1 имѣетъ признаки $b' \frown c' \frown d'$, S_2 — признаки $b'' \frown c'' \frown d''$, S_3 — признаки $b''' \frown c''' \frown d'''$ и т. д., при чемъ различные надстрочные знаки означаютъ, что въ предметахъ S_1 S_2 S_3 S_4 общіе признаки b, c и d, въ силу извѣстныхъ индивидуальныхъ чертъ этихъ предметовъ, только сходны, а не совершенно тождественны, — то ясно что признаки b, c и d послужатъ основаніемъ для цѣлаго ряда частныхъ интеграцій $(b' \frown c' \frown d')$, $(b'' \frown c'' \frown d'')$ и т. д., т. е. законченныхъ ассоціацій, которыя вызовутъ въ свою очередь съ неизбѣжностью извѣстныя законченныя же диссоціаціи между b', b'', b''' и b'''', c', c'', c''' и c'''', d', d'', d''' и d'''', а въ концѣ концевъ и соотвѣтствующую дезинтеграцію представленія P, какъ совокупности общихъ признаковъ b, c, d. Другими словами, дифференціація понятія S, т. е. распредѣленіе его содержанія между представленіями S_1 S_2 и проч. будетъ основано на совокупности законченныхъ дизассоціацій, или же интеграцій, вызвавшихъ въ свою очередь неизбѣжно дезинтеграцію цѣлаго, которое прежде мыслилось нераздѣльно, — что́ и требовалось доказать. Приведемъ для поясненія примѣръ: если у ребенка образовалось сознательное понятіе о какой-

нибудь мебели, которую онъ часто встрѣчаетъ, напр. о шкапѣ, выражающееся въ сужденіи о цѣломъ, какъ совокупности извѣстныхъ признаковъ, встрѣчаемыхъ въ различныхъ предметахъ, и если затѣмъ, наблюдая точнѣе тѣ же предметы, онъ замѣтитъ, что рядомъ съ общими признаками въ этихъ различныхъ предметахъ, называемыхъ шкапомъ, имѣются и свои совершенно своеобразныя черты, то упомянутые общіе признаки, будучи индивидуализированы спеціальными въ нѣсколько частныхъ группъ, очевидно въ концѣ концовъ, ассоціировавшись, интегрируются другъ съ другомъ въ новыя единства, что̀ произведетъ и рядъ диссоціацій между признаками, прежде считавшимися вполнѣ тождественными и дезинтеграцію прежняго понятія о шкапѣ, какъ о чемъ-то вездѣ себѣ равномъ; послѣднимъ же продуктомъ всѣхъ этихъ процессовъ будетъ дифференціація общаго понятія о шкапѣ на болѣе частныя понятія о коммодѣ, о буфетѣ, объ этажеркѣ, о шкапѣ платяномъ и т. д.

Стало быть, различіе умозаключеній-интеграцій и дезинтеграцій, а также и умозаключеній-дифференціацій, предположенное выше, сомнѣнію не подлежитъ. Мало того, различіе это отчасти сознавалось даже и прежнею логикой, особенно новѣйшею, которая различала индуктивныя умозаключенія отъ дедуктивныхъ. Нужно ли говорить, что старое понятіе объ индуктивныхъ умозаключеніяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему понятію объ умозаключеніяхъ-интеграціяхъ, понятіе же объ умозаключеніяхъ дедуктивныхъ — нашему понятію объ умозаключеніяхъ-дифференціаціяхъ; только умозаключенія-дезинтеграціи, какъ ведущія къ отрицательнымъ результатамъ, не вызывали пока потребности особаго наименованія, ибо въ развитіи знаній, разрушая, а не созидая, они конечно играютъ менѣе замѣтную роль. Однако логика, какъ наука чисто теоретическая, не въ правѣ и ихъ обойти совершеннымъ молчаніемъ, и понятіе дезинтеграціи отлично можетъ восполнить существующій пробѣлъ. Впрочемъ и понятія интеграціи и дифференціаціи гораздо удобнѣе для обозначенія основныхъ типовъ умозаключеній, чѣмъ старыя понятія индукціи и дедукціи. Въ этихъ послѣднихъ лежитъ уже во всякомъ случаѣ идея произвольности мышленія, а отчасти даже и методичности совершаемыхъ имъ отправленій, почему для выраженія основныхъ типовъ непроизвольныхъ умозаключеній они непригодны. Понятія же интеграціи и дифференціаціи, какъ мы видѣли, способны не только выразить контрастъ непроизвольныхъ положительныхъ умозаключеній двоякаго рода, но и соотвѣтствующихъ имъ двоякаго рода безсозна-

тельныхъ умственныхъ процессовъ, образующихъ представленія, — не говоря уже о томъ, что они приложимы далѣе при анализѣ не только процессовъ умственной дѣятельности, но и всѣхъ вообще психическихъ процессовъ и отчасти даже всѣхъ процессовъ природы, органическихъ и неорганическихъ. Такимъ образомъ значенія понятій «индукціи» и «дедукціи» мы лучше и не будемъ расширять, а воспользуемся ими впослѣдствіи для спеціальнаго противуположенія произвольно-методическихъ умозаключеній-интеграцій и умозаключеній-дифференціацій.

Установивъ въ общихъ чертахъ параллелизмъ между классами сужденій и безсознательныхъ механическихъ умственныхъ процессовъ, съ одной стороны, и между классами умозаключеній и безсознательныхъ органическихъ умственныхъ процессовъ — съ другой, намъ необходимо теперь выяснить, почему отношеніе сознательныхъ (механическихъ и органическихъ) процессовъ мышленія къ безсознательнымъ (механическимъ и органическимъ) мы признали въ свое время съ другой точки зрѣнія тоже отношеніемъ органическихъ процессовъ къ механическимъ?

Начнемъ съ того, что въ умѣ человѣка, какъ и во всей природѣ происходитъ несомнѣнно своего рода борьба за существованіе между болѣе сильными и болѣе слабыми продуктами мысли, въ которой разумѣется первыя побѣждаютъ и подчиняютъ себѣ вторыя. Фактъ этотъ давно подмѣченъ психологами и всего полнѣе выраженъ психологическою системою Гербарта. Но въ психологіи Гербарта много произвола, ибо собственно въ ней не достаетъ научнаго принципа для разграниченія болѣе сильныхъ продуктовъ мысли отъ болѣе слабыхъ. Этотъ принципъ въ области физическаго міра впервые указанъ Дарвиномъ въ его теоріи развитія неорганической природы въ органическую, органической низшей въ органическую высшую и проч., помощью постоянной побѣды болѣе совершенныхъ по организаціи продуктовъ надъ менѣе совершенными. Но и въ дарвиновскомъ понятіи «относительнаго совершенства» физическихъ существованій еще много метафизическаго тумана: понятіе относительнаго совершенства, мыслимое въ болѣе конкретной формѣ, необходимо превращается въ понятіе относительной сложности, а понятіе относительной сложности въ понятіе различнаго количества связей, скрѣпляющихъ элементы данныхъ единствъ. Нечего и говорить, что если идею борьбы за существованіе мы выразимъ въ формѣ принципа, что чѣмъ больше количество свя-

зей, скрѣпляющихъ данные элементы въ единство, тѣмъ труднѣе оно разрушается и тѣмъ вѣрнѣе побѣда его надъ другими единствами, въ борьбѣ за существованіе, то идея эта изъ отвлеченной и туманной, сдѣлается гораздо конкретнѣе и яснѣе. Теперь, если идею единства съ меньшимъ количествомъ скрѣпляющихъ связей мы выразимъ понятіемъ механическаго, а идею единства съ бо́льшимъ количествомъ этихъ связей понятіемъ органическаго соединенія, то какія бы два различныя соотношенія элементовъ природы, жизни, или сознанія, мы ни взяли для сравненія, одно окажется непремѣнно «механическимъ аггрегатомъ» въ сравненіи съ другимъ, а это другое, по отношенію къ первому, «органическимъ соединеніемъ». Понятія эти слѣдовательно совершенно относительны. Отсюда вытекаетъ, что при сравненіи любыхъ двухъ психическихъ и, въ частности, умственныхъ продуктовъ, или любыхъ двухъ классовъ этихъ продуктовъ, неизбѣженъ вопросъ, какой или какіе продукты суть механическіе аггрегаты, т. е. представляютъ болѣе поверхностныя сцѣпленія или, другими словами, меньшее количество связей между собою, и какой или какіе суть органическія цѣлыя, т. е. представляютъ болѣе глубокое соединеніе, или бо́льшее количество связей? Точно также и по отношенію къ процессамъ, образующимъ эти продукты, всегда приложимъ вопросъ, какіе изъ нихъ механическіе и какіе — органическіе, т. е. какіе разнообразнѣе или прочнѣе, и какіе однообразнѣе или поверхностнѣе связываютъ психическіе и въ частности умственные элементы. Но, если такъ, то различивъ другъ отъ друга механическіе и органическіе безсознательные, и механическіе и органическіе сознательные умственные процессы и ихъ продукты, мы не можемъ никакимъ способомъ уклониться отъ вопроса, какіе изъ механическихъ и органическихъ безсознательныхъ и сознательныхъ процессовъ и продуктовъ, въ совокупности взятыхъ, представляются въ свою очередь механическими по отношенію къ другимъ, органическимъ? Другими словами, дилемма, что — или безсознательные процессы имѣютъ механическій характеръ сравнительно съ сознательными, или наоборотъ, безусловно неизбѣжна.

На вопросъ, въ этой дилеммѣ заключающійся, конечно уже и a priori возможенъ лишь одинъ отвѣтъ, а именно, что сознательные процессы, какъ вторичные и болѣе сложные, должны быть признаны органическими сравнительно съ безсознательными, а эти послѣдніе, какъ первичные и менѣе сложные, — механическими. Но тотъ же выводъ

можно пріобрѣсти и a posteriori, и притомъ даже различными путями. Во первыхъ, если мы сравнимъ, дѣйствительныя безсознательныя и сознательныя ассоціаціи представленій, то легко придемъ къ выводу, что сознательныя ассоціаціи, т. е. сужденія, устанавливаютъ болѣе прочную связь между ними, чѣмъ безсознательныя ассоціаціи, уже потому, что эта связь (въ сужденіяхъ) есть большею частью не простая, единичная, связь, какъ въ безсознательныхъ ассоціаціяхъ, а цѣлый аггрегатъ связей. Положимъ напр., что мы сознательнымъ сужденіемъ признали сходство между какою-нибудь картиною Айвазовскаго и видѣнною нами самими на морѣ бурею: сужденіе это вѣдь есть установленіе не единичнаго какого-нибудь сходства, а цѣлаго ряда сходствъ — между цвѣтомъ моря у Айвазовскаго и въ натурѣ, между видомъ и отношеніемъ волнъ на картинѣ и въ дѣйствительности, между колоритомъ неба въ обоихъ случаяхъ, и т. д. Напротивъ, если оба представленія соединились по безсознательной ассоціаціи (о чемъ мы узнаемъ напр. изъ воспоминанія картины художника по поводу воспроизведеннаго представленія испытанной нами бури), то связь ихъ въ сензоріумѣ обыкновенно единичная, а именно связь между какими-нибудь единичными ощущеніями, входящими въ то и другое цѣлое; если же она и не единичная, то и въ такомъ случаѣ она всетаки не столь разнообразна и полна, какъ въ сужденіи. Поэтому-то сужденіе о сходствѣ и устойчивѣе въ умѣ, чѣмъ безсознательная ассоціація по сходству, и то же самое относится и къ диссоціаціямъ, интеграціямъ и другимъ процессамъ, устанавливающимъ соотношенія между элементами мысли. Но въ такомъ случаѣ конечно сознательные процессы ума должны быть признаны «органическими», въ сравненіи съ безсознательными, а не на оборотъ. Во вторыхъ, къ тому же выводу приводитъ еще и слѣдующая мысль: такъ какъ сужденія самыми простыми элементами своими имѣютъ конкретныя представленія, конкретныя же представленія уже суть продукты интеграціи ощущеній, то даже самыя простѣйшія по составу сужденія развиваются уже на почвѣ органическихъ безсознательныхъ соединеній, т. е уже не могутъ имѣть того безусловно механическаго характера, какъ первоначальныя безсознательныя ассоціаціи ощущеній. Наконецъ, тотъ же выводъ потверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что самыя идеи объ отношеніяхъ, связывающихъ конкретныя представленія (а тѣмъ болѣе понятія) въ сужденіяхъ, напр. идеи равенства, сходства, противуположности, связи, зависимости, параллелизма, и т. д., какъ мы уже и

намекнули однажды и какъ мы нагляднѣе убѣдимся впослѣдствіи, суть также интеграціи болѣе простыхъ воспріятій или, прямѣе говоря, ощущеній тождества, различія, преемства и отсутствія преемства, которыя лежатъ въ основаніи самыхъ первоначальныхъ сужденій. Слѣдовательно, съ какихъ бы сторонъ мы ни сравнивали безсознательныя и сознательныя ассоціаціи, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что сознательныя ассоціаціи должны относиться къ безсознательнымъ, какъ органическіе процессы соединенія какихъ-либо элементовъ къ механическимъ.

Теперь, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ подробному анализу процессовъ сужденія и умозаключенія, остается еще разъяснить, почему всѣ сознательные процессы мы обнимали прежде въ понятіи сужденій, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Мы дѣлали это не только по аналогіи съ предшествующимъ наименованіемъ совокупности всѣхъ безсознательныхъ умственныхъ процессовъ терминомъ ассоціаціи, въ обширномъ значеніи; но и потому, что понятіе сужденія дѣйствительно выражаетъ основную функцію сознательнаго мышленія. Это уже ясно и изъ того, что всѣ умозаключенія, какъ процессы, мы признали лишь законченными рядами сужденій. Но каждое умозаключеніе можно не только разсматривать какъ рядъ сужденій, но и просто какъ единичное сужденіе болѣе сложнаго состава. Дѣло въ томъ, что когда однажды уже совершилась сознательная интеграція элементовъ мысли въ новое единство, то каждое воспроизведеніе ея результата, т. е. результата того или другого умозаключенія, возможно лишь въ формѣ сужденія. Эта мысль нагляднѣе всего подтверждается предшествующимъ анализомъ содержанія сужденій, выражающихся въ четырехъ отмѣченныхъ нами видахъ предложеній. Очевидно что сужденія, устанавливающія отношеніе сложной идеи о цѣломъ къ болѣе простымъ идеямъ о составныхъ элементахъ этого цѣлаго (соотвѣтствующія предложеніямъ, въ которыхъ разчленяется составъ объективнаго цѣлаго, какъ суммы частей), суть уже не простыя сознательныя ассоціаціи, т. е. сужденія въ тѣсномъ смыслѣ, а воспроизведенія сознательныхъ дифференціацій. Точно также сужденія, устанавливающія отношенія болѣе простыхъ идей объ объектахъ къ болѣе сложной, которая обнимаетъ ихъ совокупность (соотвѣтствующія тѣмъ предложеніямъ, въ которыхъ утверждается принадлежность частей къ цѣлому) суть воспроизведенія сознательныхъ интеграцій. Далѣе, даже и сужденія, подводящія нѣсколько представленій подъ идею отношенія ихъ,

какъ элементовъ высшей идеи (соотвѣтствующія предложеніямъ, высказывающимъ что-либо объ отношеніи другъ къ другу частей одного объективнаго цѣлаго — предмета, явленія, событія и т. д.) суть очевидно также уже воспроизведенія результатовъ сознательныхъ интеграцій или дифференціацій. Такимъ образомъ только сужденія перваго класса, т. е. связывающія два или болѣе представленія третьимъ представленіемъ объ отношеніи ихъ, какъ самостоятельныхъ элементовъ мысли, суть сужденія въ тѣсномъ значеніи слова, т. е. дѣйствительно механическія сознательныя ассоціаціи, да и то, какъ сказано выше, самыя воспріятія отношеній представленій иногда могутъ быть уже «идеями», возникшими путемъ интеграціи болѣе простыхъ элементовъ, т. е. умственныхъ ощущеній. По этимъ-то причинамъ, т. е. въ виду возможности воспроизведенія продуктовъ всѣхъ сознательныхъ умственныхъ процессовъ въ формѣ единичныхъ сужденій, мы и обнимали прежде въ понятіи «сужденій», въ обширномъ смыслѣ слова, безразлично всѣ эти сознательные процессы.

Выяснивъ такимъ образомъ съ различныхъ сторонъ параллелизмъ безсознательныхъ и сознательныхъ умственныхъ процессовъ въ отношеніи къ общимъ ихъ классамъ и взаимной связи этихъ послѣднихъ, мы приступимъ теперь къ спеціальному анализу различныхъ типовъ отношеній, которыя устанавливаются между идеями непроизвольно-сознательнымъ мышленіемъ. Если бы оказалось, что и основные типы этихъ спеціальныхъ отношеній въ сужденіяхъ въ обширномъ значеніи, тѣ же самые, какъ и въ безсознательныхъ ассоціаціяхъ, т. е. что всѣ эти отношенія могутъ быть сведены къ типамъ, подобнымъ ариѳметическому и геометрическому въ ассоціаціяхъ безсознательныхъ, — то можно будетъ считать главный нашъ тезисъ объ однородности процессовъ ассоціаціи и процессовъ сужденія вполнѣ доказаннымъ и можно будетъ перейти къ обозрѣнію частныхъ ступеней развитія вторичныхъ или сознательныхъ отправленій ума.

Опредѣливъ въ свое время сужденія какъ «сознательныя ассоціативныя движенія», мы выяснили затѣмъ, въ чемъ именно состоитъ эта сознательность на ступени непроизвольнаго мышленія. Мы пришли къ выводу, что сначала возможна только сознательность ощущеній,

имѣющихъ объектомъ центральныя движенія, ассоціирующія другъ съ другомъ наши представленія. Но само собою разумѣется, что эти специфическія умственныя ощущенія, какъ мы ихъ назвали, проходятъ всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и всѣ прочія наши ощущенія. Сначала они безсознательны, затѣмъ безсознательныя умственныя ощущенія интегрируются въ сознательныя, далѣе эти сознательныя ощущенія соединяются въ конкретныя представленія, имѣющія объектомъ уже не единичныя умственныя движенія, а ихъ координаціи; еще далѣе изъ этихъ представленій развиваются конкретныя понятія о дѣйствіяхъ ума, затѣмъ изъ этихъ послѣднихъ понятія отвлеченныя, наконецъ и методическія или научныя идеи объ умственныхъ процессахъ, которыя могутъ быть опять различной степени развитія.

Безъ помощи гипотезы такого постепеннаго развитія сознательности умственныхъ движеній и соотвѣтствующихъ имъ ощущеній нельзя объяснить ни происхожденія конкретныхъ и отвлеченныхъ идей объ отношеніяхъ объектовъ внѣшняго, вообще физическаго опыта, субъективность которыхъ, какъ мы уже указали, была окончательно установлена еще Кантомъ. Безъ помощи ея непонятна была бы и другая наша гипотеза о постепенно развивающихся въ смыслѣ сознательности умственныхъ оборотахъ, состоящихъ совершенно изъ тѣхъ же элементовъ объективной и субъективной воспріимчивости и дѣятельности, какъ и всѣ прочіе психическіе обороты. Безъ нея останется туманнымъ отвлеченіемъ и давно признанное, но еще совершенно не выясненное въ своемъ содержаніи, понятіе самосознанія. Вообще гипотеза о способности нашего сензоріума ощущать перемѣны въ немъ самомъ происходящія, т. е. собственныя свои отправленія, и неизбѣжно связанное съ нею предположеніе о развитіи этихъ ощущеній въ болѣе сложные умственные продукты, восполняетъ, по нашему мнѣнію, много пробѣловъ въ психологіи и, между прочимъ, и тотъ пробѣлъ, который мѣшалъ окончательной постановкѣ этой науки на строго-эмпирическую почву, ибо вѣдь и понятіе внутренняго опыта, какъ орудія для построенія наукъ о сознаніи, при отсутствіи этой гипотезы, являлось совершенно смутнымъ отвлеченіемъ, — между тѣмъ какъ съ принятіемъ предположенія центральныхъ, умственныхъ и другихъ подобныхъ ощущеній, т. е. ощущеній движеній сензоріума или перемѣнъ, въ немъ самомъ совершающихся, идея внутренняго опыта пріобрѣтаетъ вполнѣ реальную постановку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ,

какъ мы тотчасъ увидимъ, выясняется и множество другихъ фактовъ изъ исторіи развитія сознанія, которые давно констатированы, но до сихъ поръ оставались болѣе или менѣе непонятными.

Дѣло въ томъ, что специфическія умственныя ощущенія, какъ и вообще ощущенія центральныя, очевидно въ развитіи своемъ отстаютъ отъ внѣшнихъ ощущеній. Мы уже видѣли, что умственныя и вообще центральныя движенія, комбинирующія эти внѣшнія ощущенія, сначала безсознательны. Ощущенія этихъ движеній изъ безсознательныхъ превращаются въ сознательныя лишь тогда, когда внѣшнія ощущенія уже превратились въ конкретныя представленія, ибо сужденія, т. е. ощущаемыя умственныя движенія, имѣютъ содержаніемъ уже не единичныя внѣшнія ощущенія, а интегрированныя ихъ единства, т. е. представленія. Отсюда естественно является мысль, что развитіе специфическихъ умственныхъ ощущеній совершается на цѣлую ступень позднѣе, чѣмъ развитіе прочихъ ощущеній и это предположеніе, какъ мы увидимъ послѣ, вполнѣ подтверждается болѣе подробнымъ анализомъ развитія мышленія, т. е. сужденій и умозаключеній. Въ то время, какъ конкретныя представленія внѣшняго опыта уже превращаются въ конкретныя понятія, умственныя ощущенія еще только безсознательно и механически интегрируются въ конкретныя представленія. Въ то время, какъ конкретныя понятія помощью произвольныхъ процессовъ мысли превращаются въ понятія отвлеченныя, — конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума осложняются еще только въ конкретныя понятія, и т. д. Этимъ-то феноменомъ отставанія (на одну ступень) развитія умственныхъ ощущеній отъ развитія прочихъ ощущеній, объясняется и тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что самознаніе человѣка развивается позднѣе внѣшняго сознанія, и другой параллельный фактъ, что внутренній опытъ всегда отстаетъ въ развитіи отъ опыта внѣшняго, и наконецъ, какъ послѣдствіе этихъ фактовъ, то явленіе, что науки о физическомъ мірѣ въ своемъ движеніи и прогрессѣ всегда на одну ступень опережаютъ науки о сознаніи: въ то время, какъ науки о физическомъ мірѣ начали освобождаться отъ гнета метафизики и дѣлаться индуктивными (XVII вѣкъ), науки о сознаніи еще едва эмансипировались, да и то не съ разу, отъ религіозно-миѳологическихъ и совершенно фантастическихъ представленій, и лишь вступили въ метафизическій фазисъ развитія; въ то время, когда физическія науки изъ индуктивныхъ стали превращаться въ точныя (вторая половина XVIII в.), науки о сознаніи

начали переходить только еще на индуктивную или эмпирическую почву, и т. д. Всѣ эти факты только тогда и возможно объяснить себѣ, если принять со всѣми ея послѣдствіями гипотезу интеллектуальныхъ ощущеній, развивающихся позднѣе ощущеній внѣшнихъ.

Но въ такомъ случаѣ въ настоящей главѣ «о непроизвольныхъ процессахъ» мысли намъ предстоитъ еще двойная задача, а именно: 1) не только прослѣдить общій ходъ развитія конкретныхъ представленій о внѣшнемъ мірѣ въ конкретныя понятія, но и 2) параллельно выяснить какъ самое зарожденіе сознательныхъ умственныхъ ощущеній, такъ и ходъ осложненія ихъ въ конкретныя представленія о координаціяхъ умственныхъ движеній. Такъ какъ эти два процесса происходятъ совмѣстно и параллельно и дополняютъ другъ друга, то и анализъ ихъ долженъ быть общій. Анализъ этотъ, вслѣдствіе сложныхъ сплетеній этихъ двоякихъ процессовъ, представляетъ однако большія трудности и во всей полнотѣ своей не можетъ быть съ перваго раза исчерпанъ, ибо чѣмъ сложнѣе становится составъ мысли, тѣмъ болѣе и болѣе увеличивается количество направленій, въ которыхъ дифференцируется ея работа. На первый разъ поэтому мы задаемся лишь скромною задачею намѣтить главные фазисы осложненія идей о внѣшнемъ мірѣ, параллельно развитію изъ умственныхъ ощущеній первыхъ идей интеллектуальнаго круга. Соотвѣтственно этому ближайшій вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить, состоитъ конечно въ томъ: какъ и когда зарождаются, при ассоціативныхъ движеніяхъ, имѣющихъ объектомъ внѣшнія конкретныя представленія, сознательныя ощущенія этихъ движеній, т. е. какъ и когда безсознательныя умственныя движенія переходятъ въ сознательныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ: какіе типы имѣютъ первоначальныя сознательныя движенія, въ сравненіи съ безсознательными, т. е. какое содержаніе имѣютъ первыя сознательныя ощущенія умственныхъ отправленій? Когда этотъ первый вопросъ будетъ рѣшенъ, то останется разсмотрѣть далѣе, какимъ образомъ изъ комбинаціи первоначальныхъ или элементарныхъ сознательныхъ движеній и процессовъ ума развиваются болѣе сложныя непроизвольно-сознательныя дѣйствія его и какъ, параллельно, интеллектуальныя ощущенія превращаются въ конкретныя представленія, а конкретныя представленія о внѣшнемъ мірѣ въ конкретныя понятія?

Мы высказывали уже не разъ предположеніе, что первыя сознательныя умственныя движенія возникаютъ на почвѣ неоднократнаго воспроизведенія безсознательныхъ ассоціацій. Это уже и a priori понятно, ибо повтореніе безсознательныхъ ассоціативныхъ движеній ума не можетъ проходить въ сензоріумѣ безслѣдно. Ассоціативнымъ комбинаціямъ конкретныхъ представленій уже съ самаго начала конечно соотвѣтствуютъ извѣстныя ощущенія, но совершенно смутныя или безсознательныя: другими словами, безсознательныя ассоціативныя движенія ума оставляютъ извѣстные слѣды въ томъ спеціальномъ отдѣленіи сензоріума, которое по наслѣдственной организаціи нервной системы заправляетъ умственною дѣятельностью человѣка (ибо вѣдь и всѣ прочія механическія или рефлекторныя движенія организма необъяснимы безъ гипотезы безсознательныхъ ощущеній, служащихъ для нихъ импульсомъ); но слѣды эти, какъ и соотвѣтствующія имъ раздраженія, сначала имѣютъ исключительно физіологическій характеръ, и лишь съ накопленіемъ ихъ, т. е. съ ихъ ассоціаціей и интеграціей, возникаютъ сознательно-ощущаемыя умственныя движенія, т. е. сужденія. Опредѣлить моментъ этого перехода безсознательныхъ ощущеній умственныхъ движеній въ сознательныя, т. е. безсознательныхъ ассоціацій въ непроизвольно-сознательныя сужденія, можно однако только въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти условія могутъ быть до извѣстной степени различны. Иныя ассоціаціи въ теченіе всей жизни человѣка остаются безсознательными, другія напротивъ, когда умъ уже пріобрѣлъ ту степень развитія, на которой онъ способенъ къ сознательнымъ сужденіямъ, сразу являются сознательными. Чѣмъ развитѣе человѣкъ интеллектуально, тѣмъ конечно короче время, которое требуется для перехода безсознательныхъ ассоціацій въ сознательныя, и наоборотъ: чѣмъ онъ менѣе развитъ, тѣмъ труднѣе и медленнѣе совершается этотъ процессъ. Можно даже сказать, что иногда время, раздѣляющее безсознательную ассоціацію данныхъ представленій отъ сознательной ихъ ассоціаціи, есть величина безконечно малая, иногда напротивъ — безконечно большая (а именно, когда безсознательная ассоціація на всегда остается безсознательной), а между этими крайностями существуетъ масса переходныхъ ступеней. Слѣдовательно, задача наша можетъ состоять лишь въ открытіи какихъ-нибудь общихъ условій, дающихъ послѣдній толчекъ превращенію безсознательныхъ ассоціацій въ сознательныя, а отнюдь не въ опредѣленіи спеціальнаго

числа моментовъ, протекающихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ между тѣми и другими, ибо отъ него такое превращеніе всего менѣе зависитъ.

Намъ кажется, что если принять во вниманіе различіе между взаимными отношеніями отдѣльныхъ элементовъ мысли въ ассоціаціяхъ сознательныхъ, т. е. въ сужденіяхъ, и въ ассоціаціяхъ безсознательныхъ, то общія условія означеннаго превращенія не трудно будетъ опредѣлить. Въ ассоціаціяхъ безсознательныхъ раздѣльность ассоціируемыхъ ощущеній или представленій, хотя бы они и не разомъ, а послѣдовательно возникали въ сензоріумѣ, еще ясно не сознается, ибо въ томъ и состоитъ сущность безсознательныхъ ассоціацій, что онѣ неизвѣстно какимъ образомъ и на какомъ основаніи сплетаютъ отдѣльные элементы нашего опыта въ одинъ связный рядъ, въ одну общую картину. Въ ассоціаціяхъ же сознательныхъ, напротивъ, элементы нашего опыта являются раздѣленными, т. е. сознаются особо, какъ нѣчто самостоятельное; а такъ какъ уже самыя первоначальныя сужденія состоятъ изъ представленій (ср. стр. 148), то выходитъ, что раздѣленіе представленій, относящихся къ объектамъ опыта и есть главное условіе сознательныхъ ассоціацій. Это раздѣленіе представленій, т. е. дифференціація сложныхъ представленій безсознательной формаціи, на болѣе простыя по составу, какъ мы уже видѣли, сначала происходитъ тоже безсознательно (ср. стр. 125—126), вслѣдствіе новыхъ безсознательныхъ ассоціацій и соотвѣтствующихъ диссоціацій, т е. дизассоціацій между ощущеніями. Но когда сложное представленіе однажды безсознательно распалось на рядъ болѣе частныхъ единствъ ощущеній, то при новыхъ опытахъ и сопровождающемъ ихъ объективированіи частныхъ представленій во внѣшней средѣ, происходитъ неизбѣжно такое сосуществованіе ихъ въ сознаніи, при которомъ раздѣльность ихъ другъ отъ друга уже не можетъ укрыться отъ этого послѣдняго. Съ этого-то момента и начинается сознательная ассоціація представленій, т. е. возникаютъ сужденія, ибо сознательно раздѣленное во внѣшнемъ опытѣ уже не способно связаться вновь безсознательно, а должно или сообщиться сознательно или на всегда остаться разобщеннымъ. Однако, если мы примемъ во вниманіе, что безсознательно дифференцированныя представленія, прежде чѣмъ стать элементами сужденій, должны предварительно войти въ сосуществованіе другъ съ другомъ при посредствѣ чувственнаго опыта, то ясно, что собственно не эти безсознательно-дифференцированныя представленія, какъ таковыя, а сознательно-раздѣльныя воспріятія, въ которыхъ они отражаются,

служатъ настоящими элементами сужденій, т. е. сознательныхъ ассоціацій. Оттого мы и говорили въ свое время, что сознательный процессъ воспріятія служитъ первымъ условіемъ для развитія сознательнаго мышленія (ср. стр. 81—85). Продукты его, отдѣльныя воспріятія, правда не составляютъ, какъ видно теперь, самостоятельно развивающихся изъ ощущеній элементовъ сознанія, а суть только объективированныя, т. е. ставшія непосредственными, частныя представленія; другими словами, это суть лишь элементы самой мысли, изнутри вложенныя ею въ дѣйствительность; но всетаки безъ этого превращенія представленій въ воспріятія, т. е. безъ обратныхъ центробѣжныхъ и соотвѣтствующихъ имъ чисто периферическихъ познавательныхъ движеній, называемыхъ нами въ совокупности «процессами воспріятія», продукты безсознательныхъ ассоціацій не могутъ сдѣлаться элементами мышленія сознательнаго. А вслѣдствіе этого участія периферическихъ процессовъ воспріятія въ возникновеніи сознательныхъ ассоціацій, послѣднее между прочимъ находится въ зависимости и отъ развитія органовъ периферіи и отъ измѣненій въ самихъ внѣшнихъ объектахъ, ибо то и другое не только ускоряютъ процессъ дифференціаціи представленій, но и облегчаютъ обратное превращеніе этихъ послѣднихъ въ сознательно-раздѣльныя воспріятія. Такъ напр. измѣненіями во внѣшнихъ объектахъ всего удобнѣе объясняются многія неожиданныя для насъ сужденія ребенка, который, проходя ежедневно мимо извѣстныхъ предметовъ или явленій, долго не замѣчаетъ ихъ внѣшней или внутренней связи и вдругъ дѣлаетъ открытія о ихъ преемствѣ, смежности въ пространствѣ, тождествѣ или различіи, которыя и выражаетъ окружающимъ лицамъ въ формѣ предложеній — съ такимъ восторгомъ, какъ будто открылъ своего рода Америку. Взрослымъ этотъ восторгъ обыкновенно кажется наивнымъ, но если мы вникнемъ въ дѣло серіозно, съ цѣлью его разъясненія, то почти всегда должны будемъ придти къ выводу, что первоначальнымъ поводомъ къ превращенію безсознательныхъ ассоціацій въ сознательныя была какая-нибудь перемѣна въ отношеніи объектовъ опыта, перемѣна въ ихъ взаимномъ положеніи въ пространствѣ, появленіе среди нихъ чего-либо новаго или, напротивъ, изчезновеніе одного изъ прежнихъ звеньевъ въ ряду объектовъ, — наконецъ иногда даже только новое освѣщеніе ихъ, отчасти измѣнившее ихъ цвѣтъ или очертанія.

Итакъ ближайшій толчекъ къ развитію сознательныхъ ассоціацій или сужденій заключается въ процессѣ воспріятія, въ которомъ то, что

прежде ощущалось въ нераздѣльной связи, начинаетъ сознаваться, вслѣдствіе предшествующей безсознательной дифференціаціи представленій, какъ раздѣльное. Другими словами, ближайшая причина сознательной ассоціаціи представленій есть раздѣльная фиксація сознанія на ихъ объектахъ или раздѣльное направленіе на нихъ вниманія. Но замѣтимъ однако, что этотъ периферическій процессъ раздѣленія представленій отнюдь не должно смѣшивать съ центральнымъ или умственнымъ актомъ ихъ различенія, т. е. сознательной диссоціаціи: большая разница, сознавать ли объекты A и B, какъ два (а не какъ одно) или сознавать, что A отличается отъ B. Сознаваемое въ чувственномъ опытѣ раздѣльно можно и различать и отождествлять и мыслить въ преемствѣ или вообще въ какой-нибудь внѣшней связи. Между тѣмъ многіе психологи смѣшиваютъ до сихъ поръ эти два процесса, и оттого не разъ въ психологической литературѣ возникалъ нелѣпый споръ о томъ, что́ умъ нашъ дѣлаетъ прежде: различаетъ или отождествляетъ. Периферическій актъ сознательнаго раздѣленія представленій въ воспріятіи конечно предшествуетъ отождествляющимъ умственнымъ движеніямъ; но зато различающія движенія мысли всегда предваряются хотя бы минутными предположительными отождествленіями ея объектовъ, вслѣдствіе чего сужденія-диссоціаціи и могутъ происходить только на почвѣ сужденій-ассоціацій. Затѣмъ надо замѣтить еще и то, что если въ периферическомъ актѣ раздѣльнаго воспріятія лежитъ одно изъ главныхъ условій перехода безсознательныхъ ассоціативныхъ движеній въ сознательныя, то это условіе всетаки, какъ уже можно заключать изъ предшествующаго, не единственное: оно только даетъ послѣдній толчекъ для образованія сужденій и является ихъ conditio sine qua non. Другое же, внутреннее условіе сознательныхъ ассоціацій, какъ мы уже видѣли, заключается въ одновременномъ фактѣ пріобрѣтенія сензоріумомъ способности сознательно ощущать свои движенія: ибо, если бы такая способность не могла развиться, то раздѣленное въ чувственномъ опытѣ всетаки не въ состояніи было бы вновь сознательно сообщиться въ сужденіи; а для этого необходимо параллельное развитіе центральной чувствительности, которое и достигается, какъ мы говорили, воспроизведеніемъ или повтореніемъ однородныхъ безсознательныхъ ассоціативныхъ движеній, оставляющихъ слѣды въ сензоріумѣ. Но если такъ, то понятно между прочимъ, что единственными объектами первоначальныхъ сознательныхъ умственныхъ ощущеній могутъ быть только тѣ немногочисленные виды ассо-

ціативныхъ движеній, которые мы въ свое время разсмотрѣли, т. е. движенія ариѳметическаго и геометрическаго типа, что́ ясно уже и изъ того соображенія, что первоначальныя сужденія имѣютъ даже тотъ же матеріалъ, какъ и высшія безсознательныя ассоціаціи, а именно конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра. Понятно, что постоянныя повторенія безсознательныхъ ассоціативныхъ движеній, сообщающихъ эти представленія по внѣшней и внутренней смежности, сопровождаемыя безсознательными ощущеніями, наконецъ подготовятъ въ сензоріумѣ почву для сознательныхъ ощущеній этихъ движеній, и если вслѣдъ за сознательнымъ раздѣленіемъ представленій, при посредствѣ акта чувственнаго воспріятія, въ сензоріумѣ произойдетъ, вслѣдствіе присущей ему органической потребности или данныхъ внѣшнихъ условій, новая ихъ ассоціація, то эта ассоціація, отнынѣ уже совершится сознательно, т. е. будетъ сопровождаться сознательнымъ ощущеніемъ происходящаго движенія. Конечно при этомъ остается еще не вполнѣ понятнымъ, какимъ образомъ появленіе сознательно-раздѣльныхъ воспріятій обыкновенно совпадаетъ во времени съ сознательнымъ ощущеніемъ вновь сообщающаго ихъ умственнаго движенія, т. е. вслѣдствіе какихъ внутреннихъ причинъ переходъ периферическихъ и центральныхъ безсознательныхъ познавательныхъ движеній въ сознательныя происходитъ параллельно и одновременно; но самый фактъ этого параллелизма и одновременности, который можетъ быть вполнѣ разъясненъ, по нашему мнѣнію, только при содѣйствіи физіологіи, не подлежитъ сомнѣнію, ибо каждый человѣкъ собственнымъ опытомъ своимъ можетъ его повѣрить: какъ скоро воспріятіе разчленило элементы опыта, прежде безсознательно связанные, такъ сейчасъ же возникаетъ въ умѣ и сознательная ихъ ассоціація или диссоціація, т. е. сужденіе. Можетъ быть этотъ двоякій феноменъ объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что раздѣльное воспріятіе сопровождается тѣмъ же фактомъ обостреннаго сознанія, какъ и сознательныя центральныя ассоціаціи; другими словами, можетъ быть одновременность перехода периферическихъ и центральныхъ безсознательныхъ движеній въ сознательныя въ концѣ концевъ объясняется одною и тою же причиною, а именно увеличеніемъ, вслѣдствіе повторенія, интенсивности или силы познавательныхъ движеній, т. е. накопленіемъ умственной энергіи, — подобно тому, какъ накопленіе энергіи въ пищеварительныхъ органахъ одновременно дѣлаетъ болѣе сознательными и движенія органовъ, пережевывающихъ пищу

и растворяющихъ ее слюною, и отправленія органовъ пищеварительныхъ въ собственномъ смыслѣ[1])? Этотъ-то вопросъ именно и должна окончательно рѣшить физіологія, ибо только ей и доступно опредѣленіе дѣйствительныхъ условій скопленія умственной энергіи. Но, такъ или иначе, теперь кажется достаточно ясенъ тотъ фактъ, что для перехода безсознательныхъ ассоціацій въ сознательныя нужны двоякія общія условія, а именно столько же развитіе периферическихъ процессовъ воспріимчивости, дающихъ матеріалъ для сужденій, т. е. превращеніе движеній органовъ чувствъ изъ безсознательныхъ въ сознательныя, сколько и параллельное развитіе центральныхъ движеній, т. е. превращеніе безсознательныхъ ощущеній этихъ движеній (помощью интеграціи ихъ другъ съ другомъ) въ сознательныя.

Сдѣлавъ попытку, на сколько можно полнѣе выяснить трудный вопросъ объ условіяхъ самаго зарожденія сознательныхъ умственныхъ движеній, разсмотримъ теперь подробнѣе первоначальные виды или типы этихъ сознательныхъ движеній, или, что̀ то же, содержаніе интеллектуальныхъ ощущеній, ихъ сопровождающихъ. Мы уже упомянули, что эти ощущенія могутъ сначала имѣть объектомъ только разсмотрѣнные нами выше первоначальные типы умственныхъ движеній, т. е. типы ариѳметическій и геометрическій, ибо именно изъ накопленія слѣдовъ безсознательныхъ ощущеній этихъ движеній они и возникаютъ. Но въ такомъ случаѣ конечно и самые типы первыхъ ощущаемыхъ движеній, т. е. сужденій и умозаключеній, должны быть тѣ же самые, какъ и типы параллельныхъ безсознательныхъ ассоціацій и интеграцій. Это ясно, какъ мы сказали, и изъ того, что матеріалъ первыхъ сужденій тотъ же самый, какъ и матеріалъ высшихъ по содержанію безсознательныхъ ассоціацій (ср. выше, стр. 148). Другими словами, первыя сознательныя ассоціаціи въ тѣсномъ значеніи или сужденія-ассоціаціи должны быть движеніями: 1) сознательно устанавливающими внѣшнюю смежность или преемство представленій и 2) сознательно устанавливающими внутреннюю ихъ смежность или тождество. Точно также первыя сужденія-диссоціаціи должны быть движеніями, сознательно отвергающими 1) внѣшнюю

[1]) Извѣстно напр., что, при удовлетвореніи сильнаго голода, и вкусовыя ощущенія и органическія ощущенія въ пищепроводѣ и желудкѣ одновременно пріобрѣтаютъ большую ясность.

смежность представленій и 2) внутреннюю смежность ихъ, т. е. тождество, или, что́ то же, устанавливающихъ ихъ несмежность или различіе. Первыя сужденія-дизассоціаціи должны одновременно, устанавливая преемство или тождество однихъ простыхъ представленій, отрицать eo ipso преемство или тождество другихъ. Первыя умозаключенія-интеграціи должны, помощью законченнаго ряда сужденій, сознательно связывать представленія въ высшія единства внѣшняго или внутренняго характера. Первыя умозаключенія-дезинтеграціи должны также сознательно разрушать подобныя высшія единства, т. е. сложныя конкретныя представленія, — если предположительное образованіе ихъ оказалось недостаточно мотивированнымъ. Наконецъ, первыя умозаключенія-дифференціаціи должны, помощью сужденій-дизассоціацій, сознательно разчленять сложныя конкретныя представленія двоякаго типа на ихъ составные элементы. Параллельно этому, умственныя ощущенія, которыя дѣлаютъ всѣ упомянутыя движенія и преемства движеній сознательными, сначала имѣютъ конечно слѣдующее двоякое содержаніе: одни суть ощущенія движеній отождествляющихъ и различающихъ и ихъ совокупностей, т. е. ощущенія тождества и различія представленій; другія суть ощущенія движеній, устанавливающихъ или отрицающихъ внѣшнее преемство, и ихъ рядовъ, т. е. ощущенія преемства и отсутствія преемства воспріятій. Такая первоначальная простота интеллектуальныхъ ощущеній не представляетъ ничего необычайнаго, ибо и прочія ощущенія (периферическія) тоже вначалѣ весьма несложны; напр. глазъ ребенка, только-что родившагося, едва ли различаетъ что-либо болѣе, чѣмъ контрасты свѣта и тѣни, опредѣленности и отсутствія опредѣленности въ очертаніяхъ предметовъ, — не говоря уже о томъ, что есть, какъ извѣстно, организмы низшаго устройства, которые и вовсе не идутъ въ своемъ развитіи далѣе подобныхъ элементарныхъ ощущеній, напр. совершенно неспособны къ ощущеніямъ цвѣтовымъ. Интеллектуальныя же ощущенія человѣка только сначала такъ просты, а затѣмъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ума, во первыхъ, дифференцируются на новые виды, напр. ощущенія тождества воспріятій на спеціальныя ощущенія тождества воспріятій различныхъ классовъ (воспріятій зрительныхъ, слуховыхъ, вкусовыхъ и проч.), ощущенія преемства воспріятій на спеціальныя ощущенія преемства ихъ въ пространствѣ, во времени, во внѣшней средѣ, въ самомъ организмѣ и т. д.; далѣе, дифференцированныя спеціальныя умственныя ощущенія, во вторыхъ, разнообразно

комбинируются другъ съ другомъ, что̀ и ведетъ въ концѣ концевъ къ образованію конкретныхъ представленій о первичныхъ дѣйствіяхъ ума, т. е. о совокупностяхъ элементарныхъ его движеній.

Придя къ выводу, что интеллектуальныя ощущенія, по самому происхожденію своему изъ слѣдовъ безсознательныхъ движеній, первоначально имѣютъ объектами лишь двоякаго рода ассоціативныя умственныя движенія, разсмотрѣнныя нами выше, т. е. движенія типовъ ариѳметическаго и геометрическаго, и что сообразно съ этимъ и первыя сужденія и умозаключенія, т. е. сознательныя ассоціаціи, должны быть тѣхъ же двухъ типовъ, мы однако естественно должны признать въ то же время необходимость выраженія особыми формулами означенныхъ основныхъ типовъ сознательныхъ ассоціацій, ибо относительно бо́льшая сложность ихъ элементовъ и сознательность отношеній этихъ элементовъ несомнѣнно даетъ имъ и особаго рода отпечатокъ, сравнительно съ параллельными ассоціаціями безсознательными.

Прежде всего и общія названія — движеній «ариѳметическаго» и «геометрическаго» типа — для области сознательнаго мышленія не вполнѣ пригодны, ибо о простомъ сложеніи и помноженіи психическихъ явленій здѣсь уже не можетъ быть рѣчи: сложеніе замѣняется, такъ сказать, сознательнымъ расположеніемъ ихъ въ ряды и группы, помноженіе — сознательнымъ собираніемъ ихъ въ цѣпи и единства. Этимъ двоякимъ процессамъ, аналогичнымъ съ прежде отмѣченными, но не вполнѣ тождественнымъ съ ними, надо дать и особыя наименованія. Сужденія и умозаключенія перваго рода мы назовемъ сознательными ассоціаціями физическаго типа, ибо они отражаютъ въ себѣ внѣшнія или «физическія» отношенія объектовъ представленій; сужденія же и умозаключенія второго рода мы назовемъ сознательными ассоціаціями математическаго или алгебраическаго типа, ибо они лежатъ въ основаніи «математическаго» или алгебраическаго мышленія и всего удобнѣе могутъ быть выражены математическими или алгебраическими знаками (напр. знакомъ равенства и другими, составленными по аналогіи съ нимъ[1]).

---

[1]) На почвѣ анализа этихъ сужденій, или, вѣрнѣе говоря, предложеній, имъ соотвѣтствующихъ, и возникла такъ называемая математическая или алгебраическая логика.

Параллельно особымъ отвлеченнымъ названіямъ, слѣдуетъ найти и особые знаки для конкретнаго выраженія сужденій и умозаключеній физическаго и математическаго типовъ. Для выраженія всѣхъ вообще сознательныхъ ассоціацій и диссоціацій мы уже приняли знаки $\frown$ и $\subset$, соотвѣтствующіе знакамъ $\dashv\vdash$ и $\vdash\dashv$, въ сферѣ мышленія безсознательнаго. Но теперь параллельно дифференціаціи этихъ послѣднихъ на знаки $\dashv\vdash$ и $\vdash\dashv$, для выраженія ассоціацій и диссоціацій ариѳметическаго типа, и $\times$ и $\overset{\cdot}{\times}$ — для выраженія ассоціацій и диссоціацій типа геометрическаго, необходимо дифференцировать на такіе же два класса и знаки $\frown$ и $\subset$. Для сознательныхъ ассоціацій и диссоціацій типа физическаго мы опять оставимъ общіе знаки $\frown$ и $\subset$; для параллельныхъ ассоціацій и диссоціацій типа математическаго мы примемъ знаки $=$ и $\#$, выражая этимъ послѣднимъ опять ту идею, что сознательная диссоціація есть всегда лишь разрушеніе сознательной ассоціаціи. При помощи этихъ символовъ, общій характеръ и главные виды сужденій-ассоціацій, диссоціацій и дизассоціацій придется выразить слѣдующими формулами, въ которыхъ большія буквы X, Y, A, B и т. д. будутъ выражать идею конкретныхъ представленій или воспріятій, съ которыхъ начинается сознательное мышленіе (подобно тому, какъ въ прежнихъ формулахъ малыя буквы x, y, a, b и проч. выражали идею «ощущеній»):

1) Для сужденій-ассоціацій:

$$X \frown Y,\ Y \frown Z \ldots . \quad \begin{cases} A \frown B,\ B \frown C \ldots . \\ A_1 = A_2,\ A_2 = A_3 \ldots . \end{cases}$$

2) Для сужденій-диссоціацій:

$$X \subset Y,\ Y \subset Z \ldots \quad \begin{cases} A \subset B,\ B \subset C \ldots . \\ A_1 \# A_2,\ A_2 \# A_3 \ldots . \end{cases}$$

3) Для сужденій-дизассоціацій:

$$X \frown Z' = X \subset Z \quad \begin{cases} A \frown D = A \subset B \\ (A_1 = A_4) = (A_1 \# A_2) \end{cases}$$

Въ этихъ формулахъ ново еще и то, что мы повторяли въ каждой слѣдующей формулѣ ассоціаціи и диссоціаціи буквы, уже встрѣчав-

шіяся въ предыдущей: Это безусловно необходимо въ виду указанной нами сознательной раздѣльности представленій въ сужденіяхъ.

На тѣхъ же основаніяхъ могутъ быть составлены конечно и общія формулы умозаключеній-интеграцій, дезинтеграцій и дифференціацій:

1) Умозаключенія-интеграціи можно выразить слѣдующими формулами:

Общая: $$\left.\begin{array}{l} X \frown Y \\ Y \frown Z \\ \hline X \frown Z \end{array}\right\} = (X \frown Y + Y \frown Z + Z \frown X) = \boldsymbol{R}$$

Частныя: $$\left\{\begin{array}{l} 1.\ \left.\begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ \hline A \frown C \end{array}\right\} = (A \frown B + B \frown C + C \frown A) = \boldsymbol{M} \\ 2.\ \left.\begin{array}{l} A_1 = A_2 \\ A_2 = A_3 \\ \hline A_1 = A_3 \end{array}\right\} = (A_1 = A_2 + A_2 = A_3 + A_3 = A_1) = \boldsymbol{A}_{\mathrm{m}} \end{array}\right.$$

2) Умозаключенія-дезинтеграціи можно, параллельно, выразить слѣдующими схемами:

Общая: $$\left.\begin{array}{l} X \supset Y \\ Y \supset Z \\ \hline X \supset Z \end{array}\right\} = (X \supset Y + Y \supset Z + Z \supset X) = 1 - \boldsymbol{R}$$

Частныя: $$\left\{\begin{array}{l} 1.\ \left.\begin{array}{l} D \supset E \\ E \supset F \\ \hline D \supset F \end{array}\right\} = (D \supset E + E \supset F + F \supset D) = 1 - \boldsymbol{N} \\ 2.\ \left.\begin{array}{l} A_4 \# A_5 \\ A_5 \# A_6 \\ \hline A_4 \# A_6 \end{array}\right\} = (A_4 \# A_5 + A_5 \# A_6 + A_6 \# A_4) = 1 - \boldsymbol{A}_{\mathrm{n}} \end{array}\right.$$

Противъ этихъ послѣднихъ формулъ намъ конечно возразятъ старамъ логическимъ изреченіемъ «ex mere negativis nihil sequitur». Но мы должны опять напомнить, что анализъ нашъ имѣетъ дѣло не съ предложеніями, т. е. символами отношеній самихъ объектовъ, а съ сужденіями, какъ соотношеніями представленій о нихъ. Если мы созна-

тельно поставили въ извѣстную связь представленія X и Z, D и F, A_4 и A_6, на основаніи соотношеній представленій X и Y, Y и Z, далѣе D и E, E и F, наконецъ A_4 и A_5, A_5 и A_6, то конечно съ наступленіемъ диссоціацій между всѣми этими представленіями должны разрушиться и зависѣвшія отъ предшествующихъ ихъ ассоціацій связи упомянутыхъ прежде представленій, по скольку онѣ именно отъ нихъ зависѣли, — хотя объективно отсутствіе связи между предметами X и Y, Y и Z конечно еще не ручается за отсутствіе связи между предметами X и Z, точно также какъ отсутствіе преемства между объектами D и E, E и F не ручается и за отсутствіе преемства между D и F, и проч. Въ предложеніяхъ, составляемыхъ произвольно, мы конечно воздерживаемся, на основаніи извѣстныхъ опытовъ, отъ отрицанія преемства объектовъ D и F по причинѣ отсутствія преемства между D и E, E и F; но во первыхъ это воздержаніе имѣетъ значеніе именно только въ предложеніяхъ, стремящихся выразить объективныя соотношенія; во вторыхъ, оно находится въ связи съ произвольнымъ контролемъ познавательной дѣятельности, о которомъ пока еще не можетъ быть рѣчи, такъ какъ мы изслѣдуемъ непроизвольное мышленіе. Въ непроизвольномъ мышленіи сознательная дезинтеграція представленій $\boldsymbol{R}$, $\boldsymbol{N}$ и $\boldsymbol{A}_n$ должна совершиться въ такой же мѣрѣ, если произойдутъ только диссоціаціи между X и Y, D и E, A_4 и A_5 и неизбѣжно связанныя съ ними диссоціаціи между X и Z, D и F, A_4 и A_6, или только диссоціаціи между Y и Z, E и F, A_5 и A_6 и параллельныя диссоціаціи между X и Z, D и F, A_4 и A_6, или же одновременно: столько же диссоціацій между X и Y, D и E, A_4 и A_5, сколько и диссоціацій между Y и Z, E и F, A_5 и A_6, неизбѣжно разрушающія, вмѣстѣ взятыя, и вызванныя ими ассоціаціи между X и Z, D и F, A_4 и A_6. Если же потомъ, произвольнымъ актомъ мысли, эти послѣднія ассоціаціи и будутъ возстановлены, то во первыхъ это уже будетъ совершенно новая умственная работа; во вторыхъ, и тогда даже новыя непосредственныя ассоціаціи представленій X и Z, D и F, A_4 и A_6 (замѣнившія старыя, посредственныя) уже не возстановятъ интегрированныхъ единствъ $\boldsymbol{R}$, $\boldsymbol{N}$ и $\boldsymbol{A}_n$, ибо въ эти послѣднія входили прежде и не играющія болѣе никакой роли въ новыхъ ассоціаціяхъ представленія Y, E и A_5. Другими словами, эти возстановленныя вновь ассоціаціи будутъ уже простыми, единичными сужденіями, а не элементами интеграцій. Поэтому-то приведенныя нами выше формулы ничуть не ошибочны и являются на са-

момъ дѣлѣ единственно полными выраженіями сознательныхъ умозаключеній-дезинтеграцій[1]).

3) Для выраженія умозаключеній-дифференціацій двоякаго типа, физическаго и математическаго, можно употребить слѣдующія формулы, рядомъ съ которыми особо будутъ представлены и интеграціи, имъ предшествовавшія:

Умозаключенія-интеграціи: Умозаключенія-дифференціаціи:

1. $\left.\begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ C \frown D \\ D \frown E \\ E \frown F \\ \hline A \frown F \end{array}\right\} = P$

1. $\left.\begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ \hline A \frown C \end{array}\right\} = M \qquad \left.\begin{array}{l} D \frown E \\ E \frown F \\ \hline D \frown F \end{array}\right\} = N$

2. $\left.\begin{array}{l} A_1 = A_2 \\ A_2 = A_3 \\ A_3 = A_4 \\ A_4 = A_5 \\ A_5 = A_6 \\ \hline A_1 = A_6 \end{array}\right\} = A_p$

2. $\left.\begin{array}{l} A_1 = A_2 \\ A_2 = A_3 \\ \hline A_1 = A_3 \end{array}\right\} = A_m \qquad \left.\begin{array}{l} A_4 = A_5 \\ A_5 = A_6 \\ \hline A_4 = A_6 \end{array}\right\} = A_n$

Само собою очевидно, что эти умозаключенія-дифференціаціи основаны на слѣдующихъ сознательныхъ сужденіяхъ-дизассоціаціяхъ:

1. $A \frown C = C \bigcirc D$ и $D \frown F = F \bigcirc A$
2. $(A_1 = A_3) = (A_3 \# A_4)$ и $(A_4 = A_6) = (A_6 \# A_1)$.

Такимъ образомъ полная аналогія или однородность основныхъ типовъ безсознательныхъ ассоціацій и ассоціацій сознательныхъ (т. е. сужденій и умозаключеній), какъ намъ кажется, выяснена съ достаточ-

---

[1]) Къ тому же мы считаемъ возможнымъ доказать, что даже и въ примѣненіи къ предложеніямъ и къ произвольнымъ познавательнымъ актамъ принципъ ex mere negativis nihil sequitur отнюдь не является абсолютною истиною: точно также, какъ изъ предложеній D есть E, E не есть F, можно вывести, что D не есть F, — такъ изъ предложеній D не есть E, E не есть F, можно вывести предположеніе, что D можетъ быть есть F, — а развѣ предположительные выводы не суть выводы?

ною наглядностью. Теперь, согласно предположенному плану (ср. стр. 168), намъ остается сдѣлать сжатое обозрѣніе, такъ сказать, исторіи развитія сознательнаго мышленія, т. е. прослѣдить осложненіе простѣйшихъ сознательныхъ умственныхъ движеній въ болѣе сложныя и, одновременно, ощущеній этихъ движеній въ конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума; при этомъ параллельно выяснится и происхожденіе изъ конкретныхъ представленій о внѣшнихъ предметахъ новыхъ продуктовъ — конкретныхъ понятій объ объектахъ внѣшняго опыта.

Прежде всего припомнимъ, что сознательное мышленіе имѣетъ три главныя ступени (ср. стр. 128). Въ него входятъ:

1) процессы осложненія сознательно-раздѣльныхъ конкретныхъ представленій въ такія же представленія болѣе сложныя,

2) процессы интеграціи сложныхъ конкретныхъ представленій въ конкретныя понятія,

3) процессы непроизвольно-сознательнаго развитія менѣе сложныхъ конкретныхъ понятій въ болѣе сложныя.

Въ сферѣ интеллектуальной воспріимчивости, имѣющей объектомъ самыя умственныя движенія, этимъ моментамъ сознательнаго мышленія соотвѣтствуютъ:

1) ощущенія упомянутыхъ умственныхъ движеній,

2) простѣйшія конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума,

3) сложныя конкретныя представленія объ этихъ послѣднихъ, являющіяся продуктомъ безсознательной интеграціи представленій простѣйшихъ.

Чтобы пріобрѣсти сразу прочную основу для своего анализа, мы должны сначала точнѣе опредѣлить взаимное отношеніе трехъ идей о статическихъ элементахъ сознанія различной сложности, которыми опредѣляются ступени сознательнаго мышленія, — а именно идей объ ощущеніяхъ, конкретныхъ представленіяхъ и конкретныхъ понятіяхъ. Намъ замѣтятъ можетъ быть, что съ такого «точнаго» опредѣленія содержанія этихъ и подобныхъ идей слѣдовало начать анализъ мышленія и что мы нѣсколько поздно беремся за выполненіе только-что упомянутой задачи, такъ какъ уже столько разъ пользовались соотвѣтствующими терминами для выраженія состава различныхъ познавательныхъ процессовъ. Но мы не безъ основанія воздерживались до сихъ поръ отъ окончательнаго разграниченія содержанія этихъ

терминовъ и довольствовались лишь совершенно краткимъ его описаніемъ (ср. стр. 104), ибо думаемъ, что только при болѣе полномъ освѣщеніи процессовъ, помощью которыхъ образуются различные умственные продукты, взаимное отношеніе этихъ послѣднихъ можетъ быть вполнѣ точно формулировано. До сихъ поръ термины «ощущеній, конкретныхъ представленій, конкретныхъ понятій» и т. д. были для насъ, такъ сказать, лишь самыми общими названіями для неизвѣстныхъ еще результатовъ тѣхъ умственныхъ движеній различной сложности, основныя черты которыхъ мы изслѣдовали. Теперь же, выяснивъ эти основныя черты умственныхъ движеній, первичныхъ и вторичныхъ, мы можемъ уже точнѣе и глубже охарактеризовать отличительныя особенности ихъ продуктовъ, т. е. выяснить полнѣе содержаніе соотвѣтствующихъ имъ названій, а это конечно въ свою очередь послужитъ основою для дальнѣйшаго, болѣе спеціальнаго анализа сознательныхъ умственныхъ движеній. Вѣдь такое постоянное чередованіе анализа процессовъ природы и ихъ результатовъ, при восхожденіи отъ менѣе сложныхъ феноменовъ къ болѣе сложнымъ, уже и a priori совершенно натурально; а затѣмъ необходимость его подтверждается и всею исторіею естественно-научныхъ изслѣдованій, въ которыхъ всегда каждый новый шагъ въ анализѣ природы различныхъ движеній и «процессовъ» приводилъ къ болѣе ясному пониманію состава сложныхъ «явленій», и на оборотъ.

На сколько можно заключать изъ всего предшествующаго анализа, характеристическіе признаки различной сложности продуктовъ познавательной дѣятельности, могутъ быть отчасти выражены слѣдующими понятіями:

1) ощущенія — непосредственны;
2) конкретныя представленія образуются безсознательно;
3) конкретныя понятія развиваются сознательно;
4) отвлеченныя понятія составляются произвольно;
5) научныя идеи построяются методически.

Но съ другой стороны, уже изъ анализа тѣхъ процессовъ, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, можно заключить, что эти признаки имѣютъ значеніе не абсолютное, а лишь относительное. Дѣло въ томъ, что не всѣ ощущенія, какъ мы уже видѣли, вполнѣ непосредственны: есть и ощущенія составныя, т. е. являющіяся продуктомъ безсознательной интеграціи самыхъ непосредственныхъ, а именно безсознательныхъ, ощущеній (или атомовъ воспріятія). Напр. таковы

ощущенія, знакомящія насъ съ объемомъ предметовъ, ихъ разстояніемъ, ихъ тѣлесными очертаніями и т. д.: всѣ подобныя ощущенія, какъ извѣстно, составлены изъ безсознательной интеграціи элементарныхъ зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній. Точно также ощущеніе музыкальнаго аккорда есть тоже составное, а не единичное, совершенно непосредственное ощущеніе, и проч. Слѣдовательно ощущенія лишь отчасти непосредственны, отчасти же и они суть уже продукты безсознательной комбинаціи другихъ ощущеній. Такимъ же способомъ конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ, какъ мы уже говорили, частію представляютъ безсознательную интеграцію болѣе простыхъ элементовъ, а именно сознательныхъ ощущеній, частію являются уже низшими сознательными образованіями ума, т. е. продуктами сужденій и умозаключеній. Далѣе и конкретныя понятія, какъ мы нагляднѣе убѣдимся впослѣдствіи, будучи сначала продуктами непроизвольно-сознательныхъ сужденій и умозаключеній, могутъ впослѣдствіи возникать и развиваться и при помощи мышленія произвольнаго. И проч. Но если поэтому, выражаясь точно, мы должны сказать, что ощущенія — частію непосредственны, частію составлены безсознательно, конкретныя представленія частію суть безсознательныя, частію же сознательныя образованія ума; конкретныя понятія — частію сознательные, частію произвольные продукты мышленія и т. д., то необходимо конечно найти какіе-нибудь другіе признаки, которые бы болѣе опредѣленно выражали спеціальныя особенности тѣхъ трехъ психологическихъ идей, о которыхъ идетъ рѣчь.

Для этой цѣли припомнимъ общіе выводы, къ которымъ мы пришли въ «Психологіи чувствованій» (Глава XIII и XIV) при опредѣленіи отличительныхъ особенностей первичныхъ чувствъ, при сравненіи съ первоначальными чувствованіями, и вторичныхъ чувствъ при сравненіи съ первичными. Мы признали тогда, что первичныя чувства суть такіе аггрегаты первоначальныхъ чувствованій, въ которыхъ, такъ сказать, суммированы въ одно цѣлое различныя единичныя чувствованія (однороднаго момента), относящіяся къ одному и тому же органу тѣла, почему и говорили о необходимости периферической локализаціи этихъ первичныхъ чувствъ параллельно органамъ, къ которымъ они относятся. Вторичныя чувства оказались затѣмъ обобщенными первичными, въ которыхъ уже утрачена непосредственная связь съ тѣмъ органическимъ источникомъ, изъ котораго они первоначально образовались; эти вторичныя чувства, по происхожденію своему, при-

знаны результатомъ новой интеграціи нѣсколькихъ диффсренцированныхъ первичныхъ чувствъ одного класса. Если мы перейдемъ теперь къ вопросу о природѣ соотвѣтствующихъ по степени сложности явленій объективной воспріимчивости, т. е. ощущеній и идей, первичныхъ и вторичныхъ, или, что̀ то же, ощущеній, конкретныхъ представленій и конкретныхъ понятій, то и здѣсь окажется возможнымъ разграничить различныя образованія, если не помощью тѣхъ же самыхъ, то по крайней мѣрѣ при содѣйствіи подобныхъ же признаковъ. Такъ какъ объективная воспріимчивость непосредственно имѣетъ дѣло съ внѣшними, а не съ чисто внутренними отношеніями (накопленія и траты веществъ), на которыхъ основана воспріимчивость субъективная, то предметомъ ея оцѣнки являются конечно признаки или элементы самихъ вещей, а не отправленія нашихъ органовъ. Поэтому, если первоначальныя чувствованія имѣютъ дѣло съ единичными отправленіями нашихъ органовъ, а первичныя чувства съ совокупностями этихъ отправленій, то точно также ощущенія имѣютъ дѣло съ единичными признаками единичныхъ объективныхъ предметовъ и явленій, а конкретныя представленія или первичныя идеи съ совокупностями этихъ признаковъ, т. е. съ самими предметами и явленіями, ихъ свойствами и качествами. Точно также, если вторичныя чувства суть обобщенныя первичныя и если они уже не представляютъ непосредственной связи съ специфическими функціями того или другого органа, то вторичныя идеи или конкретныя понятія суть обобщенныя первичныя идеи или обобщенныя представленія, не имѣющія болѣе непосредственной связи съ тѣмъ или другимъ единичнымъ предметомъ, явленіемъ или ихъ свойствомъ, данными въ ближайшемъ нашемъ опытѣ: эти вторичныя идеи или конкретныя понятія соотвѣтствуютъ напротивъ уже группамъ предметовъ или явленій, ихъ свойствъ или качествъ, т. е. тѣмъ соотношеніямъ признаковъ, которыя подмѣчены нами при посредствѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ чувственныхъ опытовъ. При этомъ конечно и конкретныя понятія могутъ быть тѣхъ же двухъ основныхъ типовъ, какъ и конкретныя представленія, т. е. могутъ быть 1) аггрегатами представленій однородныхъ, т. е. связанныхъ по внутренней смежности, и 2) аггрегатами представленій разнородныхъ, т. е. связанныхъ по внѣшней смежности. Понятія перваго рода суть понятія о видахъ предметовъ и явленій, второго рода — о состояніяхъ и дѣйствіяхъ предметовъ и явленій, какъ постоянныхъ принадлежностяхъ этихъ послѣднихъ.

Прослѣдить подробнѣе процессъ образованія этихъ конкретныхъ понятій двоякаго типа, помощью непроизвольно-сознательныхъ сужденій и умозаключеній, и будетъ нашею главною задачею, ибо разсмотрѣнныя выше первоначальныя сужденія и умозаключенія даютъ въ результатѣ еще только болѣе сознательныя конкретныя представленія о единичныхъ предметахъ и явленіяхъ, ихъ свойствахъ и качествахъ. Но прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой задачи, надо отмѣтить еще тотъ существенный фактъ, что съ процессомъ развитія конкретныхъ понятій неразлучно образованіе именъ, т. е. развитіе человѣческой рѣчи, между тѣмъ какъ конкретнымъ представленіямъ о единичныхъ предметахъ еще никакихъ именъ не соотвѣтствуетъ, почему первоначальныя сужденія и умозаключенія, какъ мы уже и говорили, должны быть безсловесны или невыразимы правильною рѣчью, а развѣ выражаются отдѣльными звуками или восклицаніями, передающими субъективныя возбужденія человѣка, вызываемыя взаимодѣйствіемъ его съ единичными предметами внѣшняго міра. Такой субъективный стадій развитія языка, несомнѣнно предшествующій объективному (ср. Zaborowski, L'origine du langage. Paris, 1879, особ. Chap. IV) еще не знаетъ ни предложеній, ни тѣмъ болѣе періодовъ, и потому то величайшею безсмыслицею является обычай старой логики излагать теорію сужденій и умозаключеній съ самого начала при посредствѣ предложеній, составленныхъ изъ именъ, соотвѣтствующихъ понятіямъ. Только при помощи неопредѣленныхъ алгебраическихъ знаковъ, соотвѣтствующихъ еще не именамъ, а представленіямъ безъименнымъ, можно наглядно выразить природу первоначальныхъ сужденій и умозаключеній и объяснить, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый процессъ развитія именъ, т. е. словесныхъ представленій, символизирующихъ понятія. Безъименность конкретныхъ представленій вытекаетъ уже и изъ соображенія причины, вслѣдствіе которой возникаетъ потребность составленія именъ. Для чего въ самомъ дѣлѣ они нужны? Очевидно для того, чтобы какимъ-нибудь способомъ возстановить реальное единство содержанія мысли, утраченное ею въ процессѣ развитія понятій, т. е. для того, чтобы дать сознанію возможность «объективировать» и для самого себя и для другихъ людей эти новыя, весьма сложныя психическія образованія. Пока нашъ умъ имѣетъ дѣло съ одними конкретными представленіями о вещахъ, имена еще не нужны, ибо самъ умъ нашъ, комбинируя эти представленія, легко воспроизводитъ опредѣленные образы объектовъ, имъ соотвѣтствую-

щихъ, въ ихъ непосредственной реальности; если же онъ хочетъ обратить вниманіе другого человѣка на предметъ своего мышленія, то можетъ пользоваться для того указательными движеніями рукъ, звукоподражаніями и другими подобными средствами, которыхъ для первоначальнаго обихода человѣка, на примитивной ступени развитія его, вполнѣ достаточно. Но когда въ умѣ развиваются конкретныя понятія, т. е. такія образованія, которыя уже оторваны отъ непосредственно-данной дѣйствительности или отъ ближайшаго опыта, а опираются въ значительной мѣрѣ и на цѣлый рядъ прежнихъ опытовъ, одновременное воспроизведеніе содержанія которыхъ субъектомъ даже и въ собственномъ умѣ затруднительно, а въ сношеніяхъ съ другими субъектами и вовсе немыслимо, то и является необходимость конкретныхъ единичныхъ символовъ, которые бы объединяли результаты совокупности цѣлаго ряда опытовъ и облегчали тѣмъ самымъ столько-же собственную работу ума, сколько и сообщеніе ея продуктовъ другимъ людямъ. Такими символами и служатъ имена. Другими словами, имена суть лишь искусственно, хотя сначала совершенно инстинктивнымъ и непроизвольнымъ творческимъ актомъ ассоціаціи, составленныя конкретныя представленія, которыя замѣняютъ собою и вновь объединяютъ цѣлую совокупность другихъ, разрозненныхъ конкретныхъ представленій, интегрировавшихся въ одно высшее единство, называемое «конкретнымъ понятіемъ». Имена, слѣдовательно, суть искусственныя орудія единовременнаго объективированія понятій и, будучи сами конкретными представленіями, они конечно могутъ возникать только по мѣрѣ стушевыванія другихъ конкретныхъ представленій, въ присутствіи которыхъ они являлись бы уже не необходимостью, а прямою роскошью, безъ которой примитивный умъ не только можетъ, но и долженъ обходиться, чтобы не тормозить своего развитія ни къ чему ненужнымъ балластомъ. Послѣднее положеніе есть лишь выводъ изъ естественнаго закона экономіи силъ и труда въ организмѣ, которому впервые, въ сферѣ умственной дѣятельности, дали выраженіе еще средневѣковые номиналисты (въ особенности Вильгельмъ Оккамъ), говорившіе, что умъ не станетъ безъ надобности (praeter necessitatem) удваивать свои идеи. Однако же тогда, когда сознательный языкъ, какъ совокупность «именъ», вполнѣ образовался или вполнѣ усвоенъ человѣкомъ (отъ другихъ людей), то начинается пользованіе именами, т. е. символами понятій, и для болѣе точнаго обозначенія помощью ихъ комбинацій не только понятій, но и конкретныхъ представленій о единичныхъ предметахъ и явленіяхъ. Это

опять совершенно естественно и понятно, ибо, если языкъ уже сложился или вошелъ въ привычку, то онъ въ свою очередь является конечно болѣе легкимъ орудіемъ объективированія предметовъ мысли, особенно въ сношеніяхъ съ другими людьми, чѣмъ движенія рукъ и иныя подобныя первобытныя средства: произнесеніе комбинаціи словъ, вполнѣ усвоенныхъ и имѣющихъ совершенно опредѣленное содержаніе, уже требуетъ меньшей затраты силъ, чѣмъ поднятіе руки и вообще рядъ подобныхъ мускульныхъ движеній нашихъ членовъ съ цѣлью указанія на предметъ (какъ прежде на оборотъ было легче поднять руку, чѣмъ изобрѣсти новое слово!), — такъ что и такое вторичное, такъ сказать обратное, замѣщеніе движеній опять вытекаетъ изъ закона экономіи труда или силъ организма. Этою-то вторичною ролью языка, приспособляемаго постепенно къ выраженію всего вообще содержанія мысли, т. е. всѣхъ ея объектовъ, а именно даже и единичныхъ объектовъ непосредственнаго опыта (въ связи съ которыми образуются впослѣдствіи напр. и особыя, такъ называемыя собственныя имена, рядомъ съ нарицательными) и объясняется пожалуй отчасти то странное недоразумѣніе, въ силу котораго логика, т. е. наука о мышленіи, до сихъ поръ всегда обращалась съ языкомъ какъ съ готовымъ орудіемъ умственной дѣятельности, забывая, что на обязанности настоящей теоріи мысли должно лежать объясненіе психологическаго процесса самого происхожденія именъ, вслѣдствіе осложненія содержанія сужденій и умозаключеній.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, приступимъ къ выполненію поставленной нами выше задачи — обзора исторіи развитія сознательнаго мышленія въ главнѣйшихъ его фазисахъ.

Первая ступень этого сознательнаго мышленія, какъ мы уже говорили, заключается въ сознательномъ отождествленіи и различеніи однихъ простѣйшихъ представленій или воспріятій, и установленіи или отрицаніи преемства другихъ. Въ результатѣ этихъ первоначальныхъ сознательныхъ движеній получаются новыя представленія, болѣе сложныя. Если у ребенка напр. уже существуетъ смутное представленіе о красномъ цвѣтѣ, образовавшееся изъ безсознательной интеграціи отдѣльныхъ ощущеній, то сознательное отождествленіе каждаго новаго воспріятія краснаго цвѣта съ прежними воспріятіями его, а также и сознательное различеніе его отъ воспріятій другихъ цвѣтовъ конечно

будетъ все болѣе и болѣе увеличивать ясность этого представленія и, когда закончится извѣстный рядъ такихъ отождествленій и различеній, то прежнее, безсознательно возникшее и смутное представленіе о красномъ цвѣтѣ преобразуется въ совершенно сознательное и ясное, въ которомъ неизбѣжно будетъ мыслиться совокупность отождествленій и различеній, въ свое время нами сдѣланныхъ. Этимъ путемъ образуются въ умѣ ребенка всѣ раздѣльныя представленія о свойствахъ и качествахъ данныхъ въ опытѣ предметовъ и явленій, при чемъ надо замѣтить однако, что самого понятія о «свойствѣ», въ противуположность «цѣлому», къ которому оно относится, въ умѣ ребенка сначала еще не можетъ быть: въ сферѣ интеллектуальной воспріимчивости сознательно-сложнымъ представленіямъ этого математическаго типа соотвѣтствуютъ еще только ряды ощущеній отождествляющихъ и различающихъ умственныхъ движеній.

Точно такимъ же способомъ изъ цѣлаго ряда установленій и отрицаній преемствъ воспріятій образуются сознательно-сложныя представленія физическаго типа. Если у ребенка уже существуетъ смутное представленіе о какомъ-нибудь предметѣ, напр. о люлькѣ, въ которой онъ спитъ, то каждое сознательное сужденіе о преемствѣ воспріятій, относящихся къ этому предмету, и объ отсутствіи непосредственнаго преемства между этими воспріятіями и другими, относящимися къ сосѣднимъ, самостоятельно существующимъ предметамъ, будетъ увеличивать ясность упомянутаго представленія, при чемъ опять, съ заключеніемъ извѣстнаго круга такихъ сужденій, прежнее смутное представленіе о предметѣ сдѣлается вполнѣ яснымъ и сознательнымъ, такъ что въ немъ будетъ мыслиться опредѣленная совокупность сужденій, утверждающихъ и отрицающихъ рядъ преемствъ простѣйшихъ представленій. Этимъ способомъ образуются всѣ сознательныя представленія объ отдѣльныхъ предметахъ и явленіяхъ, при чемъ опять-таки конечно самого понятія о «предметѣ», какъ цѣломъ, содержащемъ въ себѣ извѣстные «элементы», въ умѣ ребенка сначала не существуетъ: въ области интеллектуальной воспріимчивости представленіямъ физическаго типа соотвѣтствуютъ сперва тоже только ряды ощущеній, имѣющихъ объектами умственныя движенія, устанавливающія и отрицающія преемства воспріятій.

Эти то простѣйшія сознательныя ассоціаціи и интеграціи представленій и выражаются тѣми формулами сужденій и умозаключеній, которыя приведены были нами выше (ср. стр. 177—180) и повторять которыя мы теперь больше не будемъ.

Стало быть, первоначальными результатами сознательнаго мышленія являются еще только болѣе сознательныя или отчетливыя сложныя конкретныя представленія. Объ отношеніи этихъ сложныхъ конкретныхъ представленій сознательнаго образованія къ сложнымъ представленіямъ безсознательной формаціи необходимо сказать еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ пойти дальше. Если мы припомнимъ, что воспріятія, т. е. объективированныя простѣйшія представленія, изъ которыхъ они слагаются, суть лишь результаты дифференціаціи сложныхъ представленій, безсознательно интегрировавшихся изъ совокупностей ощущеній (ср. стр. 170), то ясно, что въ началѣ по крайней мѣрѣ сложныя конкретныя представленія сознательнаго образованія должны быть лишь переинтеграціями сложныхъ представленій безсознательной формаціи; другими словами, каждое безсознательно-сложившееся конкретное представленіе о предметѣ можетъ, дифференцировавшись, вновь интегрироваться въ болѣе сознательное представленіе о томъ же предметѣ. Поэтому-то мы и говорили не разъ, что содержаніе сознательнаго мышленія сначала совершенно тождественно содержанію безсознательнаго мышленія — на высшей ступени его развитія. Однако эту тождественность надо понимать всетаки въ относительномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ бы ни были сложны по своему составу, т. е. по количеству входящихъ въ нихъ элементовъ, представленія, возникшія изъ интеграцій безсознательныхъ, — они всегда въ концѣ концевъ являются аггрегатами ощущеній, такъ какъ, если бы даже въ ихъ содержаніе входили другія представленія меньшаго объема, то по характеру состава этихъ послѣднихъ ясно, что они могутъ интегрироваться другъ съ другомъ въ одно цѣлое только при посредствѣ ряда ассоціацій между ощущеніями, ихъ составляющими, (отчего мы и утверждали въ свое время, что ступени безсознательнаго мышленія различаются только количествомъ однородныхъ ассоціативныхъ движеній, потребныхъ для образованія ихъ продуктовъ, ср. стр. 115—116, также 127). Напротивъ, какъ бы относительно просты по своему составу ни были сложныя представленія, интегрировавшіяся сознательно, ихъ элементами всегда являются другія простѣйшія представленія, лежащія въ основаніи сознательно-раздѣльныхъ воспріятій. Отсюда-то и вытекаетъ необходимость большей отчетливости и ясности, а также и полноты содержанія конкретныхъ представленій «сознательнаго» образованія. Отношеніе ихъ къ прежде разсмотрѣннымъ представленіямъ безсознательной формаціи можно сравнить съ отноше-

ніемъ болѣе простого органическаго и сложнаго неорганическаго тѣлъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же химическихъ элементовъ и все-таки весьма различныхъ другъ отъ друга, или съ отношеніемъ акварельныхъ рисунковъ, снятыхъ съ извѣстной мѣстности опытнымъ артистомъ и неопытнымъ еще ученикомъ его, или, наконецъ, съ отношеніемъ полотна, сотканнаго сложною машиной, къ тому, которое соткано руками деревенской бабы: матеріалъ и содержаніе во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ же самые, а результаты все-таки различны.

Такимъ образомъ весь процессъ развитія сложныхъ конкретныхъ представленій сознательнаго образованія можно изобразить слѣдующимъ способомъ: сначала ощущенія, интегрируясь другъ съ другомъ, даютъ въ результатѣ простѣйшія представленія безсознательной формаціи; эти послѣднія, интегрируясь въ бо́льшія группы, при участіи новыхъ ассоціацій тѣхъ же ощущеній, образуютъ изъ себя сложныя представленія безсознательной же формаціи; эти сложныя представленія затѣмъ снова дифференцируются на простыя, такъ сказать вторичныя, объективированіе которыхъ и служитъ основою для сознательно-раздѣльныхъ воспріятій; а новыя ассоціаціи и интеграціи этихъ послѣднихъ и даютъ въ результатѣ сложныя представленія сознательнаго круга, которыя поэтому-то и оказываются въ извѣстномъ смыслѣ лишь перенитеграціями сложныхъ представленій, возникшихъ на почвѣ безсознательнаго мышленія. При этомъ однако только сначала, и во всякомъ случаѣ не всегда, объективное содержаніе тѣхъ и другихъ совершенно тождественно: оно можетъ быть тождественно и должно быть всегда аналогично, но само собою разумѣется, что изъ дифференцированныхъ представленій безсознательной формаціи, т. е. изъ воспріятій, могутъ слагаться и новыя комбинаціи элементовъ опыта, никогда не встрѣчавшіяся въ формѣ «туманныхъ образовъ». Другими словами, пріобрѣтя разъ способность сознательно мыслить, мы можемъ затѣмъ и прямо составлять сложныя конкретныя представленія о новыхъ объектахъ опыта совершенно сознательно, минуя въ отдѣльныхъ случаяхъ моменты безсознательной интеграціи и дифференціаціи представленій (т. е. пользуясь уже готовыми результатами прежнихъ ихъ безсознательныхъ интеграцій и дифференціацій), а потомъ мы даже начинаемъ непроизвольно составлять и такія конкретныя представленія, которымъ никакихъ реальныхъ объектовъ не соотвѣтствуетъ (сознательное творческое мышленіе или сознательная дѣятельность воображенія). Неизбѣжно только одно, а именно то, что все-таки всѣ эле-

менты сознательнаго мышленія, въ сферѣ представленій, т. е. воспріятія, являются въ концѣ концевъ продуктами дифференціаціи сложныхъ представленій безсознательно-образовавшихся, а этотъ фактъ конечно вполнѣ совпадаетъ съ однажды уже выраженнымъ нами закономъ, по которому каждая высшая степень интеграцій предполагаетъ предварительную дифференціацію продуктовъ интеграцій низшихъ степеней (ср. Психол. чувствов., стр. 483—484, 531 и т. д.).

Теперь прослѣдимъ далѣе исторію развитія, на почвѣ сложныхъ конкретныхъ представленій сознательнаго образованія, новыхъ продуктовъ — конкретныхъ понятій. Уже a priori ясно, что и эти высшія по составу идеи, а именно идеи, названныя нами вторичными, предполагаютъ дифференціацію идей низшаго порядка, т. е. первичныхъ «сознательной» формаціи; другими словами, конкретныя понятія могутъ возникнуть лишь на почвѣ сознательно-дифференцированныхъ сложныхъ конкретныхъ представленій или на почвѣ представленій о частяхъ или элементахъ окружающихъ насъ предметовъ и ихъ свойствъ. Такія болѣе простыя сознательныя представленія объ элементахъ предметовъ и ихъ свойствъ, объективируемыя нами въ послѣдующихъ опытахъ, принимаютъ конечно также характеръ «непосредственныхъ воспріятій», но эти, такъ сказать, вторичныя воспріятія еще болѣе раздѣльны, чѣмъ первичныя, ибо разомъ сознается обособленность ихъ отъ бо́льшаго количества другихъ воспріятій, чѣмъ при первомъ, постепенномъ и медленномъ, сознательномъ разчлененіи объектовъ опыта. Иначе говоря, результатомъ сознательныхъ дифференціацій сложныхъ представленій являются сложныя сужденія, сразу устанавливающія принадлежность къ какому-нибудь сложному представленію о цѣломъ извѣстной совокупности болѣе простыхъ представленій о его частяхъ (ср. стр. 164). А потому, если два сложныя представленія о цѣлыхъ предметахъ, вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ условій, окажутся сосуществующими въ сознаніи, то на почвѣ упомянутыхъ сужденій, выражающихъ составъ ихъ частей, неизбѣжно должны развиться новыя, уже не единичныя умственныя движенія, а извѣстныя законченныя координаціи такихъ движеній, конечнымъ продуктомъ которыхъ и окажутся болѣе сложныя сужденія объ отношеніяхъ представленій о цѣлыхъ предметахъ, явленіяхъ, ихъ свойствахъ и качествахъ между собою: а эти сложныя сужденія въ свою очередь, соединяясь въ умозаключенія, и произведутъ упомянутую нами выше (ср. стр. 181) интеграцію соотвѣтствующихъ сложныхъ представленій въ конкретныя понятія.

Положимъ напр., что сосуществующими въ сознаніи оказались сложныя представленія M' и M'', составъ которыхъ, послѣ ихъ дифференціаціи, выразится въ сознаніи сложными сужденіями:

$$M' = (A' + B' + C')$$
$$M'' = (A'' + B'' + C'').$$

Очевидно изъ совмѣстной репродукціи этихъ двухъ сужденій въ сознаніи можетъ произойти цѣлый рядъ единичныхъ ассоціативныхъ умственныхъ движеній математическаго типа ($A' = A''$, $B' = B'' \ldots$), конечнымъ продуктомъ которыхъ явится новое сложное сужденіе о равенствѣ объектовъ представленій M' и M'', а если такихъ сужденій накопится цѣлый рядъ и затѣмъ, помощью этого ряда сужденій, сложныя представленія M', M'', M''' и т. д. интегрируются другъ съ другомъ въ одно единство, то очевидно въ результатѣ получится новое умственное образованіе опять уже высшей степени, напр. $\mathcal{M}$, которое мы и назвали конкретнымъ понятіемъ (о видѣ однородныхъ предметовъ).

Итакъ конкретныя понятія возникаютъ тогда, когда, вслѣдствіе сознательной дифференціаціи сложныхъ конкретныхъ представленій, появляются составленныя изъ цѣлаго ряда простѣйшихъ сознательныхъ ассоціативныхъ движеній болѣе сложныя дѣйствія ума, сообщающія между собою эти сложныя представленія. Другими словами, конкретныя понятія являются результатомъ интеграціи въ новыя единства дифференцированныхъ продуктовъ первоначальнаго сознательнаго мышленія, т. е. первичныхъ идей. Но эта интеграція, а затѣмъ разумѣется и продукты ея, какъ мы уже говорили (ср. стр. 184), могутъ быть опять двоякаго типа, ибо уже и самые элементы ихъ, т. е. первичныя идеи, имѣютъ двоякій типъ, физическій и математическій; поэтому процессъ развитія «конкретныхъ понятій» надо разсмотрѣть теперь подробнѣе, — тѣмъ болѣе, что онъ сопровождается, какъ мы упоминали, и измѣненіями или осложненіями въ сферѣ «внутренней» или интеллектуальной воспріимчивости.

Прежде всего желательно выразить точнѣе двоякаго вида сложныя сужденія, составляющія воспроизведеніе дифференціацій сложныхъ конкретныхъ представленій двоякаго типа (ср. стр. 180). Для этого мы употребимъ знаки $\supset$ и $>$, налѣво отъ которыхъ будемъ ставить сложныя представленія физическаго и математическаго типовъ, а на

право — болѣе простыя представленія, на которыя соотвѣтствующія сложныя сознательно дифференцировались. Если мы затѣмъ возьмемъ два сложныя представленія физическаго типа, т. е. о предметахъ или явленіяхъ внѣшняго міра, и два другія — типа математическаго, относящіяся къ свойствамъ или качествамъ этихъ предметовъ и явленій, то двоякаго вида «сужденія-воспроизведенія дифференціацій» выразятся слѣдующими двумя парами схемъ:

$$1.\quad \begin{aligned} M' &\supset A' + B' + C' \ldots . \\ M'' &\supset A'' + B'' + C'' \ldots . \end{aligned}$$

$$2.\quad \begin{aligned} A_m &> A_1 + A_2 + A_3 \ldots . \\ B_m &> B_1 + B_2 + B_3 \ldots . \end{aligned}$$

Если мы предположимъ затѣмъ, что между элементами каждыхъ двухъ однородныхъ сложныхъ представленій M' и M'', A_m и B_m существуютъ какія-нибудь положительныя отношенія (внѣшней или внутренней смежности), при посредствѣ которыхъ возможно сообщеніе и сложныхъ представленій M' и M'' съ одной стороны, A_m и B_m — съ другой, то уже разсуждая a priori, эти отношенія могутъ быть въ обоихъ случаяхъ двоякаго рода, а именно: столько же представленія A' и A'', B' и B'', C' и C'', сколько и представленія A_1 и B_1, A_2 и B_2, A_3 и B_3 могутъ находиться другъ другу какъ въ отношеніяхъ внутренней, такъ и въ отношеніяхъ внѣшней смежности. Однако тоже уже a priori ясно и то, что если элементы сложныхъ представленій физическаго типа M' и M'' войдутъ въ дальнѣйшія сообщенія другъ съ другомъ помощью новыхъ сужденій того же типа, то въ результатѣ можетъ получиться только новая интеграція представленій M', M'' и т. д. въ какое-нибудь еще болѣе сложное конкретное же представленіе того же типа. Точно также и изъ новыхъ сообщеній математическаго типа между элементами сложныхъ представленій того же типа, A_m и B_m, можетъ возникнуть опять лишь новая интеграція этихъ послѣднихъ въ еще большее по объему конкретное представленіе того же математическаго типа. Напр. если бы въ сознаніи въ одномъ случаѣ сосуществовали сложныя представленія физическаго типа M и N, въ другомъ — сложныя представленія A_m и A_n, дифференцированный составъ которыхъ выражался бы сужденіями:

$$1.\quad \begin{aligned} M &\supset A + B + C \\ N &\supset D + E + F \end{aligned}$$

$$2.\quad \begin{aligned} A_m &> A_1 + A_2 + A_3 \\ A_n &> A_4 + A_5 + A_6, \end{aligned}$$

то ясно, что новыя ассоціаціи физическаго типа между частными элементами первыхъ двухъ представленій ($A \frown D$, $B \frown E \ldots$.) и новыя ассоціаціи математическаго типа между частными элементами вторыхъ ($A_1 = A_4$, $A_2 = A_5 \ldots$.) могли бы только создать новыя, болѣе сложныя представленія тѣхъ же типовъ, напр. P и A_p, составъ которыхъ, въ случаѣ ихъ послѣдующей новой дифференціаціи, выразился бы схемами, вполнѣ аналогичными съ выше приведенными, — а именно:

$$\begin{aligned} P &\supset A + B + C + D + E + F \\ A_p &> A_1 + A_2 + A_3 + A_4 + A_5 + A_6. \end{aligned}$$

Такимъ образомъ приходится признать, что не всякія новыя сообщенія между элементами сложныхъ представленій того или другого типа могутъ служить источниками для образованія тѣхъ совершенно своеобразныхъ по природѣ умственныхъ явленій, которыя мы назвали конкретными понятіями. А именно: изъ законченныхъ рядовъ сообщеній между дифференцированными представленіями, входящими въ составъ сложныхъ, имѣющими тотъ же самый типъ, какъ и первоначальныя сообщенія, изъ которыхъ образовались эти послѣднія, могутъ получиться только продукты, однородные прежнимъ, т. е. опять таки представленія физическаго или математическаго типовъ, имѣющія такъ сказать лишь большій объемъ или большее число элементовъ, чѣмъ тѣ сложныя представленія, которыя косвенно вошли въ ихъ составъ. И это вполнѣ понятно, ибо на каждой ступени мышленія, какъ мы уже много разъ говорили, развитіе продуктовъ данной степени, въ смыслѣ объема, не имѣетъ никакихъ предѣловъ: если изъ простѣйшихъ воспріятій сознательно образуются сложныя конкретныя представленія, то изъ этихъ послѣднихъ, при посредствѣ новыхъ сознательныхъ ассоціацій между ихъ дифференцированными элементами, опять могутъ возникнуть конкретныя представленія болѣе сложнаго состава и т. д. въ безконечность (ср. стр. 128). Необходимость этого факта подтверждается впрочемъ также и указаннымъ

нами родствомъ между конкретными представленіями сознательной и безсознательной формаціи: относительно послѣднихъ мы вѣдь тоже принуждены были признать, что развитіе ихъ въ однородные продукты бо́льшаго объема не имѣетъ предѣловъ (ср. стр. 115).

Но если такъ, то значитъ относительно конкретныхъ понятій прежде всего необходимо установить законъ, что они могутъ развиться лишь на почвѣ такихъ ассоціацій между элементами сложныхъ представленій, которыя по своему типу противуположны ассоціаціямъ, изъ законченнаго ряда которыхъ возникли самыя эти сложныя представленія. И дѣйствительно: если мы предположимъ, что между элементами упомянутыхъ выше (стр. 193) представленій M' и M'', A_m и B_n возникнутъ слѣдующаго вида простѣйшія сознательныя ассоціаціи:

1. $A' = A''$ $B' = B''$ $C' = C''$

2. $A_1 \frown B_1$ $A_2 \frown B_2$ $A_3 \frown B_3$,

то ясно, что изъ законченныхъ рядовъ такихъ умственныхъ движеній, противуположныхъ по характеру движеніямъ, легшимъ въ основу означенныхъ сложныхъ представленій M' и M'', A_m и B_m должно образоваться нѣчто совершенно новое и своеобразное. Это новое прежде всего состоитъ уже и въ томъ, что самыя умственныя движенія и ихъ ощущенія, параллельно органической связи внѣшнихъ воспріятій въ сложныхъ представленіяхъ M' и M'', A_m и B_m, должны безсознательно интегрироваться въ единства движеній и интеллектуальныхъ ощущеній, т. е. въ первичныя дѣйствія ума и конкретныя представленія о содержаніи этихъ послѣднихъ: такъ, изъ законченнаго ряда отождествляющихъ движеній, имѣющихъ предметомъ простыя представленія, входящія въ составъ сложныхъ M' и M'', неизбѣжно составится сложное дѣйствіе ума, приравнивающее эти представленія M' и M'', а также и конкретное представленіе «интеллектуальнаго круга» о равенствѣ объектовъ мысли; изъ законченнаго ряда движеній, устанавливающихъ внѣшнюю смежность или преемство частныхъ элементовъ представленій A_m и B_m, возникнетъ сложное дѣйствіе ума, устанавливающее внѣшнюю зависимость этихъ представленій A_m и B_m и конкретное представленіе «интеллектуальнаго круга» — о зависимости объектовъ мышленія. Если мы для этихъ

сложныхъ дѣйствій ума и соотвѣтствующихъ имъ конкретныхъ представленій двоякаго типа примемъ и сложные знаки $\equiv$ и $\frown$, составленные изъ удвоенія предъидущихъ простыхъ ($=$ и $\smile$), то сложныя сужденія-ассоціаціи представленій M' и M'', A_m и B_m выразятся формулами:

$$M' = M''$$
$$A_m \frown B_m$$

Полное же развитіе этихъ сужденій очевидно можно будетъ изобразить слѣдующими схемами:

1. $A' = A''$ $B' = B''$ $C' = C''$ / $(A'+B'+C') \equiv (A''+B''+C'')$ / $M' \equiv M''$

2. $A_1 \smile B_1$ $A_2 \smile B_2$ $A_3 \smile B_3$ / $(A_1+A_2+A_3) \frown (B_1+B_2+B_3)$ / $A_m \frown B_m$

Изъ этихъ двухъ схемъ опять одна (первая) представляетъ развитіе сложныхъ сознательныхъ сужденій математическаго типа, другая — сложныхъ сознательныхъ сужденій типа физическаго.

Нечего и говорить теперь, что рядомъ съ разсмотрѣнными сложными сужденіями-ассоціаціями, развиваются совершенно подобнымъ же способомъ и сложныя сужденія-диссоціаціи того же двоякаго типа, общее теченіе которыхъ, при посредствѣ составленныхъ по аналогіи съ прежними знаковъ $\#$ и $\circledcirc$, можно изобразить слѣдующими схемами:

1. $M \supset A+B+C$ $N \supset D+E+F$ / $A \# D$ $B \# E$ $C \# F$ / $(A+B+C) \# (D+E+F)$ / $M \# N$

2. $A_m > A_1+A_2+A_3$ $D_m > D_1+D_2+D_3$ / $A_1 \subset D_1$ $A_2 \subset D_2$ $A_3 \subset D_3$ / $(A_1+A_2+A_3) \circledcirc (D_1+D_2+D_3)$ / $A_m \circledcirc D_m$

Затѣмъ конечно, рядомъ съ сложными сужденіями-ассоціаціями и диссоціаціями, возможны и параллельныя сложныя сужденія-дизассоціаціи, которыя можно выразить формулами:

$$1.\ (M' \Subset M'''') = (M' \# M'')$$
$$2.\ (A_m \frown D_m) = (A_m \circledcirc E_m),$$

А изъ соединенія всѣхъ отмѣченныхъ сложныхъ сужденій-ассоціацій, диссоціацій и дизассоціацій въ законченные ряды и возникаютъ, уже извѣстными намъ способами, умозаключенія-интеграціи сложныхъ представленій въ новые продукты — конкретныя понятія двоякаго типа, умозаключенія-дезинтеграціи этихъ конкретныхъ понятій (предположительно составленныхъ) и умозаключенія-дифференціаціи ихъ на конкретныя понятія меньшаго объема. Если для изображенія конкретныхъ понятій математическаго типа мы примемъ знаки $\mathcal{M}_1$, $\mathcal{N}_1$, $\mathcal{P}_1$ и т. д., а для конкретныхъ понятій физическаго типа — знаки $\mathcal{S}'$, $\mathcal{H}'$, $\mathcal{K}'$ и другіе подобные, то означенные сложные процессы сознательныхъ интеграцій представленій въ конкретныя понятія двоякаго типа, а также дезинтеграцій и дифференціацій этихъ послѣднихъ, можно будетъ выразить слѣдующимъ рядомъ сокращенныхъ схемъ:

1) Сложныя умозаключенія-интеграціи:

$$(M' \Subset M'' + M'' \Subset M''' + M' \Subset M''') = \mathcal{M}_1$$
$$(A_m \frown B_m + B_m \frown C_m + A_m \frown C_m) = \mathcal{S}'$$

2) Сложныя умозаключенія-дезинтеграціи:

$$(N' \# N''' + N''' \# N^V + N' \# N^V) = 1 - \mathcal{N}_1$$
$$(A_m \circledcirc C_m + C_m \circledcirc E_m + A_m \circledcirc E_m) = 1 - \mathcal{H}'$$

3) Сложныя умозаключенія-дифференціація:

$$\mathcal{P}_1 = (\mathcal{M}_1 + \mathcal{N}_1) \text{ или } \mathcal{P}_1 > \mathcal{M}_1 + \mathcal{N}_1$$
$$\mathcal{K}' = (\mathcal{S}' + \mathcal{H}') \text{ или } \mathcal{K}' \supset \mathcal{S}' + \mathcal{H}',$$

причемъ полное развитіе этихъ сложныхъ умозаключеній-дифференціацій пришлось бы конечно изобразить, при посредствѣ новыхъ болѣе сложныхъ знаковъ, нами принятыхъ, совершенно также, какъ изображено выше развитіе первоначальныхъ по составу умозаключеній-дифференціацій (ср. стр. 180).

Однако всѣхъ приведенныхъ только-что схемъ еще далеко недостаточно, чтобы вполнѣ исчерпать всѣ направленія, въ которыхъ развиваются вторичныя идеи или конкретныя понятія Мы уже говорили выше, что, чѣмъ сложнѣе становится матеріалъ умственной дѣятельности, тѣмъ бо́льшимъ является количество направленій, въ которыхъ совершается работа мысли (ср. выше стр. 168). Доказать это не трудно, ибо читатель вѣроятно уже и самъ замѣтилъ, что мы до сихъ поръ разбирали лишь тѣ случаи сложныхъ ассоціацій между представленіями, которыя возникаютъ изъ однородныхъ умственныхъ движеній и сопровождаются интеграціями соотвѣтствующихъ имъ однородныхъ интеллектуальныхъ ощущеній; но возможно конечно и то, что интегрирующіяся въ одно цѣлое простѣйшія сознательныя умственныя движенія и ощущенія разнородны. Другими словами, и сложныя дѣйствія ума и конкретныя представленія объ отношеніяхъ объектовъ мысли, имъ соотвѣтствующія, какъ всѣ вообще психическія явленія, тоже могутъ возникать изъ ассоціацій, диссоціацій, интеграцій (и проч.) двоякаго типа, т. е. основанныхъ столько же на внѣшней, сколько и на внутренней смежности своихъ элементовъ, а это въ свою очередь значитъ, что первичныя дѣйствія ума и первичныя идеи объ этихъ дѣйствіяхъ могутъ быть тоже двухъ типовъ, ариѳметическаго и геометрическаго, какъ и всѣ прочія психическія явленія первой степени.

Такимъ образомъ, если изъ однородныхъ отождествляющихъ движеній ума, или же движеній, устанавливающихъ внѣшнія преемства воспріятій, входящихъ въ составъ сложныхъ представленій, и изъ ощущеній этихъ движеній развиваются, путемъ безсознательныхъ ассоціацій геометрическаго типа, сложныя дѣйствія ума, приравнивающія упомянутыя представленія и устанавливающія зависимость ихъ другъ отъ друга, а также и первичныя идеи объ отношеніяхъ равенства и зависимости, а изъ однородныхъ движеній, различающихъ и отвергающихъ преемства воспріятій, и соотвѣтствующихъ имъ умственныхъ ощущеній, развиваются сложныя дѣйствія ума, устанавливающія неравенство и отсутствіе зависимости между объектами сложныхъ представленій, а въ связи съ ними параллельно и первичныя отрицательныя идеи о неравенствѣ и независимости этихъ объектовъ (имѣющія тотъ же геометрическій типъ), то изъ интеграціи разнородныхъ умственныхъ движеній и ощущеній, должны развиваться уже иныя сложныя дѣйствія ума и идеи интеллектуальнаго круга, имѣющія типъ ариѳметическій. Предположимъ напр.,

что сосуществованіе какихъ-нибудь сложныхъ представленій вызываетъ разнородныя умственныя движенія, въ одномъ случаѣ частію отождествляющія, частію различающія, въ другомъ — частію устанавливающія, частію отвергающія внѣшнія преемства воспріятій; изъ интеграцій этихъ разнородныхъ движеній, ассоціирующихся другъ съ другомъ уже по типу ариѳметическому, очевидно не могутъ уже возникнуть сложныя дѣйствія ума, устанавливающія полное равенство, неравенство, зависимость или независимость объектовъ нашего опыта. Но зато этимъ именно способомъ развиваются хотя и аналогичныя съ ними по составу, но далеко не тождественныя, идеи сходства и несходства, связи и отсутствія связи объектовъ мысли, а также и идеи ихъ противуположности и параллелизма, при чемъ отношеніе всѣхъ этихъ новыхъ идей интеллектуальнаго круга, имѣющихъ ариѳметическій типъ, къ прежнимъ, типа геометрическаго, можетъ сдѣлаться совершенно понятнымъ изъ слѣдующихъ соображеній. Въ идеѣ сходства сознаніе отождествляющихъ движеній очевидно преобладаетъ надъ сознаніемъ движеній различающихъ, въ идеѣ несходства — обратно, въ идеѣ же противуположности лежитъ сознаніе извѣстнаго равновѣсія тѣхъ и другихъ; точно также въ идеѣ связи преобладаетъ сознаніе положительныхъ движеній, устанавливающихъ преемства, надъ сознаніемъ отрицательныхъ движеній, отвергающихъ преемства воспріятій, въ идеѣ отсутствія связи — наоборотъ, а въ идеѣ параллелизма заключается опять сознаніе нѣкотораго равновѣсія тѣхъ и другихъ ассоціативныхъ движеній. Но при этомъ не должно однако упускать изъ виду, что сначала всѣ эти идеи объ отношеніяхъ объектовъ опыта, столько же геометрическаго, сколько и ариѳметическаго типа, будучи продуктомъ безсознательныхъ ассоціацій и интеграцій умственныхъ ощущеній, совершенно смутны или туманны, какъ всѣ вообще конкретныя представленія безсознательной формаціи. На ступени непроизвольно-сознательнаго мышленія имъ не соотвѣтствуетъ еще конечно никакихъ опредѣленныхъ названій, и если мы обозначали ихъ тѣмъ не менѣе совершенно опредѣленными терминами «равенства, неравенства, сходства, противуположности, зависимости» и т. д., соотвѣтствующими въ сущности лишь позднѣе возникающимъ конкретнымъ понятіямъ о дѣйствіяхъ ума, то это было вызвано лишь научными цѣлями нашего анализа и можетъ быть оправдано совершенно тѣми же соображеніями, которыми мы въ свое время мотивировали, въ «Психологіи чувствованій», обозначеніе пер-

вичныхъ чувствъ (съ цѣлью ихъ классификаціи) именами вторичныхъ (ср. Псих. чувств., стр. 508—512): въ настоящемъ случаѣ намъ пришлось точно также для обозначенія первичныхъ идей интеллектуальнаго круга пустить въ ходъ термины, соотвѣтствующіе вторичнымъ идеямъ того же круга. Не тому же ли самому пріему слѣдуетъ и химикъ, когда онъ называетъ единичную частицу вещества, которую въ данной моментъ демонстрируетъ, «кислородомъ» или «азотомъ», и физіологъ, когда онъ называетъ единичное животное, надъ которымъ производится какой-нибудь экспериментъ — «лягушкою» или «кроликомъ» и т. д., хотя всѣ эти имена очевидно соотвѣтствуютъ не единичнымъ представленіямъ, съ которыми въ данную минуту имѣютъ дѣло и самъ ученый экспериментаторъ и его слушатели, а сложнымъ группамъ такихъ представленій, т. е. понятіямъ?

Итакъ сложныя сужденія объ отношеніи сложныхъ представленій уже гораздо разнообразнѣе въ своихъ видахъ, чѣмъ первоначальныя сознательныя сужденія объ отношеніи простѣйшихъ представленій, а вслѣдствіе этого конечно разнообразнѣе и типы соотвѣтствующихъ имъ умозаключеній, а равно и положительные и отрицательные продукты этихъ послѣднихъ. Вѣдь изъ законченныхъ рядовъ сужденій о сходствѣ, несходствѣ, связи, отсутствіи связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ объектовъ сложныхъ представленій образуются тоже умозаключенія-интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, но понятія, являющіяся продуктами этихъ послѣднихъ имѣютъ разумѣется иное содержаніе, чѣмъ понятія прежде разсмотрѣнныя. И этимъ именно способомъ объясняется извѣстное каждому человѣку разнообразіе конкретныхъ понятій о видахъ предметовъ и явленій, о ихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ, съ точки зрѣнія характера и количества частныхъ связей, внѣшнихъ или внутреннихъ, скрѣпляющихъ элементы этихъ понятій между собою.

Однако, несмотря на безконечное разнообразіе своего состава, всѣ конкретныя понятія, какъ мы видѣли, распадаются на два главные типа: одни, математическаго типа, суть понятія о видахъ предметовъ и явленій внѣшняго міра; другія, физическаго типа, суть понятія о состояніяхъ и дѣйствіяхъ предметовъ и явленій. Что эти послѣднія имѣютъ дѣйствительно физическій типъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ. Положимъ, мы имѣемъ конкретныя понятія о состояніи блеска однихъ предметовъ и о дѣйствіи плаванія другихъ. Очевидно въ каждомъ изъ этихъ понятій, образующихся сперва совершенно непроизвольно въ умѣ каждаго человѣка, помощью

извѣстной совокупности сообщеній сознательно-раздѣльныхъ воспріятій, должны быть органически связаны по внѣшней смежности различныя сложныя представленія математическаго типа, ибо въ первомъ случаѣ мыслятся сосуществующія рядомъ во многихъ предметахъ, т. е. совмѣстно повторяющіяся въ нашихъ опытахъ, разнородныя представленія о переливахъ свѣта и тѣни, во второмъ случаѣ — сосуществующіе въ другихъ предметахъ, т. е. опять неразлучно другъ отъ друга повторяющіяся въ нашихъ опытахъ, представленія о разнородныхъ движеніяхъ, какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ предѣловъ данныхъ предметовъ (т. е. въ самой водѣ). Соотвѣтствующія этимъ представленіямъ внѣшнія явленія оказываются нѣсколько разъ подъ рядъ смежными въ пространствѣ или времени, а отсюда уже мы и заключаемъ къ зависимости объектовъ сложныхъ представленій математическаго типа, соотвѣтствующихъ повторяющимся во многихъ внѣшнихъ предметахъ соединеніямъ свойствъ. Другими словами, каждое понятіе о состояніи или дѣйствіи предметовъ является результатомъ сложныхъ ассоціацій по внѣшней смежности между представленіями математическаго типа — о ихъ свойствахъ или качествахъ: сознаніе постояннаго внѣшняго сосуществованія или преемства (т. е. зависимости) этихъ свойствъ или качествъ предметовъ и даетъ въ результатѣ конкретныя понятія о ихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ.

Выяснивъ общій процессъ развитія первыхъ конкретныхъ понятій, а также и ихъ основные типы, мы уже не станемъ подробно разбирать дальнѣйшаго процесса развитія этихъ первыхъ конкретныхъ понятій въ другія конкретныя понятія, болѣе сложныя, при посредствѣ новыхъ дифференціацій и интеграцій элементовъ простѣйшихъ понятій другъ съ другомъ, ибо эта третья и послѣдняя ступень непроизвольно-сознательнаго мышленія (ср. стр. 128 и 181) никакихъ оригинальныхъ чертъ не представляетъ. Дифференцированныя конкретныя понятія вновь интегрируются въ конкретныя понятія бо́льшаго объема опять при посредствѣ тѣхъ простѣйшихъ представленій или воспріятій, которыя входятъ въ ихъ составъ, и эти процессы и ихъ продукты отличаются отъ прежде разсмотрѣнныхъ лишь количествомъ ассоціируемыхъ элементовъ и ассоціирующихъ движеній. Точно также, параллельно, и сложныя конкретныя представленія интеллектуальнаго круга, помощью которыхъ устанавливаются отношенія простыхъ конкретныхъ понятій между собою, отличаются отъ прежде разсмотрѣнныхъ простыхъ лишь количественно, а не качественно, и являются продуктомъ ихъ дифференціацій и новыхъ интеграцій.

Но зато безусловно необходимо еще разъ воротиться къ вопросу объ образованіи именъ, сопровождающемъ процессъ развитія понятій, такъ какъ эти новые результаты познавательной дѣятельности играютъ важную роль въ послѣдующихъ, болѣе сложныхъ, произвольныхъ и методическихъ дѣйствіяхъ ума.

Мы уже говорили, что «имена» суть тоже конкретныя представленія, только особой, такъ сказать «звуковой» сферы, и притомъ большею частью эти представленія составлены непроизвольно-инстинктивнымъ творческимъ актомъ мысли, т. е. помощью безсознательныхъ построительныхъ ассоціацій (ср. стр. 116--117). Называя имена «представленіями», мы разумѣли конечно только тѣ внутреннія сочетанія звуковъ, какъ слуховыхъ ощущеній, которыя служатъ импульсомъ для периферическихъ движеній нашихъ голосовыхъ органовъ и въ формѣ которыхъ воспринимаются нами также и движенія голосовыхъ органовъ другихъ лицъ: самыя же движенія, какъ результаты и какъ объекты этихъ внутреннихъ сочетаній звуковыхъ ощущеній, мы въ этомъ сочиненіи оставляемъ въ сторонѣ, ибо вообще рѣшились ограничиться на первый разъ лишь болѣе подробнымъ анализомъ центральныхъ (или умственныхъ) познавательныхъ движеній и ихъ продуктовъ. Итакъ вопросъ состоитъ въ томъ, какъ и когда образуются конкретныя представленія той звуковой сферы, которыя пріобрѣтаютъ послѣ значеніе именъ, т. е. символовъ понятій, и далѣе, какимъ способомъ эти конкретныя представленія, разъ образовавшись, неизбѣжно дѣлаются постоянными спутниками и замѣстителями означенныхъ понятій? Мы представляемъ себѣ этотъ любопытный психологическій процессъ слѣдующимъ способомъ.

Когда сложныя, сознательно-составленныя конкретныя представленія о единичныхъ элементахъ нашего опыта, помощью сложныхъ же ассоціацій между собою, связались въ тѣ новыя высшія единства, которыя мы называемъ конкретными понятіями, то разумѣется, по ограниченности горизонта, доступнаго въ каждый отдѣльный моментъ нашему сознанію, а также вслѣдствіе присущей ему потребности объективировать свое содержаніе въ какихъ-нибудь реальныхъ образахъ, многія частныя представленія, входящія въ составъ означенныхъ понятій, весьма скоро стушевываются и отходятъ въ сознаніи нашемъ на задній планъ, и лишь нѣкоторыя, наиболѣе яркія и всего легче воспроизводимыя по условіямъ нашего опыта представленія остаются въ памяти и служатъ формами, въ которыхъ понятія обыкновенно мыслятся и объективируются нами въ

дѣйствительно окружающей насъ средѣ. Представленія эти могутъ быть сначала всевозможнаго качества и характера: зрительныя, слуховыя и всякихъ иныхъ сферъ. Но уже a priori ясно, что если представленія какой-нибудь сферы являются болѣе легкими и удобными во всѣхъ отношеніяхъ орудіями для запоминанія, воспроизведенія и объективированія понятій, то въ борьбѣ съ другими представленіями, служащими для той же цѣли, они имѣютъ наиболѣе шансовъ одолѣть и стать постепенно единственными символами понятій: а такъ какъ представленія звуковой сферы несомнѣнно обладаютъ многими удобствами сравнительно со всѣми прочими, ибо сложные животные организмы отъ природы обладаютъ готовыми «аппаратами» для вполнѣ точнаго воспроизведенія ихъ внѣшнимъ образомъ (путемъ звукоподражанія), то и не подлежитъ сомнѣнію, что они постепенно должны занять первенствующее мѣсто, какъ орудія воспроизведенія и объективированія понятій. Поэтому-то позднѣе постоянными и всеобщими символами этихъ послѣднихъ и становятся постепенно упомянутыя представленія звуковой сферы, т. е. имена, которыя сначала конечно образуются изъ ассоціацій дѣйствительныхъ звуковыхъ ощущеній, исходящихъ отъ различныхъ объектовъ понятій, а затѣмъ уже, по аналогіи съ этими «усвоительными» ассоціаціями, составляются непроизвольно и инстинктивно, но все же искуственно, т. е. помощью творческихъ или построительныхъ движеній ума, и для символизированія понятій, объекты которыхъ непосредственно можетъ-быть никакихъ звуковыхъ ощущеній не вызываютъ, да иногда даже по природѣ своей и не способны вызывать. Дальнѣйшему же закрѣпленію этихъ звуковыхъ представленій за извѣстными понятіями въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ и наслѣдственно возрастающая способность сложныхъ организмовъ произвольно порождать звуковыя ощущенія и представленія въ другихъ организмахъ (помощью извѣстныхъ голосовыхъ движеній), такъ какъ этимъ способомъ звуковые символы въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи неизбѣжно становятся все болѣе или болѣе неотъемлемою принадлежностью понятій: въ человѣческомъ обществѣ, члены котораго уже обладаютъ упомянутою способностью къ сложнымъ голосовымъ движеніямъ, ребенокъ съ самаго начала, слыша постоянно, при знакомствѣ съ различными предметами, извѣстныя сочетанія звуковъ, невольно вплетаетъ ихъ какъ неотъемлемый ингредіентъ въ составъ сложныхъ представленій, а затѣмъ и понятій, которыя въ его умѣ образуются, вовсе уже и не сознавая различія между частными представленіями, непосредственно

воспринимаемыми имъ во внѣшнемъ опытѣ (отъ самыхъ вещей), и этими представленіями, извнѣ навязываемыми ему окружающими его одушевленными существами. Эти представленія-имена онъ считаетъ какъ бы тоже естественными произведеніями самой природы, подобно тому, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ онъ сначала неспособенъ различать искусственныхъ созданій человѣческаго ума отъ естественныхъ произведеній природы: камень ли или кирпичъ, кукла или живое дитя, имя или естественное свойство предмета — все это для ребенка, родившагося въ культурной средѣ, равноправные элементы дѣйствительности и ихъ существенное различіе другъ отъ друга онъ узнаетъ и научается ясно понимать лишь гораздо позднѣе.

Но тогда конечно между «первоначальнымъ образованіемъ» звуковыхъ представленій или именъ, символизирующихъ понятія, въ исторіи всего человѣчества, возможнымъ лишь на довольно поздней ступени развитія его ума, и «усвоеніемъ» этихъ представленій единичнымъ членомъ болѣе или менѣе культурнаго человѣческаго общества существуетъ громадная разница: культурный человѣкъ усвоиваетъ эти представленія одновременно съ представленіями дѣйствительно-реальнаго содержанія и способенъ даже и безсознательно ассоціировать ихъ съ другими простѣйшими представленіями такой-же безсознательной формаціи, и это пожалуй опять служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ для логики, предполагающей имена какъ бы отъ природы готовымъ достояніемъ человѣческой мысли (ср. стр. 185 и 187). Но такъ какъ наука о познаніи прежде всего должна имѣть въ виду не человѣка конкретнаго, рожденнаго въ культурное время, напр. хотя бы въ XIX вѣкѣ, а человѣка вообще, постепенно вышедшаго изъ тьмы невѣдѣнія и безусловнаго умственнаго ничтожества и даже не только человѣка вообще, а организмъ вообще въ отношеніи къ развитію его познавательныхъ процессовъ (ибо «организмъ» и есть та научная идея, отъ которой всѣ науки о живыхъ существахъ и явленіяхъ должны въ наше время отправляться въ своихъ изслѣдованіяхъ), то вопросъ о первоначальномъ образованіи именъ долженъ стоять для нея на первомъ мѣстѣ, и опредѣлить тотъ моментъ, въ который они зарождаются въ общемъ процессѣ развитія сознанія, есть ея прямая обязанность.

Эту обязанность мы, какъ могли, выполнили; дальнѣйшее же изслѣдованіе процесса развитія именъ во всѣхъ его частностяхъ необходимо конечно предоставить филологіи, какъ той наукѣ, которая является единственно компетентной въ разъясненіи реальныхъ причинъ

и реальнаго теченія ассоціацій и интеграцій простѣйшихъ звуковыхъ ощущеній въ сложныя конкретныя представленія, примѣнительно къ тому или другому отдѣльному случаю.

Сдѣлавъ эти дополнительныя замѣчанія по вопросу о развитіи именъ, какъ символовъ понятій, мы думаемъ, что исчерпали всѣ главные вопросы, относящіеся къ исторіи развитія сознательнаго, а затѣмъ и вообще непроизвольнаго, мышленія. Но прежде, чѣмъ перейти къ анализу высшей, произвольной дѣятельности ума, мы считаемъ еще необходимымъ сдѣлать общее обозрѣніе пройденнаго нами пути.

Конечно въ предшествующемъ изслѣдованіи безсознательныхъ и непроизвольно-сознательныхъ процессовъ мысли осталось еще очень много пробѣловъ. Критики пожалуй скажутъ даже, что это и не изслѣдованіе, а простой эскизъ теоріи, и будутъ правы уже потому, что на 100 страницахъ печатнаго текста никакъ нельзя изслѣдовать обстоятельно всѣ подробности развитія процессовъ природы, совершающагося въ дѣйствительности въ теченіи десятковъ тысячъ, если не милліоновъ лѣтъ, параллельно общему развитію человѣческаго организма и даже всѣхъ животныхъ организмовъ, вмѣстѣ взятыхъ: для этого потребны десятки и даже сотни сочиненій. Но на ста страницахъ можно однако изложить общіе принципы и наглядно изобразить пріемы изслѣдованія тѣхъ или другихъ предметовъ безконечно-сложной и разнообразной дѣйствительности и, если формулированіемъ такихъ принциповъ и примѣрнымъ приложеніемъ соотвѣтствующихъ пріемовъ анализа мы убѣдили читателя, хотя бы въ возможности замѣнить господствующую науку логику, всѣ глубокомысленныя истины которой, замкнутыя въ рядъ поверхностныхъ афоризмовъ, можно было бы умѣстить не только на сотнѣ, но и на двухъ десяткахъ печатныхъ страницъ, — такой наукой, горизонтъ которой безконечно обширенъ и изложеніе содержанія которой потребуетъ въ будущемъ упомянутыхъ десятковъ и сотенъ сочиненій, то и это было бы уже нѣкоторою заслугою съ научной точки зрѣнія. А затѣмъ мы надѣемся, что хоть наиболѣе важные принципы нашего анализа, не только откроютъ новые горизонты для науки о познаніи, но и будутъ признаны вполнѣ вѣрными и неопровержимыми. Поэтому-то, для облегченія своихъ читателей и критиковъ, мы

и считаемъ полезнымъ подвести итоги общимъ результатамъ, пріобрѣтеннымъ въ ближайшей главѣ сочиненія. Эти результаты слѣдующіе:

1) Все непроизвольное мышленіе распадается на двѣ главныя сферы: мышленія безсознательнаго и мышленія сознательнаго, изъ которыхъ послѣднее постепенно развивается на почвѣ перваго

2) Всѣ непроизвольныя умственныя движенія по внутренней своей природѣ однородны и могутъ быть выражены понятіемъ ассоціаціи въ обширномъ значеніи этого слова.

3) Тѣ частные виды умственныхъ движеній, которые обнимаются этимъ понятіемъ ассоціаціи, повторяются на всѣхъ ступеняхъ непроизвольнаго мышленія, съ тою лишь разницею, что одни движенія безсознательны, другіе сознательны, т. е. сопровождаются сознательными ощущеніями и представленіями интеллектуальнаго круга.

4) Безсознательныя, какъ и сознательныя, умственныя движенія въ свою очередь могутъ быть различной степени сложности, что́ зависитъ отъ различной сложности сообщаемыхъ и разобщаемыхъ ими познавательныхъ явленій и имѣетъ послѣдствіемъ различную степень сложности продуктовъ мышленія.

5) Но всетаки всѣ «безсознательныя» умственныя движенія въ концѣ концевъ имѣютъ ту общую черту, что конечными элементами ихъ являются несознаваемыя еще въ своей раздѣльности ощущенія, а всѣ «сознательныя» умственныя движенія сходятся въ томъ, что имѣютъ конечными элементами сознательно-раздѣльныя простѣйшія представленія или воспріятія.

6) Общіе предѣлы безсознательнаго или первичнаго мышленія, опредѣляются ощущеніями и конкретными представленіями, предѣлы же сознательнаго мышленія выражаются конкретными представленіями и конкретными понятіями.

7) Безсознательное мышленіе начинается съ безсознательныхъ ощущеній и кончается сложными конкретными представленіями безсознательной формаціи; сознательное мышленіе начинается съ простѣйшихъ конкретныхъ представленій безсознательной формаціи, превращающихся въ процессѣ объективированія въ сознательно-раздѣльныя воспріятія, и кончается сложными конкретными понятіями непроизвольнаго образованія.

8) Между этими предѣлами на ступени «безсознательнаго» мышленія лежатъ сознательныя ощущенія и простыя конкретныя представленія безсознательной формаціи, на ступени «сознательнаго» мышленія —

сложныя конкретныя представленія сознательнаго образованія и простѣйшія конкретныя понятія, образующіяся непроизвольно.

9) Такимъ образомъ все непроизвольное мышленіе проходитъ слѣдующій рядъ образованій, раздѣленныхъ согласно предшествующему, на двѣ главныя группы:

а) безсознательныя ощущенія, сознательныя ощущенія, простѣйшія конкретныя представленія и сложныя конкретныя представленія безсознательной формаціи;

б) дифференцированныя представленія безсознательной формаціи или сознательно-раздѣльныя воспріятія, сложныя конкретныя представленія сознательнаго образованія, простѣйшія по составу конкретныя понятія и сложныя конкретныя понятія, непроизвольно составленныя.

10) Все это развитіе непроизвольныхъ продуктовъ мысли неизбѣжно совершается въ двухъ главныхъ направленіяхъ, въ которыхъ вообще возможны ассоціаціи и диссоціаціи психическихъ явленій, а именно въ направленіяхъ, опредѣляемыхъ внѣшнею и внутреннею смежностью психическихъ явленій.

11) На ступени безсознательнаго мышленія мы назвали эти два направленія умственной дѣятельности, или двоякій типъ умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ ариѳметическимъ и геометрическимъ, на ступени сознательнаго мышленія — физическимъ и математическимъ.

12) Сознательныя умственныя движенія, механическія и органическія, называются иначе сужденіями и умозаключеніями, при чемъ конечно пока идетъ рѣчь только о непроизвольныхъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ.

13) Параллельно развитію или осложненію умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ, развивается и специфическая интеллектуальная воспріимчивость: сознательное мышленіе уже съ самого начала опирается на сознательныя специфическія умственныя ощущенія, а затѣмъ съ интеграціей первоначальныхъ сознательныхъ движеній въ высшія единства, т. е. первичныя дѣйствія ума, возникаютъ соотвѣтственно и конкретныя представленія объ отношеніяхъ между сложными объектами мысли, устанавливаемыхъ ею подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій.

14) Затѣмъ еще одною особенностью сознательнаго мышленія, со второй частной его ступени, является образованіе именъ, какъ особыхъ конкретныхъ представленій, служащихъ орудіями объединенія

конкретныхъ понятій, не поддающихся, по характеру своего состава, единовременному объективированію и воспроизведенію, ибо они черпаютъ свое содержаніе уже не изъ единичныхъ, а изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ и разрозненныхъ внѣшнихъ опытовъ.

15) Для конкретнаго выраженія, помощью схемъ, различныхъ по степени сложности непроизвольныхъ умственныхъ движеній, ихъ элементовъ и продуктовъ, наука должна выработать сложную систему знаковъ. Элементы и продукты мышленія можно обозначать буквами различнаго написанія, движенія же, ихъ сообщающія и разобщающія, — обычными математическими знаками, а также и другими, составленными по аналогіи съ ними. Такъ три степени элементовъ и продуктовъ безсознательнаго мышленія можно напр. обозначать буквами, α, β, γ, δ .... (безсознательныя ощущенія), a, b, c, d .... (сознательныя ощущенія), A, B, C, D .... (конкретныя представленія); три степени элементовъ и продуктовъ сознательнаго мышленія буквами A, B, C, D .... (простѣйшія конкретныя представленія или воспріятія), $\boldsymbol{A}$, $\boldsymbol{B}$, $\boldsymbol{C}$, $\boldsymbol{D}$ .... (сложныя конкретныя представленія), $\mathscr{A}$, $\mathscr{B}$, $\mathscr{C}$, $\mathscr{D}$ .... (конкретныя понятія). Для выраженія безсознательныхъ умственныхъ движеній двоякаго типа можно употреблять знаки $+$, $\pm$, $\times$, $\overline{\times}$, сознательныхъ — знаки $\frown$, $\bigcirc$, $=$, $\#$, которые въ свою очередь могутъ быть дополнены еще иными «составными» знаками для отличенія сложныхъ умственныхъ движеній данной сферы отъ простѣйшихъ; таковы знаки $\overset{\frown}{+}$, $\overset{\bigcirc}{+}$, $\overset{=}{+}$, $\overset{\#}{+}$, которыми мы пользовались для выраженія сознательныхъ ассоціацій и диссоціацій сложныхъ представленій. Но однихъ приведенныхъ знаковъ для выраженія всего разнообразія развитія непроизвольныхъ умственныхъ движеній еще далеко недостаточно и, если мы довольствовались до сихъ поръ ограниченнымъ числомъ такихъ знаковъ, то потому, что разбирая только общій ходъ развитія непроизвольнаго мышленія, болѣе думали объ основной сущности процессовъ, чѣмъ о разнообразныхъ частныхъ направленіяхъ ихъ развитія. Свою систему знаковъ мы даже откровенно признаемъ сами еще очень несовершенною и неудовлетворительною и надѣемся, что другіе изслѣдователи, если они только одобрятъ общіе принципы нашего анализа, помогутъ намъ ее усовершенствовать или даже замѣнятъ ее и совершенно новою, болѣе остроумною. Весь этотъ внѣшній аппаратъ нашей теоріи, какъ нѣчто совершенно искусственное, подлежитъ всяческой передѣлкѣ и его не должно смѣшивать съ внутреннимъ содержаніемъ нашихъ изслѣдованій. Такъ называе-

мое алгорѳмическое выраженіе логическихъ ученій десятки разъ было видоизмѣняемо различными писателями, смотря по ихъ личнымъ потребностямъ и отчасти даже вкусамъ, и мы вполнѣ увѣрены, что, при своей сравнительно недостаточной математической подготовкѣ, не могли рѣшить эту, такъ сказать техническую, задачу лучше, чѣмъ наши предшественники (напр. хотя бы Вундтъ). Если же мы, не смотря на это, старались и въ области «знаковъ» быть самостоятельными, то только потому, что для выраженія новыхъ идей естественно необходимы и новые символы, вслѣдствіе чего знаки, употребляемые другими писателями по логикѣ, и оказались большею частью непригодными для нашихъ цѣлей[1]).

16) Точно также далеко еще несовершенными мы считаемъ и свои опредѣленія реальнаго содержанія объектовъ непроизвольнаго мышленія на различныхъ ступеняхъ его развитія (ср. стр. 182—184). Признавъ ощущенія коррелатами единичныхъ признаковъ единичныхъ предметовъ и явленій, конкретныя представленія — коррелатами отдѣльныхъ предметовъ и явленій, ихъ свойствъ или качествъ, а конкретныя понятія — коррелатами группъ или видовъ и родовъ предметовъ и явленій, ихъ постоянныхъ состояній и дѣйствій, мы однако не доказали еще этихъ сопоставленій строго научнымъ путемъ, ибо вообще имѣли въ виду динамику, а не статику мысли. Психостатика, при анализѣ явленій познавательнаго круга, должна будетъ строго провѣрить упомянутыя наши сопоставленія и, если можно, доказать ихъ, — въ противномъ же случаѣ замѣнить ихъ новыми опредѣленіями, болѣе точными.

17) Слѣдовательно мы дѣйствительно въ правѣ считать задачи будущихъ изслѣдователей въ области непроизвольнаго мышленія, на почвѣ указанныхъ нами общихъ принциповъ, безконечно обширными и должны откровенно сознаться, что сдѣлали сами еще очень мало, а именно въ лучшемъ случаѣ развѣ только выложили новый фундаментъ для будущей капитальной постройки. Нашимъ преемникамъ предстоитъ не только прослѣдить развитіе непроизвольныхъ умственныхъ движеній, какъ таковыхъ, въ различныхъ частныхъ направленіяхъ, отчасти вовсе нами не затронутыхъ, но и разработать параллельно, въ тѣхъ же подроб-

---

[1]) Тѣмъ не менѣе читатель найдетъ нѣкоторыя аналогіи между многими нашими логическими символами и тѣми въ особенности, которые предлагаетъ Вундтъ въ своей «логикѣ». идея многихъ знаковъ была внушена намъ именно логикою Вундта.

ностяхъ, ту область психостатики, которая относится къ соотвѣтствующимъ умственнымъ явленіямъ; а затѣмъ, какъ сказано было, имъ надлежитъ придумать и болѣе полный и совершенный технической аппаратъ для нагляднаго выраженія всѣхъ фазисовъ и направленій непроизвольной умственной дѣятельности и ея результатовъ.

Наша основная задача въ настоящей главѣ, какъ мы еще разъ напоминаемъ, состояла въ томъ, чтобы доказать параллелизмъ и внутреннюю однородность безсознательныхъ и сознательныхъ процессовъ мысли, т. е. ассоціацій и сужденій, въ обширномъ значеніи этихъ словъ, и только эту задачу мы и считаемъ дѣйствительно выполненною въ предѣлахъ, нами поставленныхъ.

Но въ такомъ случаѣ, приступая теперь къ анализу произвольныхъ процессовъ мысли, мы еще менѣе можемъ надѣяться вполнѣ исчерпать вопросъ о ихъ составѣ и развитіи. Если анализъ элементарнаго еще далеко не законченъ, то анализъ сложнаго тѣмъ болѣе не можетъ быть окончательнымъ. Соразмѣряя свои силы съ проблеммами, которыя намъ остается еще рѣшить, мы принуждены ограничиться лишь такимъ очеркомъ развитія произвольнаго и методическаго мышленія, который бы окончательно подтвердилъ единство всѣхъ умственныхъ отправленій, т. е. возможность сведенія и высшихъ по составу дѣйствій ума къ основнымъ процессамъ ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Если бы и эта цѣль была достигнута, то дѣйствительно явилась бы возможность дать новое освѣщеніе и поставленнымъ нами въ «введеніи» вопросамъ объ общихъ законахъ мысли, о причинахъ заблужденій ума и о средствахъ борьбы съ этими послѣдними, о которыхъ мы и поведемъ рѣчь въ послѣдней главѣ настоящаго сочиненія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

II. ПРОИЗВОЛЬНЫЕ УМСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Прежде всего необходимо замѣтить однако, что послѣдующій анализъ уже далеко не имѣетъ того первостепеннаго значенія, какое имѣлъ предшествующій. Въ прошлой главѣ мы должны были совершенно заново переработать теорію основныхъ функцій мышленія и доказать однородность процессовъ, которые наука прежде считала совершенно разнородными или гетерогенными. Здѣсь же такой трудной проблеммы не предвидится: общій фактъ существованія болѣе сложныхъ, произвольныхъ и методическихъ процессовъ мысли, рядомъ съ непроизвольными, мы считаемъ уже доказаннымъ, необходимость развитія ихъ изъ непроизвольныхъ умственныхъ движеній вытекаетъ изъ предшествующаго анализа постепеннаго осложненія этихъ послѣднихъ, а отчасти и изъ общихъ положеній современной науки и, въ частности, психологіи; возможность разчлененія всѣхъ произвольныхъ и методическихъ дѣйствій ума на болѣе или менѣе простыя по составу сужденія и умозаключенія никогда не подвергалась сомнѣнію, а слѣдовательно и возможность сведенія этихъ сложныхъ дѣйствій ума къ разсмотрѣннымъ нами видамъ ассоціацій должна быть уже a priori выведена изъ положеній, доказанныхъ прежде. Но если такъ, то конечно никакихъ совершенно новыхъ истинъ послѣдующій анализъ произвольныхъ процессовъ мысли и не можетъ дать. Значеніе его второстепенное, дополнительное; цѣль его заключается лишь въ дальнѣйшемъ распространеніи уже пріобрѣтенныхъ принциповъ на новые случаи, въ наглядномъ подтвержденіи, помощью разбора дальнѣйшихъ осложненій умственной дѣятельности, уже ранѣе установленныхъ взглядовъ на ея составъ и въ указаніи общихъ методовъ анализа высшихъ

процессовъ и явленій мысли на тѣхъ же самыхъ основахъ, на которыхъ мы построили въ свое время изслѣдованіе низшихъ движеній ума и ихъ продуктовъ.

Таковъ общій смыслъ предстоящей намъ теперь задачи. Въ частности содержаніе ея можно разчленить слѣдующимъ образомъ:

Во 1) необходимо убѣдить читателя, что всѣ тѣ понятія, которыми обыкновенно обнимаются основныя отправленія произвольнаго и методическаго мышленія, въ сравненіи съ прежде разобранными понятіями, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ идей произвольности и методичности, а слѣдовательно и большей сложности соотвѣтствующихъ имъ процессовъ ассоціаціи идей.

Во 2) необходимо убѣдить его въ томъ, что продукты произвольнаго и методическаго мышленія въ послѣдовательномъ развитіи своемъ проходятъ совершенно тѣ же моменты осложненія и подчиняются тѣмъ же законамъ соотношенія болѣе простыхъ умственныхъ явленій къ болѣе сложнымъ, какъ и продукты мышленія непроизвольнаго, т. е. безсознательнаго и сознательнаго.

Отсюда ясно, что мы предполагаемъ лишь вкратцѣ прослѣдить исторію дальнѣйшаго развитія мышленія, какъ въ отношеніи къ процессамъ, такъ и въ отношеніи къ продуктамъ этихъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ основныхъ началъ этого дальнѣйшаго развитія мышленія должно искать въ предшествующихъ разсужденіяхъ. Такой всецѣло «историческій или описательный» характеръ предстоящаго разбора и составляетъ отличительную черту его сравнительно съ тѣмъ «критическимъ и построительнымъ» направленіями изслѣдованія, которыя необходимы были ранѣе.

Далѣе замѣтимъ еще, что двухъ высшихъ ступеней «произвольнаго» мышленія, а именно процессовъ и явленій сознательно-произвольной и произвольно-методической умственной дѣятельности мы въ этой главѣ не будемъ раздѣлять въ анализѣ такъ рѣзко, какъ раздѣляли двѣ низшія ступени мышленія, безсознательнаго и сознательнаго, ибо такое рѣзкое раздѣленіе необходимо только тамъ, гдѣ существуетъ еще сомнѣніе относительно конечной однородности предметовъ или явленій; тамъ же, гдѣ этому сомнѣнію нѣтъ мѣста и гдѣ уже скорѣе фактъ различія предметовъ можетъ служить предметомъ спора, лучше конечно употребить обратный методъ, т. е. дать этому «различію» выясниться постепенно, изъ анализа соотвѣтствующихъ предметовъ съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Другими словами,

такъ какъ общія основы произвольнаго, неметодическаго и методическаго, мышленія никогда не подвергались сомнѣнію, а скорѣе у многихъ авторовъ (особенно у новѣйшихъ англійскихъ писателей, напр. у Бэна) замѣчается тенденція къ нѣкоторому смѣшенію понятій о мышленіи произвольномъ и методическомъ (безъ чего едва ли возможно было бы и общее дѣленіе логики на индуктивную и дедуктивную), то при анализѣ произвольнаго мышленія удобнѣе предположить сначала полное тождество разбираемыхъ отправленій и ихъ продуктовъ, и постепенно доказать необходимость разчлененія тѣхъ и другихъ на двѣ отличныя, хотя и тѣсно связанныя другъ съ другомъ сферы, чѣмъ на оборотъ. Но повторяемъ однако, что, не допуская возможности серіознаго игнорированія различій между сознательно-произвольными и произвольно-методическими процессами умственной дѣятельности и находя признаки сознанія этихъ различій даже у писателей, на первый взглядъ смѣшивающихъ эти двѣ ступени развитія ума, мы намѣрены лишь провести болѣе ясную, сравнительно съ предшественниками, черту разграниченія между двумя высшими ступенями мышленія, контрастъ которыхъ отчасти сознавался уже древними философами, въ особенности Аристотелемъ. А эта задача и будетъ достигнута дальнѣйшимъ примѣненіемъ выработанной нами теоріи ассоціаціи.

Понятія, обнимающія основные процессы произвольнаго мышленія, въ обширномъ значеніи слова, уже конечно существуютъ, ибо старая логика по преимуществу и имѣла дѣло именно съ анализомъ отправленій этого произвольнаго мышленія. Отсюда-то и вытекали всѣ ея практическія тенденціи, т. е. стремленіе руководить познавательною дѣятельностью человѣка и пріемы, съ этимъ стремленіемъ связанные: непроизвольное мышленіе конечно уже никакъ нельзя подчинить «правиламъ» и, если бы только прежняя логика ясно понимала значеніе его въ развитіи человѣческихъ знаній, то и претензіи ея были бы гораздо скромнѣе. Но хотя она и имѣла въ виду почти исключительно «произвольную» умственную дѣятельность человѣка, и потому естественно не могла не занести въ свое содержаніе тѣ понятія, которыя соотвѣтствуютъ по крайней мѣрѣ главнымъ отправленіямъ мысли на высшихъ ступеняхъ ея развитія, тѣмъ не менѣе, смѣшивая безпрестанно, какъ мы уже достаточно въ томъ убѣдились, центральные процессы «мышленія» съ периферическими процессами «пріобрѣтенія матеріала»

для работы ума и процессами «внѣшняго выраженія» продуктовъ этой работы въ конкретныхъ формулахъ языка, она конечно не могла всетаки достаточно точно опредѣлить взаимное отношеніе тѣхъ понятій, которыя относятся къ главнымъ функціямъ чисто умственной дѣятельности, и поневолѣ постоянно путала эти понятія съ тѣми, которыя обнимаютъ собою различныя другія познавательныя дѣйствія, состоящія въ накопленіи запаса для умственной работы и въ передачѣ ея результатовъ помощью словесныхъ знаковъ.

Убѣдиться въ этомъ намъ будетъ не трудно, а придя къ такому убѣжденію, мы естественно должны будемъ прежде всего постараться выдѣлить изъ суммы господствующихъ логическихъ понятій тѣ, которыя дѣйствительно относятся къ произвольнымъ процессамъ центральной переработки познавательнаго содержанія.

Самыми общими и употребительными въ старыхъ логическихъ системахъ понятіями о познавательныхъ процессахъ во всей ихъ совокупности должно признать слѣдующія: 1) понятія наблюденія и опыта, 2) понятія опредѣленія, дѣленія и доказательства, 3) анализа, синтеза, индукціи и дедукціи. Прежде разобранныя нами понятія «сужденія и умозаключенія», выражавшія въ старой логикѣ элементарныя функціи тоже по преимуществу лишь «произвольнаго» мышленія, а равно и второстепенныя понятія «отвлеченія, гипотезы, аналогіи» и другія подобныя, мы съ намѣреніемъ пока исключили изъ приведеннаго списка, чтобы не уклоняться безъ надобности отъ поставленной нами главной цѣли.

Если мы сравнимъ между собою обычное содержаніе всѣхъ упомянутыхъ выше понятій, на которыхъ были построены, съ различными частными видоизмѣненіями, почти всѣ прежнія логическія системы, то легко замѣтимъ, что первыя два, какъ это впрочемъ и признавалось большинствомъ логическихъ писателей, относятся не къ отправленіямъ мысли въ тѣсномъ значеніи этого слова, а лишь къ различнымъ по степени сознательности и сложности периферическимъ движеніямъ, направленнымъ къ обновленію ея содержанія. Но затѣмъ и вторая серія понятій, уже вопреки мнѣнію «большинства» логическихъ писателей, относится не къ отправленіямъ самой мысли, а лишь къ различнымъ дѣйствіямъ субъекта, при «выраженіи» или внѣшнемъ формулированіи результатовъ его работы. «Опредѣленіе» есть очевидно такое произвольное комбинированіе словъ, которое должно вызывать въ окружающихъ насъ существахъ извѣстную, подразумѣваемую нами, комбинацію

идей, соотвѣтствующую отношеніямъ ихъ объектовъ. «Доказательство» есть такое произвольное комбинированіе предложеній, которое должно вызывать опять въ другихъ существахъ ту самую ассоціацію сужденій, которая въ нашемъ собственномъ умѣ оказалась потребною для построенія извѣстной отвлеченной или научной идеи. «Дѣленіе» же, хотя и можетъ относиться къ чисто интеллектуальнымъ или «центральнымъ» познавательнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ не менѣе, по смыслу старой логики, обыкновенно обозначало опять лишь внѣшнее воспроизведеніе, помощью словъ или ихъ комбинацій, какой-нибудь уже совершившейся въ нашемъ умѣ дифференціаціи идей.

Такимъ образомъ только понятія «анализа и синтеза, индукціи и дедукціи», да и то лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, относились къ направленіямъ внутренней работы самой мысли. Мы говоримъ «въ извѣстныхъ предѣлахъ», ибо первыя два понятія иногда служили также и для выраженія двухъ противуположныхъ направленій въ комбинированіи словъ или предложеній, а вторыя два — для выраженія различныхъ направленій въ способахъ пріобрѣтенія матеріала для умственной дѣятельности.

Для того, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей логики, всѣ эти выводы наши конечно не требуютъ подтвержденія цитатами изъ тѣхъ или другихъ авторовъ, и потому мы такихъ цитатъ въ настоящемъ сочиненіи, согласно принятой системѣ, и не будемъ дѣлать.

Сравнимъ теперь въ частности содержаніе понятій анализа и синтеза, индукціи и дедукціи, какъ терминовъ, обозначающихъ высшія отправленія самой умственной дѣятельности, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Давно уже была отмѣчена наиболѣе проницательными изъ логическихъ писателей аналогія между понятіями анализа и дедукціи, синтеза и индукціи. Аналогія эта состоитъ въ томъ, что два первыя термина одинаково обозначаютъ такія дѣйствія ума, помощью которыхъ сложное разчленяется на болѣе простые элементы, въ него входящіе, — между тѣмъ какъ два послѣднія обозначаютъ такія дѣйствія ума, которыя, обратно, простое или частное совокупляютъ въ сложное или общее. Хотя встрѣчаются конечно въ исторіи логики и другіе способы толкованія разбираемыхъ понятій, недопускающіе упомянутаго нами сближенія, но всетаки значеніе, которое мы имъ приписали, было господствующимъ, да и самый смыслъ терминовъ отчасти ему соотвѣтствуетъ. Но въ такомъ случаѣ, если между контрастами понятій синтеза и анализа, индукціи и дедукціи существуетъ такъ

сказать тѣсное родство, то почему же параллельные термины обѣихъ группъ всегда никогда не употреблялись въ значеніи безусловно синонимическомъ, а продолжали существовать самостоятельно, не вытѣсняя другъ друга изъ состава научной логической терминологіи? Этотъ фактъ очевидно можно объяснить только присутствіемъ и нѣкоторыхъ различій въ ихъ значеніи; если же мы вникнемъ въ эти различія, то признаемъ именно, что понятія анализа и синтеза у большинства писателей всегда выражали общія направленія произвольнаго мышленія, внѣ вопроса о томъ, методично ли оно или неметодично, т. е. слѣдуетъ ли оно сознательно начертанному плану или нѣтъ, между тѣмъ какъ понятія индукціи и дедукціи выражали такія же общія направленія мышленія въ спеціальной сферѣ методически-произвольной дѣятельности ума, — отчего понятіе о «методахъ познанія вообще» и связалось уже съ древнѣйшаго времени съ понятіями объ индукціи и дедукціи, какъ «частныхъ направленіяхъ» этихъ методовъ.

Если же мы затѣмъ спросимъ себя еще объ отношеніи понятій анализа и синтеза къ понятію «умозаключенія», какъ основной «законченной» функціи мышленія, то признаемъ, что въ то время какъ въ понятіяхъ «анализа» и «синтеза» несомнѣнно уже лежитъ идея произвольности сложныхъ умственныхъ движеній, въ понятіи «умозаключенія» этой идеи еще не содержится. Умозаключеніе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, непремѣнно должно быть «сознательно», но оно можетъ быть, какъ мы видѣли, и «непроизвольнымъ». Другими словами, выходя изъ обычнаго словоупотребленія, можно сказать, что умозаключеніемъ называются всѣ законченныя дѣйствія ума, лишь бы они были сознательны, но безъ указанія на то, произвольны ли они или непроизвольны, методичны или неметодичны; анализомъ и синтезомъ (аналитическія и синтетическія умозаключенія) называются всѣ законченныя дѣйствія ума, какъ скоро они не только сознательны, но и произвольны, безъ указанія однако на то, методично ли или неметодично они построены; индукціей же и дедукціей называются лишь тѣ законченныя и наиболѣе сложныя дѣйствія ума, которыя не только сознательны и произвольны, но и методичны (индукція есть методическій синтезъ, дедукція — методическій анализъ, а индукція и дедукція вмѣстѣ ряды произвольно-методическихъ умозаключеній).

Изъ этого сравнительнаго опредѣленія понятій, обозначающихъ въ большей части логическихъ системъ основныя функціи мышленія на различныхъ ступеняхъ его развитія, разумѣется еще нельзя вывести

ничего иного, кромѣ того, что различіе сознательныхъ, произвольныхъ и методическихъ дѣйствій ума болѣе или менѣе смутно понималось уже представителями древней философіи, впервые введшими означенныя понятія въ употребленіе.

Но если мы сравнимъ далѣе содержаніе понятій «анализа» и «синтеза», «индукціи» и «дедукціи» съ понятіями, которыя мы употребляли ранѣе для выраженія основныхъ частныхъ направленій непроизвольнаго мышленія, то получимъ результаты болѣе существенные. Къ различнымъ направленіямъ законченныхъ непроизвольно-сознательныхъ дѣйствій ума мы примѣняли понятія интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Теперь, если содержаніе этихъ терминовъ мы сопоставимъ съ содержаніемъ вышеприведенныхъ, выражающихъ собою главныя направленія произвольнаго и методическаго мышленія, то легко убѣдимся, что между тѣми и другими существуетъ полное соотвѣтствіе и что вновь разсматриваемыя понятія содержатъ, лишь въ видѣ дополнительной прибавки, упомянутыя выше идеи «произвольности» и «методичности» умственныхъ движеній.

Дѣйствительно. Понятія «синтеза» и «индукціи» вполнѣ соотвѣтствуютъ понятію интеграціи, ибо и они выражаютъ дѣйствія ума, при помощи которыхъ элементарные продукты нашего опыта совокупляются въ различныя сложныя единства. Точно также понятія «анализа» и «дедукціи» вполнѣ соотвѣтствуютъ по содержанію своему понятію дифференціаціи, ибо и они обозначаютъ, подобно этому послѣднему, такія дѣйствія ума, которыя разчленяютъ высшія сложныя единства, являющіяся продуктами нашей познавательной дѣятельности, на единства менѣе сложныя или меньшаго объема. Но конечно въ понятіяхъ синтеза и индукціи, анализа и дедукціи лежитъ идея бо́льшаго количества единичныхъ дѣйствій ума или идея болѣе сложныхъ координацій умственныхъ движеній, потребныхъ для выполненія различныхъ познавательныхъ цѣлей, чѣмъ въ разобранныхъ ранѣе понятіяхъ о простыхъ умозаключеніяхъ-интеграціяхъ и умозаключеніяхъ-дифференціаціяхъ, и это легко объясняется съ одной стороны большею сложностью перерабатываемаго мышленіемъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ матеріала, а съ другой стороны именно произвольностью и методичностью этихъ «высшихъ» интеграцій и дифференціацій идей, на какія умъ человѣческій способенъ.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ понятія, соотвѣтствующія тѣмъ болѣе простымъ законченнымъ дѣйствіямъ ума, которыя мы назвали

умозаключеніями-дезинтеграціями? Мы уже говорили выше (ср. стр. 160), что въ виду отрицательнаго характера результатовъ этого рода отправленій мысли, логика, какъ теорія искусства мысли и вообще познанія, не могла придавать имъ достаточно серіознаго значенія; и это тѣмъ болѣе естественно, что вообще «произвольное» мышленіе, руководимое цѣлями, не можетъ ставить на одинъ уровень дѣйствія ума, имѣющія положительные результаты, съ тѣми, которыя имѣютъ результаты лишь отрицательные. Произвольное мышленіе конечно можетъ имѣть настоящею цѣлью своею только созиданіе, а не разрушеніе, — разрушеніе же является лишь вспомогательнымъ его отправленіемъ, такъ сказать пособіемъ или подготовленіемъ почвы для созиданія. Поэтому въ понятія анализа и дедукціи косвенно входятъ пожалуй и идеи объ отрицательныхъ результатахъ разчлененія высшихъ единствъ, но на первомъ планѣ стоитъ все-таки идея о положительныхъ продуктахъ такого разчлененія, т. е. о частныхъ интеграціяхъ элементовъ умственнаго содержанія, сопровождаемыхъ лишь условными дезинтеграціями сложныхъ единствъ, пріобрѣтенныхъ предшествующей, менѣе сознательной умственной дѣятельностью.

Но если, такимъ образомъ, термины синтеза и анализа, индукціи и дедукціи означаютъ лишь высшія ступени интеграцій и дифференціацій идей, то спрашивается, почему же въ общемъ сознаніи всѣхъ людей, выражающемся и во многихъ логическихъ системахъ, дѣйствіе «анализа», т. е. произвольной дифференціаціи идей, признается обыкновенно предшествующимъ противуположному дѣйствію ихъ «синтеза», т. е. произвольной ихъ интеграціи, и только въ ученіяхъ объ отношеніи индукціи и дедукціи, съ точки зрѣнія естественной послѣдовательности дѣйствій ума, воспроизводится установленное нами первенство (во времени) интеграцій передъ дифференціаціями?

Тутъ очевидно кроется какое-то недоразумѣніе и объяснить его происхожденіе можно весьма просто. Мы уже видѣли, что и на ступени сознательнаго мышленія дифференціація прежнихъ продуктовъ мышленія безсознательнаго предшествуетъ сознательной интеграціи представленій, которая поэтому и является отчасти только ихъ «перенитеграціею». Тотъ же порядокъ дѣйствій ума конечно повторяется и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія мысли: дифференціація продуктовъ предшествующей умственной работы служитъ неизбѣжнымъ условіемъ для всякой новой, высшей по порядку, интеграціи. Такимъ именно образомъ непроизвольно-сознательная дифференціація конкретныхъ понятій является условіемъ для

ихъ произвольно-сознательной переинтеграціи, произвольно-сознательная дифференціація этихъ переинтегрированныхъ конкретныхъ понятій служитъ условіемъ для новой интеграціи ихъ въ понятія отвлеченныя и т. д. Но конечно, если бы прежняя логика ясно понимала различіе непроизвольно-сознательнаго мышленія отъ произвольно-сознательнаго, то она признала бы всетаки, что произвольно-сознательная интеграція идей предшествуетъ произвольно-сознательной ихъ дифференціаціи, т. е. что синтезъ всетаки всегда предваряетъ анализъ. Такъ какъ однако означеннаго различія она ясно не понимала, то и возникъ обычай непроизвольно-сознательную дифференціацію конкретныхъ понятій тоже называть «анализомъ» и считать анализъ условіемъ синтеза, при чемъ это неточное обобщеніе подтверждалось повидимому и тѣмъ фактомъ, что въ построеніи отвлеченныхъ понятій, какъ главнаго оригинальнаго продукта произвольнаго мышленія, анализъ, т. е. произвольная дифференціація идей (а именно конкретныхъ понятій) несомнѣнно предваряетъ синтезъ, т. е. произвольную ихъ интеграцію (или построеніе отвлеченныхъ понятій). Тутъ логика естественно увлеклась видимостью, въ ущербъ внутреннему значенію явленій. Замѣтивъ, что въ построеніи отвлеченныхъ понятій произвольная дифференціація старыхъ умственныхъ продуктовъ предшествуетъ произвольной интеграціи ихъ элементовъ въ новыя единства, она упустила изъ виду, что означенная первая произвольная дифференціація невозможна сама безъ предшествующей произвольной же переинтеграціи непроизвольно-дифференцировавшихся продуктовъ предшествующей умственной дѣятельности. Не такимъ-же ли точно способомъ Платоны и Декарты, предполагая совершенно правильно, что дедукція, т. е. методическое разчлененіе даннаго умственнаго содержанія (а именно методически-переинтегрированныхъ отвлеченныхъ понятій), предшествуетъ методическому сложенію элементовъ этого содержанія въ новыя, высшія по составу единства — научныя идеи, невѣрно обобщили этотъ фактъ въ положеніе, что дедукція есть основной методъ мышленія и что она должна служить главнымъ орудіемъ научнаго анализа? Они тоже не замѣтили, что первичной дедукціи предшествуетъ первичная индукція, какъ первичному анализу — первичный синтезъ? А между тѣмъ на этомъ предразсудкѣ на счетъ первостепеннаго значенія дедукціи былъ основанъ и весь раціональный методъ «метафизиковъ» и ложное обаяніе «философскихъ системъ». Сколько труда нужно было послѣдователямъ Бэкона, чтобы убѣдить человѣчество въ томъ, что индукція —

мать дедукціи, а не на оборотъ, и что безъ методическаго совокупленія простого въ сложное, никакое методическое разчлененіе сложнаго на простые элементы немыслимо. Цѣлые вѣка продолжалась роковая ошибка мыслителей, тормозившая успѣхи науки, и цѣлыя сотни сочиненій нужны были для того, чтобы дать торжество эмпирическому методу познанія, выходящему изъ аксіомы зависимости дедукціи отъ предшествующей индукціи, надъ раціональнымъ. Теперь мы покрайней мѣрѣ имѣемъ разгадку этого страннаго заблужденія. Оно основывалось на вѣрномъ наблюденіи, что дифференціація низшихъ продуктовъ мысли обусловливаетъ интеграцію высшихъ: не былъ замѣченъ только тотъ всеобщій законъ, что въ сферѣ умственныхъ отправленій одинаковаго порядка интеграція всегда предшествуетъ дифференціаціи и что всякая интеграція высшей степени основана на дифференціаціи не той же самой, а низшей степени; если же дифференціація сознательная (а именно сложныхъ представленій сознательной формаціи) всегда можетъ предшествовать интеграціи сознательной (представленій въ конкретныя понятія), дифференціація произвольная (разчлененіе конкретныхъ понятій произвольнаго образованія) — интеграціи произвольной (а именно интеграціи конкретныхъ понятій въ отвлеченныя), дифференціація методическая (т. е. первичная дедукція) — интеграціи методической (т. е. вторичной индукціи), то эта общая однородность указанныхъ отправленій ума по степени сложности или высоты не исключаетъ частной ихъ разнородности или частнаго различія ихъ степеней, а напротивъ предполагаетъ его, ибо первичная сознательная дифференціація предполагаетъ уже первичную сознательную интеграцію продуктовъ какой-нибудь безсознательной дифференціаціи, первичная произвольная дифференціація — первичную произвольную интеграцію продуктовъ какой-нибудь непроизвольно-сознательной дифференціаціи и т. д. Вѣдь каждая общая ступень мышленія распадается еще на рядъ частныхъ, безъ предположенія которыхъ постепенность развитія познавательныхъ процессовъ и явленій была бы совершенно необъяснима.

Каждая общая ступень мышленія дѣлится, какъ мы видѣли, на три частныя ступени: первичную или подготовительную, передѣлывающую лишь «по новому принципу» (т. е. болѣе сознательно) старые продукты мысли и не дающую въ результатѣ еще ничего существенно новаго, вторичную или главную, другими словами спеціальную, вырабатывающую тѣ оригинальные продукты

мысли, которые отличаютъ данную главную ступень мышленія отъ предшествующей, и третичную или дополнительную (иначе: заключительную), развивающую далѣе по тому же принципу оригинальные продукты данной ступени мышленія въ продукты болѣе сложные. Оттого-то и теорія первичной и вторичной индукціи и дедукціи, вкратцѣ изложенная нами въ введеніи (ср. стр. 42 и слѣд.) и которую можно дополнить теперь понятіями объ индукціяхъ и дедукціяхъ третичныхъ или заключительныхъ, является лишь необходимымъ развитіемъ нашей общей теоріи познанія. Но объ этомъ подробнѣе ниже; теперь воротимся къ понятіямъ синтеза и анализа.

Мы пришли къ выводу, что синтезъ de jure всегда предшествуетъ анализу и это уже ясно и изъ того соображенія, что анализъ имѣетъ объектомъ всегда какое-нибудь сложное цѣлое, возникновеніе котораго безъ предшествующаго сложенія элементовъ чувственнаго опыта немыслимо. Конечно на первый взглядъ можетъ показаться, что мысль анализируетъ прежде всего то, что сложила или синтезировала не она, а сама природа; но если мы подумаемъ, что природа недоступна намъ иначе какъ при посредствѣ ощущеній, воспріятій и вообще единичныхъ чувственныхъ актовъ, которые первоначально дѣйствуютъ на сензоріумъ раздѣльно, всѐ равно безсознательна или сознательна, независима отъ воли или зависима эта раздѣльность элементовъ нашего опыта, то будетъ ясно, что цѣлыя, которыя повидимому даны таковыми только въ природѣ, а не въ сознаніи нашемъ, — въ дѣйствительности существуютъ для насъ именно только въ этомъ послѣднемъ, и составляютъ продуктъ прежнихъ, забытыхъ нами или упущенныхъ нами изъ виду, интеграцій болѣе простыхъ элементовъ внѣшней воспріимчивости. Мы очевидно подвергаемъ «анализу» (если этимъ именемъ обозначать извѣстное дѣйствіе ума) не самыя вещи, а понятія о нихъ, и притомъ понятія «произвольно-перенинтегрированныя» или «синтезированныя»: иначе это не анализъ, въ настоящемъ значеніи слова, а лишь «непроизвольная дифференціація идей»!

Теперь взаимное отношеніе понятій синтеза и анализа, индукціи и дедукціи, какъ идей, обнимающихъ произвольныя и методическія интеграціи и дифференціаціи явленій ума, достаточно выяснено; доказывать же особо, что эти высшія интеграціи и дифференціаціи тоже слагаются изъ тѣхъ болѣе элементарныхъ дѣйствій, которыя мы назвали ассоціаціями, диссоціаціями и дизассоціаціями (при чемъ эти послѣднія отличаются отъ прежде разсмотрѣнныхъ тоже лишь своею

произвольностью и методичностью), мы считаемъ совершенно ненужнымъ, ибо несомнѣнно, что и всѣ эти законченныя въ своихъ результатахъ высшія дѣйствія ума всегда могутъ быть разчленены на сужденія, частію лишь произвольно, частію же и произвольно и методически составленныя; сужденія же давно признаны нами только болѣе или менѣе сложными ассоціаціями, диссоціаціями и дизассоціаціями идей.

Гораздо важнѣе разсмотрѣть теперь, въ какомъ отношеніи къ этимъ главнымъ понятіямъ, обнимающимъ основныя функціи произвольнаго и методическаго мышленія, относятся различныя другія, названныя нами второстепенными. Но прежде всего замѣтимъ, что второстепенность эту мы понимали по преимуществу въ смыслѣ роли, которую означенныя другія понятія играли въ «системахъ логики», и лишь отчасти въ смыслѣ дѣйствительнаго ихъ отношенія къ упомянутымъ главнымъ понятіямъ. Поэтому-то напр. понятіе отвлеченія, или абстракціи, игравшее второстепенную роль въ логическихъ системахъ и которому отводилось болѣе важное мѣсто лишь въ системахъ психологическихъ (въ новѣйшее время впрочемъ и нѣкоторые представители логики пытались выдвинуть его на первый планъ), въ сущности по значенію своему нисколько не уже понятія синтеза, а пожалуй даже и шире его, ибо отчасти содержитъ въ себѣ и идею анализа «конкретныхъ» понятій, предшествующаго построенію, путемъ синтеза, понятій «отвлеченныхъ». Понятіемъ отвлеченія выражается такъ сказать общая задача или главный смыслъ всего произвольнаго мышленія, въ отличіе отъ непроизвольнаго, вслѣдствіе чего ему и соотвѣтствуетъ въ области непроизвольнаго мышленія столь же общее понятіе обобщенія. Но если бы мы хотѣли выразить господствующій признакъ мышленія, управляемаго сознательными стремленіями, т. е. именно идею его «произвольности», то для этой цѣли уже пригоднѣе употребленное нами въ свое время (ср. стр. 85) понятіе размышленія: отвлеченіе есть только главная, но не исключительная функція размышленія (ибо напр. размышленіе, приводящее къ отрицательнымъ результатамъ, т. е. къ дезинтеграціямъ, уже нельзя назвать «отвлеченіемъ»), а понятію «размышленія» въ области методической познавательной дѣятельности мы противупоставили понятіе изслѣдованія, которое столь же обще, но кромѣ идеи произвольности содержитъ и идею «методовъ», служащихъ орудіями для достиженія цѣлей размышленія: изслѣдованіе есть «методическое размышленіе».

Однако, если понятіе отвлеченія, которое логика ставила на

второй планъ, можетъ-быть отчасти вслѣдствіе нѣкоторой его неопредѣленности и общности, въ дѣйствительности обнимаетъ извѣстную совокупность основныхъ отправленій произвольной умственной дѣятельности, имѣющихъ оригинальные, спеціально свойственные этой ступени мышленія, результаты, то зато другія понятія, которымъ она давала второстепенное значеніе, въ самомъ дѣлѣ выражаютъ лишь частныя направленія произвольной и методической дѣятельности ума.

Такъ прежде всего понятія объ условныхъ и раздѣлительныхъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, рядомъ съ такъ называемыми категорическими, очевидно выражаютъ частныя направленія и результаты анализа и синтеза идей. Нечего и говорить конечно, что условныя и раздѣлительныя сужденія и умозаключенія возможны только на ступени произвольнаго мышленія: они составляютъ уже компромиссъ воли, направленной къ извѣстнымъ опредѣленнымъ цѣлямъ, — съ неизбѣжною неудовлетворительностію данной обстановки познавательныхъ отправленій, т. е. выражаютъ такъ сказать произвольно-признанный фактъ несоотвѣтствія цѣлей и средствъ познанія, недостаточность послѣднихъ для достиженія первыхъ. Непроизвольное же мышленіе такихъ компромиссовъ еще не знаетъ и всѣ его результаты, т. е. всѣ сужденія, воспроизводящія результаты его работы, носятъ абсолютный характеръ (т. е. являются въ переносномъ смыслѣ категорическими[1]). Но мало того: собственно «раздѣлительныя» сужденія въ свою очередь составляютъ только частное проявленіе «условныхъ» или результатъ синтеза нѣсколькихъ условныхъ сужденій, ибо раздѣлительное сужденіе a есть или m или n тождественно совокупности сужденій: если a есть e, то оно есть m, а если оно есть f, то оно есть n (сложное условное сужденіе). Такимъ образомъ всѣ сужденія и умозаключенія, какъ моменты или результаты анализа или синтеза, можно прежде всего раздѣлить на условныя и безусловныя и затѣмъ условныя въ свою очередь на простыя и составныя (или раздѣлительныя).

Этимъ понятіямъ, выражающимъ частныя направленія произвольнаго мышленія соотвѣтствуютъ подобныя же и въ сферѣ мышленія мето-

---

[1]) Мы говоримъ «въ переносномъ смыслѣ», ибо настоящія категорическія сужденія возможны только въ видѣ контраста къ условнымъ и раздѣлительнымъ, т. е. тоже лишь на ступени мышленія произвольнаго.

дическаго; гипотезами или гипотетическими сужденіями называются условныя сужденія, построенныя методически, законами называются безусловныя сужденія или, вѣрнѣе говоря, словесныя формулы этихъ сужденій безусловныхъ, построенныхъ тоже методически. А такъ какъ условныя методическія сужденія являются въ то же время продуктами несовершенной еще индукціи и дедукціи, то мы и признали съ другой стороны, что гипотезами называются конечные результаты первичной индукціи и дедукціи и что гипотезы должны предварять индукцію и дедукцію вторичную, построяющую законы, какъ формулы истинъ вполнѣ достовѣрныхъ (ср. введ. стр. 42).

Затѣмъ въ теоріи индукціи мы встрѣчаемъ еще рядъ понятій, выражающихъ частныя направленія методической умственной работы при интеграціи данныхъ опыта въ «научныя идеи» Это понятія о методахъ согласія и различія, указывающихъ на двоякіе способы сближенія сложныхъ идей, помощью совмѣстнаго сосуществованія и совмѣстнаго отсутствія ихъ въ объектахъ нашего опыта. Внутреннее значеніе этихъ и другихъ родственныхъ имъ частныхъ методовъ «изслѣдованія» мы подробнѣе разсмотримъ въ другое время. Пока достаточно имѣть въ виду тотъ фактъ, что старая логика установила не только общія направленія произвольныхъ и методическихъ дѣйствій ума, но и нѣкоторыя частные моменты и условія высшихъ интеграцій и диффереціацій идей. Къ сожалѣнію, не имѣя правильныхъ общихъ руководящихъ началъ въ анализѣ умственной дѣятельности, и слѣдуя грубо эмпирическому и поверхностному методу обобщенія фактовъ въ этой области явленій природы (т. е. пользуясь сама еще только пріемами первичной индукціи и дедукціи), она далеко еще не разъяснила дѣйствительныхъ отношеній всѣхъ этихъ частныхъ моментовъ мышленія на высшихъ ступеняхъ его развитія и часто смѣшивала существенныя понятія о его отправленіяхъ съ несущественными (напр. второстепенные методы «сопутствующихъ измѣненій и остатковъ» ставила на одну линію съ главными методами «согласія и различія», и т. д.). Всѣмъ этимъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ, по нашему мнѣнію, можетъ наступить конецъ лишь съ приложеніемъ ко всѣмъ вопросамъ науки о познаніи разсмотрѣнныхъ въ настоящемъ сочиненіи принциповъ анализа умственныхъ и вообще познавательныхъ процессовъ.

Сдѣлавъ общій разборъ данныхъ логическихъ понятій, имѣвшій единственною цѣлью найти такіе символы, которые бы могли служить орудіемъ для выраженія различія высшихъ произвольныхъ и методическихъ интеграцій и дифференціацій идей отъ низшихъ, безсознательныхъ и сознательныхъ, и доказать, что такіе символы, а слѣдовательно и соотвѣтствующія имъ идеи, составляли уже достояніе прежней логики, хотя и неоцѣненное сю по достоинству, — мы теперь постараемся начертать общую картину дѣйствительнаго развитія произвольнаго мышленія, а это возможно лишь при посредствѣ анализа понятій, выражающихъ различныхъ степеней элементы и продукты умственной дѣятельности на высшихъ ступеняхъ ея сложности и сознательности.

Общій ходъ развитія произвольныхъ и методическихъ процессовъ мышленія, какъ уже можно заключать изъ предшествующаго, обнимаетъ слѣдующіе частные моменты:

1) Сознательное-произвольное мышленіе состоитъ:

а. Изъ произвольной перенинтеграціи непроизвольно-дифференцированныхъ конкретныхъ понятій въ конкретныя же понятія, болѣе сложныя.

б. Изъ произвольной интеграціи дифференцированныхъ продуктовъ этой первичной произвольной работы ума въ понятія отвлеченныя.

в. Изъ дальнѣйшей интеграціи дифференцированныхъ простѣйшихъ отвлеченныхъ понятій въ отвлеченныя понятія болѣе сложныя.

2) Произвольно-методическое мышленіе состоитъ:

а. Изъ методической перенинтеграціи неметодически-дифференцированныхъ отвлеченныхъ понятій въ сложныя отвлеченныя понятія (первичная индукція).

б. Изъ методической интеграціи дифференцированныхъ сложныхъ отвлеченныхъ понятій въ научныя идеи (вторичная индукція).

в. Изъ дальнѣйшей методической интеграціи дифференцированныхъ простѣйшихъ научныхъ идей въ научныя идеи болѣе сложныя (третичная индукція). Такимъ образомъ все произвольное мышленіе въ совокупности даетъ слѣдующій рядъ продуктовъ:

1) Произвольно-перенинтегрированныя конкретныя понятія.

2) Простѣйшія отвлеченныя понятія.

3) Сложныя отвлеченныя понятія неметодически построенныя.

4) Сложныя отвлеченныя понятія методически перестроенныя.

5) Простѣйшія научныя идеи.

6) Сложныя научныя идеи.

Чтобы убѣдиться, что въ основаніи сдѣланной классификаціи понятій лежатъ дѣйствительныя, а не фиктивныя только различія, приведемъ примѣры.

Понятіе о человѣкѣ есть несомнѣнно конкретное понятіе, ибо оно соотвѣтствуетъ классу предметовъ, непосредственно данныхъ въ опытѣ. Понятіе о животномъ есть тоже такое конкретное понятіе, лишь болѣе обширное по своему содержанію, т. е. обнимающее большее количество предметовъ. Зато понятіе о живомъ существѣ есть уже понятіе отвлеченное, ибо признаки, въ него входящіе, искусственно отвлечены изъ совокупности признаковъ, данныхъ дѣйствительными предметами, и соединены въ единство, которое далеко заходитъ за предѣлы дѣйствительныхъ опытовъ (въ понятіе «живого существа» входятъ въ частности понятія и о такихъ существахъ, напр. объ ангелахъ и о самомъ Богѣ, признаніе которыхъ всецѣло вытекаетъ изъ совокупности стремленій человѣка, т. е. изъ чисто субъективныхъ, а не объективныхъ мотивовъ, и бытіе которыхъ опытомъ провѣрено быть не можетъ). Наконецъ понятіе объ организмѣ есть уже не простое отвлеченное понятіе, а научная идея, т. е. идея построенная методически.

Приведенныя три понятія животнаго, живого существа и организма потому нами сопоставлены, что не смотря на различіе способовъ ихъ образованія, объекты, которые послужили основою для этого образованія, всетаки одни и тѣ же. Въ такомъ же точно отношеніи находятся понятія земли, матеріи и неорганическаго вещества: первое конкретно, второе отвлеченно, третье отвлеченно-научно. Понятія звѣзды, небеснаго тѣла и планеты въ примѣнени къ какому-нибудь Юпитеру или Марсу находятся опять въ такомъ же отношеніи — конкретной, отвлеченной и научной идей.

Если, ограничиваясь пока приведенными примѣрами, мы теперь вникнемъ подробнѣе въ содержаніе отмѣченныхъ нами понятій, то должны будемъ констатировать слѣдующее: конкретныя понятія о человѣкѣ, землѣ и звѣздѣ сначала конечно построяются нами (или же усвоиваются при участіи окружающихъ лицъ) совершенно непроизвольно. Но тѣ же самыя понятія на ступени «самосознанія», если только человѣкъ въ своемъ развитіи достигнетъ этой послѣдней, всегда произвольно нами переинтегрируются и даже иногда не однажды. Понятіе о человѣкѣ, которое имѣетъ учащійся школьникъ, существенно

отличается отъ понятія о человѣкѣ, которое образуется въ его умѣ рано или поздно путемъ произвольной переинтеграціи составныхъ элементовъ этого понятія на ступени самосознанія. Положимъ, признаки этого конкретнаго понятія могутъ остаться почти тѣ же самые, но фактъ новаго активнаго ихъ возсоединенія въ одно общее единство, на мѣсто прежняго пассивнаго, даетъ совершенно своеобразный характеръ данной идеѣ: она только тогда и становится вполнѣ нашимъ достояніемъ, когда мы произвольно возсоединили то, что было соединено прежде пассивно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ или другихъ людей. Этимъ и различается самостоятельно-построенная конкретная идея о какихъ-нибудь предметахъ отъ «нажитой» или «навязанной», — идея, входящая въ составъ нашихъ убѣжденій, отъ такой, которая случайно и невѣдомо какъ и когда попала въ наше сознаніе.

Слѣдовательно двоякій родъ конкретныхъ понятій, непроизвольно и произвольно составленныхъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но точно также и «отвлеченныя» понятія бываютъ двоякаго образованія: одни представляются продуктами произвольнаго, но еще неметодическаго мышленія, другія являются продуктами методической переинтеграціи первыхъ. Оттого отвлеченныя понятія живого существа, матеріи, небеснаго тѣла и другія подобныя въ томъ составѣ, какой они имѣютъ въ обыкновенномъ житейскомъ обиходѣ, существенно отличаются отъ тѣхъ же понятій, насколько они составляютъ достояніе философскихъ системъ и употребляются въ научномъ языкѣ. Въ философскихъ системахъ мы видимъ именно рядъ попытокъ методической переинтеграціи этихъ отвлеченныхъ понятій, но такъ какъ эта переинтеграція происходила при помощи несовершенныхъ еще или, такъ сказать, примитивныхъ методовъ, то продукты ея и не заслуживаютъ еще названія научныхъ идей. Не на этомъ ли соображеніи основанъ и современной протестъ точнаго знанія противъ мнимой научной цѣны метафизическихъ отвлеченій? Метафизическія понятія о матеріи, о душѣ, о Богѣ, составляютъ только опыты методической переинтеграціи отвлеченныхъ понятій, первоначально возникшихъ неметодически, и какъ бы ни были удачны эти «опыты», означенныя и другія подобныя метафизическія понятія всегда будутъ составлять лишь ступень къ развитію на той же фактической почвѣ совершенно новыхъ образованій — научныхъ идей, построенныхъ при участіи вполнѣ научныхъ или «экспериментальныхъ» методовъ и исключающихъ всѣ тѣ субъективныя воздѣйствія нашихъ чувствъ, которыя при переинтеграціи

простыхъ отвлеченныхъ понятій играютъ еще весьма важную роль. Итакъ и отвлеченныя понятія могутъ имѣть двоякое происхожденіе.

Научныя идеи, какъ мы сказали, могутъ быть прежде всего болѣе простыми и болѣе сложными и особо доказывать это положеніе конечно нѣтъ надобности. Но зато необходимо упомянуть, что хотя научныя идеи по способу образованія, при посредствѣ различныхъ опытныхъ методовъ, всѣ представляются болѣе или менѣе однородными, тѣмъ не менѣе и ихъ степени совершенства уже a priori могутъ быть различны, такъ какъ самые опытные методы, какъ изобрѣтенные или «искусственные» продукты человѣческой мысли, могутъ безконечно совершенствоваться и развиваться, а это разумѣется приводитъ къ дезинтеграціи старыхъ научныхъ идей и къ построенію на мѣсто ихъ новыхъ, лучшаго качества. Оттого-то мы и предположили выше (ср. стр. 79), что общая ступень строго «научнаго» мышленія или научной познавательной дѣятельности подлежитъ дальнѣйшей дифференціаціи, и что низшая форма произвольно-методической познавательной дѣятельности (конечно при совокупной работѣ многихъ индивидуальныхъ умовъ, т. е. въ предѣлахъ ума всеобщаго) есть лишь первое звено въ развитіи новаго ряда ступеней этой дѣятельности, которое a priori должно быть безпредѣльно. Послѣднее уже ясно изъ того соображенія, что единственнымъ предѣломъ развитія научныхъ идей можетъ быть лишь достиженіе человѣкомъ такой абсолютной полноты и совершенства знаній, о которой современное человѣчество еще и помыслить не смѣетъ, а на необходимости и возможности безконечнаго совершенствованія методовъ мышленія и вообще познанія должна быть въ свою очередь основана и будущая роль теоріи искусства познанія, т. е. методики или методологіи (ср. выше стр. 33), которую мы противупоставили логикѣ, какъ «наукѣ» о познавательной дѣятельности человѣка.

Итакъ не только возможность, но и необходимость предположенія всѣхъ тѣхъ частныхъ моментовъ осложненія интеллектуальныхъ явленій, а слѣдовательно и соотвѣтствующихъ имъ процессовъ, на которые мы раздѣлили выше развитіе произвольнаго мышленія вообще, въ его двухъ главныхъ фазисахъ развитія, доказана.

Но надо замѣтить еще, что всѣ процессы и продукты произвольнаго мышленія тоже имѣютъ тотъ двоякій типъ, который мы открыли въ процессахъ и продуктахъ мышленія непроизвольнаго. Дѣло въ томъ, что и отвлеченныя понятія и научныя идеи развиваются частію

при посредствѣ отождествляющихъ и различающихъ дѣйствій, ума, частію при посредствѣ такихъ дѣйствій, которыя устанавливаютъ и отрицаютъ послѣдовательность или внѣшнее сосуществованіе элементовъ чувственнаго опыта. Эти дѣйствія только превращаются изъ непроизвольныхъ въ произвольныя (а затѣмъ и въ методическія), что́ сопровождается и параллельнымъ развитіемъ периферическихъ процессовъ воспріимчивости въ такія же «произвольныя» движенія, т. е. прежде всего превращеніемъ воспріятій въ наблюденія. «Наблюденіями» мы называемъ произвольно-объективируемыя совокупности сознательныхъ воспріятій (какъ воспріятія суть сознательно-объективируемыя совокупности ощущеній), а такъ какъ произвольныя дѣйствія ума мы поставили въ зависимость отъ непроизвольной дифференціаціи сложныхъ конкретныхъ понятій, то «наблюденія» суть въ то же время произвольныя объективаціи дифференцированныхъ конкретныхъ понятій. Это послѣднее опредѣленіе выясняетъ и ихъ содержаніе. Если сложныя конкретныя понятія (въ періодѣ интеграціи) соотвѣтствуютъ группамъ предметовъ и явленій, ихъ состояніямъ и дѣйствіямъ, то простыя понятія, выдѣляющіяся изъ сложныхъ помощью дифференціаціи, суть понятія о болѣе частныхъ видахъ предметовъ и явленій и даже объ отдѣльныхъ предметахъ и явленіяхъ, и далѣе о ихъ частныхъ свойствахъ и качествахъ, какъ элементахъ ихъ состояній и дѣйствій. Другими словами мышленіе въ своемъ процессѣ развитія, т. е. въ постоянной смѣнѣ интеграцій дифференціаціями и на оборотъ, возвращается всегда къ болѣе простымъ элементамъ объективной дѣйствительности, съ которыми она уже отчасти имѣла дѣло ранѣе, но съ каждымъ разомъ эти элементы, перерабатываясь, пріобрѣтаютъ бо́льшую отчетливость и полноту содержанія. Понятія объ отдѣльныхъ предметахъ и явленіяхъ, ихъ свойствахъ и качествахъ, какъ продукты дифференціаціи болѣе сложныхъ понятій (о родахъ и видахъ предметовъ и т. д.), уже имѣютъ бо́льшую сознательность и отчетливость, чѣмъ соотвѣтствующія сложныя представленія: они являются результатомъ бо́льшаго количества опытовъ и мыслятся уже какъ элементы высшихъ единствъ, т. е. какъ частныя проявленія общихъ классовъ существованій или какъ элементы сложныхъ событій, съ этими существованіями связанныхъ. Сверхъ того эти дифференцированныя конкретныя понятія объ отдѣльныхъ вещахъ и ихъ свойствахъ, какъ всѣ вообще «понятія», пріурочиваются также къ извѣстнымъ словеснымъ символамъ и этими символами являются съ одной стороны «собствен-

ныя» имена предметовъ или «нарицательныя», дифференцированныя помощью мѣстоимѣній, съ другой стороны — названія обобщенныхъ свойствъ или качествъ предметовъ или явленій. Вслѣдствіе этого, «наблюденія» суть не только произвольно-объективируемыя простѣйшія понятія, но и пріуроченныя къ отдѣльнымъ элементамъ опыта «имена», эти понятія символизирующія. Это то и есть главная внѣшняя отличительная черта наблюденій, сравнительно съ «воспріятіями», которыя, помимо меньшей своей сложности, обладаютъ и непосредственною конкретностью или образностью, исключающею потребность въ искусственныхъ представленіяхъ-символахъ. Но если такъ, то «наблюденія» можно опредѣлить иначе и какъ совокупности воспріятій, объединяемыхъ извѣстными представленіями-именами, соотвѣтствующими простѣйшимъ элементамъ опыта Произвольность этихъ объективированій умственнаго содержанія, т. е. соотвѣтствующихъ имъ сложныхъ периферическихъ движеній, называемыхъ «наблюденіями», объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что присутствіе бо́льшаго числа сознательныхъ умственныхъ образованій, являющихся продуктомъ дифференціаціи сложныхъ конкретныхъ понятій, неизбѣжно приводитъ къ соперничеству и борьбѣ между идеями и побуждаетъ сознаніе дѣлать выборъ между разнообразными элементами его содержанія. Этотъ выборъ сначала конечно руководится лишь простою интенсивностью соотвѣтствующихъ субъективныхъ воспріятій, т. е. конкретныхъ чувствъ и связанныхъ съ ними конкретныхъ желаній, которыя ассоціированы съ объективными воспріятіями, входящими въ составъ конкретныхъ понятій о предметахъ и ихъ свойствахъ, такъ что произвольность является сначала еще весьма ограниченною и отчасти подчиненною внѣшнимъ условіямъ. Вслѣдствіе этого-то первые продукты произвольнаго мышленія и представляютъ лишь простую произвольную перецинтеграцію тѣхъ сложныхъ конкретныхъ понятій, которыя въ свое время интегрировались непроизвольно-сознательно, лишь съ болѣе или менѣе незначительными видоизмѣненіями ихъ содержанія, подъ вліяніемъ сознательныхъ субъективныхъ мотивовъ. Но когда на этой почвѣ возникли сложныя конкретныя понятія, произвольно передѣланныя индивидуальною мыслью, то эти сложныя конкретныя понятія, въ свою очередь произвольно дифференцировавшись подъ вліяніемъ параллельной дифференціаціи продуктовъ субъективной воспріимчивости, т. е. чувствъ и желаній, снова произвольно интегрируются уже въ отвлеченныя понятія, и въ этомъ процессѣ сознаніе руководствуется уже гораздо болѣе сложными и независимыми отъ

«данной обстановки» субъективными мотивами, а равно и болѣе сознательною сортировкою элементовъ умственнаго содержанія, чѣмъ прежде: въ развитіи отвлеченныхъ понятій играютъ большую роль обобщенныя чувства и желанія, уже не связанныя съ непосредственнымъ субъективнымъ воздѣйствіемъ на насъ отдѣльныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ произвольность периферическихъ, а въ связи съ ними и центральныхъ познавательныхъ движеній сложнаго состава постепенно развивается, — во первыхъ, вслѣдствіе увеличенія числа единовременно доступныхъ сознанію умственныхъ образованій и, во вторыхъ, въ связи съ естественной борьбой субъективныхъ придатковъ идей, которыя тоже становятся мало по малу сознательными и болѣе сложными и неизбѣжно вносятъ съ собою все большій и большій разладъ въ отношеніе непосредственныхъ условій внѣшняго опыта и внушеній развивающейся собственной индивидуальности человѣка. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что «произвольность» по нашей теоріи, впрочемъ уже и высказанной однажды (ср. стр. 77—79), является лишь болѣе высокою ступенью сознательности, а именно такъ сказать продуктомъ интеграціи объективной и субъективной сознательности взаимодѣйствій между организмомъ и средою и проистекающаго отсюда перенесенія центра тяжести психической жизни изъ среды въ индивидуумъ. Произвольность есть лишь превращеніе индивидуума изъ подчиненнаго въ подчиняющій, а среды, на оборотъ, изъ подчиняющей въ подчиненную, конечно въ предѣлахъ непосредственныхъ отношеній между этими двумя факторами взаимодѣйствія. Произвольность каждаго человѣка въ частности является какъ бы сознательнымъ торжествомъ психической «дѣятельности» даннаго индивидуума надъ его психическою «жизнію», моментомъ развитія вполнѣ сознательныхъ (индивидуально) дѣятельныхъ психическихъ оборотовъ на почвѣ безсознательныхъ, — и только при такомъ взглядѣ на «произвольность» можно, по нашему мнѣнію, объяснить постепенность ея развитія и самое зарожденіе «свободной воли», какъ окончательнаго сознательнаго узаконенія господства нашего индивидуума надъ средою. На этой основѣ можно конечно построить и новую общую теорію «свободной воли», какъ «личнаго признанія за собою такого богатства внутренняго содержанія сознанія, которое достаточно для искусственнаго преломленія всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ (физическихъ или органическихъ) вліяній — въ идеяхъ, стоящихъ выше всякихъ случайностей непосредственнаго опыта». А это въ свою очередь

могло бы повести и къ постановкѣ теоріи отвѣтственности на почву оцѣнки присутствія или отсутствія въ сознаніи даннаго суъекта такихъ идей, которыя по сознательности и отвлеченности своей достаточны были бы для преломленія тѣхъ или другихъ непосредственныхъ матеріальныхъ вліяній[1]). Но, чтобы не отвлекаться отъ главнаго предмета своего изслѣдованія, мы оставимъ подробное изложеніе этой теоріи свободной воли и отвѣтственности до другого раза и воротимся къ поставленному выше вопросу о двоякомъ типѣ произвольныхъ дѣйствій ума и ихъ продуктовъ.

Итакъ мы сказали, что дѣйствія ума, вновь интегрирующія дифференцированныя конкретныя понятія, послѣ произвольнаго объективированія ихъ въ формѣ «наблюденій», отличаются отъ непроизвольно-сознательныхъ его дѣйствій только своею произвольностью, а затѣмъ имѣютъ конечно тѣ же два основные типа, какъ и эти послѣднія. Это опять неизбѣжно вытекаетъ уже и изъ того соображенія, что низшіе продукты произвольнаго мышленія по общему содержанію ничѣмъ не отличаются отъ высшихъ продуктовъ мышленія непроизвольнаго (какъ низшіе продукты сознательнаго мышленія отъ высшихъ продуктовъ безсознательнаго), а именно тоже являются сложными конкретными понятіями о видахъ и родахъ предметовъ и явленій, о ихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ, какими даетъ ихъ извѣстная совокупность непосредственныхъ опытовъ, но однако перестроенныхъ при участіи другихъ, болѣе частныхъ понятій. Тождественныя же по составу сложныя явленія должны быть продуктомъ и тождественныхъ движеній, устанавливающихъ отношенія между ихъ элементами, а потому нельзя сомнѣваться, что и первоначальныя сознательно-произвольныя ассоціаціи и диссоціаціи идей дѣлятся на тѣ же два класса сложныхъ движеній или дѣйствій ума, 1) приравнивающихъ или уподобляющихъ.

---

[1]) А такое ученіе объ отвѣтственности свело бы и юридическую процедуру главнымъ образомъ на разборъ условій воспитанія и вообще физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія подсудимаго, фактъ преступленія котораго констатированъ предварительнымъ слѣдствіемъ и оцѣнкою показаній свидѣтелей, и, съ другой стороны, заставило бы государство перенести центръ тяжести своихъ попеченій съ вопроса о способахъ каранія преступленій на вопросъ о способахъ наилучшаго ихъ предупрежденія, помощью усиленія образованія или интеллектуальнаго развитія гражданъ, т. е. помощью развитія въ нихъ отвлеченныхъ идей и чувствъ, единственно способныхъ служить противовѣсомъ для конкретныхъ впечатлѣній физической среды.

и отрицающихъ равенство или подобіе, 2) ставящихъ въ зависимость или связь, и отрицающихъ эту зависимость или связь (между объектами идей), на какія мы подраздѣлили и высшія непроизвольно-сознательныя ихъ ассоціаціи и диссоціаціи. Все различіе состоитъ только въ томъ, что новыя, болѣе сложныя движенія являются продуктомъ сознательной борьбы чувствъ и желаній, т. е. субъективныхъ мотивовъ, которыми идеи осложнились въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и подъ вліяніемъ которыхъ центръ тяжести психической дѣятельности перешелъ изъ области внѣшнихъ отношеній въ область отношеній внутреннихъ. Но и это различіе однако уже на столько существенно, что можетъ служить достаточнымъ побужденіемъ, во 1), для переименованія основныхъ «типовъ» сложныхъ умственныхъ движеній на ступени произвольности и, во 2), для изобрѣтенія новыхъ конкретныхъ символовъ, съ цѣлью нагляднаго формулированія ихъ различій другъ отъ друга.

Основные типы непроизвольно-сознательныхъ движеній ума различной сложности мы называли физическимъ и математическимъ. Эти имена очевидно уже непригодны для обозначенія параллельныхъ типовъ произвольныхъ его дѣйствій, ибо въ нихъ идеи «искусственности» и нѣкоторой «независимости» этихъ дѣйствій отъ непосредственныхъ данныхъ внѣшняго опыта не выражены. Въ особенности для обозначенія вторичныхъ произвольныхъ дѣйствій ума, помощью которыхъ построяются отвлеченныя понятія, и притомъ по преимуществу тѣ, которыя основаны на отношеніяхъ внѣшней смежности (между сложными элементами опыта), упомянутые термины вовсе непригодны, ибо странно было бы напр. отвлеченныя понятія о Богѣ и о душѣ назвать идеями «физическаго» типа; это внесло бы очень неудобную двусмысленность въ терминологію нашей науки. Поэтому употреблявшіяся нами до сихъ поръ наименованія мы непремѣнно должны замѣнить другими, болѣе точными, хотя и сознаемся, что это задача очень трудная. Легко придумывать удачныя имена для конкретныхъ предметовъ окружающей дѣйствительности: для этого достаточно лишь подмѣтить выдающіяся черты ихъ чувственнаго воздѣйствія на человѣка или ихъ внѣшніе признаки сходства съ другими конкретными предметами, уже наименованными, и, по аналогіи, приспособить названія этихъ послѣднихъ къ обозначенію первыхъ. Но въ высшей степени затруднительно находить удачныя названія для сложныхъ отвлеченныхъ идей, пріобрѣтенныхъ научнымъ анализомъ. Тутъ

аналогіи естественно должны быть гораздо многочисленнѣе и сложнѣе и нужно обладать большимъ остроуміемъ, чтобы выбрать наиболѣе подходящую изъ нихъ, — а этимъ качествомъ мы къ сожалѣнію не обладаемъ. Остается сдѣлать «попытку», которую другіе авторы можетъ быть признаютъ неудачною и исправятъ. Но для этого прежде всего приведемъ образчики двоякаго типа отвлеченныхъ понятій, образующихся изъ новой интеграціи произвольно-дифференцированныхъ конкретныхъ понятій. Понятія Богъ, душа, существо, матерія небесное тѣло, уже упомянутыя нами выше (см. стр. 226), представляютъ одинъ типъ отвлеченныхъ умственныхъ образованій, соотвѣтствующій ариѳметическому типу продуктовъ безсознательнаго мышленія и физическому — продуктовъ мышленія сознательнаго, ибо въ этихъ понятіяхъ мыслятся совокупности органически связанныхъ по внѣшней смежности свойствъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій, въ которыхъ, т. е. свойствахъ, отличія этихъ послѣднихъ другъ отъ друга и воплощаются. Понятія движенія, покоя, взаимодѣйствія, вліянія, существованія и другія подобныя представляютъ другой типъ продуктовъ отвлеченнаго мышленія, соотвѣтствующій геометрическому — въ области продуктовъ безсознательнаго мышленія, и математическому — въ сферѣ продуктовъ мышленія сознательнаго, ибо въ нихъ мыслятся совокупности органически-связанныхъ по внутренней смежности (т. е. на основаніи равенства или подобія) идей о состояніяхъ, дѣйствіяхъ и отношеніяхъ предметовъ и явленій, какъ воплощеніяхъ ихъ свойствъ, т. е. мыслятся идеи о видахъ и родахъ этихъ состояній, дѣйствій и отношеній.

Слѣдовательно двоякій типъ отвлеченныхъ понятій не можетъ подлежать сомнѣнію и мы легко можемъ распредѣлить эти послѣднія, согласно приведеннымъ образцамъ, на два большія класса: отвлеченныхъ понятій 1) о частяхъ вселенной и 2) о родахъ и видахъ состояній, дѣйствій и отношеній между этими частями, откуда затѣмъ уже помощью новой дифференціаціи образуются въ свою очередь отвлеченныя понятія о частяхъ означенныхъ частей мірозданія и о болѣе частныхъ проявленіяхъ различныхъ видовъ и родовъ состояній, дѣйствій и отношеній предметовъ. Но признать двоякую природу отвлеченныхъ понятій для нашихъ цѣлей всетаки еще недостаточно. Необходимо прибавить и нѣсколько словъ о способахъ ихъ образованія. Мы видѣли уже (ср. стр. 195), что конкретныя понятія развиваются на почвѣ ассоціаціи и интеграціи дифференцированныхъ элементовъ слож-

ныхъ конкретныхъ представленій, которыя, т. е. ассоціаціи, имѣютъ однако противуположный типъ съ ассоціаціями и интеграціями, участвовавшими въ образованіи означенныхъ двоякаго типа сложныхъ конкретныхъ представленій. Отсюда уже a priori слѣдуетъ, что и новые продукты мышленія, отвлеченныя понятія, возникаютъ на почвѣ такихъ ассоціацій и интеграцій дифференцированныхъ конкретныхъ понятій, которыя противуположны по характеру ассоціаціямъ и интеграціямъ, легшимъ въ основаніе сложныхъ конкретныхъ понятій, служащихъ основаніемъ для развитія отвлеченныхъ (ибо иначе изъ новой интеграціи частныхъ конкретныхъ понятій образовались бы снова конкретныя понятія, лишь болѣе общія и сложныя по составу). И дѣйствительно: въ отвлеченныхъ понятіяхъ о «частяхъ вселенной» (матерія, душа, Богъ и проч.) очевидно ассоціированы и интегрированы по внѣшней смежности дифференцированные элементы конкретныхъ понятій о видахъ и родахъ предметовъ и явленій, образовавшихся помощью сложныхъ движеній противуположнаго типа (т. е. основанныхъ на внутренней смежности), а въ отвлеченныхъ понятіяхъ о видахъ и родахъ состояній, дѣйствій и отношеній предметовъ, напротивъ ассоціированы и интегрированы по внутренней смежности дифференцированные элементы конкретныхъ понятій о ихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ, основанныхъ на ассоціаціяхъ идей по смежности внѣшней. Напр. въ понятіи о «душѣ» мы мыслимъ рядъ такихъ частныхъ обнаруженій духовныхъ свойствъ отдѣльныхъ одушевленныхъ предметовъ различныхъ классовъ, которыя поставлены нами во внѣшнюю органическую зависимость другъ отъ друга, а въ понятіи о «движеніи» — совокупность такихъ частныхъ обнаруженій перемѣнъ въ свойствахъ предметовъ и явленій, которыя признаны намъ сходными между собою.

Эти то соображенія о способахъ образованія отвлеченныхъ понятій и могутъ привести насъ скорѣе всего къ открытію наиболѣе удобнаго способа «обозначенія» двоякаго типа произвольныхъ дѣйствій ума и ихъ продуктовъ помощью особыхъ научныхъ терминовъ, такъ какъ, уяснивъ себѣ существенные моменты двухъ противуположныхъ другъ другу процессовъ, мы уже легко можемъ найти и главную основу этой ихъ противуположности, а отсюда неизбѣжно придемъ и къ отысканію тѣхъ аналогій ихъ съ какими-нибудь другими процессами природы или дѣйствіями человѣка, которыя могутъ послужить мотивомъ для того или другого ихъ наименованія.

Выходя изъ предшествующаго, можно сказать, что отвлеченныя понятія одного типа образуются такимъ путемъ, что въ различныхъ частныхъ *однородныхъ* идеяхъ мы беремъ *разнородныя* черты и, находя между ними соотношеніе или зависимость, соединяемъ ихъ въ одно высшее единство. Напр. отвлеченное понятіе о «Богѣ», составленное по образу и подобію конкретнаго понятія о человѣкѣ, возникаетъ такимъ путемъ, что разнородныя проявленія человѣческой природы — свободу, нравственное совершенство, творческую силу, могущество и т. д., мы соединяемъ въ одно цѣлое, вслѣдствіе предполагаемой *необходимой зависимости* между этими свойствами конкретно-раздѣльныхъ духовныхъ существованій. Но зато отвлеченныя понятія другого типа образуются на оборотъ такимъ путемъ, что находя въ *разнородныхъ* свойствахъ и качествахъ различныхъ предметовъ и явленій *однородныя* черты, мы извлекаемъ эти однородныя черты и соединяемъ ихъ въ одно высшее цѣлое на основаніи ихъ внутренняго родства. Напр. въ конкретныхъ понятіяхъ хожденія, бѣганія, плаванія летанія, прыганія, паденія, и т. д., мы находимъ однородныя черты, которыя и объединяемъ въ понятіи «движенія». Внѣшняя связь элементовъ однороднаго, какъ и внутренняя связь элементовъ разнороднаго выведены нами въ обоихъ случаяхъ изъ *произвольнаго* сравненія содержанія частныхъ понятій: онѣ не даны готовыми въ самой дѣйствительности, — ихъ надо было *найти*, и въ этомъ то и состоитъ отличительная черта сложныхъ процессовъ анализа и синтеза, какъ законченныхъ совокупностей тѣхъ многочисленныхъ частныхъ дѣйствій ума, которыя необходимы для построенія «отвлеченныхъ» понятій. Но этотъ процессъ *нахожденія* отношеній между частными понятіями въ обоихъ случаяхъ совершенно своеобразный: произвольное *скрѣпленіе* разнороднаго и произвольное *подбираніе* или *извлеченіе* однороднаго суть очевидно дѣйствія прямо противуположныя. Съ чѣмъ же эту противуположность можно сравнить? Мы думаемъ, что ее можно всего лучше сравнить съ контрастомъ двоякаго рода произвольныхъ соединеній рукою человѣка матеріальныхъ продуктовъ природы, произвольно же добываемыхъ имъ изъ ея нѣдръ: одни онъ соединяетъ такъ, что разнородное скрѣпляется съ разнороднымъ помощью какихъ-нибудь общихъ внѣшнихъ связующихъ средствъ, другіе онъ соединяетъ такъ, что однородное сцѣпляется съ однороднымъ въ силу внутренняго сродства частей. Такъ онъ, съ одной стороны, сколачиваетъ одни предметы гвоздями, сшиваетъ другіе нитками, склеиваетъ третьи клеемъ,

сцѣпляетъ четвертые глиной или известкой. Но, съ другой стороны, онъ сплавляетъ и сковываетъ металлы, сливаетъ жидкости, конденсируетъ газы и т. д., пользуясь лишь внутренними соотношеніями частей этихъ тѣлъ и стараясь лишь вызвать наружу внутреннее ихъ сродство процессами накаливанія, нагрѣванія, охлажденія и другими подобными. Остается теперь лишь обобщить эти два различные способа соединенія матеріальныхъ веществъ въ какихъ-нибудь отвлеченныхъ терминахъ, чтобы по закону аналогіи перенести ихъ на соотвѣтствующій двоякій типъ произвольныхъ дѣйствій ума.

Намъ кажется, что понятіе строить, со своими производными «построить, состроить, устроить, пристроить» и т. д., всего лучше выражаетъ общую идею тѣхъ дѣйствій человѣка, помощью которыхъ онъ соединяетъ произвольно въ одно органическое единство разнородныя вещества и элементы природы. Понятіе же сгущать, хотя и не вполнѣ удовлетворительно (съ точки зрѣнія общности), но всё же лучше всѣхъ другихъ, какъ намъ кажется, выражаетъ совокупность тѣхъ дѣйствій человѣка, помощью которыхъ онъ собираетъ въ одну массу всѣ разрозненныя частицы или элементы однородныхъ веществъ. Но такъ какъ соотвѣтствующее этимъ понятіямъ дѣленіе произвольныхъ ассоціативныхъ дѣйствій ума и ихъ продуктовъ на процессы и явленія «строительнаго» и «сгустительнаго» типа съ точки зрѣнія духа русскаго языка представляло бы нѣкоторыя неудобства (термины эти слишкомъ тяжеловѣсны, а кромѣ того мы слишкомъ привыкли примѣнять второе понятіе «сгущенія» къ одной только области вещественныхъ соединеній), то можно прибѣгнуть въ данномъ случаѣ и къ словамъ латинскаго корня. Это тѣмъ болѣе удобно и даже необходимо, что и принятыя нами названія параллельныхъ типовъ безсознательныхъ и сознательныхъ ассоціацій — того же древняго корня (ариѳметическій, геометрическій, физическій, математическій), а кромѣ того международный характеръ научной терминологіи прямо требуетъ выраженія научныхъ идей терминами, доступными всѣмъ европейскимъ языкамъ[1]).

---

[1]) Взглядъ нашъ на «національную» терминологію наукъ мы уже изложили однажды (ср. Психол. чувств., стр. 486). Здѣсь прибавимъ еще то соображеніе, что термины древне-классическаго корня уже потому удобнѣе въ наукѣ, что научныя идеи, представляя съ точки зрѣнія сознательности, т. е. опредѣленности и сложности, дальнѣйшую ступень развитія, сравнительно съ неметодически-составленными отвлеченными понятіями, требуютъ и особыхъ новыхъ названій; но

Поэтому произвольныя ассоціаціи и ихъ продукты, мы будемъ дѣлить на ассоціаціи и идеи конструктивнаго и конденсивнаго типа. Удачны ли эти названія, должна рѣшить критика: мы же до настоящаго времени, не смотря на разнообразнѣйшіе пріемы, нами употребленные, не могли подъискать лучшихъ.

Такимъ образомъ переименованіе основныхъ типовъ умственной работы на ступени произвольнаго мышленія совершилось. Что же касается до вопроса о символахъ, помощью которыхъ можно было бы наглядно формулировать указанные два типа произвольныхъ ассоціацій, диссоціацій и дизассоціацій, интеграцій, дезинтеграцій и дифференціацій идей, то ихъ конечно придумать не трудно: слѣдуетъ лишь приняться за подробное изложеніе послѣдовательнаго развитія этихъ сложныхъ дѣйствій ума. Но такъ какъ такое подробное изложеніе мы рѣшились оставить до другого раза, то объ этихъ символахъ мы скажемъ лишь два слова.

Во первыхъ, что касается до элементовъ и продуктовъ произвольныхъ ассоціацій, то для ихъ символизированія можно опять пользоваться буквами латинскаго алфавита, измѣняя лишь способы ихъ начертанія. Простѣйшіе элементы произвольнаго мышленія, т. е. произвольно-объективированныя конкретныя понятія или «наблюденія», которыя по содержанію тождественны послѣднимъ дифференцированнымъ продуктамъ мышленія непроизвольно-сознательнаго, можно выражать прежними знаками, установленными для конкретныхъ понятій, а именно знаками: $\mathcal{A}$, $\mathcal{B}$, $\mathcal{M}$, $\mathcal{N}$.... Для сложныхъ конкретныхъ понятій произвольно-составленныхъ можно принять знаки: $\mathfrak{A}$, $\mathfrak{B}$, $\mathfrak{M}$, $\mathfrak{N}$...., а для отвлеченныхъ понятій, въ виду ихъ несоотвѣтствія непосредственнымъ даннымъ опыта, можно придумать и рядъ совершенно новыхъ символовъ, составленныхъ лишь по аналогіи съ буквами латинскаго алфавита, напр. знаки: $\mathcal{L}$, $\mathcal{P}$, $\mathcal{D}$ .... для выраженія отвлеченныхъ понятій конструктивнаго типа и знаки: $\mathbb{A}$, $\mathbb{K}$, $\mathbb{C}$.... для выраженія отвлеченныхъ понятій конденсивнаго типа. Во вторыхъ,

---

очевидно, что эти новыя названія легче усваивать и распространять если они уже содержатъ привычныя ассоціаціи звуковъ, хотя бы взятыя и изъ мертвыхъ языковъ, чѣмъ если они составлены совершенно заново изъ элементовъ родного языка. Въ послѣднемъ случаѣ они всегда будутъ или казаться чуждыми и непривычными для нашего уха, или же будутъ подавать поводъ къ недоразумѣніямъ, вслѣдствіе привычныхъ «ненаучныхъ» ассоціацій съ словами, имъ родственными

что́ касается до «дѣйствій» ума, т. е. произвольныхъ сужденій объ отношеніяхъ идей, то ихъ знаки въ свою очередь могутъ быть составлены по аналогіи съ псевдо-математическими знаками, которыя мы до сихъ поръ употребляли. Напр. знаки = и ⌒, # и ○ можно замѣнить знаками ⇆, ↶, ⌗, ⍉; знаки ≡, ⋒, ⌗ и ◎ можно замѣнить знаками ⇶, ⋒, ⌗, ⍉. Но конечно право изобрѣтенія всѣхъ такихъ знаковъ принадлежитъ прежде всего тому, кто первый подробно прослѣдитъ всю систему развитія произвольныхъ дѣйствій ума въ ихъ послѣдовательномъ осложненіи, а во вторыхъ, и всякому новому изслѣдователю мышленія, который серіозно и добросовѣстно отнесется къ своему дѣлу. Тѣ или другіе символы никто не можетъ навязать наукѣ насильственно: тутъ долженъ дѣйствовать естественной законъ конкурренціи. Поэтому-то мы и желали указать лишь на общіе методы, которые мы лично считаемъ возможнымъ примѣнить въ разбираемомъ случаѣ.

Несомнѣнно лишь одно, что система знаковъ, наиболѣе простая и содержащая въ себѣ наиболѣе аналогій съ знаками, уже употребляемыми нынѣ наукою, должна возобладать надъ всѣми прочими.

Замѣтимъ впрочемъ, что при схематическомъ выраженіи произвольныхъ дѣйствій ума, можетъ быть введенъ съ удобствомъ и совершенно новый, сравнительно съ прежними, методъ символизаціи, которымъ наука однако уже пользуется въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ областяхъ (напр. въ физикѣ). Дѣло въ томъ, что на ступени произвольнаго мышленія, какъ мы уже говорили, интеллектуальныя воспріимчивость сама доходитъ въ своемъ развитіи до степени понятій, а именно конкретныхъ. Эти интеллектуальныя конкретныя понятія объ отношеніяхъ другихъ понятій, составленныхъ при посредствѣ внѣшняго опыта, развиваются слѣдующимъ путемъ. Сначала конкретныя представленія интеллектуальнаго круга, т. е. представленія о равенствѣ, неравенствѣ, сходствѣ, зависимости, связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ объектовъ внѣшняго опыта, первоначально возникшія, какъ мы видѣли, изъ безсознательной интеграціи ощущеній умственныхъ движеній, должны сознательно переинтегрироваться: этотъ процессъ сопровождаетъ процессъ произвольной переинтеграціи конкретныхъ понятій внѣшняго происхожденія. Затѣмъ въ процессѣ развитія сужденій объ отношеніяхъ сложныхъ конкретныхъ понятій произвольнаго образованія, т. е. въ процессѣ развитія «отвлеченныхъ» понятій

внѣшней сферы, означенныя конкретныя представленія объ отношеніяхъ объектовъ мысли, имѣющія сознательную формацію, интегрируются другъ съ другомъ въ простѣйшія конкретныя понятія о равенствѣ, сходствѣ, противуположности, зависимости, связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ объектовъ идей, и наконецъ эти простѣйшія конкретныя понятія, въ процессѣ дальнѣйшаго осложненія отвлеченныхъ идей (третья ступень неметодически-произвольнаго мышленія), превращаются въ сложныя конкретныя понятія различной степени. Теперь очевидно, что эти понятія объ отношеніяхъ внѣшнихъ объектовъ мысли, соотвѣтственно которымъ возникаютъ и особыя имена, нами приведенныя (ср. стр. 199—200), могутъ быть свою очередь выражаемы не графическими знаками, а какими-нибудь малыми буквами, въ родѣ тѣхъ, которыя употребляютъ физика и астрономія для выраженія объема, массы, тяжести и другихъ свойствъ тѣлъ, напр. буквами p (равенство), c (сходство), z (зависимость) и т. д., или же латинскими, подобранными по тому же методу. Тогда схемы произвольныхъ ассоціацій примутъ уже другой видъ ($\mathscr{A}' \; p \; \mathscr{A}''$, $\mathscr{M}_1 \; z \; \mathscr{N}_1$, и т. д.).

Такъ или иначе, наглядное символизированіе сложныхъ дѣйствій ума будетъ уже легкимъ дѣломъ, если бы только были признаны наукою тѣ общіе принципы, которые мы считаемъ возможнымъ приложить къ анализу высшихъ ступеней развитія мышленія. А потому, до признанія этихъ принциповъ другими изслѣдователями, было бы даже рисковано тратить время и силы ума на выполненіе второстепенной, или, какъ мы выразились въ другомъ мѣстѣ (ср. стр. 209), чисто технической задачи.

Доказавъ возможность приложенія прежней своей теоріи — о двоякомъ типѣ умственныхъ движеній и явленій — къ области произвольныхъ дѣйствій ума и ихъ продуктовъ, перейдемъ къ вопросу о приложимости ея въ сферѣ методическихъ отправленій мысли и ихъ результатовъ. Въ сущности уже a priori ясно, что и методическія дѣйствія ума и ихъ продукты, начиная отъ низшихъ, т. е. методически перенитегрированныхъ простыхъ отвлеченныхъ понятій, и кончая высшими, т. е. сложными научными идеями, должны имѣть опять тѣ же два типа, которые мы обнаружили во всѣхъ предшествующихъ движеніяхъ мысли и явленіяхъ, при посредствѣ ихъ слагающихся, ибо ступень методическаго мышленія, какъ мы показали, всецѣло развивается на почвѣ результатовъ, пріобрѣтенныхъ низшими по сознательности и степени сложности умственными процессами. Намъ остается поэтому

лишь подтвердить существованіе этихъ двухъ типовъ методической умственной дѣятельности частными примѣрами и общимъ очеркомъ развитія методическаго мышленія, а затѣмъ дать новыя наименованія этимъ высшимъ типамъ дѣйствій и явленій ума. Задачу же изобрѣтенія особыхъ наглядныхъ символовъ для выраженія этихъ типовъ, въ виду всего сказаннаго нами выше о пріемахъ символизаціи результатовъ научнаго анализа, мы уже всецѣло предоставляемъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, такъ какъ символы, которые мы могли бы придумать теперь, не имѣли бы конечно никакого обязательнаго значенія для нашихъ преемниковъ.

Сначала мы однако поговоримъ о способахъ наименованія двухъ направленій «научнаго» мышленія, а затѣмъ уже постараемся убѣдить читателя въ существованіи реальнаго содержанія для придуманныхъ нами новыхъ терминовъ, такъ какъ такая послѣдовательность рѣшенія задачъ несравненно удобнѣе въ видахъ краткости изложенія.

Если припомнить, что методическое мышленіе есть только высшая ступень произвольнаго, то станетъ яснымъ, что искать совершенно новаго принципа для обозначенія двухъ типовъ перваго, въ отличіе отъ двухъ типовъ послѣдняго, незачѣмъ: достаточно, если мы замѣнимъ термины «конструктивнаго» и «конденсивнаго» типовъ сложныхъ умственныхъ движеній и явленій, въ которыхъ (т. е. терминахъ) идея методичности умственныхъ операцій, въ видахъ достиженія извѣстныхъ объективныхъ цѣлей, еще не отмѣчена, — такими аналогичными по значенію терминами, въ которыхъ бы эта идея методичности стояла на первомъ планѣ. Съ этою цѣлью обратимся къ области высшихъ искусствъ: и эти послѣднія различаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ однихъ художникъ соединяетъ въ одно гармоническое цѣлое различныя вещества природы, въ другихъ такое гармоническое цѣлое создается имъ изъ методической обработки одного вещества. Всего рѣзче этотъ контрастъ выступаетъ при сравненіи двухъ искусствъ, называемыхъ архитектурою и скульптурою. Архитектурное творчество основано на гармоническомъ приспособленіи другъ къ другу, по извѣстной методѣ, различныхъ веществъ (камня, дерева, металловъ, глины, красокъ и т. д.); напротивъ скульптурное творчество основано на методическомъ объединеніи въ одномъ гармоническомъ цѣломъ частей какого-нибудь одного вещества (напр. гипса, металла и т. д.), причемъ частицы эти всегда искусственно собираются или сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ путемъ извлеченія ихъ изъ

разнородныхъ сложныхъ аггрегатовъ веществъ (несомнѣнно напр. что золото, изъ котораго скульпторъ выливаетъ свою статую, ничтожными крупицами собрано изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ земнаго шара и извлечено изъ самыхъ различныхъ аггрегатовъ веществъ, въ сосѣдствѣ съ которыми встрѣчается «золотой песокъ»). Слѣдовательно если бы только предположеніе о двоякомъ типѣ методическихъ ассоціативныхъ дѣйствій ума и ихъ продуктовъ подтвердилось, то назвать ихъ ассоціаціями и идеями архитектурнаго и скульптурнаго типовъ было бы весьма сподручно, такъ какъ въ этихъ понятіяхъ признакъ методичности дѣйствій сознанія стоитъ несомнѣнно на первомъ планѣ.

Посмотримъ же теперь, въ какой степени различіе архитектурнаго и скульптурнаго типовъ методической переработки идей подтверждается дѣйствительнымъ ходомъ развитія этой послѣдней.

Прежде всего припомнимъ, что научное мышленіе начинается съ методической переинтеграціи простыхъ отвлеченныхъ понятій, дифференцированныхъ произвольно, но еще неметодически. Въ промежуткѣ между этими двумя процессами, неметодической дифференціаціи и методической переинтеграціи отвлеченныхъ понятій, надо предположить опять рядъ новыхъ по природѣ периферическихъ движеній, подготовляющихъ означенную методическую переинтеграцію понятій, а именно движеній методически-объективирующихъ содержаніе дифференцированныхъ отвлеченныхъ понятій во внѣшней средѣ, т. е. распредѣляющихъ это содержаніе въ искусственной системѣ наблюденій или, другими словами, въ системѣ «опытовъ», такъ какъ искусственное наблюденіе и принято называть «опытомъ» или экспериментомъ. Эти первоначальные опыты, къ которымъ мы пріурочиваемъ дифференцированное содержаніе отвлеченныхъ понятій конечно еще весьма несовершенны и не обладаютъ той степенью методичности и сложности, какую имѣютъ дальнѣйшіе опыты, служащіе орудіемъ выработки настоящихъ научныхъ идей и называемые «научными экспериментами» въ тѣсномъ значеніи этого слова; но всетаки простыми «наблюденіями» ихъ тоже уже нельзя назвать: между наблюденіями, еще совершенно неорганизованными, и опытами, вполнѣ организованными, лежатъ несомнѣнно такіе произвольные акты воспріятія, въ которыхъ есть уже нѣкоторая, хотя и несовершенная еще организація. Примѣромъ могутъ служить именно тѣ опыты, съ которыми имѣли дѣло и на которыхъ основывали свои выводы старая наука и философія. Неметодическое мышленіе пришло напр. къ построенію отвлеченнаго понятія «души»; это понятіе также

неметодически дифференцировалось на рядъ частныхъ понятій о «силахъ» души: силѣ ума, силѣ чувства, силѣ хотѣнія. Выходя изъ этихъ или другихъ подобныхъ, сначала неметодически интегрированныхъ и дифференцированныхъ отвлеченныхъ понятій, древніе и новые философы и старые псевдоученые прежде всего искусственно, т. е. уже методически, распредѣляли ихъ содержаніе между объектами дѣйствительныхъ опытовъ и находили ихъ воплощенными въ различныхъ живыхъ существахъ, напр. въ представителяхъ различныхъ племенъ (Платонъ, Гегель), или въ различныхъ частяхъ одного и того же организма, или же того или другого его органа, напр. мозга (Платонъ, Декартъ, френологія), а затѣмъ, интегрируя ихъ вновь тоже по извѣстной, хотя еще и примитивной методѣ, приходили къ новому болѣе совершенному по ихъ мнѣнію понятію о душѣ, какъ цѣломъ, которое и выдавали неправильно за научную идею. Очевидно, что упомянутое систематическое или методическое объективированіе содержанія неметодически-интегрированныхъ и дифференцированныхъ отвлеченныхъ понятій нельзя назвать ни простымъ наблюденіемъ (ибо простое наблюденіе всетаки не выходитъ за предѣлы непосредственно-данныхъ элементовъ дѣйствительности), ни совершеннымъ экспериментомъ (ибо совершенный экспериментъ не довольствуется случайными совпаденіями явленій, а умѣетъ искусственно разграничивать случайное отъ необходимаго и неизмѣннаго). Поэтому-то мы и противупоставили съ самаго начала первичную индукцію и дедукцію, какъ подготовительныя ступени методическаго мышленія, — вторичной индукціи и дедукціи, какъ совершеннымъ орудіямъ научнаго творчества, и, съ другой стороны, различили методически-переинтегрированныя «отвлеченныя понятія» отъ «научныхъ идей» въ истинномъ значеніи этого слова. Первичная индукція основана на опытахъ примитивнаго характера, на простой систематизаціи въ наблюденіяхъ дифференцированнаго содержанія отвлеченныхъ понятій, вторичная дедукція — на опытахъ или экспериментахъ вполнѣ методическихъ, т. е. представляющихъ собою процессъ объективированія методически переинтегрированныхъ и столь же методически вновь дифференцированныхъ отвлеченныхъ понятій[1]).

---

[1]) При этомъ однако мы разумѣемъ индукцію и дедукцію въ болѣе тѣсномъ значеніи, чѣмъ въ какомъ мы говорили о нихъ въ введеніи (ср. стр. 42—45), ибо признали впослѣдствіи болѣе удобнымъ удержать за этими терминами въ научномъ словоупотребленіи ту идею произвольности и методичности умственныхъ дви-

Уже изъ этихъ соображеній ясно, что по крайней мѣрѣ на первой своей ступени — переинтеграціи данныхъ ранѣе отвлеченныхъ понятій — методическія дѣйствія ума должны имѣть тѣ же *два типа*, какъ и неметодическія, ибо въ сущности они направлены лишь къ болѣе сознательному востановленію сложнаго состава тѣхъ идей двоякаго типа, конструктивнаго и конденсивнаго, которыя были продуктомъ неметодически-произвольныхъ умственныхъ движеній. Но мы сейчасъ убѣдимся далѣе, что и *научныя идеи*, построенныя на дифференціаціи и помощью новой интеграціи элементовъ отвлеченныхъ понятій, должны имѣть тотъ же двоякій типъ. Предварительно однако надо разъяснить еще одинъ пунктъ.

Мы до сихъ поръ всегда указывали на тѣ *внутреннія пружины*, которыя дѣлали неизбѣжнымъ превращеніе менѣе сознательныхъ и сложныхъ перифериче скихъ и центральныхъ познавательныхъ движеній въ болѣе сознательныя и сложныя. Такъ мы выяснили, что превращеніе совершенно безсознательныхъ периферическихъ и центральныхъ движеній въ сознательныя можно объяснить себѣ простымъ накопленіемъ безсознательныхъ слѣдовъ этихъ движеній и соотвѣтствующимъ увеличеніемъ *энергіи* умственныхъ процессовъ. Превращеніе непроизвольно-сознательныхъ движеній въ сознательно-произвольныя мы мотивировали развитіемъ чувствъ и стремленій, вообще субъективныхъ придатковъ воспріятій, которые вносятъ элементъ борьбы въ процессъ приспособленія внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній и дѣлаютъ неизбѣжнымъ сознательной выборъ между элементами внѣшняго опыта. Спрашивается теперь,

---

женій, которая и прежде *обыкновенно* была съ ними связана (ср. стр. 161). Но съ другой стороны понятно, что если въ понятіяхъ индукціи и дедукціи мыслить только общіе, смѣняющіе другъ друга моменты восхожденія ума отъ частныхъ явленій къ общимъ идеямъ и нисхожденія обратно отъ послѣднихъ къ первымъ (что тоже часто дѣлали логическіе писатели), то понятія индукціи и дедукціи, дѣлаясь синонимами понятій интеграціи и дифференціаціи могутъ быть употребляемы, хотя и въ *переносномъ только смыслѣ*, и въ томъ широкомъ и совершенно еще неопредѣленномъ значеніи, какое мы имъ дали въ введеніи. Это замѣчаніе мы считали необходимымъ сдѣлать для избѣжанія упрековъ въ противорѣчіи со стороны поверхностныхъ критиковъ, которые ловятъ авторовъ на словахъ, не будучи способны усвоить истиннаго духа ихъ теорій. Въ нашей теоріи всѣ слова имѣютъ относительное значеніе: признаніе единства всѣхъ умственныхъ процессовъ уже a priori допускаетъ возможность переноснаго употребленія всѣхъ терминовъ для обозначенія столько же низшихъ, сколько и высшихъ, по отношенію къ даннымъ, процессовъ и продуктовъ мысли. Установленіе же той или другой постоянной и строго опредѣленной терминологіи будетъ дѣломъ послѣдующаго добровольнаго соглашенія спеціалистовъ.

какой же новый факторъ обусловливаетъ превращеніе неметодическихъ, периферическихъ и центральныхъ, познавательныхъ движеній въ методическія? Мы уже упомянули однажды что такимъ факторомъ являются идеи (стр. 79), но какія идеи? Этотъ-то вопросъ и надо развить теперь нѣсколько подробнѣе.

На ступени произвольнаго мышленія, какъ было указано (ср. стр. 240) развиваются понятія интеллектуальнаго круга; но на этой ступени мышленія образованіе ихъ признано еще непроизвольнымъ. На ступени же методическаго мышленія, какъ уже a priori слѣдуетъ изъ предшествующаго, эти понятія, сначала совершенно конкретныя, произвольно перенитегрируются въ конкретныя же, а затѣмъ въ свою очередь превращаются въ отвлеченныя. Вотъ эта то произвольная перенитеграція понятій интеллектуальнаго круга, т. е. понятій объ отношеніяхъ нашихъ внѣшнихъ идей, и служитъ непосредственнымъ толчкомъ къ превращенію произвольныхъ дѣйствій ума, надъ содержаніемъ внѣшнихъ опытовъ, въ методическія. Какъ скоро мы начинаемъ произвольно перестраивать наши интеллектуальныя идеи о равенствѣ, зависимости, противуположности, взаимной связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ элементовъ внѣшняго опыта, то естественно, что такая передѣлка, сопровождаемая интеллектуальными чувствами гармоніи и дисгармоніи умственныхъ движеній и стремленіями направить эти послѣднія къ извѣстному исходу, вноситъ новый факторъ въ наши отношенія ко внѣшней дѣйствительности. Идеи эти являются мотивами и руководящими нитями мышленія и замѣняютъ собою чувства и стремленія, непосредственно связанныя съ объектами внѣшняго опыта; а такъ какъ идеи эти въ своемъ развитіи въ свою очередь подчинены извѣстнымъ отношеніямъ чувствъ и стремленій, но не внѣшняго, а внутренняго происхожденія, то можно сказать, съ другой точки зрѣнія, что методическія дѣйствія ума развиваются подъ вліяніемъ перенесенія центра тяжести съ внѣшнихъ чувствъ и стремленій на внутреннія, интеллектуальныя, которыя съ дальнѣйшимъ развитіемъ внутренней чувствительности тоже изъ безсознательныхъ превращаются въ сознательныя. Другими словами, методическая познавательная дѣятельность является результатомъ съ одной стороны новаго шага въ развитіи сознательности отправленій мысли, съ другой стороны — послѣдствіемъ дальнѣйшаго перенесенія центра тяжести этихъ отправленій въ глубь нашего сензоріума, дальнѣйшей «эмансипаціи» его отъ вліяній внѣшней среды. Не только отношенія внѣшнихъ объек-

тивныхъ воспріятій, но даже и отношенія ихъ субъективныхъ придатковъ постепенно теряютъ силу надъ сознаніемъ, и всѣ условія его дѣятельности сосредоточиваются на тѣхъ идеяхъ и чувствахъ, которыя имѣютъ совершенно внутреннюю природу, т. е. въ концѣ концевъ ведутъ свое происхожденіе отъ специфическихъ умственныхъ ощущеній, объективныхъ и субъективныхъ (т. е. чувствованій). Эти идеи и чувства, становясь постепенно все болѣе и болѣе отвлеченными и сложными, производятъ затѣмъ дальнѣйшее усовершенствованіе и углубленіе интеллектуальной работы и такимъ способомъ и создается тотъ высшій міръ идей, которыя составляютъ достояніе науки.

Стало быть, вторичныя идеи интеллектуальнаго круга съ ихъ субъективными придатками, служатъ внутренною пружиною въ процессѣ превращенія произвольныхъ периферическихъ и центральныхъ познавательныхъ дѣйствій въ методическія. Отсюда между прочимъ выясняется и тотъ методъ, помощью котораго можно всего легче убѣдиться въ двоякомъ типѣ вторичныхъ методическихъ ассоціацій и ихъ продуктовъ, научныхъ идей. Если развитіе научныхъ идей о внѣшнемъ мірѣ сопровождается превращеніемъ произвольно-перетегрированныхъ конкретныхъ понятій интеллектуальнаго круга, т. е. объ отношеніяхъ объектовъ мысли, въ отвлеченныя понятія объ этихъ отношеніяхъ, то очевидно достаточно доказать что и эти отвлеченныя понятія интеллектуальной сферы имѣютъ двоякій типъ, чтобы отсюда съ неизбѣжностью вывести заключеніе, что и научныя идеи, при помощи ихъ образующіяся, должны быть двоякаго типа. А доказать упомянутый тезисъ не трудно. Что̀ такое понятія аналогіи, однородности, разнородности и др. подобныя, какъ не отвлеченныя понятія интеллектуальнаго круга, спеціально конструктивнаго типа, выработавшіяся на почвѣ переработки конкретныхъ понятій о равенствѣ, неравенствѣ, сходствѣ, несходствѣ и другихъ подобныхъ отношеніяхъ (внутренней смежности) между объектами идей внѣшняго происхожденія? Что̀ такое понятія причины и дѣйствія, необходимой послѣдовательности (въ отличіе отъ случайной), понятіе сосуществованія въ пространствѣ, понятіе бытія въ отличіе отъ небытія и др. подобныя, какъ не отвлеченныя понятія того же интеллектуальнаго круга, но типа конденсивнаго, выработавшіяся на почвѣ переработки конкретныхъ понятій о зависимости, связи и другихъ подобныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ между объектами идей объ окружающей насъ дѣйствительности. А такъ какъ всѣ науч-

ныя идеи заключаютъ въ себѣ интеграцію внѣшнихъ фактовъ (т. е. «опытовъ») или на основаніи ихъ аналогіи и ихъ однородности, или на основаніи ихъ сосуществованія и причинной связи, то ясно, что дѣленіе всѣхъ научныхъ идей на идеи архитектурнаго и скульптурнаго типовъ вполнѣ неизбѣжно. Приведемъ еще въ дополненіе примѣры: идеи планеты, кометы, организма, неорганическаго тѣла, вещества, а равно и всѣ другія, помощью которыхъ мы распредѣляемъ предметы и явленія, подвергаемые научному анализу, на строго опредѣленныя группы и классы на основаніи внутренней, опытами дознанной ихъ однородности, — все это идеи скульптурнаго типа. Напротивъ идеи электричества, теплоты, свѣта, магнетизма, непроницаемости, упругости и другихъ подобныхъ свойствъ тѣлъ, или силъ, лежащихъ въ основаніи явленій, — все это идеи архитектурнаго типа, ибо въ нихъ мыслятся всегда научными опытами дознанныя причинныя связи и сосуществованія извѣстныхъ явленій. Конечно этотъ контрастъ научныхъ идей архитектурнаго и скульптурнаго типовъ уже далеко не такъ рѣзокъ, какъ прежде разсмотрѣнные, ибо чѣмъ сложнѣе умственные продукты, тѣмъ разнообразнѣе ассоціаціи, которыя въ нихъ мыслятся: въ идеѣ объ организмѣ мыслится не только рядъ однородностей, но косвенно и рядъ зависимостей и сосуществованій; въ идеѣ электричества мыслится не только рядъ причинныхъ соотношеній но косвенно и рядъ однородностей. И это вполнѣ естественно уже потому, что идеи каждой высшей степени извѣстнаго типа развиваются, какъ мы видѣли, изъ ассоціацій и интеграцій противуположнаго типа между дифференцированными элементами идей низшей степени. Но, если взять преобладающій характеръ связей между элементами различныхъ научныхъ понятій, то едва ли можно будетъ отрицать, что одни заключаютъ въ себѣ по преимуществу интеграцію дифференцированныхъ однородныхъ отвлеченныхъ понятій (какъ напр. идея организма), другія напротивъ по преимуществу интеграцію дифференцированныхъ разнородныхъ отвлеченныхъ понятій, т. е. что одни основаны по преимуществу на методически-организованномъ открытіи внутреннихъ соотношеній однородныхъ факторовъ въ вещахъ разнородныхъ, другія — на такомъ же открытіи внѣшнихъ соотношеній разнородныхъ факторовъ въ вещахъ однородныхъ. Недаромъ наука ставитъ себѣ и двоякія цѣли: статическую и динамическую, т. е. съ одной стороны имѣетъ въ виду научное распредѣленіе на классы предметовъ и явле-

ній, повидимому разнородныхъ, на основаніи искусственнаго открытія ихъ родства или однородности, — съ другой стороны старается найти причинныя соотношенія состояній и дѣйствій этихъ предметовъ и явленій, на первый взглядъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга, т. е. выработать правильныя идеи о внѣшней связи процессовъ, производящихъ видимое разнообразіе вещей. Статическія науки, выходя изъ разнороднаго, приходятъ къ открытію однородныхъ основъ, динамическія науки выходя изъ однороднаго, приходятъ къ открытію различныхъ соотношеній разнородныхъ явленій.

Такимъ образомъ и высшіе методическіе процессы мышленія, а равно и ихъ продукты, между которыми важнѣйшее мѣсто принадлежитъ научнымъ идеямъ, имѣютъ двоякій типъ, архитектурный и скульптурный, отношеніе которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ отношенію конструктивнаго и конденсивнаго, физическаго и математическаго, ариѳметическаго и геометрическаго типовъ умственныхъ движеній и явленій низшихъ степеней.

Убѣдившись въ полномъ соотвѣтствіи фазисовъ и направленій развитія высшихъ, произвольныхъ и методическихъ, процессовъ мышленія — съ фазисами и направленіями развитія низшихъ, безсознательныхъ и непроизвольныхъ, умственныхъ движеній, а равно и въ тождественности частныхъ моментовъ осложненія продуктовъ тѣхъ и другихъ, мы однако должны сдѣлать еще одно весьма важное замѣчаніе.

Мы имѣли въ виду до сихъ поръ постоянно лишь самую общую послѣдовательность развитія идей человѣка, не проводя рѣзкаго различія между человѣкомъ, какъ индивидуумомъ, и человѣкомъ, какъ членомъ той высшей ассоціаціи, которая называется «человѣчествомъ». А между тѣмъ, если приступить къ подробному изслѣдованію какой-нибудь дѣйствительной эволюціи той или другой идеи, то прежде всего надо опредѣлить, съ какою интеллектуальною единицей имѣетъ дѣло изслѣдователь. Чѣмъ больше эта единица, тѣмъ растяжимѣе общіе предѣлы развитія данной идеи и тѣмъ длиннѣе отдѣльные фазисы ея трансформаціи. Это можно прослѣдить особенно рельефно на развитіи высшихъ научныхъ понятій.

Въ личномъ умѣ предѣлы эволюціи научныхъ понятій конечно весьма ограничены и этимъ объясняется можетъ быть вѣчно повторяющаяся остановка каждаго научнаго генія на извѣстной ступени раз-

витія и обычная неспособность старыхъ ученыхъ, несмотря на видимое сохраненіе прежней своей умственной энергіи, приспособиться къ новымъ научнымъ выводамъ и усвоить себѣ самыя очевидныя новыя истины знанія, вслѣдствіе несоотвѣтствія этихъ послѣднихъ съ окончательными итогами изслѣдованія, на которыхъ ихъ собственное развитіе остановилось. Но тѣмъ не менѣе отчасти уже и въ эволюціи личнаго ума, въ смыслѣ методическаго мышленія, возможенъ цѣлый рядъ эпохъ или отдѣльныхъ фазисовъ превращенія научныхъ идей изъ низшихъ въ высшія, по мѣрѣ пріобрѣтенія человѣкомъ новыхъ знаній и въ связи съ постояннымъ интеллектуальнымъ его самоусовершенствованіемъ. Это всего лучше доказали нѣкоторые геніальные философы, напр. Платонъ, Кантъ, Шеллингъ, умственное развитіе которыхъ можно ясно раздѣлить на рядъ «періодовъ». А затѣмъ по отношенію къ каждой области знанія, которую ученый разрабатываетъ, и въ примѣненіи къ каждой научной идеѣ въ частности, какъ извѣстно, существуетъ въ каждомъ серіозномъ умѣ и особая смѣна моментовъ развитія.

Если же мы выйдемъ за предѣлы развитія «личнаго ума» и перейдемъ въ область развитія ума всеобщаго, успѣхами котораго и созидается настоящая наука, то число точекъ зрѣнія, на которыя можно стать при разборѣ происхожденія и осложненія различныхъ научныхъ идей окажется еще больше. Мы уже упомянали (въ введеніи), что можно сдѣлать особымъ предметомъ анализа развитіе научныхъ идей въ каждой отдѣльной сферѣ знанія, въ каждую особую эпоху цивилизаціи, наконецъ во весь періодъ развитія методическихъ знаній. Но такъ какъ и отдѣльныя сферы знанія могутъ быть у́же или шире (извѣстная совокупность частныхъ наукъ, одна частная наука, одинъ отдѣлъ частной науки и проч.) и особыя эпохи цивилизаціи можно брать въ различномъ объемѣ (различая ихъ по столѣтіямъ, по народамъ, по общимъ періодамъ исторіи и проч.) и, наконецъ, даже весь періодъ развитія методическихъ знаній можно ограничивать различными предѣлами (напр. можно начинать его отъ Китайцевъ или отъ Грековъ, съ Ѳалеса или Сократа, съ Аристотеля или Бэкона и т. д.), то ясно, что точки зрѣнія при анализѣ развитія научныхъ идей, внѣ личнаго ума, могутъ быть безконечно разнообразны — и потому-то весьма трудно было иллюстрировать общую теорію этого развитія помощью конкретныхъ примѣровъ.

Мы убѣждены однако въ одномъ, что какъ бы ни была мала или велика изслѣдуемая область развитія методическаго мышленія, личнаго

или общаго, всегда можно разчленить его на тѣ моменты — подготовительный, спеціальный и заключительный, т. е. первичной, вторичной и, такъ сказать, третичной индукцій и дедукцій, на которые мы выше указали. Въ введеніи мы правда настаивали только на контрастѣ первичной и вторичной индукцій и дедукцій, потому что этотъ контрастъ наиболѣе важенъ и проводитъ различіе между несовершенными и совершенными методами познанія. Но и третьяго момента развитія научныхъ идей нельзя вполнѣ игнорировать, ибо, когда началось однажды совершенно организованное построеніе научныхъ понятій, то между первыми научными идеями, относительно независимыми или самостоятельными, и послѣдующими, развивающимися при участіи другихъ научныхъ идей, съ помощью тѣхъ же пріемовъ индукціи и дедукціи, нельзя не провести нѣкотораго различія. Поясним эту мысль примѣромъ. Свою собственную логическую теорію мы отнесли въ введеніи (ср. стр. 43) къ сферѣ первичныхъ индукцій и дедукцій, и въ примѣненіи къ данной частной сферѣ знанія это опредѣленіе совершенно вѣрно, ибо мы въ извѣстной степени основывались на первичныхъ, еще не вполнѣ организованныхъ (въ примѣненіи къ данной области) пріемахъ наведенія и вполнѣ увѣрены, что другими изслѣдователями будутъ найдены рано или поздно совершенно точные методы экспериментальной повѣрки нашихъ, несомнѣнно болѣе или менѣе гипотетическихъ, выводовъ. Но съ другой стороны, если взять во вниманіе зависимость выработанныхъ нами научныхъ понятій отъ понятій другихъ, совершенно точныхъ наукъ, то въ общей исторіи всѣхъ научныхъ идей, имѣющихъ предметомъ развитіе человѣка и природы, наши индукціи и дедукціи являются третичными, такъ какъ въ свою очередь опираются на другія, вторичныя. Мы даже думаемъ вообще, что всѣ науки о сознаніи, въ отдѣльности взятыя, только тогда и способны будутъ перейти изъ первичнаго, подготовительнаго фазиса своего собственнаго развитія во вторичный, точный, когда онѣ сознательно усвоятъ ту истину, что въ общей системѣ развитія знаній ихъ идеямъ принадлежитъ значеніе «третичныхъ» образованій, т. е. что ихъ идеи должны зависѣть отъ тѣхъ идей, которыя пріобрѣтены прочими науками, помощью болѣе или менѣе независимыхъ вторичныхъ индукцій[1]).

---

[1]) Мы говоримъ «болѣе или менѣе», потому что и въ такъ называемыхъ точныхъ наукахъ, не только въ каждой отдѣльно, но и во всѣхъ, взятыхъ въ совокупности, однѣ

Этотъ примѣръ отчасти иллюстрируетъ и относительность понятій, принятыхъ нами для выраженія различныхъ дѣйствій ума, съ точки зрѣнія степени ихъ сознательности и сложности. Такая относительность пожалуй многимъ приверженцамъ стараго научнаго «абсолютизма» покажется крупнымъ недостаткомъ. Но сочувствіе ученыхъ, стоящихъ на уровнѣ современнаго развитія знаній, мы считаемъ обезпеченнымъ, ибо весь смыслъ теоріи развитія и заключается именно въ переходѣ науки, подъ ея вліяніемъ, отъ «абсолютныхъ» понятій къ «относительнымъ», такъ какъ развитіе должно быть безконечно и въ длину и въ ширину и въ глубину. Надѣяться замкнуть его въ рамки «абсолютныхъ» понятій было бы такимъ же безуміемъ, какъ признать возможнымъ навѣки подчинить жизнь народовъ абсолютнымъ законодательнымъ формуламъ. Теоретическія формулы науки, какъ и практическія формулы жизни должны быть одинаково относительны и условны, если онѣ хотятъ правильно выражать и правильно регулировать вѣчно измѣняющееся теченіе дѣйствительности. Неизмѣнными могутъ быть только самые общіе и отвлеченные принципы теоретической и практической сферы, соотвѣтствующіе конечнымъ основамъ предметовъ и явленій, а такъ какъ эти общіе принципы составляютъ послѣдніе, далеко еще недостижимые идеалы науки и жизни, то современныя формулы той и другой области всѣ относительны и подлежатъ измѣненію, хотя бы и въ различной степени.

Послѣднее всего лучше подтверждается въ частности и спеціальными результатами нашего предшествующаго анализа. Эти результаты сводятся къ выработкѣ нами научныхъ понятій именно различной степени относительности. Мы искали по возможности общихъ и неизмѣнныхъ формулъ, въ которыя можно было бы облечь всю совокупность умственныхъ процессовъ и явленій, и найдя такія формулы въ тѣхъ предѣлахъ, которые доступны современной наукѣ, старались при помощи другихъ менѣе общихъ и уже болѣе относительныхъ формулъ доказать возможность сведенія всей умственной дѣятельности къ немногимъ однообразнымъ основамъ. Задача эта выполнена:

идеи подчинены другимъ и напр. индукціи физіологическія представляются третичными сравнительно съ индукціями химіи и физики. Развитіе всѣхъ наукъ объ организмѣ, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ подчинено развитію наукъ о неорганическихъ веществахъ и силахъ (ср. стр. 47).

тезисы, въ свое время поставленные нами (ср. стр. 92 и 109), мы считаемъ доказанными въ той мѣрѣ, какая была доступна намъ при усвоенныхъ нами пріемахъ разбора содержанія мысли. Но если мы оглянемся теперь назадъ, то нелѣпымъ самообольщеніемъ и противорѣчіемъ себѣ было бы утвержденіе, что наиболѣе общія формулы, къ которыхъ намъ удалось свести всѣ умственные процессы и явленія должны составлять вполнѣ совершенное и неизмѣнное достояніе науки. Эти формулы только относительно неизмѣнны и удовлетворительны, по скольку онѣ способны были наглядно выразить единство умственныхъ процессовъ и явленій съ точки зрѣнія ихъ основъ и взаимныхъ отношеній, но онѣ всетаки «относительны» и всетаки подлежатъ «дальнѣйшей переработкѣ» уже потому, что ни одна наука, не выключая и прославленной астрономіи, не сказала пока своего послѣдняго слова, да и сказать его въ наше время еще не можетъ. Наши формулы могутъ оказаться лучше и удобнѣе всѣхъ прежде бывшихъ и, въ силу этого обстоятельства, могутъ быть на время усвоены представителями науки и послужить исходною точкою для дальнѣйшаго ея совершенствованія въ данной спеціальной области. Но такой успѣхъ именно можетъ быть только временнымъ, т. е. можетъ быть лишь моментомъ научнаго движенія, а не конечнымъ его результатомъ. Съ этой-то точки зрѣнія мы и предлагаемъ судить о выполненной нами работѣ.

Выводы наши не мѣшаетъ теперь свести еще разъ во едино, такъ какъ мы намѣрены основать на нихъ и критическій анализъ вопросовъ объ общихъ законахъ мысли, о заблужденіяхъ ума и т. д., которыми намѣрены далѣе заняться.

Важнѣйшіе общіе итоги двухъ ближайшихъ главъ можно выразить слѣдующимъ рядомъ положеній:

1) Всѣ умственные процессы, какъ одинъ изъ трехъ существенныхъ моментовъ познавательныхъ процессовъ (а именно моментъ центральный) сводятся къ немногимъ видамъ движеній, сообщающихъ и разобщающихъ данныя явленія сознанія. Движенія эти въ ихъ совокупности мы назвали ассоціативными и подраздѣлили на шесть спеціальныхъ классовъ, которыя различали терминами ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, и отношенія которыхъ въ свое время были подробно нами разсмотрѣны (ср. стр. 97—103).

2) Всѣ эти движенія впрочемъ суть лишь дополненія и разновид-

ности одного основного, направленнаго къ сообщенію или связыванію любыхъ двухъ продуктовъ внѣшняго опыта, т. е. продуктовъ периферическихъ познавательныхъ движеній, столько же непосредственныхъ (ощущеній), сколько и посредственныхъ, т. е. уже переработанныхъ движеніями центральными. Но этотъ основной процессъ сообщенія, какъ и всѣ дополнительные къ нему, а равно и производные, происходитъ въ двоякомъ направленіи или на двоякой основѣ — внѣшней и внутренней смежности элементовъ чувственнаго опыта и идей, — и это привело насъ къ различенію на всѣхъ ступеняхъ развитія мысли процессовъ и явленій двоякаго типа, которымъ мы давали различныя названія, смотря по степени ихъ сознательности и сложности и которыя мы обнимемъ теперь общими терминами экстенсивнаго и интенсивнаго. Приложимость этихъ общеизвѣстныхъ терминовъ къ данному случаю едва ли можетъ быть подвержена сомнѣнію, ибо совершенно понятно, что умственныя движенія, соединяющія въ одно единство разнородныя впечатлѣнія и воспріятія, какой бы сложности они ни были, на основаніи внѣшней смежности ихъ объектовъ въ пространствѣ или во времени, создаютъ продукты различной экстенсивности; движенія же, соединяющія въ одно цѣлое впечатлѣнія и воспріятія тождественныя или однородныя, по принципу внутренней смежности ихъ въ сензоріумѣ, имѣютъ результатомъ идеи различной интенсивности.

3) Но умственныя движенія и ихъ продукты развиваются не только въ направленіяхъ экстенсивномъ и интенсивномъ, т. е. такъ сказать въ направленіяхъ длины и глубины. Есть еще третье направленіе или такъ сказать третье измѣреніе, въ которомъ можно дѣлать сравнительную оцѣнку умственныхъ движеній и явленій, а именно измѣреніе высоты, или что то же, степени ихъ сложности и сознательности. Если мы назовемъ этотъ третій способъ оцѣнки отношеній ассоціативныхъ движеній, т. е. съ точки зрѣнія ихъ степени развитія, способомъ оцѣнки ихъ субтенсивности (отъ subtendo, тяну въ верхъ, вытягиваю, въ переносномъ значеніи «развиваю»), то можно будетъ сказать, что увеличеніе какъ экстенсивности, такъ и интенсивности умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ прямо пропорціально увеличенію ихъ субтенсивности, между тѣмъ какъ въ отношеніи другъ къ другу экстенсивность и интенсивность этихъ движеній и ихъ продуктовъ, какъ результаты двухъ противуположныхъ принциповъ умственной работы, обратно пропорціональны другъ другу

(если конечно имѣть въ виду движенія и явленія одинаковой степени развитія или одинаковой субтенсивности).

4) Различная степень субтенсивности процессовъ и явленій мышленія, какъ уже видно изъ предшествующаго, есть различная степень ихъ сознательности и сложности. «Сознательность» и «сложность» — понятія, выражающія лишь двѣ стороны одного и того же факта, такъ сказать внутреннюю и внѣшнюю, качественную и количественную. Дѣйствительно: въ сферѣ психической дѣятельности бо́льшая сложность движеній и явленій не можетъ не быть въ то же время и большею ихъ сознательностью и на оборотъ, — ибо чѣмъ сложнѣе умственный процессъ или его продуктъ, тѣмъ значитъ больше потрачено на него психической энергіи, а степень психической энергіи и выражается степенью сознанія.

5) Съ этой точки зрѣнія, различной сознательности или сложности или еще иначе «субтенсивности», умственная дѣятельность, какъ и вообще познавательная, имѣетъ четыре главныя ступени развитія, а именно: ступень безсознательную, сознательную, произвольную и методическую, или первичную, вторичную, третичную и четвертичную (ср. стр. 76 и слѣд., 106 и слѣд.).

6) Различіе этихъ ступеней развитія ума выражается какъ въ характерѣ процессовъ, воспреемлющихъ или афферентныхъ, перерабатывающихъ или центральныхъ, передаточныхъ или эфферентныхъ, такъ и въ характерѣ явленій, ими вырабатываемыхъ, что́ и было выражено въ свое время общею таблицею понятій, соотвѣтствующихъ этимъ процессамъ и явленіямъ на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія (ср. стр. 85).

7) Настоящею, внутреннею причиною возрастанія степени сложности и сознательности умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ, и въ то же время правильнымъ критеріемъ для разграниченія его главныхъ ступеней служитъ возрастаніе внутренней, центральной или интеллектуальной воспріимчивости организма, безъ помощи которой никакое развитіе ума не было бы возможно. Подъ этой интеллектуальной воспріимчивостью мы разумѣемъ способность сензоріума ощущать собственныя свои движенія или перемѣны, въ немъ совершающіяся, и гипотеза такой особой интеллектуальной воспріимчивости вполнѣ подтверждается даже и анатомическимъ строеніемъ человѣческаго мозга, въ которомъ, какъ извѣстно, центры непосредственные, т. е. прямо связанные съ нервами афферентными и эфферентными, различаются отъ посредственныхъ, связанныхъ прямо только съ

другими центрами и управляющихъ дѣятельностью этихъ послѣднихъ. Правда, физіологія еще въ точности не разграничила психическихъ функцій тѣхъ и другихъ, но, помимо соображенія о несовершенствѣ ея методовъ, развѣ она могла правильно разграничить то, что̀ смѣшивалось въ общемъ сознаніи всѣхъ представителей науки, т. е. специфическія ощущенія органовъ чувствъ и ихъ продукты и специфическія ощущенія самихъ центровъ и ихъ дальнѣйшія осложненія? До сихъ поръ разчлененіе чисто внѣшнихъ воспріятій и идей и ихъ внутреннихъ дополненій, или воспріятій и идей центральныхъ (или, какъ выражался Кантъ, «субъективныхъ»), было на столько обще и неопредѣленно, что физіологія не имѣла достаточныхъ данныхъ для правильнаго направленія своихъ экспериментовъ. Всякій согласится, что если бы ни одинъ человѣкъ не обладалъ способностью различать другъ отъ друга семь цвѣтовъ радуги, то современной оптики не могло бы существовать. Точная наука слишкомъ мало думаетъ о той помощи, какое ей оказываетъ личное сознаніе ея представителей: прогрессъ всѣхъ наукъ прямо пропорціоналенъ различной степени развитія сознанія и самосознанія ихъ представителей и въ этомъ смыслѣ успѣхи физіологіи человѣка, по преимуществу основанной на внѣшнемъ опытѣ, въ значительной степени зависятъ отъ успѣховъ психологіи, основанной по преимуществу на опытѣ внутреннемъ: это единицы взаимодѣйствующія, и игнорированіе выводовъ психологіи физіологомъ такой же абсурдъ, какъ и игнорированіе выводовъ физіологіи психологомъ. Отцы не должны презирать мнѣній своихъ дѣтей, учителя мнѣній своихъ учениковъ: иначе они отстанутъ отъ всеобщаго развитія идей и застынутъ въ предразсудкахъ прошлаго времени. Въ наукахъ тоже есть свои поколѣнія и старшія поколѣнія не могутъ безнаказанно пренебрегать услугами младшихъ.

8) Такимъ образомъ развитіе внутренной воспріимчивости центровъ сопровождаетъ и даже обусловливаетъ развитіе внѣшней воспріимчивости периферіи, а послѣднее въ свою очередь, какъ мы уже видѣли, обусловливаетъ дальнѣйшее развитіе центральной воспріимчивости. Но такъ какъ внутренняя воспріимчивость въ общемъ развитіи организма на одну ступень отстаетъ отъ воспріимчивости внѣшней, то умственныя движенія или процессы прежде всего безсознательны: оттого и низшая умственная дѣятельность признана безсознательною. Сознательныя ощущенія этихъ умственныхъ движеній лежатъ въ основаніи мышленія сознательнаго. Развитіе чувствъ и стремленій,

направленныхъ на внѣшніе объекты, ведетъ къ образованію мышленія произвольнаго, т. е. направляемаго самимъ субъектомъ или внутренними отношеніями его силъ; а развитіе отвлеченныхъ идей объ отношеніяхъ объектовъ мысли и соотвѣтствующихъ имъ чувствъ и стремленій центральнаго характера создаетъ мышленіе методическое, т. е. уже окончательно переноситъ центръ тяжести умственной дѣятельности изъ среды въ сензоріумъ.

9) Но кромѣ этихъ главныхъ ступеней развитія умственной дѣятельности съ точки зрѣнія ея субтенсивности, есть и рядъ ступеней второстепенныхъ или частныхъ. Мысль не сразу переходитъ къ совершенно новымъ по степени сложности движеніямъ и образованіямъ; она сначала повторяетъ «на новый ладъ» старыя движенія и передѣлываетъ по новому способу ихъ продукты, а затѣмъ уже, обновивъ такимъ образомъ старое, она при помощи тѣхъ же пріемовъ развиваетъ на почвѣ этого обновленнаго стараго совершенно новыя и оригинальныя образованія. Вслѣдствіе этого каждая главная ступень умственной и вообще познавательной дѣятельности распадается, и съ точки зрѣнія процессовъ, и съ точки зрѣнія явленій внѣшней и внутренней воспріимчивости, на три подъ-ступени: подготовительную, спеціальную и заключительную.

10) Такъ какъ однако при этомъ общій характеръ частныхъ процессовъ каждой главной ступени развитія мышленія остается одинаковымъ, то мы и обнимали всѣ движенія и продукты каждой такой главной ступени, съ точки зрѣнія двоякаго направленія переработки предшествующихъ умственныхъ образованій, экстенсивнаго и интенсивнаго, одними и тѣми же терминами. Такъ движенія и явленія экстенсивнаго и интенсивнаго типовъ на всѣхъ частныхъ ступеняхъ безсознательнаго мышленія мы называли движеніями и явленіями ариѳметическаго и геометрическаго типовъ, на всѣхъ частныхъ ступеняхъ мышленія сознательнаго мы именовали ихъ движеніями и явленіями типовъ физическаго и математическаго, на всѣхъ частныхъ ступеняхъ мышленія произвольнаго — движеніями и явленіями конструктивнаго и конденсивнаго типовъ и, наконецъ, на всѣхъ ступеняхъ мышленія методическаго — движеніями и явленіями архитектурнаго и скульптурнаго типовъ.

11) Всѣ разсмотрѣнныя нами ступени развитія умственной дѣятельности можно наглядно выразить двумя сравнительными таблицами, которыя могутъ служить дополненіемъ къ прежней

общей таблицѣ развитія всей познавательной дѣятельности (ср. стр. 85): въ одной мы представимъ, помощью терминовъ, относящихся къ главнымъ моментамъ и направленіямъ умственныхъ процессовъ, общія ступени развитія мышленія; въ другой мы изобразимъ, посредствомъ терминовъ, относящихся къ параллельнымъ продуктамъ внѣшней и внутренней или интеллектуальной воспріимчивости, отношеніе частныхъ ступеней эволюціи ума, входящихъ въ упомянутыя общія:

I. Общія ступени развитія мышленія:

	Наименованія главныхъ моментовъ процессовъ мысли:	Наименованія главныхъ направленій или типовъ этихъ процессовъ:
	Родовыя:	Родовыя:
	Интеграція и дифференціація.	Экстенсивный и интенсивный.
	Видовыя:	Видовыя:
1. Безсознат. ступ.	Простыя интеграціи и дифференціаціи.	Ариѳметическій и геометрическій.
2. Сознательн. ступ.	Умозаключенія-интеграціи и умозаключенія-дифференціаціи.	Физическій и математическій.
3. Произвольн. ступ.	Синтетическія и аналитическія дѣйствія ума.	Конструктивный и конденсивный
4. Методич. ступ.	Индуктивные и дедуктивные пріемы мышленія.	Архитектурный и скульптурный.

II. Частныя ступени развитія мышленія:

	Названія продуктовъ внѣшней воспріимчивости въ ихъ эволюціи:	Названія продуктовъ внутренней воспріимчивости въ ихъ эволюціи:
	(Безсознат. ощущенія.)	
1. Безсознательное мышленіе.	а. Сознательныя ощущенія.	.
	б. Простѣйшія конкретныя представленія.	.
	в. Сложныя конкретныя представленія.	.
	(Дифференцированныя представленія — сознательно-раздѣльныя воспріятія).	(Безсознательныя ощущенія).

2 Сознательное мышленіе.	а. Сложныя конкретныя представленія.	а. Сознательныя ощущенія умственныхъ движеній.
	б Простѣйшія конкретныя понятія.	б. Прост. конкретныя представленія интеллект. круга
	в. Сложныя конкретныя понятія.	в. Сложныя конкретныя представленія.
	(Дифференц. конкретныя понятія — произвольныя наблюденія).	(Дифференц. конкрет. представленія — сознательн. внутр. воспріятія).
3. Произвольное мышленіе.	а. Сложныя конкретныя понятія.	а. Сложныя конкрет представленія
	б Простѣйшія отвлеченныя понятія	б. Прост. конкретныя понятія интеллект. круга
	в. Сложныя отвлеченныя понятія.	в. Сложныя конкретныя понятія
	(Диффер отвлеч понятія — произвольно-методич. опыты).	(Дифференц конкретныя понятія — внутр. наблюденія).
4. Методическое мышленіе.	а. Сложныя отвлеченныя понятія.	а. Сложныя конкретныя понятія.
	б. Простѣйшія научныя идеи.	б. Прост. отвлеченныя понятія интеллект. круга.
	в. Сложныя научныя идеи.	в. Сложныя отвлеченныя понятія
		(Дифференц. отвлеч понятія — внутр. опыты).
	.	а. Сложныя отвлеченныя понятія.
	.	б. Прост. научныя идеи интелл. круга (психологическія!)
	.	в. Сложныя научныя идеи того же круга.
	.	

Въ этой послѣдней таблицѣ между прочимъ означены въ скобкахъ и тѣ продукты «периферическихъ» познавательныхъ движеній и дѣйствій, съ которыхъ начинается мышленіе на каждой высшей своей ступени, а равно и связь ихъ съ послѣдними продуктами предшествующихъ низшихъ ступеней умственной дѣятельности; имена оригинальныхъ продуктовъ периферическихъ и центральныхъ познавательныхъ процессовъ на каждой главной ступени развитія ума, какъ въ сферѣ внѣшней, такъ (отчасти) и въ сферѣ внутренней воспріимчивости, мы для ясности подчеркивали.

12) Съ точки зрѣнія теоріи психическихъ оборотовъ главныя ступени мышленія различаются во первыхъ тѣмъ, что на двухъ низшихъ ступеняхъ (мышленія непроизвольнаго) центральные обороты являются неполными, т. е. состоятъ только изъ объектив-

ныхъ моментовъ, движеній и ощущеній, сначала безсознательныхъ (первая ступень), потомъ сознательныхъ (вторая); на двухъ же высшихъ ступеняхъ (мышленія произвольнаго) эти обороты полны, т. е. состоятъ столько же изъ объективныхъ, сколько и изъ субъективныхъ моментовъ (чувствъ и стремленій), сначала смутныхъ и неопредѣленныхъ (отчего сперва и преобладаютъ чувства и стремленія непосредственно связанныя съ объектами), потомъ опредѣленныхъ и ясныхъ (мышленіе методическое). Во вторыхъ, такъ какъ при отсутствіи субъективныхъ моментовъ центральные обороты вызываются по преимуществу ощущеніями внѣшней среды, а при развитіи этихъ субъективныхъ моментовъ, на оборотъ, — по преимуществу самимъ сознаніемъ, то на двухъ низшихъ ступеняхъ развитія познаніе имѣетъ по преимуществу характеръ пассивный, т. е. можетъ быть признано проявленіемъ психической жизни; на двухъ же высшихъ ступеняхъ развитія оно имѣетъ по преимуществу характеръ активный, т. е. представляется въ полномъ смыслѣ слова проявленіемъ психической дѣятельности. Но это относится конечно болѣе къ развитію всеобщаго ума, ибо въ личномъ умѣ, находящемся всегда подъ вліяніемъ общаго развитія и наслѣдственности, познавательная дѣятельность каждаго человѣка (по крайней мѣрѣ у культурныхъ народовъ), съ самаго начала, благодаря прирожденнымъ инстинктамъ, уже является «дѣятельностью», т. е. находится въ замѣтной зависимости отъ унаслѣдованныхъ организацій или, что то же, способностей (ср. выше, стр. 68); а потому въ примѣненіи къ личному уму правильнѣе будетъ сказать, что на низшихъ двухъ ступеняхъ познавательная дѣятельность его есть уже «дѣятельность», но инстинктивная, а на высшихъ двухъ ступеняхъ — она есть «самодѣятельность».

13) Въ заключеніе остается повторить еще разъ, что, въ виду тождества общихъ основъ и направленій всѣхъ познавательныхъ движеній и ихъ продуктовъ, всѣ проведенныя разграниченія ступеней развитія мысли все-таки относительны и, можетъ быть, осложненіе умственной работы и ея содержанія проходитъ еще большее количество переходныхъ звеньевъ, чѣмъ на какое мы указали. Эта-то относительность всѣхъ понятій, предложенныхъ нами съ цѣлью разграниченія различныхъ ступеней развитія мышленія и можно выразить предложеннымъ нами выше контрастомъ понятій механическихъ и органическихъ процессовъ и продуктовъ мысли, примѣнимыхъ при разграниченіи любыхъ двухъ умственныхъ движеній или явленій

различной сложности и сознательности и не выражающихъ ничего болѣе, кромѣ относительнаго различія въ степени законченности тѣхъ и другихъ (ср. стр. 103—106 и 162): болѣе сложныя и законченныя умственныя движенія и явленія мы называемъ органическими, менѣе сложныя и законченныя, сравнительно съ этими послѣдними, — механическими, а сколько существуетъ частныхъ ступеней сложности и законченности этихъ движеній и явленій означенные термины не говорятъ: высшая степень ихъ отвлеченности даетъ имъ и высшую степень непзмѣнности, а приложимость ихъ почти абсолютна, ибо различіе сложности и законченности всѣхъ движеній и явленій природы уже едвали когда-нибудь можетъ сдѣлаться вновь предметомъ сомнѣнія въ наукѣ.

Но конечно такими общими и неопредѣленными понятіями истинная наука не можетъ удовольствоваться, ибо они не даютъ еще никакой возможности оріентироваться въ конкретномъ разнообразіи вещей: только какъ «связующій цементъ», какъ «объединительное начало» они полезны и необходимы, и потому-то мы постоянно ставили въ своемъ анализѣ, на ряду съ этими и подобными общими понятіями (каковы и понятія ассоціаціи, интеграціи и проч.), понятія спеціальныя, всего удовлетворительнѣе выражающія по нашему мнѣнію дѣйствительное разнообразіе процессовъ и продуктовъ умственной дѣятельности. Общія понятія, выражаясь нашими же собственными терминами, только интегрируютъ результаты научнаго анализа въ одно высшее единство; но рядомъ съ ними необходимы и понятія, дифференцирующія эти результаты. Такъ какъ однако «интеграція» научныхъ идей, по чувству умственнаго успокоенія и довольства, которыми она сопровождается, должна быть признана конечною цѣлью всѣхъ усилій человѣческаго ума, то пожалуй упомянутыя общія понятія, по крайней въ субъективномъ отношеніи, еще важнѣе частныхъ. Пріобрѣтеніе общихъ идей несомнѣнно даетъ хоть минуту «роздыха» пытливой человѣческой мысли и позволяетъ ей спокойно оглянуться назадъ, — между тѣмъ какъ на пріобрѣтеніи одних частныхъ идей ея работа остановиться не можетъ: боязнь впослѣдствіи потерять разрозненные и не приведенные еще въ органическую связь продукты мышленія не даетъ покоя нашему самосознанію и поневолѣ заставляетъ его искать для этихъ частныхъ идей какого-нибудь «общаго вмѣстилища».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОБЩІЕ ЗАКОНЫ МЫШЛЕНІЯ, ПРИЧИНЫ ЗАБЛУЖДЕНІЙ УМА И СРЕДСТВА БОРЬБЫ СЪ НИМИ.

Вопросы, о которыхъ мы теперь поведемъ рѣчь, строго говоря и послужили исходною точкою для настоящаго сочиненія: ими мы и заинтересовались прежде всего, ихъ же условное рѣшеніе вызвало и всѣ послѣдующія наши разысканія въ области умственной дѣятельности. Объяснить этотъ фактъ не трудно: само собою понятно, что отъ рѣшенія вопросовъ «о сущности законовъ мысли, о природѣ заблужденій человѣка и о способахъ ихъ исправленія и предупрежденія», какъ мы уже и показали въ введеніи, зависитъ вся дальнѣйшая судьба такъ называемой науки логики; естественно поэтому, что, какъ только мы приступили къ изученію и разработкѣ этой науки, такъ тотчасъ же именно эти фундаментальные вопросы и должны были сосредоточить на себѣ преимущественное вниманіе наше.

Однако въ попыткахъ рѣшить ихъ и поставить такимъ образомъ логику на новый, болѣе солидный фундаментъ, наша мысль прошла нѣсколько фазисовъ развитія. Сначала мы считали задачу свою болѣе легкою, чѣмъ какою она оказалась впослѣдствіи, и надѣялись рѣшить ее одною критикою старыхъ воззрѣній на указанные вопросы. Эта критика дѣйствительно привела насъ не только къ важнымъ отрицательнымъ рѣшеніямъ, но и къ нѣкоторымъ положительнымъ выводамъ, въ основѣ своей тождественнымъ съ тѣми, которые мы выработали послѣ уже совершенно другими пріемами. Но когда мы, считая дѣло уже почти оконченнымъ, приступили къ изложенію своихъ взглядовъ на бумагѣ, то весьма скоро выяснилось, что одного критическаго метода для научнаго рѣшенія поставленныхъ задачъ еще недостаточно.

Дѣло въ томъ, что, по самой идеѣ своей, критика можетъ давать только твердые отрицательные выводы, а никакъ не такіе положительные, которые могли бы поставить научный анализъ на новую, болѣе плодотворную почву. Критика конечно можетъ выяснить, что данное рѣшеніе вопроса по такимъ-то и такимъ-то причинамъ невѣрно или недостаточно, но заключать отсюда, что вѣрно рѣшеніе прямо противуположное или посредствующее между возможными контрастами, на основаніи однихъ отрицательныхъ соображеній очевидно еще нельзя: для этого нуженъ рядъ положительныхъ мотивовъ, рядъ фактовъ, рядъ обобщеній изъ опыта.

Какъ ни проста на первый взглядъ эта мысль, однако она всетаки вѣчно упускается изъ виду даже представителями настоящей науки, а уже тѣмъ болѣе «философами». Философы изъ отрицанія ся даже составили себѣ въ нѣкоторомъ родѣ profession de foi, ибо существованіе философіи, какъ науки, самостоятельной отъ другихъ наукъ, и основывается на признаніи ими того абсурда, что одного метода «критики понятій» (вырабатываемыхъ прочими науками) достаточно не только для разрушенія извѣстныхъ теорій, но и для созиданія, на развалинахъ ихъ, теорій совершенно новыхъ, вся правильность которыхъ разумѣется зиждется лишь на противуположности ихъ другимъ теоріямъ неправильнымъ.

Серіозная наука конечно не можетъ и не должна увлекаться такимъ легкимъ, но зато и поверхностнымъ способомъ построенія своихъ выводовъ: она не можетъ не сознавать крупной разницы между положеніями, основаннымитолько на отрицаніи другихъ положеній, и тѣми, которые неизбѣжно требуются дѣйствительнымъ составомъ фактовъ, — и потому то, одушевленные искреннимъ желаніемъ дать своимъ взглядамъ твердую научную опору, мы и рѣшились вступить впослѣдствіи на трудный путь подробнаго анализа основныхъ процессовъ мышленія въ ихъ постепенномъ развитіи и осложненіи. Насколько удовлетворительно выполнена нами эта, еще совершенно новая и уже потому не легкая задача, не намъ судить; но во всякомъ случаѣ теперь критика старыхъ теорій оказывается для насъ уже до извѣстной степени роскошью, т. е. можетъ служить лишь дополнительнымъ пріемомъ для подтвержденія нашихъ выводовъ, — между тѣмъ какъ настоящею опорою столько-же для положительныхъ, сколько и для отрицательныхъ взглядовъ нашихъ на вопросы о законахъ мышленія, о причинахъ заблужденій ума и т. д., оказывается собственная наша

теорія развитія мышленія, добытая, если и не настоящимъ экспериментальнымъ, то во всякомъ случаѣ научнымъ путемъ, т. е. методическимъ анализомъ самой дѣйствительности, а не однихъ только чужихъ мнѣній о содержаніи указанныхъ понятій.

Это утвержденіе наше понятно конечно для всякаго читателя, оказавшагося способнымъ схватить внутренній смыслъ и общій духъ нашихъ изслѣдованій, а не одну лишь внѣшнюю ихъ форму: для такого читателя разумѣется уже ясно, что въ нашихъ теоріяхъ заключается не одинъ только анализъ мышленія въ различныхъ частныхъ фазисахъ его развитія, но implicite и рядъ положеній, относящихся и къ общимъ законамъ или принципамъ умственной дѣятельности и къ природѣ заблужденій и т. д., — такъ какъ напр. формулированные нами въ концѣ прошлой главы общіе итоги анализа вѣдь и служатъ именно выраженіями «общихъ законовъ» мышленія. Таковыми можно признать, между прочимъ, слѣдующія главныя положенія, добытыя предшествующимъ изслѣдованіемъ: во 1) что всѣ процессы мысли суть въ различной степени законченные и сложные процессы ассоціаціи и диссоціаціи объективныхъ явленій воспріимчивости, 2) что сложность мысли и степень высоты ея результатовъ прямо пропорціональны степени ея сознательности, 3) что сложность процессовъ и продуктовъ мышленія точно также прямо пропорціональны другъ другу, 4) что развитіе процессовъ и продуктовъ мысли происходитъ постоянно въ двухъ главныхъ направленіяхъ, экстенсивномъ и интенсивномъ, 5) что развитіе мышленія имѣетъ четыре главныя ступени, распадающіяся на рядъ второстепенныхъ или частныхъ, при чемъ въ предѣлахъ каждой такой частной ступени процессъ осложненія идей должно признать безконечнымъ, и т. д.; особо доказывать, что всѣ эти и многія другія формулы, которыя могутъ быть извлечены изъ предшествующаго анализа, выражаютъ собою именно общіе законы мысли конечно нѣтъ надобности. Но этого мало: изъ того же анализа можно вывести и рядъ положеній о причинахъ заблужденій ума; напр. ясно, что, если процессы мысли имѣютъ всегда однообразное теченіе, опредѣляемое извѣстными органическими законами, связанными съ самымъ устройствомъ мыслительнаго аппарата, т. е. мозга, то заблужденія отъ самыхъ этихъ процессовъ зависѣть не могутъ: процессы эти конечно могутъ совершаться ненормально, могутъ подлежать разстрой-

ству (какъ и всѣ другіе органическіе процессы); но результатомъ такого разстройства являются уже не заблужденія, а совершенно ненормальное теченіе мысли, называемое «сумасшествіемъ» или «помѣшательствомъ» и составляющее предметъ своего рода *патологіи* сознанія. Заблужденія же, какъ явленія обыденныя и нормальныя, т. е. какъ послѣдствія нормальнаго теченія процессовъ мысли, отъ самой мысли зависѣть не могутъ, а всецѣло объясняются неправильными результатами периферическихъ познавательныхъ движеній, служащихъ единственными прямыми орудіями сообщенія нашего съ внѣшнимъ міромъ, или же субъективными мотивами, оказывающими вліяніе на неправильные результаты периферическаго взаимодѣйствія нашихъ чувственныхъ аппаратовъ съ внѣшней средою, или, наконецъ, неправильною методическою организаціею этихъ периферическихъ движеній, служащихъ орудіями накопленія и нагляднаго выраженія внутренняго содержанія мысли. Другими словами, всѣ заблужденія ума должны зависѣть — или отъ неправильныхъ воспріятій, или отъ недоразумѣній въ словахъ, объясняемыхъ столько же объективными причинами (т. е. лежащими во внѣшней средѣ), сколько и субъективными мотивами; сама же мысль, слѣдуя въ своей работѣ твердымъ органическимъ законамъ, конечно ошибокъ дѣлать не можетъ. Отсюда же слѣдуетъ далѣе и то, что *борьба съ заблужденіями* должна быть направлена непосредственно не на исправленіе самыхъ процессовъ мысли, всегда правильныхъ, а, во первыхъ, на регулированіе и организацію периферическихъ взаимодѣйствій съ средою, во вторыхъ — на руководство субъективными мотивами, т. е. чувствами и стремленіями, направляющими познавательную дѣятельность человѣка, — а этимъ характеромъ борьбы съ заблужденіями должно конечно опредѣлиться въ свою очередь и новое направленіе разработки «теоріи искусства познанія», т. е. *методики*.

Всѣ эти, приведенные, и другіе, подобные имъ, выводы непосредственно вытекаютъ изъ сдѣланнаго нами разбора процессовъ мысли въ ихъ постепенномъ развитіи, и потому, если мы теперь намѣрены всетаки посвятить *особую главу* анализу перечисленныхъ выше вопросовъ, то единственною задачею этой послѣдней можетъ быть лишь дальнѣйшее развитіе и ясное выраженіе тѣхъ общихъ началъ, которые сами собою вытекаютъ изъ изложеннаго нами теченія умственной дѣятельности.

Но кромѣ того, однако, у насъ можетъ быть и еще одна задача, которую мы выше назвали *дополнительною*. Эта задача состоитъ

въ томъ, чтобы подтвердить вѣрность конечныхъ положительныхъ результатовъ предшествующаго изслѣдованія и отрицательнымъ путемъ, — путемъ критики господствующихъ взглядовъ старой логики. Отъ этой второстепенной задачи мы потому не считаемъ возможнымъ отказаться, что большинство людей, и даже изъ числа представителей науки, не обладаетъ способностью эмансипироваться отъ предразсудковъ стараго времени и узрѣть ихъ несообразность — на основаніи однихъ новыхъ положительныхъ истинъ, опровергающихъ эти предразсудки, а если и обладаетъ, то часто, по малодушію, просто не хочетъ разстаться съ любимыми своими мечтами, и прибѣгаетъ въ защитѣ ихъ къ различнымъ софизмамъ, — если только нелѣпость старыхъ предположеній не доказана самостоятельно и настолько наглядно и безповоротно, что сомнѣнія однихъ людей и софизмы другихъ уже не находятъ для себя никакой опоры. Люди отчасти играютъ въ этомъ случаѣ классическую роль «Ѳомы невѣрнаго» и порицать ихъ за это уже по тому невозможно, что априорное осужденіе какихъ-либо теоретическихъ убѣжденій и самою наукою признается незаконнымъ. «Пускай новое будетъ хорошо, но убѣди насъ и въ томъ, что старое дурно и что оно дѣйствительно хуже новаго: тогда мы тебѣ повѣримъ!» Таково естественное требованіе толпы, которая сама рѣдко бываетъ способна пройти логическій процессъ, неизбѣжно приводящій добросовѣстныхъ спеціалистовъ отъ признанія новаго къ убѣжденію въ несоотвѣтствіи стараго.

Поэтому-то, по отношенію къ каждому изъ трехъ поставленныхъ нами выше вопросовъ, мы и беремъ на себя двойную задачу, положительную и отрицательную: 1) задачу развить подробнѣе и выразить яснѣе новыя начала, уже содержащіяся implicite въ собственной нашей теоріи мысли, и 2) задачу опровергнуть ходячіе, т. е. наиболѣе распространенные, старые взгляды и предразсудки, къ данной области относящіеся. Но такъ какъ послѣдняя задача, съ формальной стороны, т. е. со стороны изложенія, послѣ всего сдѣланнаго нами ранѣе, конечно представляется болѣе трудною (такъ какъ первая уже отчасти выполнена), то съ нея мы и будемъ начинать свой анализъ. Этотъ методъ тѣмъ удобнѣе, что онъ насъ избавитъ отъ ненужнаго повторенія, въ началѣ и въ концѣ изложенія каждаго вопроса, тѣхъ же самыхъ положительныхъ выводовъ, которые уже подготовлены прежними главами. Въ концѣ — резюме нашихъ собственныхъ взглядовъ разумѣется безусловно необходимо, а потому лучше

и начинать прямо съ выполненія отрицательной задачи — разрушенія старыхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній.

1. Законы мышленія.

Вопросъ объ общихъ законахъ мышленія съ начала XVIII столѣтія, особенно подъ вліяніемъ Лейбница и его послѣдователей, сталъ играть весьма важную роль въ логическихъ системахъ. Нѣкоторые писатели ставятъ прямо анализъ этихъ законовъ въ основу всѣхъ своихъ логическихъ теорій (напр. представители формальной, а отчасти и математической логики); другіе удѣляютъ ему бо́льшую часть мѣста въ своихъ логическихъ сочиненіяхъ (ср. Delboeuf, Logique scientifique. Katzenberger. Die Grundfragen der Logik, etc.); третьи, если и не придаютъ ему такого первенствующаго значенія, то всетаки тратятъ немало мѣста и времени на возможно болѣе удовлетворительное формулированіе и мотивировку такъ называемыхъ «принциповъ мысли» (напр. и Вундтъ въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи по логикѣ посвящаетъ ему цѣлый отдѣлъ: VI. Abschn.). Затѣмъ существуетъ даже и обширная спеціальная литература этого вопроса, которая можетъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того интереса, который онъ давно возбуждалъ среди представителей науки о познаніи [1]).

Правда были тоже давно и отрицательныя попытки дискредити-

---

[1]) Вотъ важнѣйшіе образчики этой спеціальной литературы, перечисленные въ хронологическомъ порядкѣ: Geilfusius, Intelligentia seu primorum principiorum habitus. Tub., 1662. Buffier, Les principes du raisonnement etc. Paris, 1714. Crusius, De usu et limitibus rationis sufficientis. Lips., 1752. De summis rationis principiis. Lips., 1775. Kant, Principiorum primorum cognitionis metaphysicae nova dilucidatio Konigsb, 1755 Schopenhauer, Die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichendem Grunde Rudolstadt, 1813 Destutt de Tracy, Principes logiques. Paris, 1817. Fichte, De principiorum contradictionis, identitatis, exclusi tertii in logicis dignitate etc. Bonnae, 1840. Bucher, Ueber das Denkgesetz des zureichenden Grundes. Ellw, 1855. Neudecker, Untersuchungen uber die Erkenntnissprincipien. Wurzb., 1873. William, An outline of the necessary laws of thought. London, 1875 M Cosh, Laws of discursive thought New York, 1877 и т. д. При этомъ мы уже не перечисляемъ громадную новѣйшую литературу о законѣ причинности, который многими писателями по логикѣ ставится въ соотвѣтствіе съ логическимъ закономъ «достаточнаго основанія» и признается тоже скорѣе закономъ мысли, нежели природы.

ровать научное значеніе такъ называемыхъ законовъ мышленія — и изъ этихъ попытокъ, какъ извѣстно, самою знаменитою была Гегелевская, хотя гораздо ранѣе Гегеля уже и Локкъ находилъ напр. принципъ тождества безсмысленнымъ (въ новѣйшее же время Дж. Ст. Милль тоже является серіознымъ противникомъ ходячихъ мнѣній о значеніи законовъ мысли); однако такія попытки до сихъ поръ не имѣли большого практическаго вліянія и старое ученіе о законахъ мысли и до настоящаго времени признается, съ различными видоизмѣненіями, почти всѣми логическими писателями. Разногласія касаются только 1) числа и взаимнаго отношенія этихъ законовъ, 2) способовъ ихъ мотивированія и выраженія; но въ общихъ взглядахъ на положительную роль ихъ въ умственной дѣятельности почти всѣ писатели сходятся.

Что касается до числа и взаимныхъ отношеній общихъ принциповъ мышленія, то всего распространеннѣе является признаніе четырехъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ другъ отъ друга законовъ его: законовъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія; но есть и такіе писатели, которые считаютъ одни законы главными или основными, другіе — подчиненными или производными. Такъ напр. Дельбефъ не признаетъ самостоятельнаго значенія принципа исключеннаго третьяго и считаетъ его лишь особымъ выраженіемъ принципа противорѣчія; точно также и Ибервегъ сводитъ ихъ къ одному общему принципу. Лотце, Шуппе, Вундтъ и др. считаютъ законъ противорѣчія лишь особымъ выраженіемъ закона тождества. Зигвартъ на оборотъ думаетъ, что законъ тождества есть лишь особая формула закона противорѣчія. Милль тоже придаетъ относительное значеніе только закону противорѣчія. Наконецъ есть писатели, которые въ число первоначальныхъ законовъ мышленія не вносятъ закона достаточнаго основанія, а всѣмъ прочимъ придаютъ одинаковое значеніе (ср. Логику Владиславлева, Отд. I, Гл. I). Всѣ эти частныя разногласія о числѣ главныхъ общихъ принциповъ мышленія конечно зависятъ болѣе всего отъ способовъ ихъ формулированія и истолкованія, и потому-то къ анализу различныхъ ихъ формулъ и объясненій и необходимо теперь перейти.

Сравнивая другъ съ другомъ различныя опредѣленія и способы истолкованія упомянутыхъ выше принциповъ мысли, мы пришли къ заключенію, что число таковыхъ совершенно опредѣленно и постоянно, и что изъ нихъ можно составить даже, при помощи особыхъ терминовъ, весьма удобную и наглядную классификацію, способную значительно

облегчить задачи критики. Такъ, прежде всего, опредѣленія и способы толкованія законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, имѣющихъ между собою несомнѣнное родство, можно раздѣлить на четыре класса. Эти опредѣленія и способы толкованія можно выразить терминами: 1) метафизическаго или реальнаго, 2) эмпирическаго или индуктивнаго, 3) формальнаго и 4) психологическаго. Законъ же достаточнаго основанія встрѣчалъ сверхъ того еще и пятое толкованіе, которое мы назовемъ нѳическимъ или нравственнымъ.

Прежде всего выразимъ эти различныя толкованія точными словесными опредѣленіями. Законъ тождества[1]) въ метафизическомъ смыслѣ выражалъ требованіе, чтобы каждая идея наша была тождественна соотвѣтствующей ей вещи; такъ понимали законъ тождества Элейцы, Платонъ, Реймарусъ и затѣмъ всѣ новые писатели, считавшіе его выраженіемъ требованія объективной истинности нашихъ понятій (напр. отчасти и Дельбёфъ, считающій формулу $A = A$ выраженіемъ истиннаго сужденія). Въ эмпирическомъ смыслѣ законъ тождества выражалъ требованіе, чтобы каждый предметъ былъ признаваемъ равнымъ самому себѣ (omne subjectum est praedicatum sui), т. е. чтобы каждый предметъ мыслился нами, какъ цѣлое, равное своимъ частямъ, или какъ совокупность частей, равныхъ своему цѣлому; такъ понимали законъ тождества старые философы-эмпирики, напр. Аристотель (δεῖ γὰρ πᾶν τὸ ἀληθὲς αὐτὸ ἑαυτῷ ὁμολογούμενον εἶναι πάντῃ), отчасти Вольфъ (idem ens est illud ipsum ens, quod est), а также и многіе новѣйшіе писатели по логикѣ (напр. Ибервегъ). Въ формальномъ значеніи, введенномъ англійскими психологами (Бэнъ), законъ тождества означаетъ требованіе, чтобы то, что́ мы утверждаемъ въ одной формѣ словъ, было утверждаемо нами и во всякой другой. Наконецъ въ психологическомъ значеніи законъ тождества выражаетъ требованіе, чтобы «во множествѣ измѣняющихся предметовъ и явленій внѣшняго міра мы искали твердаго и постояннаго и всякій разъ, какъ встрѣтимъ тотъ же предметъ при другихъ обстоятельствахъ, признавали бы его за тождественный съ прежнимъ»; другими словами, онъ означаетъ требованіе, чтобы идеи наши всегда были согласны

---

[1]) Ср. сочиненія Ибервега, Вундта (соотв. главы) и Владиславлева (стр. 7—11), въ которыхъ находится довольно полное историческое и теоретическое обозрѣніе вопроса.

другъ съ другомъ и чтобы результаты мышленія нашего были всегда неизмѣнны (въ этомъ смыслѣ законъ тождества понимается впервые Кантомъ, а затѣмъ школою Гербарта; Вундтъ, утверждая, что законъ тождества выражаетъ единство понятій въ сужденіи, тоже примыкаетъ отчасти къ тому же психологическому толкованію его).

Точно тѣ же четыре способа толкованія встрѣчаются и въ исторіи принципа противорѣчія: въ метафизическомъ смыслѣ онъ выражаетъ требованіе, чтобы идеи наши не противорѣчили вещамъ (предостереженіе противъ contradictio in adjecto, т. е. противъ подведенія вещи подъ понятіе, прямо ей противорѣчащее); въ эмпирическомъ значеніи онъ выражаетъ требованіе, чтобы въ одной и той же вещи мы не признавали элементовъ противуположныхъ, или на оборотъ; въ формальномъ смыслѣ онъ требуетъ, чтобы наши слова и выраженія, относящіяся къ одному и тому же объекту мысли, не исключали другъ друга, или чтобы одни и тѣ же слова не относились къ объектамъ, совершенно различнымъ; наконецъ, въ психологическомъ значеніи законъ противорѣчія означаетъ требованіе, чтобы сознаніе не принимало тождественныхъ ощущеній или идей своихъ за различныя и, на оборотъ, различныхъ за тождественныя.

Всѣ эти толкованія закона противорѣчія тоже имѣли своихъ представителей въ различныхъ философскихъ школахъ, но имена этихъ послѣднихъ для насъ конечно не имѣютъ существеннаго значенія[1]).

Законъ исключеннаго третьяго, лишь дополняющій законъ противорѣчія и обобщающій его значеніе, такъ какъ онъ утверждаетъ, что между противурѣчивыми идеями, вещами, мнѣніями и словами невозможно ничего средняго, посредствующаго, разумѣется тоже понимался соотвѣтствующими писателями въ тѣхъ же четырехъ различныхъ смыслахъ, какъ и законъ противорѣчія. Въ метафизическомъ смыслѣ онъ выражалъ абсолютное требованіе, чтобы между истиною и ложью (т. е. между соотвѣтствіемъ и несоотвѣтствіемъ идей вещамъ) не допускалось ничего средняго; въ эмпирическомъ, — чтобы между присутствіемъ и отсутствіемъ тождества или различія вещей между собою не допускалось ничего посредствующаго: въ формальномъ, — чтобы между отождествленіемъ и различеніемъ словъ не допускалось ничего средняго, и, наконецъ, въ психологическомъ, чтобы тож-

---

[1]) Ср. по исторіи этого закона опять сочиненія Вундта, Ибервега, Владиславлева и друг.

дество и различіе идей признавалось единственнымъ возможнымъ, внутреннимъ (!) ихъ отношеніемъ другъ къ другу.

Пока мы остановимся на приведенныхъ толкованіяхъ первыхъ трехъ законовъ мысли и разберемъ ихъ относительную цѣну и значеніе, — а затѣмъ уже перейдемъ къ стоящему особнякомъ и относящемуся къ совершенно другой сферѣ понятій закону «достаточнаго основанія».

Спрашивается: имѣютъ ли всѣ, или хоть нѣкоторыя, или даже хоть одно изъ указанныхъ четырехъ толкованій законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго разумный смыслъ и, если имѣютъ, то въ какомъ значеніи и въ какой формѣ?

Начнемъ съ толкованій метафизическихъ. Во первыхъ, что́ касается до требованія, чтобы идеи наши были тождественны вещамъ, то оно конечно могло быть поставлено только въ ту наивную эпоху, когда чувственныя воспріятія наши, а слѣдовательно и сочетанія ихъ, т. е. идеи, признавались прямымъ и безусловнымъ отраженіемъ самыхъ вещей въ ихъ разнообразнѣйшихъ объективныхъ свойствахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ доказано, что всѣ наши воспріятія, а слѣдовательно и идеи, далеко не отражаютъ собою непосредственно объективнаго міра вещей, а лишь являются особыми субъективными возбужденіями, возникающими вслѣдствіе обмѣна движеній между нами и внѣшнею средою, — упомянутое абсолютное требованіе конечно сдѣлалось абсурдомъ. Поэтому и метафизическое толкованіе закона тождества принадлежитъ къ наиболѣе древнимъ и наименѣе распространеннымъ въ новѣйшее время; но всетаки, въ виду всеобщаго признанія истины за цѣль познавательной дѣятельности, упомянутое толкованіе не могло совершенно исчезнуть, а лишь преобразилось въ требованіе извѣстнаго соотвѣтствія или параллелизма нашихъ идей съ вещами. Однако въ такой формѣ оно, во первыхъ, естественно уже не можетъ быть названо закономъ «тождества», во вторыхъ — и вообще не можетъ быть названо закономъ «логическимъ». Практическое требованіе, чтобы мы стремились къ возможно бо́льшему соотвѣтствію своихъ идей съ вещами, т. е. къ возможному расширенію нашихъ знаній, есть требованіе чисто нравственное, т. е. такое, которое можно мотивировать только чисто нравственными соображеніями: пользою, проистекающею изъ выполненія его для насъ и для другихъ людей, идею долга и проч. Если же считать стремленіе къ знанію и къ соотвѣтствію нашихъ идей съ вещами прирожденнымъ и необходимымъ свойствомъ нашей природы, т. е. если стать на точку зрѣнія теорети-

ческую, то это стремленіе, будучи фактомъ природы, опять конечно не можетъ быть названо «логическимъ» закономъ. Его уже скорѣе можно назвать закономъ природы, — такимъ же точно, какъ и законъ, что человѣческій организмъ обладаетъ мозгомъ и вообще самою «способностью познавать», ибо изъ этой то способности и вытекаетъ «стремленіе» человѣка къ знанію. Но при этомъ не надо упускать изъ виду и того, что такіе простѣйшіе законы природы, выражающіе собою лишь факты и не объясняющіе еще никакой зависимости явленій другъ отъ друга, никогда наукою не формулируются: странно было бы на первой страницѣ химическаго руководства встрѣтить подъ видомъ «закона» выраженіе факта, что «вещество» существуетъ, на первой страницѣ физіологіи встрѣтить законъ, что «организмъ» существуетъ, въ началѣ астрономическаго курса прочесть законъ, что «небесныя тѣла» существуютъ и т. д. Все это факты, реальность которыхъ предполагается уже самымъ существованіемъ тѣхъ или другихъ частныхъ наукъ и никому не приходитъ въ голову особо выражать ихъ подъ громкимъ именемъ «законовъ». «Закономъ» называется обыкновенно указаніе на какое-нибудь соотношеніе, т. е. на зависимость или тождество, выведенныя искусственно, путемъ методическаго анализа, а явленія, воспринимаемыя нами непосредственно, въ отличіе отъ этихъ законовъ и называются «фактами».

Итакъ мы имѣемъ съ одной стороны фактъ, что человѣкъ по своей организаціи стремится къ знанію, т. е. къ извѣстному соотвѣтствію идей вещамъ, съ другой стороны — нравственное требованіе, чтобы человѣкъ стремился къ этой цѣли какъ можно сознательнѣе и энергичнѣе. Къ такому же факту, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ ему нравственнымъ требованіемъ, сводится конечно и отрицательный законъ противорѣчія въ своемъ метафизическомъ значеніи. Фактъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ отъ природы стремится избѣгать несоотвѣтствія между идеями и вещами, нравственное же требованіе состоитъ въ томъ, чтобы онъ усиливалъ и развивалъ въ себѣ это стремленіе; въ логическомъ же смыслѣ понятіе «противорѣчія» тѣмъ болѣе неприложимо къ оцѣнкѣ отношеній между вещами и идеями, что оно уже прямо содержитъ въ себѣ (по самому смыслу термина) идею объ извѣстномъ соотношеніи словъ, а не идей или вещей.

Наконецъ, что́ касается до закона исключеннаго третьяго, понимаемаго въ метафизическомъ смыслѣ, то онъ еще менѣе имѣетъ смысла какъ требованіе, предъявляемое познавательной дѣятельности,

такъ какъ соотвѣтствіе между нашими идеями и вещами можетъ имѣть безчисленныя степени и между полнымъ ихъ соотвѣтствіемъ и полнымъ несоотвѣтствіемъ возможенъ рядъ посредствующихъ отношеній, — не говоря уже о томъ, что самое опредѣленіе степени соотвѣтствія нашихъ понятій объективной дѣйствительности рѣдко бываетъ доступно намъ самимъ и обыкновенно выясняется вполнѣ лишь для послѣдующихъ поколѣній. Другими словами, законъ исключеннаго третьяго въ метафизическомъ смыслѣ даже и приблизительно не выражаетъ ни факта, ни нравственнаго требованія, ибо съ теоретической точки зрѣнія онъ невѣренъ, съ практической же — требованіе, которое онъ ставитъ, неосуществимо: осуществимо въ извѣстной степени лишь требованіе — стремиться къ соотвѣтствію идей съ вещами и къ устраненію несоотвѣтствія между тѣми и другими; но требованіе — знать во всякую минуту, гдѣ имѣется полное соотвѣтствіе и гдѣ не имѣется и всегда достигать лишь соотвѣтствія абсолютнаго, а никакъ не относительнаго, конечно не можетъ быть выполнено по заказу.

Такимъ образомъ уже не только въ прямомъ своемъ значеніи законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, въ томъ смыслѣ, какой имъ придавали *метафизики*, не выражаютъ собою «законовъ мышленія», т. е. законовъ логическихъ, — но и въ переносномъ смыслѣ, т. е. съ замѣною абсолютныхъ, и совершенно несообразныхъ съ дѣйствительностью, понятій тождества и противорѣчія — другими, болѣе условными и согласными съ выводами современной науки (понятія соотвѣтствія и несоотвѣтствія), мы получимъ въ лучшемъ случаѣ лишь констатированіе извѣстныхъ фактовъ природы и выраженіе соотвѣтствующихъ имъ нравственныхъ постулатовъ, а никакъ не законовъ познанія.

Перейдемъ къ критикѣ тѣхъ же законовъ, тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, въ *эмпирическомъ* ихъ толкованіи. Законъ тождества въ этомъ смыслѣ, какъ мы уже говорили, означаетъ требованіе, чтобы каждый предметъ признавался равнымъ самому себѣ, т. е. своимъ составнымъ элементамъ. При такомъ значеніи закона тождества уже идетъ рѣчь объ извѣстномъ отношеніи величинъ, соизмѣримыхъ другъ съ другомъ, а именно не идей и вещей, а однихъ только вещей, т. е. объектовъ нашего опыта; но такъ какъ вещи понимаются уже не въ метафизическомъ значеніи, какъ сущности, а въ эмпирическомъ, какъ *явленія*, то мы и назвали разбираемый способъ формулированія закона тождества «эмпирическимъ». Теперь спрашивается, какое значеніе можетъ имѣть эта формула закона тождества какъ съ теоретической, такъ и съ

практической точки зрѣнія? Съ точки зрѣнія теоретической она, по нашему мнѣнію, можетъ выражать двоякій фактъ, а именно: или единство и неизмѣнность природы, какъ условіе неизмѣнности представленій нашихъ о ней, или же единство и неизмѣнность мысли нашей, которая, несмотря на частныя разнообразія, узнаетъ въ природѣ постоянное и однородное, благодаря однообразію и единству своихъ собственныхъ отправленій. Такъ какъ однако въ послѣднемъ случаѣ рѣчь шла бы уже только объ однообразіи и неизмѣнности нашихъ идей, а не ихъ реальнаго содержанія, то эмпирическое толкованіе закона тождества оказалось бы лишь особымъ выраженіемъ «психологическаго», о которомъ мы подробнѣе скажемъ ниже. Поэтому оригинальная черта закона тождества въ эмпирическомъ его значеніи, съ точки зрѣнія теоретической, можетъ состоять лишь въ указаніи на фактъ однообразія и неизмѣнности природы, какъ объекта нашей познавательной дѣятельности; но понятно, что если дать такое толкованіе закону тождества, то онъ снова будетъ не закономъ познанія или закономъ логическимъ, а лишь закономъ природы, закономъ объективнымъ, — причемъ опять можно еще усумниться въ томъ, идетъ ли въ данномъ случаѣ рѣчь о дѣйствительномъ законѣ или только о фактѣ. Ньютонъ первый заговорилъ о законѣ однообразія природы, но такъ какъ ни одинъ человѣкъ, находящійся въ здравомъ разсудкѣ, не можетъ серіозно подвергать сомнѣнію вопросъ объ этомъ однообразіи и такъ какъ соотвѣтствующее этому факту убѣжденіе пріобрѣтается человѣкомъ въ первые же годы жизни, вслѣдствіе совершенно безсознательнаго наблюденія повтореній однихъ и тѣхъ же явленій въ окружающей его средѣ, то едва ли и въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь о законѣ, какъ формулѣ искусственно и методически выработанной. Вѣчность матеріи и вѣчность силы — законы, ибо эти идеи выведены наукою методически, путемъ опытовъ, — фактъ же однообразія природы въ подтвержденіи научнаго анализа не нуждается. Впрочемъ въ концѣ концевъ настоящій вопросъ не имѣетъ для насъ существеннаго значенія: для насъ важно лишь то, что неизмѣнность природы есть объективный, а не субъективный законъ и что, соотвѣтственно этому, и практическаго требованія, основаннаго на немъ, въ примѣненіи къ познавательной дѣятельности вывести никакъ нельзя. Требованіе, чтобы мы, въ процессѣ познанія, никогда не забывали факта однообразія природы и всегда имѣли его въ виду, совершенно нелѣпо, ибо самая возможность познанія основана именно на сознаніи этого факта, и стремленіе что-нибудь

узнать уже предполагаетъ вѣру въ неизмѣнность основъ дѣйствительности; требованіе же, чтобы сама природа оставалась неизмѣнною, обращенное къ ней самой, и тѣмъ паче было бы величайшимъ абсурдомъ. Другими словами, фактъ однообразія природы никакого практическаго приложенія имѣть не можетъ и никакого руководящаго правила познавательной дѣятельности изъ него вывести нельзя.

Но если такъ, то конечно и дополнительные законы противорѣчія и исключеннаго третьяго, понимаемые въ эмпирическомъ смыслѣ, никакой роли въ наукѣ о познаніи играть не могутъ, — тѣмъ болѣе, что въ самой природѣ «противорѣчій» быть не можетъ, а возможны только различія и противуположности, а затѣмъ между двумя явленіями противуположными возможенъ всегда рядъ переходныхъ звеньевъ, соединяющихъ ихъ между собою. Правда, человѣку, въ процессѣ его познанія, повидимому можно поставить отрицательное требованіе, чтобы онъ не приписывалъ одной и той же объективной вещи противуположныхъ свойствъ; но, во первыхъ, правильность этого требованія весьма условна, такъ какъ противуположныя свойства часто уживаются въ одномъ и томъ же предметѣ, обнаруживаясь лишь въ разныхъ его частяхъ или въ разные моменты его существованія и даже находясь въ отношеніи органической связи или зависимости другъ отъ друга; во вторыхъ, даже и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это правило законно, оно выражаетъ собою лишь правило чисто формальное (чтобы не было противорѣчія въ нашихъ словахъ), а никакъ не реальное, ибо если мы не знаемъ противуположности и несовмѣстимости двухъ явленій, то никакое правило не предохранитъ насъ отъ предположенія ихъ сосуществованія, — если же мы эту противуположность и несовмѣстимость сознаемъ, то при нормальномъ состояніи разсудка конечно не допустимъ ошибочнаго предположенія о сосуществованіи явленій. Правило не допускать совмѣстимости того, что́ мы сознаемъ несовмѣстимымъ, было бы равносильно правилу не быть сумасшедшимъ или, другими словами, находиться всегда въ здравомъ умѣ, а такое правило разумѣется — non sens.

Стало быть и въ эмпирическомъ значеніи приведенные законы не имѣютъ ни малѣйшаго приложенія къ наукѣ о познаніи и выражаютъ собою въ лучшемъ случаѣ лишь объективный законъ природы, а именно законъ ея постоянства или однообразія, изъ котораго никакихъ практическихъ выводовъ по отношенію къ познавательной дѣятельности сдѣлать нельзя.

Зато въ формальномъ значеніи практическая приложимость законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, въ области мышленія, по мнѣнію большинства новѣйшихъ логическихъ писателей, не можетъ подлежать сомнѣнію. Требованія, чтобы мы различными словами утверждали то же самое и тѣми же словами не утверждали противуположнаго, чтобы мы не допускали ничего средняго между утвержденіемъ и отрицаніемъ одного и того же факта, и другія подобныя, признаются обыкновенно весьма глубокомысленными и считаются доказательствомъ широкой практической цѣны логическихъ доктринъ. Посмотримъ, вѣрны ли эти взгляды.

Для этого поставимъ вопросъ такъ: прегрѣшенія противъ означенныхъ правилъ очевидно должны быть или произвольны, т. е. преднамѣренны, или непроизвольны и непреднамѣренны. Если предположить, что указанные законы, въ формальномъ своемъ значеніи, должны бороться противъ произвольной путаницы въ словахъ, противъ преднамѣренныхъ противорѣчій и несообразностей въ нашихъ утвержденіяхъ, то очевидно, что они будутъ опять правилами чисто нравственными, имѣющими въ виду исправить дурную волю, а не ошибочныя идеи (ибо сами идеи въ данномъ случаѣ предполагаются вѣрными). Въ этомъ смыслѣ конечно логика не могла разумѣть означенныхъ «законовъ», не допуская явнаго абсурда и не выходя за предѣлы своей компетентности. Стало быть остается предположить, что она хотѣла предупредить и сдѣлать исправимыми ошибки невольныя, непреднамѣренныя; но тутъ является слѣдующее соображеніе: если человѣкъ не сознаетъ противуположнаго значенія двухъ словъ въ одномъ случаѣ и тождественнаго ихъ значенія въ другомъ, то можно ли думать, что означенныя правила принесутъ ему пользу? A priori можно предположить, что да, такъ какъ, зная фактъ возможности противорѣчій между словами, человѣкъ вѣроятно будетъ осторожнѣе обращаться съ ними, чѣмъ если бы онъ этого факта не зналъ. Но, во первыхъ, еще спрашивается, возможно ли вообще, чтобы человѣкъ когда-либо не зналъ факта возможности противорѣчій въ словахъ и нужна ли ему помощь науки для открытія этого послѣдняго? По нашему мнѣнію, человѣкъ, сознающій что есть различныя слова, т. е. слова, имѣющія различное значеніе, и что есть противуположныя вещи, для которыхъ конечно существуютъ и различныя имена, eo ipso долженъ быть непосредственно, безъ всякаго содѣйствія науки, знакомъ и съ фактомъ возможности такого отношенія словъ, при которомъ приложимость одного (къ данному явленію) безъ-

условно исключаетъ приложимость другого. Иначе говоря, фактъ возможности противорѣчій уже долженъ сознаваться человѣкомъ непосредственно и, такъ сказать, инстинктивно, какъ скоро онъ овладѣлъ словомъ, какъ орудіемъ для выраженія своихъ идей, — и это вполнѣ подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что понятіе «противорѣчія» во всѣхъ языкахъ гораздо старѣе логическихъ теорій и было заимствовано этими послѣдними изъ популярнаго языка, а не на оборотъ. Но положимъ даже, что люди настолько глупы, что имъ надо постоянно напоминать даже такіе простые факты, которые непосредственно доступны ихъ наблюденію и пониманію; положимъ даже, что повтореніе той аксіомы, что слова имѣютъ различное значеніе и что каждая вещь, различная отъ другихъ вещей, должна имѣть свое особое имя, можетъ быть полезнымъ предостереженіемъ противъ заблужденій, — спрашивается, какимъ именно способомъ она можетъ оказывать вліяніе на человѣческую рѣчь? Очевидно нелѣпо было бы ожидать, чтобы правило, запрещающее противорѣчить, могло само по себѣ заставить насъ различать слова, которыя мы безъ намѣренія неправильно смѣшиваемъ, и отождествлять слова, которыя мы тоже безъ намѣренія неправильно различаемъ. Тутъ никакое правило не поможетъ: нужно просто разъяснить намъ истинное значеніе словъ и доказать, что мы ихъ употребляемъ невѣрно. Поэтому въ отдѣльныхъ случаяхъ законъ противорѣчія, какъ его формулируетъ логика, не можетъ принести рѣшительно никакой пользы: онъ могъ бы оказаться плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы выражалъ общее положительное, а не отрицательное требованіе, чтобы мы стремились къ строго опредѣленному и точному употребленію словъ, т. е. къ замѣнѣ сбивчивой популярной терминологіи — точной научной. Это требованіе, конечно дополненное указаніемъ на рядъ пріемовъ, ведущихъ къ соотвѣтствующей цѣли, было бы дѣйствительно законно, хотя и въ условномъ лишь значеніи, такъ какъ выработка точной научной терминологіи находится въ связи съ развитіемъ научныхъ идей, а успѣшное развитіе научныхъ идей находится подъ вліяніемъ столькихъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ воли человѣка, что лишь въ весьма ограниченныхъ случаяхъ требованіе точнаго разграниченія словъ непосредственно выполнимо: оно выполнимо лишь въ той степени, въ какой оно выражаетъ мысль о необходимости такого развитія терминологіи науки, которое бы ни на шагъ не отставало отъ развитія самыхъ научныхъ понятій; другими словами, законно лишь относительное требованіе, чтобы мы достигали

въ той мѣрѣ опредѣленнаго значенія словъ, въ какой допускаетъ его современное состояніе науки. Вотъ истинный практическій смыслъ законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго въ ихъ формальномъ значеніи. Но въ такомъ случаѣ, возникаетъ, во первыхъ, вопросъ: зачѣмъ же эти законы и не выражать прямо въ той, дѣйствительно понятной и осязательной формѣ, въ которой мы только-что передали ихъ внутренній смыслъ, т. е. къ чему облекать ихъ въ тѣ странныя и не имѣющія никакого серіознаго значенія формулы, въ которыхъ они выражались до сихъ поръ? А, во вторыхъ, спрашивается еще, можно ли упомянутое требованіе назвать закономъ мышленія, или же оно такому названію не соотвѣтствуетъ?

На первый вопросъ необходимо отвѣтить, что дѣйствительно въ обычномъ своемъ видѣ формальные законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго никакой разумной идеи не выражали: констатируя только факты, непосредственно понятные всякому человѣку, владѣющему словомъ, они являлись такими же законами «логическими», какимъ въ прежнее время былъ «физіологическій» законъ, утверждавшій, что всѣ жизненныя отправленія организма зависятъ отъ жизненной силы: этотъ законъ тоже не выражалъ собою ничего, кромѣ факта, что жизнь есть жизнь и что жизнь имѣетъ какую-то причину, но какова эта причина, онъ не говорилъ. Законъ противорѣчія напр. говоритъ, что противорѣчія возможны, и разъясняетъ чисто филологически популярное значеніе термина «противорѣчія», но отъ чего это явленіе зависитъ и что̀ дѣлать для борьбы съ нимъ, онъ не говоритъ. Выраженный въ практической формѣ, т. е. въ видѣ заповѣди «не противорѣчь», законъ этотъ въ логикѣ не имѣетъ никакого смысла, ибо сознательное нарушеніе этой «заповѣди», какъ мы уже сказали, есть прегрѣшеніе не логическое, а нравственное, а безсознательное прегрѣшеніе противъ нея не можетъ быть ею ни предотвращено, ни исправлено. Единственный вѣрный путь къ исправленію и предупрежденію противорѣчій въ словахъ есть соблюденіе методовъ выработки точныхъ научныхъ терминовъ, параллельно правильнымъ научнымъ идеямъ, но на него означенное правило къ сожалѣнію вовсе не указываетъ. То же самое относится конечно и къ законамъ тождества и исключеннаго третьяго, которые выражаетъ тѣ же требованія, что̀ и законъ противорѣчія, но лишь въ другой формѣ словъ: «говори всегда то же самое» значитъ очевидно то же, что̀ и «не говори никогда другого, различнаго отъ того, что̀ прежде говорилъ, т. е. противорѣчиваго». Точно также при-

казаніе «говорить всегда: да или нѣтъ, т. е. дѣлать о предметѣ лишь одно изъ двухъ исключающихъ другъ друга утвержденій, а не оба вмѣстѣ» выражаетъ опять въ другой формѣ ту же заповѣдь «не противорѣчь». Правда закону исключеннаго третьяго, въ формальномъ смыслѣ, придавалось иногда еще и другое значеніе, не только отрицательное, но и положительное, а именно значеніе правила о необходимости, на основаніи отрицанія чего-либо о какой-нибудь вещи, приходить къ утвержденію о ней противуположнаго (т. е. признака, свойства, значенія и т. д.). Но уже Милль прекрасно обнаружилъ нелѣпость этого толкованія закона исключеннаго третьяго, выяснивъ, что между утвержденіемъ и отрицаніемъ чего-либо о чемъ-либо, существуетъ еще третья альтернатива «не имѣющаго смысла»; другими словами, что если понятіе, о которомъ что́ либо утверждается или отрицается, есть фикція нашего ума, продуктъ фантазіи, ложное обобщеніе, то и утвержденіе и отрицаніе о немъ чего-либо въ одинаковой степени могутъ оказаться нелѣпыми, — почему отъ отрицанія и нельзя въ этомъ случаѣ заключать къ необходимости утвержденія или на оборотъ. Милль указалъ между прочимъ (I, стр. 325—326), какія злоупотребленія допускали, вслѣдствіе непониманія этой истины, философы: они брали понятіе-фикцію и, доказавъ необходимость цѣлаго ряда отрицаній, къ нему относящихся, получали, по закону исключеннаго третьяго, цѣлый рядъ положительныхъ опредѣленій фиктивной идеи, вслѣдствіе чего могло казаться, что ихъ фикція не есть фикція, а есть совершенно реальное существованіе. Такимъ именно способомъ метафизики изъ критики понятій, принятыхъ на вѣру (каковы понятія Бога, души и т. д.) и не доступныхъ научной повѣркѣ, пріобрѣтали повидимому строго-научныя опредѣленія такихъ идей, которыя составляютъ лишь чисто нравственные постулаты, между тѣмъ какъ въ сущности говоря, они лишь поясняли новыми словами то, что́ содержалось въ старыхъ понятіяхъ болѣе или менѣе проблемматическаго свойства. Милль, къ сожалѣнію, только не досказалъ всего, что́ слѣдовало сказать въ данномъ случаѣ: онъ всетаки допускаетъ истинность закона исключеннаго третьяго, хотя и «съ сильнымъ ограниченіемъ»; но мы полагаемъ, что ни въ какомъ случаѣ отрицаніе чего-либо о чемъ-либо не можетъ служить основаніемъ для какого-либо утвержденія — по той простой причинѣ, что отрицаніе — или оставляетъ открытое поле для цѣлаго ряда всевозможныхъ утвержденій (такъ какъ въ природѣ между противуположными признаками, свойствами, состояніями, дѣйствіями и т. д. есть

цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ), или само есть лишь выводъ изъ сдѣланнаго ранѣе утвержденія. Это мы уже однажды доказали, говоря о томъ, что диссоціація двухъ идей можетъ быть основана на предварительной ассоціаціи одной изъ нихъ съ другой идеею (процесъ диз-ассоціаціи), но никакъ не на оборотъ (ср. стр. 97 и 123). Слѣдовательно только утвержденіе можетъ съ непзбѣжностью опредѣлять извѣстное отрицаніе, а не обратно; но если мы вникнемъ во внутренній смыслъ этой послѣдней альтернативы, то признаемъ конечно, что никакое вынужденное отрицаніе не прибавляетъ къ мысли ничего новаго, а лишь повторяетъ въ другой формѣ то, что́ уже содержится и въ утвержденіи (ср. выше, стр. 155).

Стало быть формальный законъ исключеннаго третьяго, понимаемый въ смыслѣ положительнаго требованія, т. е. какъ орудіе положительныхъ выводовъ, содержитъ, въ себѣ совершенную ложь (ср. выше, стр. 262). Онъ можетъ выражать собою только ту же самую отрицательную заповѣдь, запрещающую утверждать или отрицать о чемъ-либо противуположное, какъ и законы противорѣчія и тождества. Но дѣйствительный смыслъ этой заповѣди мы уже выше разобрали и теперь остается лишь повторить, что, въ какой бы формѣ мы ее ни выразили[1]), за ней нельзя признать никакого иного практическаго значенія, кромѣ нравственнаго, почему она и не можетъ имѣть никакого смысла въ наукѣ о познаніи: въ наукѣ о познаніи разумное значеніе можетъ имѣть только положительное требованіе развитія точной научной терминологіи, выведенное не изъ «закона», а изъ факта возможности противорѣчій между словами, а такъ какъ ни этого требованія, ни связанныхъ съ нимъ пріемовъ согласованія именъ старые законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго не выражали, то они и должны быть изгнаны не только изъ «науки о познаніи», но и изъ «теоріи искусства познанія»!

---

[1]) Любопытно, что представители формальной логики, выражая ее въ трехъ различныхъ формулахъ и придавая имъ всетаки значеніе трехъ самостоятельныхъ законовъ мышленія, сами тутъ же грѣшили — и противъ своего закона тождества, т. е. противъ требованія, чтобы тождественное признавалось за тождественное, а не за различное, и противъ своего закона противорѣчія, ибо считали самостоятельнымъ то, что́ съ другой стороны признавали органически связаннымъ, и противъ закона исключеннаго третьяго, ибо разомъ допускали и утвержденіе и отрицаніе самостоятельности данныхъ законовъ другъ отъ друга. Прекрасная иллюстрація практической цѣны ихъ нарѣченныхъ «правилъ мышленія»!

Но этого еще мало: если мы спросимъ себя теперь, во вторыхъ, можно ли назвать хотя бы общее требованіе «точной научной терминологіи» закономъ мышленія, то легко убѣдимся, что никакого «закона мышленія» въ немъ не заключается. Прежде всего «закономъ» въ наукѣ, какъ мы уже замѣтили, называется выраженіе какой-нибудь причинной или иной зависимости, или же однородности явленій природы, открытой научными методами; между тѣмъ въ данномъ случаѣ ни о какой такой природной связи или зависимости, открытой методически, не идетъ рѣчи, а идетъ только рѣчь о познавательномъ правилѣ и о соотвѣтствующихъ ему познавательныхъ пріемахъ или методахъ; называть же познавательныя правила и указанія на пріемы познанія «законами», по аналогіи конечно уже не съ законами науки, а съ законами юридическими, было бы конечно въ такой же степени безсмысленно, какъ если бы мы назвали законами какія-нибудь правила и обобщенія пріемовъ въ области теоріи музыки или теоріи живописи. Нельзя назвать «закономъ» правило, соблюдаемое напр. акварелистомъ и состоящее въ томъ, что онъ сначала мочитъ и натягиваетъ свою бумагу на доску, затѣмъ снова мочитъ ее и еще слегка сырую покрываетъ общимъ желтоватымъ тономъ, и т. д.; нельзя назвать «закономъ» правило, соблюдаемое музыкантомъ и состоящее въ томъ, что онъ сначала играетъ нѣкоторое время экзерсисы, а затѣмъ уже приступаетъ къ разучиванію той или другой пьесы, и проч. Вообще нельзя называть «закономъ» въ смыслѣ «юридическомъ» такую практическую формулу, которая предоставляетъ добровольному выбору лица, стремящагося къ извѣстной цѣли, слѣдованіе или неслѣдованіе извѣстному, признанному (на основаніи хотя бы и вѣковыхъ опытовъ) цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ, пріему или методу. Идея юридическаго закона есть идея необходимаго обязательства, налагаемаго нравственными и соціальными соображеніями и нарушеніе котораго вызываетъ соотвѣтственныя кары; о какихъ же необходимыхъ обязательствахъ и о какихъ карахъ за ихъ нарушеніе можетъ идти рѣчь въ области чисто индивидуальной и свободной «познавательной дѣятельности»?

Впрочемъ вѣроятнѣе всего, что гг. философы много и не разсуждали о томъ, въ какомъ именно значеніи они понимаютъ терминъ «закона», говоря о формальныхъ законахъ тождества и противорѣчія, а просто сначала обольстились громкимъ словомъ, а затѣмъ привыкли къ нему и не хотѣли ни за что съ нимъ разстаться; но пора же наконецъ бросить

привычки «дѣтства мысли» и вступить на путь, дѣйствительно критическій и научный.

Итакъ никакого «закона» въ приведенномъ выше требованіи возможно бо́льшаго развитія научной терминологіи не заключается, — есть только правило и можетъ быть, сверхъ того, указаніе на нѣкоторые пріемы. Но и это еще не все: можно ли назвать это правило «правиломъ мышленія»? И на это приходится отвѣтить отрицательно: очевидно разбираемое требованіе относится вовсе не къ мышленію, а къ процессу выраженія мысли, идей; оно не указываетъ вовсе на то, какъ надо думать, т. е. судить и умозаключать, а лишь на то, какъ нужно символизировать продукты мышленія, т. е. идеи, — столько же для собственнаго нагляднаго объективированія ихъ содержанія въ сознаніи, помощью периферическихъ познавательныхъ движеній, сколько и для сообщенія результатовъ своего мышленія другимъ разумнымъ существамъ. Иначе говоря, и тутъ мы опять встрѣчаемъ въ старыхъ понятіяхъ логики смѣшеніе центральныхъ познавательныхъ процессовъ съ периферическими, — процессовъ мысли съ процессами слова. Приведенное правило можно, правда, назвать «познавательнымъ правиломъ» въ обширномъ значеніи этого слова, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было правиломъ «мышленія»: не всякое познавательное дѣйствіе есть дѣйствіе или процессъ мысли. Въ данномъ случаѣ очевидно идетъ рѣчь только о пріемахъ языка, какъ орудія выраженія идей, — а если такъ, то разумѣется и въ формальномъ своемъ значеніи (что́ можно было впрочемъ предположить уже и a priori), такъ называемые законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго не имѣютъ даже и отдаленнаго отношенія къ умственной дѣятельности человѣка въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Поэтому остается разсмотрѣть, не выражаютъ ли эти законы дѣйствительныхъ «законовъ» самого «мышленія» въ четвертомъ, психологическомъ своемъ значеніи. Въ этомъ значеніи законъ тождества содержитъ въ себѣ положительное требованіе, чтобы мы всегда признавали одни и тѣ же ощущенія и идеи свои за тождественныя, т. е. чтобы результаты мышленія были всегда неизмѣнны; законъ противорѣчія означаетъ соотвѣтствующее отрицательное требованіе, чтобы мы не принимали тождественныхъ ощущеній и идей за различныя и различныхъ за тождественныя; наконецъ, законъ исключеннаго третьяго требуетъ, чтобы тождество и различіе идей признавалось единственно возможнымъ внутреннимъ отношеніемъ ихъ между собою.

Посмотримъ прежде всего, выполнимы ли эти требованія, какъ требованія, т. е. какъ правила мышленія, и затѣмъ уже, разобравъ практическую сторону вопроса, перейдемъ къ теоретической. Въ данномъ случаѣ нравственнаго значенія приведенныя правила уже не могутъ имѣть, ибо для произвольныхъ заблужденій мѣста быть не можетъ. Если мы ясно сознаемъ тождество извѣстныхъ идей, то это сознаніе или убѣжденіе есть фактъ, не подлежащій произвольному уничтоженію, — точно также и въ обратномъ случаѣ: если мы ясно сознаемъ различіе двухъ идей, то мы развѣ только на словахъ можемъ отрицать этотъ фактъ (и это есть единственный способъ обнаруженія дурной воли), — внутри же насъ, т. е. для самосознанія нашего, онъ всегда останется фактомъ. Правда малодушные люди, не имѣя яснаго сознанія объ отношеніи своихъ идей, иногда подъ вліяніемъ чисто субъективныхъ мотивовъ, выбираютъ изъ двухъ противуположныхъ смутныхъ предположеній объ отношеніи ихъ — то, которое de facto оказывается ошибочнымъ, и отвергаютъ то, которое вѣрно, но въ такомъ случаѣ идеи непремѣнно должны быть сбивчивы и злая воля только обостряетъ фактъ и безъ того уже существующій; да и то такое явленіе обнаруживается опять болѣе въ словахъ, т. е. во внѣшнихъ утвержденіяхъ, чѣмъ въ области самой мысли, ибо незнаніе или неполное знаніе однимъ внутреннимъ усиліемъ воли въ полное знаніе, т. е. въ достовѣрность, обратиться конечно не можетъ: можно утверждать, что мы знаемъ, но отъ этого знаній конечно не прибавится. Стало быть въ настоящемъ случаѣ правило можетъ предостерегать развѣ только противъ ошибокъ невольныхъ, непреднамѣренныхъ. Но спрашивается, можетъ ли оно и въ такомъ смыслѣ оказать пользу? Мы уже сказали, что если человѣкъ сознаетъ тождество или различіе извѣстныхъ идей своихъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, то однимъ усиліемъ воли такое обстоятельство измѣниться не можетъ; но въ такомъ случаѣ конечно и обратно: если онъ не сознаетъ тождества или различія идей тамъ, гдѣ оно существуетъ, то опять одна добрая воля неспособна дать ему знаніе дѣйствительныхъ отношеній его идей, въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ. Единственное, что̀ доступно его волѣ, это — слѣдованіе такимъ общимъ пріемамъ или методамъ познанія, которые бы вообще содѣйствовали опредѣленности его идей и строгому соотвѣтствію ихъ съ объектами и другъ съ другомъ; но такъ какъ эта цѣль достижима лишь особой организаціей периферическихъ движеній, снабжающихъ нашу мысль матеріаломъ для ея работы и закрѣпляющихъ

ея результаты (въ словѣ), то очевидно только-что упомянутое общее требованіе въ предѣлахъ умственной дѣятельности опять никакого значенія имѣть не можетъ: оно непосредственно обращено къ процессамъ воспріятія и выраженія идей, а не къ процессамъ мысли. Къ процессамъ мысли въ той мѣрѣ, въ какой они произвольны, можетъ быть обращено только общее требованіе, чтобы она не прекращала свою работу надъ матеріаломъ, уже существующимъ и ей доступнымъ, слѣдуя конечно законамъ, отъ природы присущимъ ей и безусловно неизмѣннымъ; но такое требованіе — такъ сказать прилежанія и энергіи въ мышленіи (опять чисто нравственное) — конечно уже не имѣетъ ничего общаго съ разбираемыми законами тождества и противорѣчія[1]).

Такимъ образомъ остается лишь предположить, что съ чисто теоретической точки зрѣнія эти законы, въ ихъ психологическомъ значеніи, выражаютъ собою настоящіе законы мышленія; но если это и вѣрно, то во всякомъ случаѣ съ извѣстными оговорками. Дѣло въ томъ, что одною изъ основныхъ функцій мысли, какъ мы въ свое время убѣдились, дѣйствительно является отождествленіе и различеніе ощущеній и идей (т. е. представленій, понятій, и т. д.). Отрицать этого конечно нельзя; но съ другой стороны это отождествленіе и различеніе само по себѣ опять составляетъ лишь фактъ, непосредственно доступный наблюденію и выраженіе котораго странно было бы называть «закономъ мысли»; притомъ онъ даже не есть фактъ независимый отъ другихъ фактовъ природы, а лишь частное выраженіе указаннаго выше общаго факта однообразія или постоянства объективнаго міра (такъ какъ одни и тѣ же идеи слагаются конечно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же воздѣйствій неизмѣнной внѣшней среды, да и однообразіе самой мысли, т. е. ея процессовъ, есть лишь частное обнаруженіе однообразія природы). Для умственной дѣятельности важно вовсе не то, что содержаніе ея повторяется и что она различаетъ старое свое содержаніе отъ новаго и

---

[1]) Законъ же исключеннаго третьяго въ смыслѣ требованія, чтобы мы между тождествомъ и различіемъ идей не признавали ничего средняго, даже и невѣренъ, ибо во первыхъ идеи, какъ мы уже видѣли (ср. стр. 199), могутъ имѣть и посредствующія отношенія сходства, несходства, и противуположности, — во вторыхъ онѣ имѣютъ и рядъ другихъ отношеній между собою — съ точки зрѣнія внѣшней смежности ихъ объектовъ (ср. Главу III).

обратно: для нея важны лишь послѣдствія этого факта, а именно ассоціація и диссоціація идей, на этомъ фактѣ опирающіяся. Тождественныя ощущенія и идеи связываются или ассоцiируются въ силу этого своего тождества; различныя ощущенія и идеи, подвергнутыя оцѣнкѣ со стороны своихъ внутреннихъ отношеній, не ассоціируются, или же, будучи ассоціированы по какому-нибудь недоразумѣнію, съ открытіемъ ихъ различія диссоціируются. Въ этомъ двойномъ сложномъ фактѣ мы уже дѣйствительно имѣемъ причинную связь или зависимость, и притомъ такую, которая непосредственно не доступна наблюденію человѣка, а была открыта наукою помощью извѣстныхъ методовъ и даже довольно поздно (законы ассоціаціи, какъ извѣстно, были болѣе или менѣе точно формулированы только въ XVIII вѣкѣ). Поэтому въ настоящемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ идетъ рѣчь о законахъ мышленія, но не о новыхъ какихъ-либо и неизвѣстныхъ еще намъ, а о старомъ, выше разсмотрѣнномъ законѣ ассоціаціи ощущеній и идей по внутренней смежности или тождеству. Законъ этотъ можно точно выразить въ слѣдующей формѣ: ощущенія или идеи, тождественныя между собою, вполнѣ или только отчасти, ассоціируются или связываются между собою въ той степени, въ которой онѣ тождественны, послѣдствіемъ чего является воспроизведеніе въ сознаніи слѣда одного изъ двухъ или болѣе ассоціированныхъ элементовъ его, какъ скоро оживился слѣдъ другого.

Вотъ къ чему, стало быть, привелъ насъ въ концѣ концевъ анализъ законовъ «тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго». Единственный разумный смыслъ эти законы имѣютъ только въ той степени, въ какой они косвенно намекаютъ на законъ ассоціаціи идей по внутренней смежности и диссоціаціи ихъ, съ отсутствіемъ этой внутренней смежности. Но повторяемъ, что въ обычныхъ формулахъ разбираемыхъ законовъ содержится именно лишь слабый намекъ на соотвѣтствующіе законы ассоціаціи и что сами по себѣ эти формулы и въ психологическомъ значеніи не имѣютъ никакого смысла, ибо констатируютъ лишь непосредственно доступные человѣческому пониманію факты, не указывая на ихъ послѣдствія и вообще на значеніе ихъ для умственной дѣятельности. Эти формулы поэтому должны быть безусловно изгнаны изъ логики, какъ ни къ чему ненужный балластъ, и замѣнены соотвѣтствующими формулами законовъ ассоціаціи и диссоціаціи идей. Абсолютная символическая формула закона тождества,

$A = A$, которая давно уже осуждена болѣе проницательными мыслителями, какъ совершенный non sens, должна быть замѣнена условною формулою: если $a' = a''$, то $a' + a''$, т. е. a' безсознательно ассоціируются съ a'', если $A' = A''$, то $A' = A''$, опять понимая во второй схемѣ знакъ $=$, какъ выраженіе ассоціаціи (но уже сознательной, т. е. сужденія-ассоціаціи) между представленіями A' и A'', и т. д. Въ такомъ видѣ математическіе символы пріобрѣтутъ дѣйствительно значеніе наглядныхъ выраженій извѣстнаго закона мысли, а не того непосредственно очевиднаго факта (а именно, что тождественное дѣйствительно тождественно), который они глубокомысленно символизировали до сихъ поръ и который — увы — и безъ помощи оффиціальныхъ представителей логики извѣстенъ каждому малому ребенку.

Прежде чѣмъ перейти къ критическому анализу закона достаточнаго основанія, разборъ котораго мы поведемъ совершенно тѣми же методами, какими пользовались относительно прочихъ законовъ, повторимъ вкратцѣ и болѣе систематически результаты, къ которымъ мы пришли до сихъ поръ.

Въ метафизическомъ смыслѣ законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго въ лучшемъ случаѣ, съ теоретической точки зрѣнія, выражаютъ фактъ природы, что человѣкъ имѣетъ познавательныя способности и въ силу этого стремится къ знанію, т. е. къ возможно большему соотвѣтствію своихъ идей съ ихъ объектами, — съ практической же точки зрѣнія выражаютъ чисто нравственной постулатъ, чтобы онъ это естественное стремленіе свое, для пользы своей и другихъ людей, не заглушалъ, а напротивъ развивалъ. Въ эмпирическомъ смыслѣ тѣ же законы съ теоретической точки зрѣнія косвенно намекаютъ лишь на фактъ однообразія или неизмѣнности природы, откуда никакихъ даже нравственныхъ требованій въ примѣненіи къ познавательной дѣятельности не вытекаетъ. Въ формальномъ значеніи эти законы, съ теоретической точки зрѣнія, констатируютъ общеизвѣстный фактъ различнаго значенія словъ, т. е ихъ возможной несовмѣстимости (или противорѣчія) и синонимичности (или тождества), откуда съ одной стороны вытекаетъ чисто нравственное требованіе, чтобы мы намѣренно не искажали смысла словъ, и познавательное правило, чтобы мы употребляли особыя мѣры или пріемы для возможносовершеннаго, по данному состоянію научныхъ идей, развитія символовъ этихъ послѣднихъ, т. е. «научныхъ терминовъ». Но правило это конечно есть правило не мышленія, а лишь выраженія мыслей. На-

конецъ, въ психологическомъ значеніи разсмотрѣнные законы, съ практической точки зрѣнія, развѣ выражаютъ собою требованіе такой организаціи периферическихъ познавательныхъ движеній, при которой эти послѣднія всячески содѣйствовали бы обогащенію мысли новымъ содержаніемъ, что́ опять содержитъ въ себѣ идею извѣстнаго ряда познавательныхъ пріемовъ, но не пріемовъ мысли въ тѣсномъ значеніи этого слова, а пріемовъ наблюденія, — съ теоретической же точки зрѣнія они дѣйствительно содержатъ въ себѣ намекъ на законы мышленія, но къ сожалѣнію только намекъ: непосредственно они констатируютъ только общеизвѣстный и понятный фактъ, что есть идеи тождественныя другъ другу и идеи различныя; вытекающее же изъ этого факта послѣдствіе или причинное отношеніе между даннымъ фактомъ и процессами мысли, эти законы и въ психологическомъ значеніи своемъ не выражаютъ. То и другое выражается закономъ ассоціаціи идей по тождеству (т. е. сходству, какъ говорили прежде), или внутренней смежности.

Изъ этого обзора вытекаетъ, что старыя ученія о первыхъ трехъ законахъ мысли заключали въ себѣ цѣлый рядъ недоразумѣній: 1) съ практической точки зрѣнія они, съ одной стороны, ставили такія нравственныя требованія, которыя выходятъ за предѣлы компетентности даже «теоріи искусства познанія», а не только «науки о познаніи», т. е. другими словами логика съ этой точки зрѣнія часто вмѣшивалась не въ свое дѣло и, такъ сказать, вторгалась въ область этики; съ другой стороны, если они заключали въ себѣ намеки на правила познавательныя, дѣйствительно имѣющія практическую приложимость, то во первыхъ, они выражали ихъ лишь въ самой смутной, отвлеченной и ни къ чему не пригодной формѣ, — во вторыхъ, совершенно ошибочно приписывали себѣ значеніе правилъ мышленія, такъ какъ имѣющія къ нимъ отдаленное отношеніе «требованія» касаются вовсе не центральныхъ процессовъ мышленія, а вспомогательныхъ периферическихъ процессовъ пріобрѣтенія матеріала для мышленія и выраженія его продуктовъ въ символахъ языка; 2) съ теоретической точки зрѣнія первые три такъ-называемые законы мышленія — или выражали общіе факты природы, т. е. опять переступали сферу компетентности науки о познаніи, или отмѣчали общеизвѣстные и непосредственно, такъ сказать инстинктивно, понятные каждому человѣку факты психической его дѣятельности, неправильно называя описаніе этихъ фактовъ «законами» и еще неправильнѣе признавая ихъ законами «мышленія», между тѣмъ

какъ большею частью рѣчь шла только о фактахъ въ области языка, какъ орудія мысли. Лишь въ одномъ своемъ значеніи эти законы дѣйствительно намекали на извѣстный фактъ изъ области умственной дѣятельности, но и то непосредственно выражали собою только самый этотъ фактъ, и безъ того ни для кого не составляющій секрета, — послѣдствія же этого факта, формулированіе которыхъ дѣйствительно составляетъ научное пріобрѣтеніе и которыя заключаются въ причинной зависимости извѣстныхъ процессовъ мысли отъ внутреннихъ отношеній идей, они оставляли невыраженными.

Изъ этого общаго обзора истинныхъ тенденцій старыхъ логическихъ законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, еще нагляднѣе, чѣмъ прежде, выясняется ихъ фиктивное значеніе и необходимость замѣны ихъ въ будущей наукѣ о познаніи, какъ и въ будущей теоріи искусства познанія новыми, болѣе правильными и глубокими обобщеніями, т. е. формулами законовъ ассоціаціи - съ одной стороны, и формулами методовъ пріобрѣтенія матеріала мышленія и словеснаго выраженія результатовъ его — съ другой. Только тогда логика и методологія и избавятся отъ того мертваго духа формализма, который отталкивалъ отъ нихъ до сихъ поръ всѣхъ серіозныхъ представителей науки, — когда необходимость этихъ реформъ будетъ окончательно признана логическими писателями.

Настоящіе выводы наши еще болѣе подтвердятся анализомъ четвертаго логическаго закона «достаточнаго основанія», къ разбору котораго мы теперь и перейдемъ.

Законъ достаточнаго основанія (lex rationis determinantis s. sufficientis) обыкновенно формулируется такъ: «каждая мысль должна имѣть основаніе» или «каждая мысль можетъ быть признана истинною, лишь при достаточномъ основаніи», или, какъ выражается напр. Вундтъ, «всякое основаніе предполагаетъ слѣдствіе и, съ уничтоженіемъ основанія, уничтожается и слѣдствіе».

Изъ этихъ опредѣленій уже ясно, что законъ достаточнаго основанія долженъ содержать указаніе на совершенно другую сторону умственной дѣятельности, чѣмъ первые три закона, нами разобранные. Эти послѣдніе, какъ мы убѣдились, намекаютъ лишь на фактъ двоякаго внутренняго отношенія идей; законъ же достаточнаго основанія повидимому пытается отмѣтить фактъ не простого отношенія идей, а зависимости соотношеній или связей идей отъ чего-то внѣ ихъ лежащаго и эти связи оправдывающаго. Послѣднее ясно уже изъ

самаго требованія, которое содержится въ упомянутыхъ выше формулахъ: если бы основанія мысли лежали только въ ней самой, т. е. исключительно въ необходимыхъ внутреннихъ отношеніяхъ идей, то конечно нелѣпо было бы и предъявлять требованіе, чтобы она опиралась на то, на что и безъ того неизбѣжно опирается. Законъ достаточнаго основанія поэтому только и можетъ имѣть какой-нибудь разумный смыслъ, если онъ указываетъ на зависимость отношеній идей отъ какихъ-то другихъ отношеній, внѣ ихъ лежащихъ, а равно и на практическія требованія, изъ этого факта вытекающія.

Но, не смотря на это простое соображеніе, были философы, которые, изъ стремленія къ единству въ мотивировкѣ всѣхъ принциповъ мышленія, дѣлали самыя нелѣпыя натяжки съ цѣлью вывести законъ достаточнаго основанія изъ законовъ тождества или противорѣчія. Такъ Вольфъ выводилъ законъ достаточнаго основанія изъ закона противорѣчія, при помощи слѣдующаго страннаго разсужденія: «если бы что-нибудь не имѣло достаточнаго основанія, то ничто было бы причиною чего-то, а это было бы противорѣчіемъ». Вольфъ не замѣчалъ, что въ этомъ разсужденіи, какъ справедливо указываетъ Вундтъ, заключается кругъ, ибо, желая вывести повидимому несуществующее еще понятіе «достаточнаго основанія», Вольфъ однако предполагаетъ его уже готовымъ: понятіе «ничего, какъ основанія чего-то» вѣдь и есть уже частное выраженіе такого общаго понятія о законѣ достаточнаго основанія! Съ другой стороны Гамильтонъ пробуетъ вывести законъ достаточнаго основанія изъ закона тождества, ибо первоначальнымъ и простѣйшимъ выраженіемъ перваго считаетъ умозаключеніе о тождествѣ двухъ величинъ на основаніи тождества ихъ третьей ($A = B$, $B = C$, слѣдов. $A = C$). При этомъ Гамильтонъ очевидно упускаетъ изъ виду, что столь же первоначальнымъ и самостоятельнымъ является и обратное разсужденіе о различіи двухъ величинъ на основаніи различныхъ ихъ отношеній къ третьей ($A = B$, B не $= C$, слѣдов. A не $= C$), а также разсужденіе о послѣдовательности и смежности въ пространствѣ двухъ явленій на основаніи связи во времени или въ пространствѣ между ними и какимъ-нибудь третьимъ явленіемъ (A было ранѣе B, B было ранѣе C, слѣд. A было ранѣе C; A находится въ сосѣдствѣ съ B, B съ C, слѣдовательно A въ сосѣдствѣ и съ C) и т. д. Вообще во всякомъ умозаключеніи, какое бы отношеніе ни существовало между идеями, одно сужденіе вытекаетъ изъ другихъ, и считать сужденіе о равенствѣ прототипомъ всѣхъ другихъ можно только при совершенно невѣрномъ

и однако весьма распространенномъ предположеніи, что всѣ суждения суть равенства, что́ мы уже и опровергли предшествующимъ анализомъ двоякаго типа сужденій. Болѣе того, спрашивается еще вообще, является ли связь сужденій первоначальною формою выраженія понятія «достаточнаго основанія»: связь сужденій есть несомнѣнно связь производная, основанная на связяхъ идей, и каждое сужденіе, въ отдѣльности взятое, т. е. каждая связь двухъ идей, насколько она зависитъ отъ условій внѣ сознанія лежащихъ, и есть уже выраженіе идеи достаточнаго основанія, какъ его понимала старая логика. Остается лишь разъяснить, правильно ли было формулированіе закона зависимости отношеній идей отъ внѣшнихъ отношеній, въ опредѣленіяхъ этой старой логики, и нельзя ли выразить его лучше, — вопросъ же о самостоятельности закона достаточнаго основанія отъ законовъ тождества и различія, послѣ всего сказаннаго, конечно не можетъ подлежать сомнѣнію.

Но, прежде чѣмъ приступить къ выполненію поставленной только-что задачи, надо замѣтить, что и законъ достаточнаго основанія не всегда понимался какъ законъ психологическій, т. е. какъ законъ, выражающій причину извѣстной связи идей между собою: были попытки и этому закону давать всевозможныя другія значенія, и Шопенгауэръ первый пытался систематизировать всѣ эти различные способы толкованія понятія достаточнаго основанія особою ихъ классификаціею. Онъ насчитываетъ такихъ толкованій четыре и облекаетъ ихъ въ латинскія формулы, говоря о principia rationis sufficientis essendi, fiendi, agendi и cognoscendi. Значеніе этихъ терминовъ слѣдующее: законъ достаточнаго основанія понимался — то какъ выраженіе отношенія между бытіемъ и его причиной, то какъ выраженіе связи причины и дѣйствія въ области явленій, то какъ формула отношенія между мотивомъ воли и поступкомъ, то, наконецъ, какъ выраженіе зависимости сужденія, т. е. отношенія идей, отъ извѣстныхъ основаній. Нечего и говорить, что первое толкованіе — чисто метафизическое, соотвѣтствующее указанному выше метафизическому толкованію законовъ тождества и противорѣчія, второе — эмпирическое, четвертое — психологическое. Недостаетъ только формальнаго (такъ сказать lex rat. suffic. dicendi), которое тоже конечно возможно, ибо слова, термины и предложенія также имѣютъ свои основанія, а именно въ содержаніи идей. Отношенія словъ должны имѣть свое оправданіе въ отношеніяхъ идей, какъ отношенія

идей въ отношеніяхъ вещей и, если бы эта истина могла быть утилизирована, то вѣроятно невозможны были бы старыя quasi-научныя положенія, что «человѣкъ живетъ, потому что въ немъ заключается принципъ жизни», что «предметъ тяжелъ, потому что содержитъ въ себѣ силу тяжести» и др. под., которыми слова ставились исключительно въ формальныя отношенія другъ къ другу. Но это толкованіе разбираемаго закона Шопенгауэръ очевидно проглядѣлъ или, еще вѣроятнѣе, смѣшалъ, подъ вліяніемъ общихъ пріемовъ старой логики, съ психологическимъ его толкованіемъ; зато мы находимъ у него указаніе на новое, сравнительно съ прежде разобранными, объясненіе закона достаточнаго основанія, которое мы назвали выше ѳическимъ или нравственнымъ и которое содержитъ въ себѣ утвержденіе связи нашихъ поступковъ съ извѣстными ихъ мотивами (l. r. s. agendi). Возможность этого пятаго значенія закона достаточнаго основанія между прочимъ еще разъ подтверждаетъ и независимость его отъ законовъ тождества и противорѣчія.

Хотя конечно уже a priori, на основаніи всего вышеизложеннаго, ясно, что, какъ законъ мышленія, принципъ достаточнаго основанія, можетъ быть понимаемъ только въ психологическомъ значеніи, тѣмъ не менѣе мы, ради полноты и отчетливости анализа, и въ настоящемъ случаѣ опять разберемъ внутренній смыслъ всѣхъ приведенныхъ толкованій его, — столько же съ теоретической, сколько и съ практической точекъ зрѣнія.

Въ метафизическомъ своемъ значеніи з. д. о. выражался старою формулою «nihil fit sine causa» и такое значеніе ему придавали разумѣется по преимуществу въ древнія времена — господства онтологическихъ системъ: подъ терминомъ «nihil» (ничто) разумѣлось конечно внутренное «бытіе» вещей, ихъ «сущность», а подъ «causa» — искомая философіей «первая причина» всего существующаго. Но какъ скоро ученіе о сущностяхъ и первыхъ причинахъ было изгнано даже изъ предѣловъ философіи, то это толкованіе и утратило свой смыслъ, столько же теоретическій, сколько и практическій (т. е. какъ побужденіе къ исканію первыхъ причинъ бытія).

Эмпирическое значеніе закона достаточнаго основанія, т. е. значеніе его какъ выраженія причинной связи явленій, получило особенный смыслъ лишь въ новой философіи, т. е. со времени яснаго противуположенія явленій, какъ объектовъ науки, сущностямъ, которыя для познанія недоступны; но ясное сознаніе различія между закономъ

причинной связи явленій и законами соотношенія идей и словъ, т. е. закономъ достаточнаго основанія въ болѣе тѣсномъ значеніи, обнаружено, по мнѣнію Вундта, впервые Локкомъ. Затѣмъ Кантъ еще полнѣе выразилъ упомянутое различіе, а отъ этого уже оставался только одинъ шагъ до того систематическаго разграниченія разнообразныхъ толкованій закона достаточнаго основанія, которое было предложено Шопенгауэромъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на сознаніе различія связи причины и дѣйствія съ одной стороны, основанія и слѣдствія — съ другой, законъ причинности, подъ вліяніемъ скептиковъ и идеалистовъ XVIII в., подъ вліяніемъ Юма и Канта и ихъ послѣдователей, признается многими философами и до сихъ поръ за законъ мышленія, а не природы, какъ можно было бы заключать изъ того, что онъ касается отношеній между собою внѣшнихъ явленій опыта. Только «наивный», по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, здравый смыслъ нефилософствующаго человѣка можетъ привести къ мысли, что законъ причинности есть законъ объективный, законъ природы. Однако мы всетаки позволимъ себѣ открыто присоединиться къ этому наивному міросозерцанію толпы на томъ основаніи, что если вообще есть внѣшній міръ, т. е. «природа» (безъ предположенія которой и наука не имѣла бы смысла), а тѣмъ болѣе если есть «однообразіе природы» (безъ котораго тоже наука не мыслима), то объективное значеніе закона причинности сомнѣнію подлежать не можетъ. Другой вопросъ, какъ образуется эта идея въ нашемъ индивидуальномъ сознаніи: мы сами старались показать выше, какъ она развивается не изъ внѣшнихъ или чисто физическихъ, а изъ извѣстныхъ внутреннихъ или интеллектуальныхъ (другими словами центральныхъ) ощущеній, путемъ постепенной интеграціи ихъ въ болѣе и болѣе сложныя идеи: но изъ того, что идея причинности образуется, такъ сказать, изнутри, помощью переработки нашихъ интеллектуальныхъ ощущеній, еще конечно не слѣдуетъ, чтобы ей внѣ насъ ровно ничего не соотвѣтствовало. Это былъ бы совершенный абсурдъ: вѣдь признавая, что даже внѣшнія ощущенія цвѣтовъ, звуковъ и т. д., вовсе не передаютъ намъ истинной природы вещей, мы всетаки не отрицаемъ ихъ объективнаго основанія. Точно также, разумѣется, и объективнаго основанія другихъ своихъ ощущеній и идей мы отрицать не вправѣ: что́ такое въ дѣйствительности служитъ связью явленій, какъ одно явленіе порождаетъ другое и т. д., мы можемъ и не знать; но сомнѣваться въ томъ, что одни явленія тѣснѣе связаны въ природѣ, чѣмъ другія, что одни находятся

въ отношеніяхъ постоянныхъ, а другія въ перемѣнныхъ, мы никакого права не имѣемъ: однообразіе собственныхъ нашихъ умственныхъ и вообще психическихъ функцій служитъ внутреннимъ критеріемъ однообразія и всей прочей природы, часть которой мы составляемъ, (если бы этотъ фактъ вообще могъ подлежать сомнѣнію), а это «однообразіе природы» и можно мыслить только въ идеѣ «причинной зависимости» явленій.

Поэтому-то законъ причинности, поскольку вообще существуетъ природа и наука, есть законъ объективный, законъ природы, а не мысли, и это утвержденіе совершенно независимо отъ того, признавать ли самую идею причинности обобщеніемъ изъ внѣшнихъ или же изъ внутреннихъ (интеллектуальныхъ) ощущеній: всѣ наши идеи возникаютъ изъ ощущеній, каковы бы они ни были, и если сомнѣваться въ объективныхъ основаніяхъ нашихъ идей, то прежде всего должно было бы усумниться въ объективныхъ основахъ ощущеній. Поэтому-то только одинъ крайній идеализмъ, отрицающій всякое бытіе внѣ мысли, и могъ послѣдовательно отрицать значеніе закона причинности, какъ закона природы. Онъ забывалъ только одно, что — въ видахъ еще болѣе полной послѣдовательности — ему слѣдовало бы отрицать и объективность науки и всякихъ знаній, а потому въ концѣ концевъ и свою собственную объективность, т. е. что для него только одинъ законный исходъ и существуетъ, а именно перерожденіе въ полный Пирроновскій, или даже болѣе — Энесидемовскій скептицизмъ.

Такимъ образомъ законъ причинности, т. е. законъ достаточнаго основанія (въ обширномъ значеніи), понимаемый въ эмпирическомъ смыслѣ, есть законъ природы, а не мысли. Спрашивается, имѣетъ ли этотъ законъ природы, хоть съ практической точки зрѣнія, какое-нибудь отношеніе къ мышленію. Практическое требованіе, чтобы наша мысль вездѣ искала причинъ явленій, по тому не можетъ имѣть никакого смысла, что въ томъ періодѣ развитія ума, когда идея причинности еще не образовалась въ немъ, самый терминъ «причины» остается пустымъ звукомъ, не имѣющимъ значенія, вслѣдствіе чего и упомянутое правило является лишь пустой, лишенной всякаго смысла фразой; когда же понятіе о причинныхъ отношеніяхъ явленій образовалось въ умѣ человѣка, то умственная дѣятельность, въ силу естественныхъ требованій природы, уже сама не въ состояніи не выполнять упомянутаго выше требованія, такъ что оно опять остается «фразой» и похоже на то, какъ если бы мы ребенку, научившемуся ходить, безпрестанно

повторяли, слѣдуя по пятамъ его: «умѣй ходить, умѣй ходить, умѣй ходить.» Но, скажутъ намъ, бываютъ же случаи, когда люди причинъ явленій не находятъ, а если и находятъ, то иногда невѣрно, т. е. приписываютъ явленія не тѣмъ причинамъ, которыя ихъ дѣйствительно произвели? Въ этомъ мы и не сомнѣваемся; но оттого ли происходятъ ошибки въ упомянутыхъ случаяхъ, что мы не знаемъ, что всѣ явленія имѣютъ свою причину? Конечно не отъ того, а лишь отъ ошибочныхъ наблюденій и недостаточныхъ знаній. Поэтому, для предупрежденія такихъ заблужденій, можетъ быть полезно только указаніе на пріемы правильнаго и разносторонняго наблюденія вещей, т. е. на пріемы пріобрѣтенія матеріала для мышленія, — заповѣдь же: «находи истинныя причины явленій» и тутъ ничего не поможетъ. Если человѣкъ, умѣя ходить, падаетъ, потому что спотыкается о различные предметы, то его полезно научить наблюдать и осматривать путь, по которому онъ идетъ, а говорить ему, что не надо спотыкаться и падать, совершенно неумѣстно, такъ какъ онъ это и самъ знаетъ. Такимъ образомъ законъ причинности можетъ косвенно навести на мысль о различныхъ пріемахъ познанія, при помощи которыхъ изслѣдованіе причинъ явленій могло бы сдѣлаться болѣе плодотворнымъ, но непосредственно никакого правила познавательной дѣятельности въ этомъ законѣ не содержится.

Въ формальномъ значеніи своемъ законъ достаточнаго основанія констатируетъ фактъ, что слова и словесныя утвержденія наши должны опираться на идеи наши и ихъ взаимныя отношенія; но фактъ этотъ конечно также непосредственно извѣстенъ каждому человѣку, какъ и фактъ тождества и различія словъ: пріобрѣтеніе и развитіе языка вѣдь и основывается уже на потребности выразить словесными символами объективное содержаніе мысли. Слѣдовательно съ теоретической точки зрѣнія разбираемый законъ, въ формальномъ значеніи, и не является въ сущности закономъ, такъ какъ ничего новаго человѣку не открываетъ. Съ практической же точки зрѣнія — правило ставить слова и утвержденія свои въ зависимость отъ идей разумѣется можетъ имѣть примѣненіе, но только опять не въ прямомъ, а лишь въ переносномъ значеніи: оно можетъ только намекать снова на необходимость выработки точной научной терминологіи, но уже съ другой точки зрѣнія, чѣмъ законы тождества и противорѣчія, а именно не въ смыслѣ согласованія словъ между собою, а въ смыслѣ подчиненія ихъ идеямъ и мотивированія ихъ значенія содержаніемъ и взаимными отношеніями этихъ

послѣднихъ. Но, во первыхъ, въ этомъ требованіи опять содержится руководство не для мышленія, а лишь для словеснаго выраженія мыслей; во вторыхъ, оно въ такъ называемомъ законѣ достаточнаго основанія формулировано лишь весьма смутно, чтобы не сказать болѣе. Будущая «теорія искусства познанія» обязана опять на мѣсто туманнаго «pium desiderium» старой логики выразить въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и конкретныхъ правилъ тѣ разнообразные пріемы, которые должны быть употребляемы наукою при составленіи новыхъ терминовъ и исправленіи содержанія старыхъ.

Въ нравственномъ или идеическомъ значеніи законъ достаточнаго основанія конечно никакого отношенія къ наукѣ о познаніи имѣть не можетъ, такъ какъ съ теоретической точки зрѣнія выражаетъ фактъ, что всѣ наши поступки и дѣйствія, не только познавательныя, но и всякія другія, опираются на какія-нибудь побужденія, — съ практической точки зрѣнія выражаетъ требованіе, чтобы мы всегда отдавали себѣ сознательный отчетъ въ этихъ побужденіяхъ и конечно выбирали бы тѣ дѣйствія, которыя опираются на побужденія, признаваемыя нравственными и законными. Разумѣется и познавательная дѣятельность, какъ всякая другая, можетъ тоже руководствоваться «побужденіями», столько же безсознательными, сколько и сознательными, столько же нравственными, сколько и безнравственными (напр. исключительно матеріальною выгодой); но конечно не дѣло «теоріи искусства познанія» разбирать и оцѣнивать эти побужденія: бо́льшую сознательность мотивамъ познавательной дѣятельности она разумѣется можетъ дать, но не платоническими совѣтами, а лишь самымъ своимъ существованіемъ и всѣмъ своимъ строемъ, точно также какъ эту сознательность еще въ лучшей мѣрѣ развиваетъ строго теоретическая «наука» о познаніи, т. е. логика, а затѣмъ и всѣ вообще науки психологическаго круга; нравственные же мотивы познавательной дѣятельности могутъ быть развиваемы только общею наукою о нравственности, затѣмъ педагогикою и теоріею искусства общежитія. А теорія искусства познанія беретъ познавательную дѣятельность просто какъ фактъ, не вникая въ ея мотивы и въ степень развитія различныхъ субъектовъ, и излагаетъ пріемы, которые могутъ всего лучше и короче приводить людей извѣстнаго развитія къ соотвѣтствующимъ цѣлямъ.

Стало быть и законъ достаточнаго основанія, ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія, ни въ какомъ другомъ значеніи не можетъ имѣть отношенія къ умственной дѣятельности человѣка,

т. е. къ его мышленію, кромѣ какъ въ значеніи психологическомъ. Но и тутъ, какъ мы уже замѣтили выше (ср. стр. 289) остается рѣшить вопросъ, правильно и наглядно ли онъ формулируетъ ходъ мышленія человѣка и вытекающія изъ него практическія требованія, если таковыя вообще возможны? Этотъ-то вопросъ мы и разсмотримъ.

Мы уже видѣли выше, что въ психологическомъ значеніи законъ достаточнаго основанія выражаетъ фактъ зависимости отношеній идей отъ какихъ-то внѣшнихъ отношеній, имъ соотвѣтствующихъ, а слѣдовательно, можетъ быть, и требованіе, чтобы такая зависимость была принимаема въ разчетъ и соблюдаема. Но спрашивается, подлежитъ ли вообще фактъ зависимости теченія идей отъ условій внѣшней среды, какому-нибудь сомнѣнію? Конечно нѣтъ: это опять фактъ непосредственно извѣстный человѣку, въ силу самой организаціи его познавательныхъ аппаратовъ, которая, какъ извѣстно, заставляетъ его объективировать всѣ свои ощущенія и идеи во внѣшней средѣ или въ собственномъ своемъ тѣлѣ. Если бы только этотъ простой фактъ былъ выраженъ въ соотвѣтствующемъ законѣ, то толку отъ него было бы мало. Остается искать снова его потаеннаго, внутренняго значенія: это послѣднее при внимательномъ анализѣ сводится къ тому, что опредѣленныя внѣшнія отношенія объектовъ ведутъ къ образованію столь же опредѣленныхъ внѣшнихъ связей между идеями, т. е. къ ассоціаціи и диссоціаціи идей на основаніи такъ называемой внѣшней смежности (послѣдовательности во времени, или смежности въ пространствѣ ихъ объектовъ). Если бы законъ достаточнаго основанія дѣйствительно выражалъ эту сложную зависимость между отношеніями идей и отношеніями ихъ объектовъ, то конечно можно было бы вполнѣ справедливо назвать его «закономъ» мысли; но тогда въ то же время онъ оказался бы только особымъ весьма смутнымъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ закона ассоціаціи идей по внѣшней смежности. Къ сожалѣнію, онъ и этой второстепенной роли приписать себѣ не можетъ, такъ какъ опять и онъ утверждалъ только простой фактъ изъ сферы мышленія, а на его послѣдствія и значеніе для этого послѣдняго прямо не указывалъ; поэтому и его слѣдуетъ также выкинуть изъ теоріи мышленія и вообще изъ науки о познаніи, какъ ни къ чему ненужный балластъ, замѣнивъ точными формулами соотвѣтствующихъ законовъ ассоціаціи.

Остается однако еще вопросъ, не можетъ ли онъ съ практической точки зрѣнія играть какой-нибудь роли — въ «теоріи искус-

ства познанія»? Но и тутъ польза его оказывается совершенно фиктивною, такъ какъ, инстинктивно понимая, въ силу своей умственной организація, зависимость отношеній своихъ идей отъ отношеній вещей, мы столь же инстинктивно стремимся всегда искать опоры для своихъ идей, если не во внутреннихъ отношеніяхъ ихъ между собою, то именно во внѣшнихъ отношеніяхъ среды. Конечно не всегда это стремленіе даетъ правильные результаты, но сдѣлать его болѣе плодотворнымъ можно опять лишь указаніемъ на лучшіе пріемы пріобрѣтенія матеріала для познавательной дѣятельности, т. е. на лучшіе пріемы «наблюденія», а не на отвлеченную зависимость отношеній идей отъ отношеній ихъ объектовъ. Это было бы «толченіемъ воды въ ступѣ», къ чему впрочемъ сводится и вообще, какъ достаточно могъ убѣдиться въ томъ читатель, все старое логическое ученіе о принципахъ мышленія.

Это послѣднее, какъ мы видѣли, называло законами мышленія факты, частью даже неотносящіеся не только къ мышленію, но и къ познавательной дѣятельности вообще, а затѣмъ фантастическія правила, пытавшіяся сдѣлать изъ самыхъ элементарныхъ требованій природы познающаго субъекта какія-то глубокомысленныя нравоученія, обращенныя мудрыми жрецами науки къ невѣжественной толпѣ непризванныхъ. Истинные представители науки конечно надъ этими безполезными нравоученіями смѣялись, — толпа же большею частью не понимала, какой такой глубокій смыслъ можетъ заключаться въ утвержденіи, что $A = A$, A не $=$ non A, т. е. что то, что́ равно, то дѣйствительно равно, что то, что́ различно, дѣйствительно различно, что то, что́ имѣетъ основаніе, дѣйствительно должно имѣть таковое, и т. д. и т. д. Тѣмъ не менѣе, изъ благоговѣнія къ наукѣ, она благоговѣла и передъ этими мудрыми изрѣченіями, повторяя ихъ конечно механически, безъ всякаго пониманія дѣла. Но такъ какъ теперь фиктивное значеніе старыхъ логическихъ законовъ вполнѣ разоблачено, то мы, на основаніи своихъ предшествующихъ изслѣдованій процессовъ мышленія и при содѣйствіи результатовъ критики, скажемъ свое послѣднее краткое слово по вопросу «о законахъ мышленія».

Законами мышленія мы называемъ такія формулы, которыя выражаютъ: 1) взаимныя отношенія другъ къ другу различныхъ процессовъ, изъ которыхъ мышленіе слагается на основаніи результатовъ

правильнаго научнаго, т. е. методическаго, анализа его теченія, и затѣмъ: 2) зависимость этихъ процессовъ отъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, оказывающихъ вліяніе на дѣятельность ума. Такое распредѣленіе законовъ мысли на два главные класса вполнѣ согласуется и съ прежнимъ выводомъ нашимъ, что всѣ методически-добытыя сужденія (къ каковымъ и относятся означенные законы) заключаютъ въ себѣ или утвержденія о внутренней однородности или разнородности идей о явленіяхъ или процессахъ природы, или утвержденія о внѣшней причинной зависимости или независимости объектовъ этихъ идей (ср. выше, стр. 246—248). Другими словами «законы», будучи сами формулами произвольно-методическихъ «ассоціацій», должны распадаться на тѣ же два класса или типа, какъ и всѣ ассоціаціи.

Къ законамъ, формулирующимъ отношенія процессовъ мысли съ точки зрѣнія ихъ однородности и разнородности, относятся напр. положенія о томъ, что всѣ процессы мысли суть въ различной степени законченные и сложные процессы ассоціаціи и диссоціаціи элементовъ объективной воспріимчивости, что всѣ эти процессы распадаются на четыре главныя и каждая изъ главныхъ на рядъ второстепенныхъ ступеней развитія, что всѣ процессы ассоціаціи имѣютъ два основные типа или направленія развитія и т. д.; къ законамъ же, указывающимъ на зависимость теченія процессовъ мысли отъ различныхъ условій, относятся положенія о томъ, что сложность процессовъ и явленій мысли прямо пропорціональна ихъ сознательности и обратно, что сложность процессовъ мысли зависитъ отъ сложности явленій, которыя она перерабатываетъ, а сложность явленій, какъ продуктовъ мышленія, отъ сложности его процессовъ; наконецъ, къ этой же области относятся и упомянутые нами выше частные законы ассоціаціи, выражающіе зависимость ассоціативныхъ связей ощущеній и идей отъ внутренней смежности ихъ центровъ и внѣшней смежности ихъ объектовъ, въ пространствѣ и во времени, и т. д. (ср. выше, стр. 263).

Всѣ эти законы мы уже на столько ясно формулировали въ заключеніяхъ къ III и IV главамъ книги, на сколько намъ это дозволилъ ходъ собственныхъ нашихъ изслѣдованій въ области процессовъ мышленія. Будущая наука логика, по мѣрѣ проникновенія своего въ различныя частныя сферы умственной дѣятельности, конечно обогатитъ эту науку и новыми формулами «законовъ»; мы же считаемъ себя не въ правѣ нагромождать другъ на друга подобныя формулы по той простой причинѣ, что каждая научная формула, въ отдѣльности взятая, должна

быть выведена изъ фактовъ, или по крайней мѣрѣ подтверждена этими послѣдними, а между тѣмъ та сумма фактовъ, которая нами была изслѣдована, уже вполнѣ эксплуатирована выше въ смыслѣ заключеній, которыя могли быть на ней основаны.

Поэтому мы перейдемъ теперь ко второму общему вопросу, поставленному нами въ настоящей главѣ, а именно къ вопросу «о причинахъ заблужденій ума».

2. Причины заблужденій ума.

Вопросъ о заблужденіяхъ ума всегда игралъ видную роль въ логикѣ, начиная съ основателя этой науки Аристотеля и кончая самыми новѣйшими ея представителями[1]). Такъ должно было быть уже потому,

---

[1]) Спеціальная литература вопроса о заблужденіяхъ и параллельнаго вопроса объ истинѣ и достовѣрности тоже обнимаетъ нѣсколько десятковъ сочиненій, изъ которыхъ въ новое время намъ извѣстны между прочимъ слѣдующія: Herbeth, De veritate prout distinguitur a revelatione, verosimili, possibili et a falso. Paris, 1624. London, 1645. (Cherbury, De la vérité en tant qu'elle se distingue de la révélation etc Trad. du lat 1639). Sturmius, Disputationes logicae pro veritate. Gryph., 1643. Mansfelt, Elementa rectae ratiocinationis. Ultraf., 1668 Malebranche, De la recherche de la vérité, où l'on traite de la nature de l'esprit de l'homme et de l'usage qu'il doit en faire pour éviter l'erreur dans la science. Par., 1675 (1712 4 vol.). Arnault, Des vraies et des fausses idées contre ce qu'enseigne l'auteur de la recherche de la vérité. Cologne, 1683. Zeidler, De modo solvendi sophismata. Rudolst, 1679. Mackensius, De humanae rationis imbecillitate, unde provenat et quomodo possit mederi. Jenae, 1691. Ruediger, De sensu veri et falsi Halae, 1709. Его же: De usu et abusu terminorum, de novis ratiocinandi adminiculis etc. Radacus, Disputatio pneumatica de errore Traj a R., 1720 Reusch, Via ad perfectionem intellectus compendiaria. Isen., 1728. Huestii, De imbecillitate mentis humanae. Amst, 1738. Crusius, Weg zur Gewissheit u. Zuverlassigkeit der menschl. Erkenntn. Leipzig, 1747. Daries, Via ad veritatem. Jenae, 1755. Dalham, De ratione recte cogitandi. Aug. Vind., 1762 Garve, De nonnullis quae pertinent ad logicam probabilium 1766. Lambert, Examen d'une espèce de superstition, rammenée au calcul des probabilités. Mém. de l'Acad de Berlin, 1772. Helvetius, Des progrès de la raison dans la recherche du vrai London, 1775 Lossius, Physische Ursachen des Wahren Gotha, 1775. Beausobre, Réflexions philosophiques sur la certitude Mém de l'Acad. de Berl, 1776. Hemsterhuys, Aristée, ou de la vérité. Paris, 1779. (—) Des erreurs et de la vérité. Salomopolis, 1781. Hungar, Ueber die Natur der Wahrheit Dresd, 1786. Ancillon, Mém. sur la certitude etc. Mém de l'Acad. de Berl, 1792—93. Его же. Doute sur les bases du calcul des probabilités. Ibid., 1794—95. (—) Essai

что претензіи логики на руководящую роль въ процессахъ умственной дѣятельности человѣка и документировались именно фактомъ возможности упомянутыхъ заблужденій и предположеніемъ, что ихъ можно предупреждать и исправлять помощью различныхъ придуманныхъ логикою «правилъ». Классификаціи заблужденій ума, а вмѣстѣ съ тѣмъ и системы правилъ, направленныхъ къ борьбѣ съ ними, были, правда, довольно разнообразны въ различныя времена и въ различныхъ логическихъ школахъ; но общее убѣжденіе, что отправленія мысли или дѣйствія ума могутъ быть неправильны и ошибочны, и что задача логики прежде всего заключается въ томъ, чтобы давать правильное теченіе процессамъ мысли, раздѣлялось и раздѣляется до сихъ поръ, за немногими исключеніями, почти всѣми логическими писателями; поэтому и научная критика въ правѣ сдѣлать это весьма распространенное, даже въ ученой средѣ, мнѣніе — предметомъ своего анализа.

Мы уже однажды высказались въ томъ смыслѣ, что въ самыхъ процессахъ мышленія, при здоровомъ и нормальномъ состояніи его органа, никакихъ ошибокъ и неправильностей, по нашему мнѣнію, быть не можетъ. Процессы мышленія, какъ и всѣ другіе процессы въ организмѣ, слѣдуютъ строго опредѣленнымъ самою организаціею этого послѣдняго законамъ (въ данномъ случаѣ законамъ ассоціаціи) и думать, что законы эти въ какомъ-нибудь случаѣ могутъ быть нарушены или обойдены, уже a priori было бы совершеннымъ абсурдомъ:

---

sur les préjugés. Neuch, 1796. Krug, Von der Ueberzeugung nach ihren verschiedenen Arten. Jena, 1797. Boehme, Beantwortung der Frage Was ist Wahrheit. Altenb, 1803 Nicolai, Sur les abstractions, les imperfections qui en sont inséparables et leur fréquent abus Mém. de l'Acad de B., 1803 Ernsthausen, Inhalt der logischen Wahrheit. Berlin, 1804. Reinhold, Die alte Frage Was ist Wahrheit. Altona, 1820. Kalkreuth, Was ist Wahrheit? Leipzig, 1821. Romagnosi, Che cosa è la mente sana? Mil, 1827. Le Moine, De diversis adsensus formis etc Lugd. Bat, 1829. Butalini, Sugl' impedimenti al sapere. Firenze, 1860 Opzoomer, De waarheit en hare kenbronnen 2. Aufl. Leyden, 1863. Windelband, Ueber die Gewissheit der Erkenntniss Berl, 1873. Holder, Die Moglichkeit und die Bedingung wahrer Erkenntniss. Urach., 1878 Kirchmann, Ueber die Wahrscheinlichkeit Leipzig, 1878 Brochard, De l'erreur Paris, 1879. Hellenbach, Die Vorurtheile der Menschheit. Wien, 1879—80. Robert, De la certitude etc. Par, 1880 Wundt, Der Aberglaube in der Wissenschaft. Leipzig, 1880. Decés, Science et vérité. Paris, 1881 И т. д. (Спеціальныя сочиненія о скептицизмѣ, какъ историческія, такъ и полемическія, не вошли въ этотъ перечень).

это значило бы именно отказаться отъ идеи «законности» и «неизмѣнности» процессовъ природы и даже отъ самой идеи «организма», которая основана на предположеніи, что всѣ столько же физическіе, сколько и психическіе процессы въ животныхъ и въ человѣкѣ предъопредѣлены самымъ устройствомъ и взаимными отношеніями извѣстныхъ элементовъ, ихъ составляющихъ.

Но какъ ни обязательны кажутся эти разсужденія, логика однако въ большинствѣ своихъ представителей вовсе съ ними не сообразовалась и именно допускала, какъ мы сказали выше, предположеніе, что сама мысль можетъ ошибаться, что самый процессъ мышленія можетъ происходить неправильно. Въ основѣ этого мнѣнія лежало слѣдующее, весьма поверхностное заключеніе: «если возможны ошибки въ результатахъ мышленія, то стало быть возможны ошибки и въ процессахъ его, къ этимъ результатамъ приводящимъ, а отсюда выводилось далѣе, что необходимы и правила мышленія, которыя бы эти ошибки устраняли». Такъ очевидно разсуждалъ даже Дж. Ст. Милль, особо упоминающій въ своей классификаціи заблужденій о «забужденіяхъ въ обобщеніи» и о «заблужденіяхъ въ умозаключеніи».

Между тѣмъ, при болѣе внимательномъ размышленіи, станетъ понятнымъ, что если возможны ошибки въ результатахъ мышленія, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ лежали въ самыхъ процессахъ мысли: можно предположить, что всѣ онѣ зависятъ отъ невѣрныхъ или ошибочныхъ наблюденій, или же отъ недостатка наблюденій и знаній и т. д., — вообще отъ причинъ, лежащихъ совершенно внѣ самыхъ процессовъ мысли и не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Такое предположеніе само по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго и остается только доказать его критическимъ разборомъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ старая логика видѣла обнаруженія ошибокъ въ самыхъ процессахъ мысли. Эту задачу мы и намѣрены прежде всего выполнить.

Но для этого нужно рѣшить предварительно: какіе виды заблужденій изъ тѣхъ, которые признавались старою логикою, слѣдуетъ отнести къ заблужденіямъ или ошибкамъ въ процессѣ мышленія?

Формальная логика говорила обыкновенно о четырехъ классахъ ошибокъ: въ опредѣленіи, дѣленіи, умозаключеніи и доказательствѣ. Считая «опредѣленіе, дѣленіе и доказательство» особыми функціями ума, т. е. самой мысли, она конечно должна была

подводить всѣ упомянутые виды ошибокъ подъ общій классъ «ошибокъ въ мышленіи». Но такъ какъ мы считаемъ «опредѣленіе, дѣленіе и доказательство» лишь дѣйствіями выраженія различныхъ продуктовъ мысли (ср. выше, стр. 214—215), то и не можемъ раздѣлять приведеннаго взгляда формальной логики. Ничто не мѣшаетъ конечно предположить, что если возможны ошибки въ умозаключеніи, то именно отъ этихъ ошибокъ могутъ зависѣть и ошибки въ опредѣленіи, дѣленіи и доказательствѣ; но отъ этого еще далеко до предположенія, что ошибки въ этихъ формахъ выраженія результатовъ мышленія суть самостоятельные виды ошибокъ въ процессахъ умственной дѣятельности. «Самостоятельными» онѣ могутъ быть развѣ только какъ ошибки языка, какъ ошибки въ употребленіи терминовъ, но это уже не будутъ ошибки въ процессѣ мышленія. Если же ошибки въ опредѣленіяхъ, дѣленіяхъ и доказательствахъ не зависятъ отъ сбивчивости словъ, то онѣ должны зависѣть — или отъ ошибокъ въ наблюденіи, или отъ ошибокъ въ умозаключеніи и обобщеніи, если таковыя вообще возможны, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя опредѣленія и дѣленія прямо опираются на непосредственныя наблюденія наши, другія же пріобрѣтаются помощью переработки этихъ послѣднихъ мышленіемъ, т. е. на основаніи обобщеній и умозаключеній, — доказательства же всѣ безъ исключенія основаны на этихъ обобщеніяхъ и умозаключеніяхъ.

Такимъ образомъ изъ классовъ заблужденій, признаваемыхъ формальной логикой, только одинъ и является вполнѣ самостоятельнымъ, а именно тотъ классъ, который обнимаетъ собою ошибки въ процессѣ умозаключенія; съ другой стороны, это же и единственный классъ ошибокъ въ процессахъ мышленія, который отмѣтила та же логика.

Но кромѣ разобранной классификаціи заблужденій, распространенной въ руководствахъ формальной логики, есть еще не менѣе распространенная и извѣстная въ наше время классификація заблужденій, предложенная представителями логики индуктивной, а именно Дж. Ст. Миллемъ. Милль дѣлитъ всѣ заблужденія на заблужденія априористическія, заблужденія въ наблюденіи, заблужденія въ обобщеніи, заблужденія въ умозаключеніи и заблужденія отъ сбивчивости словъ. Классификація эта конечно совершенно внѣшняя, эмпирическая, никакого единства принципа въ себѣ не заключающая и потому не могущая имѣть большой цѣны съ точки зрѣнія научной; но несомнѣнно всетаки, что она шире и разностороннѣе классификаціи формальной и что въ ней, хотя и смутно еще, отмѣчены

главные моменты познавательной дѣятельности (воспріимчивость, мышленіе, выраженіе его продуктовъ), со стороны которыхъ можетъ быть вообще предположено a priori такое вліяніе на общій процессъ познанія человѣка, вслѣдствіе котораго результаты его оказываются несоотвѣтствующими объективной дѣйствительности. Милль, къ сожалѣнію, обходитъ лишь одинъ и притомъ наиболѣе существенный вопросъ: о степени самостоятельности различныхъ частныхъ формъ заблужденій ума, имъ перечисленныхъ, почему конечно и не пытается свести ихъ къ одному общему источнику. Вслѣдствіе этого, между прочимъ, онъ выдѣляетъ въ самостоятельный классъ такія заблужденія, которыя очевидно такого самостоятельнаго значенія имѣть не могутъ, а должны быть безъ остатка распредѣлены между остальными классами. Мы говоримъ о заблужденіяхъ «съ перваго взгляда» или «апріористическихъ». Они состоятъ, по мнѣнію Милля, въ томъ, что то или другое недоказанное и невѣрное положеніе мы принимаемъ за истину очевидную и не требующую доказательствъ; къ этой категоріи заблужденій онъ относитъ бо́льшую часть традиціонныхъ народныхъ предразсудковъ, вѣру въ непосредственныя данныя опыта (движеніе солнца, реальность сновидѣній и т. д.), наконецъ различныя мнимыя аксіомы метафизиковъ. Но насколько всѣ такія заблужденія самостоятельны отъ остальныхъ классовъ, отмѣченныхъ Миллемъ, видно уже изъ того, что самъ онъ, говоря далѣе объ ошибкахъ въ наблюденіи, опять возвращается къ анализу происхожденія различныхъ предразсудковъ, популярныхъ и научныхъ, и даже прямо ставитъ ошибки, происходящія отъ ненаблюденія, въ связь съ предвзятыми мнѣніями, т. е. съ заблужденіями апріористическими. Вѣроятно, вслѣдствіе сознанія этой сбивчивости своей классификаціи заблужденій, онъ и считалъ необходимымъ предупредить читателя, что «не слѣдуетъ надѣяться, что дѣйствительныя заблужденія людей всегда или хоть обыкновенно до такой степени очевидно входятъ въ одинъ изъ этихъ (т. е. перечисленныхъ имъ) классовъ, чтобы ихъ нельзя было отнести въ другой (II, стр. 297)».

Но тогда спрашивается, зачѣмъ же и распредѣлять въ особые классы заблужденія, зависящія въ концѣ концевъ отъ однихъ и тѣхъ же причинъ? Не трудно видѣть, что всѣ апріористическія заблужденія въ сущности сводятся непосредственно или къ ошибкамъ въ наблюденіи, или къ ошибкамъ въ обобщеніи, или къ ошибкамъ въ выводѣ (т. е. возникающимъ при участіи умозаключеній): иначе, какъ чрезъ посредство наблюденій, обобщеній и умозаключеній нашихъ, никакіе

предразсудки людей, относящіеся къ внѣшней дѣйствительности, образоваться уже по тому не могутъ, что предположеніе возможности предразсудковъ, возникшихъ другихъ путемъ, было бы равносильно не только предположенію прирожденности идей, но, что̀ еще страннѣе и нелѣпѣе, — предположенію прирожденности идей ошибочныхъ!

Слѣдовательно только остальные четыре класса заблужденій, перечисленныхъ Миллемъ, и имѣютъ нѣкоторые шансы оказаться самостоятельными видами заблужденій, зависящихъ отъ ошибокъ въ различныхъ познавательныхъ процессахъ. Но затѣмъ изъ этихъ четырехъ классовъ очевидно только два, а именно заблужденія въ обобщеніи и заблужденія въ умозаключеніи, могутъ быть отнесены къ заблужденіямъ, зависящимъ отъ самого процесса мышленія. Вообще, какъ мы уже и намекнули выше, классификація заблужденій можетъ быть правильно подчинена только одному принципу, а именно естественному дѣленію на классы или моменты самыхъ познавательныхъ движеній. Мы дѣлили познавательныя движенія на три класса: периферическихъ воспріемлющихъ, центральныхъ перерабатывающихъ и периферическихъ передаточныхъ (выразительныхъ). Слѣдовательно и познавательныя ошибки могутъ быть a priori распредѣлены только на тѣ же три класса: ошибокъ въ воспріятіяхъ, ошибокъ въ мышленіи и ошибокъ въ выраженіи (въ словахъ). Другой вопросъ, въ какой мѣрѣ всѣ эти виды ошибокъ самостоятельны другъ отъ друга и отъ какихъ основныхъ причинъ онѣ зависятъ: этотъ вопросъ мы и сдѣлаемъ предметомъ послѣдующаго анализа, — пока же очевидно, что внѣ упомянутыхъ трехъ классовъ заблужденій никакихъ иныхъ существовать не можетъ, такъ какъ и внѣ соотвѣтствующихъ имъ классовъ процессовъ познанія никакихъ другихъ познавательныхъ процессовъ не существуетъ.

Итакъ мы пришли къ выводу, что если возможны ошибки въ процессахъ мышленія, то они могутъ заключаться только — или въ процессахъ обобщенія, или въ процессахъ умозаключенія. Посмотримъ, на сколько признаніе такого рода ошибокъ правильно.

Прежде всего замѣтимъ однако, что мы лично нигдѣ процессовъ обобщенія и умозаключенія другъ отъ друга не отдѣляли. Процессы обобщенія и умозаключенія признавались самостоятельными только по стольку, поскольку подъ «процессами умозаключенія» разумѣлось лишь

нисхожденіе отъ общаго къ частному, т. е. процессъ дифференціаціи идей: тогда конечно процессъ ихъ интеграціи, т. е. восхожденія отъ частныхъ идей къ общимъ, долженъ былъ получить особое названіе и обозначался именемъ «процесса обобщенія». Но какъ скоро въ понятіи умозаключенія выражена идея всѣхъ законченныхъ ассоціацій и диссоціацій, т. е. всѣхъ процессовъ сознательной переработки идей другъ въ друга, какъ это было сдѣлано въ настоящемъ сочиненіи, то подъ понятіе умозаключенія должно разумѣется подойти и понятіе обобщенія.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ теперь идетъ рѣчь о критикѣ старыхъ логическихъ теорій, а не о выводѣ положеній, вытекающихъ изъ нашихъ собственныхъ построеній, то мы пока удержимъ и старую терминологію и посмотримъ, отчего зависятъ 1) ошибки въ обобщеніи, 2) ошибки въ умозаключеніи, какъ понимала тѣ и другія прежняя логика.

Къ заблужденіямъ въ обобщеніи Милль относитъ всѣ случаи заблужденій, происходящихъ отъ невѣрныхъ аналогій, т. е. вслѣдствіе невѣрнаго распространенія на неизвѣстные или неизслѣдованные случаи того, что́ выяснилось изъ случаевъ, намъ извѣстныхъ. Такъ напр. мы иногда невѣрно заключаемъ, по его мнѣнію, отъ порядка природы, существующаго на землѣ или вообще въ солнечной системѣ, къ порядку, могущему существовать въ отдаленныхъ частяхъ вселенной. Такъ точно «per enumerationem simplicem» мы заключаемъ, что если это A, то A и иное A суть B, и если мы не можемъ себѣ представить ни одного A, которое не было бы B, то слѣдовательно всѣ A суть B, — напр., когда изъ того факта, что вѣсъ и объемъ мозга у женщинъ во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ оказывался меньше вѣса и объема мозга у мужчинъ, противники женской эмансипаціи заключали, что мозгъ женщины вовсе недоступенъ тому развитію, на какое способенъ мозгъ мужчины. Сюда же относятся заблужденія «post hoc, ergo propter hoc», ибо если мы на основаніи причинной зависимости цѣлаго ряда явленій, послѣдовательно возникающихъ другъ за другомъ, заключаемъ, что и всѣ явленія «послѣдующія» суть дѣйствія «предъидущихъ», то это есть тоже ложное обобщеніе, основанное на невѣрной аналогіи. Наконецъ, къ этому же классу заблужденій Милль относитъ и ложныя аналогіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. ложныя аналогіи не между случаями и фактами, а между самыми вещами, напр. приравненіе предметовъ на основаніи нѣсколькихъ тож-

дественныхъ признаковъ въ предположеніи, что и прочіе ихъ признаки тождественны, и т. д.

Спрашивается, мышленіе ли виновато въ томъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы приходимъ къ ошибочнымъ заключеніямъ, или нѣтъ? Мы убѣждены, что само мышленіе никакъ въ этихъ заблужденіяхъ повинно быть не можетъ, потому что оно функціонируетъ совершенно правильно, когда на основаніи цѣлаго ряда тождествъ между экземплярами, частями или свойствами A и B заключаетъ къ ихъ постоянному и совершенному тождеству, если только случаевъ или фактовъ различія между этими предметами или явленіями или ихъ элементами оно не знаетъ. Если бы мышленіе не поступало именно такимъ образомъ, то вообще никакія обобщенія или заключенія отъ частнаго къ общему (а слѣдовательно и никакое развитіе идей), не были бы возможны, ибо мы конечно никогда не можемъ ручаться, что ознакомились со всѣми экземплярами или частями наблюдаемыхъ предметовъ: громадность вселенной — съ одной стороны, и предѣльность нашей чувственной различающей способности — съ другой, всегда позволяютъ предполагать, что мы еще всѣхъ экземпляровъ даннаго предмета или всѣхъ обнаруженій даннаго явленія не видѣли, или всѣхъ элементовъ и частей даннаго цѣлаго не разсмотрѣли, — а изъ этихъ фактовъ вытекаетъ диллемма, что или мы вовсе ничего и никогда обобщать не должны и не можемъ, или же мы въ правѣ дѣлать обобщенія на основаніи того, что́ знаемъ. Въ первомъ случаѣ никакая наука, никакое достовѣрное общее знаніе не могли бы существовать. Поэтому наука не только руководится вторымъ принципомъ, но даже въ лицѣ самого Милля (не помнимъ, къ сожалѣнію, въ какомъ мѣстѣ его логики) провозглашаетъ мысль, что «каждое научное положеніе, т. е. обобщеніе изъ фактовъ, должно быть признаваемо правильнымъ, пока не доказано положеніе (т. е. обобщеніе) противуположное.» Это вѣдь и значитъ, что на основаніи извѣстныхъ фактовъ мы въ правѣ дѣлать свои обобщенія, если никакіе другіе извѣстные факты этому обобщенію не препятствуютъ.

Таковъ естественный процессъ мышленія, а если такъ, то никакихъ прегрѣшеній сама мысль въ указанныхъ случаяхъ и не совершаетъ. Ошибки въ обобщеніяхъ очевидно зависятъ отъ незнанія извѣстныхъ фактовъ, т. е. отъ недостаточнаго или невѣрнаго наблюденія дѣйствительности; другими словами, онѣ лежатъ во всякомъ случаѣ въ процессахъ воспріятія, а не въ процессахъ мышленія. Если бы

дѣло даже заключалось въ незнаніи того общаго факта, что присутствіе извѣстнаго свойства въ данномъ явленіи, обнаруживающееся въ большомъ числѣ случаевъ, еще не ручается за присутствіе его и въ другихъ случаяхъ, т. е. въ другихъ обнаруженіяхъ того же явленія, то и тогда вѣдь это было бы фактъ, выведенный изъ наблюденій и опытовъ (познавательныхъ), и незнаніе его вовсе не было бы ошибкой мысли, а лишь недостаткомъ развитія ума, зависящимъ отъ совершенно внѣшнихъ по отношенію къ нему причинъ. Однако въ большинствѣ случаевъ идетъ дѣло даже не объ этомъ общемъ фактѣ, съ которымъ каждый человѣкъ весьма рано знакомится вслѣдствіе ежедневныхъ и ежечасныхъ опытовъ своихъ, начинающихся съ первыхъ дней его жизни: чаще всего ошибка зависитъ просто отъ незнанія тѣхъ частныхъ фактовъ, которые въ данномъ случаѣ могли бы измѣнить сужденіе человѣка, выведенное имъ совершенно правильно изъ опытовъ, ему лично доступныхъ. Конечно можно иногда съ увѣренностью сказать, что не безусловное незнаніе, а лишь забвеніе или даже намѣренное игнорированіе отрицательныхъ фактовъ, противорѣчащихъ данному обобщенію, является непосредственнымъ источникомъ настаиванія на немъ того или другого субъекта. Но вѣдь забвеніе, какъ факторъ вліяющій на составъ нашихъ идей, совершенно равносильно ненаблюденію или невѣрному наблюденію и даже всегда зависитъ отъ наблюденія слишкомъ поверхностнаго, мимолетнаго, дурно направленнаго, или же настолько стараго, что оно въ данный моментъ времени ео ipso равносильно «ненаблюденію»: что же касается до намѣреннаго игнорированія фактовъ, то это уже опять случай чисто нравственнаго проступка: тутъ о заблужденіи не можетъ быть рѣчи, ибо, ложно прикрываясь незнаніемъ извѣстныхъ фактовъ, человѣкъ въ сущности знаетъ, что выражаемое имъ обобщеніе невѣрно, — знаетъ и то правильное обобщеніе, которое фактамъ соотвѣтствуетъ, и лишь, подъ вліяніемъ злой воли, говоритъ невѣрное, при чемъ конечно другихъ, а никакъ не себя, вводитъ въ заблужденіе, если эти другіе люди съ отрицательными фактами, его выводу противорѣчащими, не знакомы.

Слѣдовательно процессъ мышленія въ процессѣ обобщенія всегда вѣренъ: если же обобщенія, не смотря на это, часто грѣшатъ противъ истины, то въ этомъ виноватъ только составъ воспріятій или наблюденій нашихъ, стоящихъ внѣ процесса мышленія и снабжающихъ его недостаточнымъ или недоброкачественнымъ матеріаломъ.

Разберемъ теперь, возможны ли ошибки въ процессѣ умозаключенія? Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь о процессѣ «умозаключенія» въ томъ узкомъ значеніи, какое давала этому термину старая формальная логика, то на точку зрѣнія этой послѣдней и должно стать, приступая къ анализу поставленнаго только-что вопроса.

Формальная логика признавала два вида умозаключеній — непосредственныхъ (превращеніе одного сужденія въ другое) и посредственныхъ (выводъ заключенія изъ двухъ или болѣе сужденій). Она конечно предполагала возможными ошибки въ умозаключеніяхъ обоего вида, а потому и старалась оградить умъ человѣческій отъ тѣхъ и другихъ всевозможными правилами.

Обратимся прежде всего къ умозаключеніямъ непосредственнымъ. Старая логика признавала обыкновенно три типа такихъ непосредственныхъ умозаключеній, а именно — основанныхъ на простомъ превращеніи, на подчиненіи и на противуположеніи сужденій. Превращеніемъ называлось такое измѣненіе одного сужденія въ другое, при которомъ сужденіе объ извѣстномъ отношеніи A къ B становится сужденіемъ объ отношеніи B къ A. Подчиненіемъ называется выводъ изъ сужденія объ отношеніи A къ B какого-нибудь сужденія объ отношеніи части A къ B, или цѣлаго, въ которое A входитъ, къ B, вообще другой величины, съ которою A находится въ опредѣленномъ соотношеніи. Противуположеніемъ называется выводъ изъ сужденія объ отношеніи A къ B сужденія объ отношеніи противуположной величины non A къ B (или non B къ A). Всѣ эти предполагаемыя «новыя» сужденія, служащія неизбѣжнымъ дополненіемъ къ даннымъ или, такъ сказать, обратною ихъ стороною, старая логика считала сужденіями самостоятельными, а потому возникновеніе ихъ и объясняла процессомъ умозаключенія. Но если припомнить различіе, проведенное нами между предложеніями и сужденіями, то станетъ ясно, что въ данномъ случаѣ логика смѣшивала новыя предложенія съ новыми сужденіями. Предложеніе объ отношеніи B къ A конечно есть нѣчто новое, сравнительно съ предложеніемъ объ отношеніи A къ B, но сужденіе, лежащее въ основаніи обоихъ предложеній, очевидно одно и то же, ибо сужденіе объ отношеніи A къ B eo ipso есть и сужденіе объ отношеніи B къ A (ср. выше, стр. 140—144); точно такъ сужденіе объ отношеніи A къ B есть уже сужденіе и объ отношеніи части A къ B, сужденіе объ отношеніи A къ B есть въ то же

время и сужденіе объ отношеніи non A къ B и т. д. Другими словами, указанные способы превращенія предложеній никакъ не могутъ быть подведены подъ понятіе «умозаключеній». Иначе пришлось бы признать присутствіе умозаключеній и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда мы одну и ту же мысль для ясности выражаемъ нѣсколькими болѣе или менѣе синонимическими предложеніями; мы говоримъ напр.: «мышленіе не можетъ ошибаться, мысль не можетъ имѣть неправильнаго теченія.» Очевидно здѣсь рѣчь идетъ лишь объ одномъ сужденіи, выраженномъ двумя различными формулами, и сказать, что мы вывели вторую формулу изъ первой помощью умозаключенія, было бы крайне странно: мы просто сначала выразили свою мысль одними символами, а затѣмъ, находя это выраженіе почему-либо недостаточнымъ или неполнымъ, прибѣгли къ другимъ символамъ для той же цѣли. Если кто-либо, слушая хорошую музыку, сперва выразитъ свое удовольствіе ударомъ въ ладоши, а затѣмъ черезъ секунду крикомъ «браво», то никто не скажетъ, чтобы у него было два чувства удовольствія — одно, выраженное апплодисментомъ, другое — восклицаніемъ. Отчего же одну и ту же мысль, выраженную двумя различными словесными формулами называть двумя мыслями?

Итакъ непосредственныхъ умозаключеній, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимала старая логика, мы вовсе и не признаемъ: умозаключеніемъ мы называемъ лишь такую сложную ассоціацію, которая между двумя идеями, связанными съ третьей, устанавливаетъ непосредственное сообщеніе, прежде вовсе не существовавшее, т. е. совершенно новое. Тамъ же, гдѣ существуетъ только одно возможное сообщеніе (т. е. между двумя идеями), умозаключеніе невозможно, а возможна только простая незаконченная ассоціація, называемая «сужденіемъ» и могущая быть выражена самыми разнообразными, дополняющими другъ друга, словесными формулами.

Но если такъ, то спрашивается, какимъ же образомъ возможны ошибочные выводы, основанные на такъ-называемыхъ «непосредственныхъ умозаключеніяхъ»? Изъ нашей теоріи очевидно слѣдуетъ, что если сужденіе вѣрно въ одной формѣ выраженія, то оно должно быть вѣрно и во всякой другой, такъ какъ въ предложеніяхъ, пріобрѣтаемыхъ помощью «превращенія, противуположенія и подчиненія», никакихъ новыхъ сужденій, сравнительно съ прежними, не заключается. Это значитъ другими словами, что если въ новой формѣ сужденіе оказывается невѣрнымъ, то оно должно было быть невѣрнымъ и при

прежней формѣ выраженія. Эту то мысль мы и постараемся теперь доказать наглядными примѣрами.

Старая логика утверждаетъ напр., что изъ общеутвердительнаго сужденія, помощью превращенія, можно получить только частноутвердительное: изъ предложенія всѣ A суть B, слѣдуетъ только, что нѣкоторые B суть A, — если же мы нарушаемъ это правило логики, то дѣлаемъ ошибку. Посмотримъ, отчего соотвѣтствующія ошибки въ дѣйствительности могутъ завпсѣть. Сама логика сознается, что приведенное правило вѣрно только съ извѣстнымъ ограниченіемъ, а именно: если A и B — величины совершенно тождественныя по объему (напр. величины математическія), то изъ предложенія всѣ A суть B можно уже вывести предложеніе, что и всѣ B суть A. Изъ этого случая и выясняется всего лучше причина упомянутыхъ выше заблужденій; чтобы изъ предложенія всѣ A суть B вывести предложеніе, что всѣ B суть A, необходимо должно предполагать съ самого начала, что A и B — величины, совершенно тождественныя по объему; другими словами — уже сужденіе, лежащее въ основаніи предложенія всѣ A суть B, должно быть ошибочно, если ошибочно предложеніе всѣ B суть A. Это именно и требовалось доказать, ибо изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что если сужденіе въ одной формѣ выраженія и казалось правильнымъ, то эта правильность его была мнимая: въ умѣ субъекта, высказавшаго такое правильное предложеніе, существовало уже и тогда сужденіе невѣрное; вѣрнымъ же оно могло показаться только потому, что было выражено неполно, неясно, односторонне: какъ только оно выразилось болѣе ясно и полно, такъ ошибочность его и обнаружилась.

Точно то же конечно бываетъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ ошибокъ въ такъ называемыхъ «непосредственныхъ умозаключеніяхъ»: если бы кто-либо сказалъ сначала, что «честные люди, если они здоровы, приносятъ пользу обществу», а потомъ отказался бы выразить ту же мысль въ другой формѣ (по противуположенію), т. е. не согласился бы съ мыслью что «всѣ безполезные члены общества не суть честные люди», а сказалъ бы, что «и нѣкоторые безполезные члены общества (даже если они совершенно здоровы) могутъ быть честными людьми», то это значило бы, что онъ и въ первомъ случаѣ разумѣлъ не всѣхъ честныхъ людей, а только часть ихъ (напр. только «недостаточныхъ» честныхъ людей) и что, слѣдовательно, уже съ самаго начала сужденіе его было ошибочно. Такимъ же образомъ, если бы

кто-нибудь, признавая, что «всѣ люди должны трудиться» допустилъ бы затѣмъ (вопреки принципу подчиненія), что «самъ онъ трудиться не обязанъ», то это значило бы, что съ самаго начала онъ имѣлъ невѣрную мысль, что не всѣ люди, а лишь большинство ихъ должно трудиться, — нѣкоторые же, привиллегированные, могутъ устранить себя отъ этого бремени: другими словами, уже первое предложеніе соотвѣтствовало сужденію ошибочному и лишь случайно, вслѣдствіе неточности словесныхъ символовъ, оказалось правильнымъ.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, что изъ правильнаго сужденія никакого другого, неправильнаго или ошибочнаго сужденія непосредственно вывести нельзя. Во первыхъ, надо различать сужденія отъ предложеній. Во вторыхъ несомнѣнно, что сужденіе правильное при всѣхъ формахъ выраженія останется правильнымъ, сужденіе неправильное при всѣхъ формахъ выраженія будетъ неправильнымъ. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что, если мы составили сначала правильное предложеніе, а затѣмъ — неправильное, имѣющее то же самое идейное содержаніе, то это объясняется — или тѣмъ, что сужденіе наше съ самаго начала было ошибочно и лишь случайно выразилось однажды въ правильномъ предложеніи, или же, если предположить, что сужденіе наше правильно, то значитъ слова или символы, употребленные нами во второмъ случаѣ непригодны для нашихъ цѣлей, т. е. не выражаютъ нашего сужденія. Въ первомъ случаѣ ошибка конечно предшествуетъ процессу мышленія и состоитъ непосредственно въ ложномъ обобщеніи, а въ концѣ концевъ сводится къ невѣрному или недостаточному наблюденію; во второмъ случаѣ, она, напротивъ, слѣдуетъ за процессомъ мышленія, т. е. наступаетъ тогда, когда процессъ мышленія уже оконченъ, ибо заключается въ словахъ, въ способѣ выраженія мысли. Впрочемъ въ процессѣ умозаключенія, о которомъ теперь собственно и идетъ рѣчь, уже потому въ данномъ случаѣ ошибокъ быть не можетъ, что никакого процесса умозаключенія при замѣнѣ однихъ предложеній другими, выражающими ту же самую мысль или часть мысли, какъ мы доказали выше, нельзя и предположить.

Посмотримъ теперь, въ какой степени возможны ошибки въ такъ называемыхъ «умозаключеніяхъ посредственныхъ», т. е. въ настоящихъ умозаключеніяхъ. Старая логика приписывала эти ошибки тремъ различнымъ причинамъ: 1) ошибочнымъ посылкамъ, 2) ошибочному употребленію средняго термина, соединяющаго посылки, 3) неправильному сочетанію самыхъ посылокъ. Но само собою понятно, что,

если ошибочный выводъ зависитъ отъ ошибочной посылки, то причина заблужденія лежитъ уже собственно не въ процессѣ «умозаключенія», а въ процессѣ обобщенія, т. е. въ концѣ концевъ въ процессахъ наблюденія, помощью которыхъ сужденіе, лежащее въ основаніи посылки или предложенія, составилось. Точно также, если ошибка зависитъ отъ неправильной постановки средняго термина, т. е. отъ употребленія средняго термина въ двухъ различныхъ значеніяхъ (quaternio terminorum), то опять источникъ ея не въ процессѣ умозаключенія, который самъ по себѣ совершенно вѣренъ, а въ томъ сужденіи, помощью котораго мы неправильно отождествляемъ два слова, сходныя по формѣ, но различныя по значенію. Такъ какъ такое неправильное отождествляющее сужденіе опять объясняется или невѣрными, или недостаточными наблюденіями и знаніями, то ошибка въ данномъ случаѣ снова предваряетъ процессъ умозаключенія и лежитъ внѣ его.

Такимъ образомъ только ошибки, состоящія въ неправильномъ сочетаніи посылокъ, т. е. сужденій, если онѣ возможны, могутъ быть названы ошибками въ процессѣ умозаключенія. Къ сожалѣнію, мы убѣждены, что такія ошибки въ сочетаніи посылокъ вовсе невозможны и что невѣрныя заключенія, которыя этой причинѣ приписывались, всѣ зависятъ отъ невѣрныхъ посылокъ или сужденій, что̀ равносильно признанію положенія, что никакихъ ошибокъ въ умозаключеніи, а слѣдовательно и въ процессахъ мышленія вообще быть не можетъ.

Но такъ какъ такое убѣжденіе наше совершенно противорѣчитъ всѣмъ прежнимъ взглядамъ логики и должно имѣть eo ipso самыя серіозныя послѣдствія въ отношеніи къ судьбѣ и значенію этой науки, то мы должны доказать его какъ можно основательнѣе. Для этой цѣли мы употребимъ двоякій методъ. Во первыхъ, разберемъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ, которыми старая логика доказывала возможность ошибокъ въ сочетаніи посылокъ, вопросъ о томъ, отчего въ концѣ концевъ эти ошибочныя заключенія въ указанныхъ случаяхъ зависѣли, и постараемся доказать, что они всегда зависѣли отъ какихъ-нибудь невѣрныхъ сужденій. Во вторыхъ, разсмотримъ критически общій вопросъ о томъ, можно ли говорить о «невозможности сочетанія какихъ-нибудь посылокъ или сужденій въ умозаключеніи», если только они имѣютъ средній терминъ, т. е. общее въ обоихъ сужденіяхъ понятіе, — и постараемся доказать, что ни о какой логической невозможности въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, т. е. что

всѣ старыя логическія правила, ограничивающія число возможныхъ сочетаній сужденій, основаны были на недоразумѣніи.

Примѣры для разбора предполагаемыхъ ошибокъ въ сочетаніи посылокъ мы возьмемъ изъ лучшаго русскаго руководства по логикѣ М. И. Владиславлева, такъ какъ этимъ способомъ наши теоріи будутъ поставлены въ непосредственную и тѣсную связь съ господствующими въ настоящій моментъ, въ нашемъ отечествѣ, логическими ученіями. Далѣе замѣтимъ еще, что при разборѣ каждаго примѣра, мы поставимъ своею задачею разрѣшить два главные вопроса, а именно: 1) можно ли изъ данныхъ посылокъ въ той формѣ, въ какой онѣ выражены, сдѣлать какое-нибудь правильное заключеніе и 2), если такое правильное заключеніе возможно, то отчего зависѣло заключеніе неправильное, т. е. въ какомъ значеніи должно было разумѣть данныя посылки, чтобы допустить изъ нихъ данное невѣрное заключеніе?

Первый примѣръ: «Все матеріальное подчиняется законамъ природы; но психическія явленія тоже подчиняются законамъ природы, слѣдовательно они суть нѣчто матеріальное» (ср. Владисл., у. с., стр. 152). Даже матеріалистъ признаетъ конечно, что такая мотивировка матеріальности духовныхъ явленій была бы совершенно ошибочна, и потому всякій вполнѣ согласится съ авторомъ, приводящимъ этотъ примѣръ, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о неправильномъ умозаключеніи; но авторъ говоритъ, что посылки въ данномъ случаѣ совершенно вѣрны и что только способъ ихъ соединенія, противорѣчащій правиламъ силлогизма, служитъ причиною ошибочнаго вывода: посмотримъ, насколько это утвержденіе правильно.

Во первыхъ, возможно ли изъ данныхъ посылокъ, понимаемыхъ буквально, вывести какое-нибудь вѣрное заключеніе? Очевидно возможно, ибо изъ того, что матеріальныя явленія и затѣмъ такъ-называемыя психическія явленія въ одинаковой степени подчиняются законамъ природы, слѣдуетъ съ несомнѣнностью извѣстное сходство или даже однородность тѣхъ и другихъ, основанная на тождественности присущаго имъ общаго признака. Если бы изъ указанныхъ посылокъ мы вывели заключеніе, что матеріальныя и психическія явленія сходны между собою въ признакѣ подчиненія законамъ природы, или просто, что они имѣютъ нѣчто сходное или общее другъ съ другомъ, или даже, что они однородны въ томъ смыслѣ, что́ ихъ можно обнять въ общемъ понятіи явленій природы, относящемся именно къ явленіямъ, подчинен-

нымъ такъ-называемымъ «законамъ» природы, то всѣ эти заключенія, выражающія въ сущности конечно лишь одну и ту же мысль, были бы совершенно нормальны и правильны. Поэтому нельзя и утверждать, чтобы данное сочетаніе посылокъ было безусловно невѣрно, т. е. не допускало никакого вывода.

Но если такъ, то спрашивается, отчего же нѣкоторые люди выводятъ изъ этихъ посылокъ не упомянутыя, вполнѣ правильныя и законныя заключенія, а приведенное выше ошибочное и нелѣпое — о совершенной тождественности матеріальнаго и духовнаго, и о возможности подчиненія понятія о «духовныхъ» явленіяхъ понятію о явленіяхъ «матеріальныхъ»? Это возможно очевидно только въ одномъ случаѣ, а именно — если предположить, что «только то, что́ мы называемъ матеріальнымъ, и подчинено законамъ природы». Въ такомъ случаѣ несомнѣнно изъ приведенныхъ двухъ посылокъ слѣдовало бы неизбѣжно, что и психическія явленія, будучи подчинены законамъ природы, суть явленія чисто матеріальныя. Другими словами, ошибочный выводъ основанъ въ данномъ случаѣ вовсе не на ошибочномъ сочетаніи посылокъ, а просто на ошибочной первой посылкѣ, т. е. на ошибочномъ обобщеніи изъ опыта, такъ какъ пока другими путями, т. е. дѣйствительными наблюденіями, не доказано, что психическія явленія матеріальны, до тѣхъ поръ обобщеніе, что только матеріальныя явленія подчинены законамъ природы, никакъ не можетъ быть признано правильнымъ. Принимаемое въ значеніи «доказательства» такого рода сужденіе было бы, по терминологіи старой логики, своего рода «petitio principii», т. е. не оправдываемое фактами предположеніе вѣрности того, что́ именно и требуется доказать, — другими словами, невѣрное, т. е. на невѣрныхъ наблюденіяхъ основанное и eo ipso преждевременное обобщеніе.

Стало быть, въ первомъ разобранномъ нами примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно вѣрнымъ умозаключеніемъ, результаты котораго только потому ошибочны, что ошибочна одна изъ посылокъ, — одно изъ лежащихъ въ основаніи его сужденій, а это въ свою очередь зависитъ не отъ невѣрнаго процесса мысли, а отъ невѣрныхъ или ошибочныхъ наблюденій.

Второй примѣръ: индійскій браминъ, отказывающій другимъ сословіямъ въ преимуществахъ, которыми самъ обладаетъ, разсуждаетъ, по мнѣнію г. Владиславлева, слѣдующимъ образомъ: «каста брамиповъ отличается умомъ, знаніями, служеніемъ, но какой-нибудь вайсія или парія къ ней не принадлежитъ, слѣдовательно онъ не имѣетъ преиму-

ществъ ума, знанія и служенія». Авторъ, приводящій этотъ примѣръ, полагаетъ, что ошибочный выводъ въ этомъ умозаключеніи, опять зависитъ отъ нарушенія правилъ соединенія посылокъ въ силлогизмѣ, а именно правилъ первой фигуры, по которымъ вторая посылка никогда не должна быть отрицательною, — при чемъ опять указывается на то, что посылки, отдѣльно взятыя, и въ данномъ случаѣ совершенно вѣрны. Но дѣло въ томъ, что, если понимать ихъ въ буквальномъ значеніи, то изъ нихъ вовсе не вытекаетъ того заключенія, которое приведено было выше: если брамины обладаютъ умомъ и знаніемъ, паріи же къ кастѣ браминовъ не принадлежатъ, то изъ этого слѣдуетъ только гипотетическій выводъ, что можетъ быть паріи и вайсіи, не принадлежа къ кастѣ браминовъ, и не обладаютъ умомъ и знаніемъ. Между тѣмъ самъ брамінъ этой гипотетичности своего вывода не допускаетъ, а высказываетъ свою мысль безъ ограниченій, какъ несомнѣнный фактъ. Отчего же это зависитъ? А очевидно оттого, что онъ первую посылку понимаетъ совсѣмъ не въ томъ значеніи, въ какомъ ее понимаетъ авторъ «логики». въ основѣ его заключенія лежитъ невѣрная посылка, что «только одна каста браминовъ и обладаетъ умомъ и знаніемъ», откуда дѣйствительно вытекало бы, что паріи и вайсіи ума и знаній имѣть не могутъ.

Стало быть опять и въ этомъ случаѣ заблужденіе зависитъ не отъ невѣрнаго соединенія посылокъ и невѣрнаго, вслѣдствіе того, умозаключенія, а лишь отъ невѣрной посылки, изъ которой, помощью вѣрнаго умозаключенія, получается неправильный выводъ.

Совершенно аналогичный случай мы имѣемъ и въ приведенномъ, вслѣдъ затѣмъ, въ видѣ третьяго примѣра, разсужденіи Декарта и нѣкоторыхъ его послѣдователей, утверждавшихъ, что животныя суть машины. Они умозаключали слѣдующимъ способомъ: «человѣкъ есть существо разумное, одаренное сознаніемъ, ощущеніемъ, чувствами и проч., но животное не есть человѣкъ, слѣдовательно оно не обладаетъ ни разумностью, ни сознаніемъ, ни способностью ощущать и т. д.» Очевидно они выводили это заключеніе изъ невѣрной посылки, что только человѣкъ и обладаетъ различными психическими способностями (что опять было petitio principii); если же бы они понимали посылку въ томъ правильномъ буквальномъ значеніи, какое ей можно приписать въ упомянутой выше формулѣ, то получили бы только вполнѣ законное заключеніе, что можетъ быть животныя, будучи различны

отъ человѣка, и не обладаютъ разумностью и другими подобными психическими качествами.

Четвертый примѣръ: нѣкоторые соціалисты, доказывающіе, что собственность есть кража, разсуждаютъ де слѣдующимъ способомъ: «кражею называется присвоеніе чужого имущества съ цѣлью исключительнаго владѣнія; собственность возникаетъ вслѣдствіе присвоенія чужого имущества съ цѣлью исключительнаго владѣнія, слѣдовательно собственность есть кража». Тутъ по мнѣнію автора ошибка зависитъ отъ того, что нарушено правило второй фигуры, по которому обѣ посылки не могутъ быть положительными. Но очевидно, что если бы можно было доказать, что кражею является всякое присвоеніе чужого имущества съ цѣлью исключительнаго владѣнія, то приведенный выводъ былъ бы безусловно правиленъ; если же въ указанной формѣ первую посылку выразить нельзя, то изъ данныхъ посылокъ никакъ не можетъ вытекать полное подчиненіе понятія собственности понятію кражи: на основаніи ихъ можетъ быть только установлено сходство кражи и собственности въ одномъ признакѣ «владѣнія чужимъ имуществомъ». Отсюда слѣдуетъ, что если выводъ невѣренъ, то виною опять невѣрная посылка, — умозаключеніе же совершенно правильно. Впрочемъ этотъ примѣръ нельзя назвать особенно удачнымъ, такъ какъ въ немъ, при болѣе внимательномъ анализѣ, можетъ не оказаться средняго термина. Понятіе «присвоенія чужого имущества» въ примѣненіи къ кражѣ едва ли тождественно понятію «присвоенія чужого имущества» въ примѣненіи къ собственности, такъ какъ въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь о «чужомъ имуществѣ», какъ его понимаетъ собственникъ, врагъ соціализма, во второмъ, на оборотъ, о «чужомъ имуществѣ» съ діаметрально противуположной точки зрѣнія соціалиста, противника собственности. Поэтому-то вѣроятно авторъ въ своей формулѣ и не рѣшился, съ своей антисоціалистической точки зрѣнія, употребить во второмъ случаѣ понятіе о присвоеніи «чужого имущества съ цѣлью исключительнаго владѣнія», а выразился мягче, говоря лишь просто о присвоеніи «имущества, которое въ противномъ случаѣ могло бы принадлежать другимъ».

Впрочемъ и на первомъ примѣрѣ, вполнѣ аналогичномъ съ этимъ четвертымъ, но болѣе удачномъ, мы могли видѣть, что и ошибки по второй фигурѣ силлогизма зависятъ не отъ невѣрнаго процесса умозаключенія, а лишь отъ ошибочныхъ основныхъ посылокъ.

Послѣдній разрядъ примѣровъ относится къ третьей фигурѣ сил-

логизма. Пятый примѣръ о пьянствѣ и шестой о наукѣ намѣчены впрочемъ лишь въ самой общей формѣ; но для цѣлей критики мы выразимъ ихъ снова въ полныхъ умозаключеніяхъ. Невѣрное заключеніе, что развитіе пьянства въ народѣ есть слѣдствіе полученной имъ свободы, можетъ быть формулировано слѣдующимъ способомъ: «народъ недавно сталъ свободенъ, но онъ въ то же время столь же недавно сталъ пьянствовать, слѣдовательно развитіе пьянства вызвано освобожденіемъ». Чтобы это заключеніе могло быть признано вѣрнымъ, первую посылку должно понимать въ томъ значеніи: «что въ ближайшемъ къ намъ времени никакихъ другихъ перемѣнъ въ состояніи народа не произошло, кромѣ освобожденія». Это сужденіе разумѣется невѣрно, но если бы оно было вѣрно, то и заключеніе, приведенное выше, было бы совершенно законнымъ. Если же понимать первую посылку въ томъ правильномъ буквальномъ значеніи, какое вытекаетъ изъ предшествующаго ея выраженія, то въ заключеніи ничего не получилось бы кромѣ вѣрнаго гипотетическаго вывода о возможности какой-нибудь связи между освобожденіемъ народа и пьянствомъ, которая затѣмъ конечно должна быть еще провѣрена болѣе тщательнымъ изученіемъ дѣйствительности.

Точно также — признать науку причиной наклонности къ буйству и безпорядкамъ можно было бы только подъ условіемъ, если бы принята была предварительно невѣрная посылка, что такіе-то и такіе-то люди, которые по другой посылкѣ оказываются буйствующими, только и отличаются отъ прочихъ людей, небуйствующихъ, тѣмъ, что занимаются наукою. Но такъ какъ этого сказать нельзя, то изъ посылокъ, что извѣстные люди занимаются наукой и что тѣ же люди производятъ буйства и безпорядокъ, можно вывести только отрицательное заключеніе, что занятія наукою не препятствуютъ проявленію буйныхъ наклонностей; положительный же выводъ, что наука и буйство неразлучны, можетъ быть высказанъ лишь въ видѣ совершенно мало правдоподобной гипотезы.

Такимъ образомъ и заблужденія по такъ называемой третьей фигурѣ силлогизма зависятъ отъ невѣрныхъ посылокъ, а не отъ невѣрнаго ихъ сочетанія, т. е. никакъ не отъ неправильнаго процесса умозаключенія, какъ думала старая логика.

Однако, чтобы окончательно и безповоротно убѣдить читателя, что въ умозаключеніяхъ ошибки безусловно невозможны, нужно доказать еще, какъ мы сказали выше, что вообще никакихъ ограниченій для вывода одного сужденія изъ двухъ другихъ,

имѣющихъ одно и то же общее понятіе, признать нельзя, и что старыя логическія правила, отрицающія рядъ возможныхъ соединеній между сужденіями, были основаны на недоразумѣніи.

Въ числѣ правилъ, которыми старая логика ограничивала возможныя сочетанія посылокъ, были правила общія, относящіяся ко всѣмъ формамъ умозаключенія, и частныя, имѣющія приложеніе лишь къ отдѣльнымъ формамъ или фигурамъ его.

Общими являлись напр. правила, что изъ однихъ отрицательныхъ посылокъ ничего не слѣдуетъ и что изъ однихъ частныхъ сужденій никакого вывода нельзя сдѣлать, — частными назывались напр. правила, что въ первой фигурѣ первая посылка должна быть общею, а никакъ не частною, вторая — утвердительною, а не отрицательною; что во второй фигурѣ первая посылка должна быть общею и что одна изъ посылокъ непремѣнно должна быть отрицательною; что въ третьей фигурѣ вторая посылка должна быть непремѣнно утвердительною; что въ четвертой фигурѣ заключеніе должно быть непремѣнно сужденіемъ частнымъ, и т. д. Всѣми этими правилами число возможныхъ сочетаній посылокъ и сводилось лишь къ извѣстнымъ 19 типамъ вмѣсто 64 (по 16 въ фигурѣ), которые были бы необходимы безъ упомянутыхъ правилъ.

Но всѣ эти правила по тому являются лишь страннымъ недоразумѣніемъ, что они имѣютъ смыслъ, во первыхъ, лишь въ томъ случаѣ, если признать абсолютное различіе между общими и частными сужденіями, во вторыхъ, если предположить, что вся задача умозаключенія подчинять другъ другу понятія, т. е. подводить частныя понятія подъ общія, въ третьихъ, если признать, что одни только категорическіе или безусловные выводы и могутъ быть признаны «выводами» въ настоящемъ значеніи слова.

Если же признать различіе общихъ и частныхъ сужденій совершенно формальнымъ и условнымъ, къ содержанію самой мысли не имѣющимъ прямого отношенія; если затѣмъ признать, что не только подчиненіе понятій, но и открытіе всякихъ другихъ отношеній между всевозможными идеями совершается помощью процесса умозаключенія, и наконецъ, если и гипотетическіе, т. е. предположительные, выводы, играющіе огромную роль въ наукѣ, признать выводами совершенно законными и нормальными, то значеніе всѣхъ приведенныхъ выше правилъ окажется совершенною фикціею: другими словами, тогда окажется, что эти правила лишь констатируютъ

фактъ, что извѣстный разрядъ отношеній между идеями, при извѣстномъ, совершенно условномъ способѣ ихъ символизированія, пріобрѣтается лучше всего при такой-то и такой-то конструкціи предложеній, откуда конечно вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы при другихъ конструкціяхъ предложеній никакихъ другихъ отношеній между идеями вывести было невозможно: напротивъ, въ какой бы формѣ два сужденія, съ общею между ними идеею, ни были выражены, изъ этихъ сужденій всегда можно вывести какое-нибудь заключеніе, хотя бы только предположительное, объ отношеніи двухъ другихъ идей, — и притомъ — заключеніе въ той степени вѣрное и законное, въ какой степени вѣрны посылки, на которыхъ оно основано.

Доказать всѣ эти утвержденія наши не трудно. Во первыхъ посмотримъ, въ какой степени законно дѣленіе сужденій на общія и частныя. Общими формальная логика называла всѣ тѣ сужденія, которыя выражаются въ безусловной формѣ, т. е. въ которыхъ предметъ или сумма предметовъ, о которыхъ что-либо высказывается, берутся безъ ограниченія, во всемъ своемъ объемѣ, — вслѣдствіе чего къ общимъ сужденіямъ причислялись издавна и единичныя, относящіяся къ одному лишь объекту опыта, а не къ цѣлой ихъ группѣ. Частными назывались сужденія, въ которыхъ высказывалось что-либо о неопредѣленной части какого-нибудь объекта или группы объектовъ. Но спрашивается, можетъ ли сама мысль ассоціировать или диссоціировать въ сужденіи какія-нибудь неопредѣленныя части отдѣльныхъ объектовъ или ихъ классовъ? Мысль, какъ мы видѣли, можетъ ассоціировать ощущенія, представленія, понятія, идеи, но неопредѣленныя части этихъ элементовъ своего содержанія она уже потому ассоціировать не можетъ, что части идей суть опять цѣлыя понятія, части понятій — цѣлыя представленія, части представленій — цѣлыя ощущенія и т. д. Если мы на словахъ употребляемъ неопредѣленныя формулы: «нѣкоторые, многіе, большая часть, почти всѣ» и т. д., то только по тому, что мы въ данныхъ случаяхъ не имѣемъ или не находимъ въ языкѣ опредѣленныхъ символовъ для обозначенія совершенно опредѣленныхъ и раздѣльныхъ ощущеній, представленій, понятій своихъ. Говоря «нѣкоторые люди, многія растенія, большая часть животныхъ», мы въ умѣ своемъ имѣемъ ясные признаки, опредѣляющіе ту часть класса объектовъ, которую разумѣемъ; а если бы мы этихъ признаковъ не имѣли, то и не имѣли бы представленій, понятій и вообще тѣхъ психическихъ образованій, ко-

торыя могли бы ассоціировать или диссоціировать. Поэтому, если вмѣсто словъ, число которыхъ всегда ограничено, употреблять для обозначенія идей нашихъ алгебраическіе знаки, то никакого различія между общими и частными сужденіями въ томъ значеніи, какое ему придавала старая логика, не окажется. Въ сужденіяхъ существуетъ только различіе большей или меньшей сложности объектовъ мысли: въ однихъ сужденіяхъ мы ассоціируемъ представленія, въ другихъ конкретныя понятія, въ третьихъ отвлеченныя понятія и т. д. Всѣ эти идеи могутъ быть, правда, поставлены другъ къ другу въ отношенія общихъ и частныхъ, но уже совершенно въ другомъ значеніи, чѣмъ въ какомъ разумѣла эти понятія старая логика. Это значеніе на столько условное, что каждая идея является одновременно и частною (по отношенію къ идеѣ болѣе сложной) и общею (по отношенію къ идеѣ менѣе сложной), — вслѣдствіе чего опредѣленіе идей со стороны общности и не можетъ явиться основаніемъ для дѣленія сужденій. Поэтому-то правила логики о соединеніи посылокъ общихъ и частныхъ и не имѣли никогда примѣненія ни въ жизни, ни въ наукѣ: въ дѣйствительныхъ умозаключеніяхъ и доказательствахъ своихъ мы тщательно обходимъ выраженія «нѣкоторые, многіе» и другія подобныя, и стараемся замѣнять ихъ — или описаніемъ признаковъ, опредѣляющихъ содержаніе нашихъ идей (придаточными предложеніями, начинающимися съ относительныхъ мѣстоимѣній: «люди, которые....» и т. д.), или обозначеніемъ содержанія нашей мысли новыми терминами или новыми комбинаціями терминовъ старыхъ. Логика должна была всегда искусственно придумывать примѣры умозаключеній, чтобы ввести въ нихъ элементъ «частныхъ предложеній», и потому-то всѣ ея примѣры силлогизмовъ дышатъ такою мертвящею затхлостью. Только въ эпоху схоластики, въ эпоху искусственныхъ словесныхъ препирательствъ, имѣвшихъ задачею давать мнимыя побѣды лжемудрецамъ, — такъ называемыя «предложенія частныя» дѣйствительно были въ обычаѣ, но лишь какъ средства запутать мысль и ввести ее въ ложный кругъ идей. Только въ то время, когда словамъ придавалось объективное и абсолютное значеніе орудій познанія, имѣли смыслъ и правила, до извѣстной степени ограничивавшія преднамѣренное злоупотребленіе этимъ страннымъ органомъ истины. Но какъ скоро опытъ научилъ, что слова суть только несовершенные и условные знаки для выраженія элементовъ умственнаго содержанія, что сочетаніе словъ само по себѣ знаній не даетъ, и что орудія пріобрѣтенія новыхъ идей совершенно другія, — такъ сама собою

изчезла постепенно и мода на открытіе новыхъ отношеній между идеями помощью условныхъ и туманныхъ словесныхъ опредѣленій.

Итакъ правила, ограничивающія способы сочетанія посылокъ — съ точки зрѣнія понятій «общности» и «частности» предложеній, могутъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если признать истиною, что комбинаціи различныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ словесныхъ формулъ могутъ давать новыя знанія; но такъ какъ эта посылка, изъ которой выведено заключеніе о пригодности означенныхъ правилъ, сама оказалась, съ дѣйствительнымъ прогрессомъ знаній, совершенно невѣрною, то и выводъ изъ нея надо признать неправильнымъ: никакого приложенія упомянутыя правила не имѣютъ.

Мы постараемся однако доказать эту мысль не только помощью общихъ разсужденій, но и разборомъ наглядныхъ случаевъ. Дѣйствительно ли изъ сужденій, выраженныхъ частными предложеніями, ничего не слѣдуетъ? Разсмотримъ этотъ вопросъ на примѣрахъ, относящихся къ различнымъ фигурамъ силлогизма:

I. Нѣкоторые люди занимаются наукою
Въ нѣкоторыхъ случаяхъ занятія наукою вредны для здоровья.

Изъ этихъ посылокъ очевидно слѣдуетъ, что упомянутые «нѣкоторые люди», т. е. люди, занимающіеся наукой, въ упомянутыхъ «нѣкоторыхъ случаяхъ» должны за науку платиться своимъ здоровьемъ. Выводъ этотъ дѣйствительно не говоритъ ничего новаго, но формально онъ совершенно вѣренъ, ибо, если нѣкоторыя A суть B, нѣкоторыя B суть C, то очевидно что нѣкоторыя A суть C въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они суть именно упомянутыя нѣкоторыя B. Но въ дѣйствительности никто такого умозаключенія въ указанной формѣ конечно дѣлать не станетъ: нѣкоторыя A для даннаго человѣка суть непремѣнно опредѣленныя $A' + A'' + A''' + A'''' \ldots + A^m$, — B суть $B_1 + B_2 + B_3 + \ldots + B_m$, нѣкоторыя B суть напр. B_1, откуда слѣдуетъ что дѣйствительное разсужденіе человѣка слагается въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ:

$A' + A'' + A'''$ суть B_1
B_1 суть C

Слѣдовательно $A' + A'' + A'''$ суть C

или, выражая то же самое словами:

Такіе-то и такіе-то люди занимаются наукою неумѣренно.
Люди, занимающіеся наукою неумѣренно, наносятъ вредъ своему здоровью,
Слѣдовательно такіе-то и такіе-то люди (Иванъ Петровичъ, Василій Ѳомичъ и т. д.) наносятъ вредъ своему здоровью.

Если бы не такъ именно поступала мысль, т. е. если бы она не разумѣла въ первой посылкѣ опредѣленныхъ людей, опредѣленнымъ образомъ занимающихся наукой, то умозаключеніе было бы невозможно, не вслѣдствіе невѣрнаго сочетанія посылокъ, а вслѣдствіе отсутствія между сужденіями тождественнаго общаго понятія, ибо B вовсе не есть еще B'. А если бы тѣмъ не менѣе и при этомъ условіи было выведено кѣмъ-либо ошибочное заключеніе, то ошибка состояла бы или въ признаніи B равнымъ B', т. е. въ невѣрномъ обобщеніи, зависящемъ отъ невѣрныхъ наблюденій, или въ невѣрной второй посылкѣ, которая бы утверждала, что во всѣхъ случаяхъ занятія наукою вредны для здоровья, что̀ опять означало бы, что мы допустили невѣрное обобщеніе, т. е. основывались въ концѣ концевъ на невѣрныхъ наблюденіяхъ.

Итакъ анализъ вышеприведеннаго вывода приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: если подставить подъ слова дѣйствительныя идеи, имъ соотвѣтствующія, то выводъ окажется вполнѣ законнымъ и естественнымъ, — если же понимать значеніе посылокъ въ буквальномъ и формальномъ значеніи, то выводъ окажется невозможнымъ, вслѣдствіе отсутствія общаго понятія. Если же мы тѣмъ не менѣе его допустимъ, то ошибка будетъ заключаться въ какой-нибудь невѣрной посылкѣ, т. е. въ какомъ-либо невѣрномъ обобщеніи изъ опыта.

II. Нѣкоторые люди отличаются жадностью
Нѣкоторые животные тоже обнаруживаютъ жадность.

Изъ этихъ посылокъ очевидно вытекаетъ, что нѣкоторые люди отличаются тѣмъ же свойствомъ, какъ и нѣкоторыя животныя, т. е. что между нѣкоторыми людьми и нѣкоторыми животными есть сходство. Выводъ этотъ совершенно законенъ. Но мы его обыкновенно такъ вовсе не формулируемъ, а если и формулируемъ (изъ деликатности или другихъ нравственныхъ соображеній), то всетаки разумѣемъ подъ «нѣкоторыми людьми» опредѣленныхъ личностей, напр. своихъ знакомыхъ A, B и C, а подъ нѣкоторыми животными собакъ, волковъ, тигровъ,

вообще животныхъ «кровожадныхъ». Въ такомъ случаѣ заключеніе, что наши знакомые A, B и C похожи, съ извѣстной точки зрѣнія, на кровожадныхъ животныхъ, окажется однимъ изъ самыхъ обычныхъ въ нашей практикѣ заключеній и предположеніе незаконности его не оправдывалось бы прямо нашимъ ежедневнымъ опытомъ.

III. Нѣкоторыя растенія питаются мясомъ (B)
Нѣкоторыя растенія имѣютъ аппараты для ловли насѣкомыхъ (C).

Этотъ типъ соединенія посылокъ вполнѣ законенъ, если въ обоихъ случаяхъ подъ «нѣкоторыми» вещами мы разумѣемъ тѣ же самыя опредѣленныя вещи, если же мы разумѣемъ вещи разныя, то заключеніе опять потому невозможно, что между сужденіями нѣтъ ничего общаго, т. е. нѣтъ никакого соединительнаго звена. Если же наконецъ мы не знаемъ, слѣдуетъ ли разумѣть въ обоихъ случаяхъ тѣ же объекты, или нѣтъ, то возможенъ всетаки выводъ предположительный, что признакъ B находится въ какой-нибудь связи или соотношеніи съ признакомъ C. Поэтому-то логическое правило, по которому ex mere particularibus nihil sequitur, не имѣетъ и здѣсь никакого смысла, ибо если только предположить, что между сужденіями даннаго типа можетъ быть что-нибудь общее, то тотъ или другой выводъ будетъ вполнѣ законенъ и неизбѣженъ; если же знать навѣрное, что между ними ничего общаго нѣтъ, то выводъ, въ силу естественныхъ условій мышленія, самъ собою не состоится.

Примѣровъ четвертой фигуры силлогизма, которая давно признана многими писателями за нелѣпый и неупотребительный на практикѣ типъ разсужденій и которая съ нашей точки зрѣнія уже потому является фикціей, что мы не признаемъ различія между сужденіемъ объ отношеніи A къ B и объ отношеніи B къ A[1]), — мы, во избѣжаніе повтореній, разбирать не будемъ. И безъ того уже ясно, что правило ex mere particularibus nihil sequitur, а тѣмъ паче конечно правила, запрещающія въ отдѣльныхъ фигурахъ употребленіе частныхъ посылокъ, никакого примѣненія къ теоріи мысли не имѣютъ: они или невѣрны, или утверждаютъ лишь и безъ того извѣстный фактъ, что умозаклю-

---

[1]) IV фигура, какъ извѣстно, только тѣмъ и отличается отъ первой, что — при тѣхъ же посылкахъ — тамъ, гдѣ по первой выводится отношеніе A къ B, по четвертой обратно устанавливается отношеніе B къ A.

ченіе можетъ состояться только подъ условіемъ, чтобы между сужденіями было что-нибудь общее. Такъ какъ противъ этого естественнаго условія мысль по самой организаціи своей сознательно прегрѣшать не можетъ, а безсознательно прегрѣшаетъ лишь въ переносномъ значеніи, т. е. подъ вліяніемъ невѣрныхъ обобщеній изъ опыта, заставляющихъ ее принимать различные объекты свои за тождественные (чего никакое формальное правило предупредить не можетъ), то упомянутое требованіе логики и является фикціею, не могущею играть никакой роли въ дѣйствительныхъ процессахъ мышленія.

Точно такою же фикціею, во вторыхъ, являются и правила, ограничивающія число возможныхъ сочетаній посылокъ съ точки зрѣнія утвердительнаго и отрицательнаго ихъ значенія.

Прежде всего посмотримъ, какой смыслъ имѣетъ общее правило, что изъ однихъ отрицательныхъ посылокъ ничего не слѣдуетъ (ex mere negativis nihil sequitur). Соединеніе отрицательныхъ сужденій имѣетъ двоякій смыслъ въ процессахъ познавательной дѣятельности. Если они являются лишь поправками по отношенію къ предъидущимъ положительнымъ обобщеніямъ изъ опыта, изъ которыхъ мы уже успѣли вывести и заключеніе объ извѣстномъ соотношеніи двухъ идей, связанныхъ съ третьей, то, какъ было доказано въ свое время, изъ такихъ отрицательныхъ сужденій, т. е. диссоціацій, неизбѣжно вытекаетъ и отрицательное заключеніе, т. е. также диссоціація тѣхъ идей, которыя мы сначала ошибочно ассоціировали (ср. выше, стр. 179). Но возможенъ еще и другой случай, а именно, что двѣ диссоціаціи между идеями происходятъ вполнѣ самостоятельно другъ отъ друга, такъ что никакой третьей обязательной диссоціаціи изъ нихъ не вытекаетъ. Спрашивается, возможенъ ли и тогда какой-нибудь выводъ изъ соединенія этихъ отрицательныхъ сужденій или нѣтъ? Если A не есть B, а B не есть C, то можно очевидно съ вѣроятностью предположить, что A есть C: конечно въ такой же степени возможно и то, что A есть D, E, F и т. д.; но во всякомъ случаѣ соединеніе посылокъ A не есть B и B не есть C должно навести на мысль, не есть ли A—C, а эта мысль приведетъ къ болѣе точному разслѣдованію отношеній A и C и eo ipso принесетъ существенную пользу для познанія. Къ тому же между идеями B и C можетъ существовать тотъ видъ различія, который мы называемъ противуположностью: тогда еще вѣроятнѣе, что A, не будучи B, окажется C, — и выводъ, сначала поставленный гипотетически, можетъ при ближайшей повѣркѣ оказаться вполнѣ вѣрнымъ.

Точно также, если оказывается, что A не есть B, и C не есть B, то отсюда можно предположить, что A и C равны, т. е. напр. подходятъ подъ общую идею D. Конечно и тутъ нужно ближайшее изслѣдованіе для того, чтобы убѣдиться что A и C дѣйствительно равны; но самое возбужденіе этого изслѣдованія сопоставленіемъ упомянутыхъ отрицательныхъ сужденій доказываетъ, что это сопоставленіе имѣетъ пользу и что запрещать его особымъ логическимъ правиломъ было бы нелѣпо. Сколько разъ наука прогрессировала именно благодаря такимъ умозаключеніямъ, сколько разъ сравнительное научное изслѣдованіе предметовъ возникало именно изъ открытія между ними общихъ различій отъ другихъ предметовъ болѣе извѣстныхъ, какъ часто и въ жизни утвержденіе сходства предметовъ основано лишь на отрицательныхъ признакахъ, т. е. на одинаковомъ отсутствіи въ нихъ извѣстныхъ положительныхъ свойствъ и особенностей. Зачѣмъ же искусственно запирать передъ мыслью одинъ изъ тѣхъ вполнѣ законныхъ путей, по которымъ она идетъ къ расширенію своихъ знаній и къ открытію новыхъ отношеній между предметами и явленіями?

Если мы, наконецъ, возьмемъ третій случай, что A не есть B и не есть C, то опять и въ этомъ случаѣ предположеніе сосуществованія или зависимости B и C является вполнѣ законнымъ. Если въ какихъ-нибудь организмахъ мы открываемъ отсутствіе способности къ движенію и затѣмъ отсутствіе тѣхъ тканей, которыя называются мышечными, то это очевидно должно значительно подкрѣпить идею нашу о зависимости способности движенія отъ существованія мускуловъ, которую мы вывели изъ обратнаго факта сосуществованія въ другихъ организмахъ мышечной ткани и способности къ движенію. Болѣе того, можно даже сказать съ увѣренностью, что ни одинъ научный выводъ о причинной зависимости явленій не можетъ достигнуть полной достовѣрности, если къ фактамъ послѣдовательнаго наступленія этихъ явленій въ однихъ предметахъ не присоединится рядъ фактовъ совмѣстнаго отсутствія ихъ въ другимъ предметахъ. На этомъ вѣдь и основано важное значеніе индуктивнаго метода различія, признаваемое, со времени Милля, почти всѣми логическими школами. Методъ различія ведетъ именно къ открытію того обстоятельства, что явленія, въ одномъ случаѣ сосуществующія или послѣдовательно обнаруживающіяся въ какихъ-нибудь предметахъ, въ другомъ случаѣ совмѣстно отсутствуютъ въ тѣхъ же самыхъ или въ другихъ предметахъ, откуда и дѣлается окончательное заключеніе о ихъ зависимости.

Слѣдовательно, какую бы конструкцію ни имѣли предложенія, выражающія отрицательныя сужденія наши или сужденія-диссоціаціи, они всегда допускаютъ предположительный выводъ о связи объектовъ идей, которыя въ одинаковой степени признаны неимѣющими соотношенія къ третьей идеѣ. А если уже общее правило «ex mere negativis nihil sequitur» невѣрно, то тѣмъ болѣе невѣрны частныя ограниченія, запрещающія въ той или другой фигурѣ имѣть ту или другую отрицательную посылку. Напр. въ первой и третьей фигурахъ логика не допускаетъ, чтобы вторая посылка была отрицательная. Правильно ли это? Если A есть B, а B не есть C, то можно легко предположить что A не есть и C, хотя бы, въ виду возможности различнаго объема и идей B и C, эта мысль и не имѣла полной достовѣрности. Точно также если A есть B, но не есть C, то можно опять предположить, что B и C не находятся ни въ какой зависимости другъ отъ друга. Отчего же такія предположительныя заключенія, вызывающія новое изслѣдованіе явленій и иногда оправдываемыя послѣдующими опытами, считать незаконными?!

Но еще страннѣе обратное правило, чтобы во второй фигурѣ одна изъ посылокъ непремѣнно была отрицательною. Всѣ наши отождествленія и уподобленія предметовъ и явленій, открытія ихъ сходства и однородности выводятся именно при участіи предложеній, въ которыхъ различнымъ предметамъ приписываются одинаковые признаки. Если A и B имѣютъ общій признакъ C, то мы заключаемъ о ихъ сходствѣ, если A и B имѣютъ общими всѣ признаки C, D, E, F, въ нихъ входящіе, то мы заключаемъ о ихъ полномъ тождествѣ. Какимъ образомъ старая логика могла просмотрѣть эту простую истину, трудно и объяснить себѣ. Ее оправдываетъ развѣ то обстоятельство, что она ошибочно предполагала, будто умозаключенія возможны лишь въ сферѣ понятій и будто «подчиненіе однихъ понятій другимъ» является единственною формою выводовъ. Но если отождествленіе представленій и приравниваніе понятій, на основаніи входящихъ въ нихъ общихъ признаковъ, считать тоже законнымъ дѣйствіемъ ума, то упомянутое правило конечно окажется абсурдомъ.

Такимъ образомъ никакія ограниченія «правилами» возможныхъ способовъ сочетанія посылокъ съ цѣлью вывода не могутъ быть признаны вѣрными, если только отказаться отъ узкаго взгляда старой логики на значеніе процесса умозаключенія. Изъ всякихъ двухъ сужденій, имѣющихъ соединительное звено въ одномъ изъ своихъ

элементовъ, въ какой бы словесной формѣ они ни были выражены, можно вывести какое-нибудь третье сужденіе, устанавливающее то или другое отношеніе между двумя другими элементами, т. е. идеями. Это третье сужденіе по природѣ своей конечно можетъ быть весьма различно: оно можетъ быть ассоціаціей или диссоціаціей, можетъ быть ассоціаціей и диссоціаціей безусловной или условной, т. е. предположительной, наконецъ самый родъ отношенія между идеями въ этомъ сужденіи, смотря по роду отношеній этихъ идей къ третьей, можетъ быть различенъ; но отъ этого общій принципъ, только-что выраженный нами, конечно не измѣняется.

Однако, если характеръ вывода третьяго сужденія изъ двухъ данныхъ, имѣющихъ общій элементъ, можетъ быть различенъ, то можно пожалуй всетаки предположить, что особыя правила, конечно уже другія, чѣмъ какія были формулированы старой логикою, могутъ именно опредѣлить въ каждомъ случаѣ, каковъ долженъ быть этотъ выводъ, положительный или отрицательный, безусловный или условный, отождествляющій, подчиняющій, устанавливающій внѣшнюю зависимость объектовъ идей или какое-нибудь другое отношеніе между ними? Но такое предположеніе было бы всетаки вполнѣ законно лишь въ томъ случаѣ, если бы мышленіе при правильныхъ посылкахъ могло сдѣлать неправильное заключеніе. Между тѣмъ мы доказали выше, что процессъ мышленія всегда совершается правильно въ силу естественной организаціи ума и неизмѣнныхъ законовъ, по которымъ мысль функціонируетъ, и что ошибочные выводы зависятъ не отъ неправильнаго теченія мысли, а лишь отъ неправильныхъ посылокъ, т. е. сужденій, отъ которыхъ она отправляется. Въ такомъ случаѣ никакія правила составленія выводовъ конечно не могутъ предупредить заблужденій ума и единственное, что́ наука можетъ сдѣлать, — это дать простую теоретическую классификацію различныхъ формъ вывода, въ зависимости отъ различнаго построенія сужденій, на которыхъ онъ можетъ основываться. Однако не надо думать, чтобы такая классификація умозаключеній была такъ легко и просто достижима, какъ предполагала старая логика. Дѣленіе умозаключеній на фигуры есть конечно дѣленіе чисто формальное, относящееся не къ самому процессу мысли, а лишь къ процессомъ слова, т. е. выраженія сужденій и умозаключеній предложеніями. Это прямо вытекаетъ изъ признанія нами того факта, что порядокъ идей въ ихъ ассоціаціяхъ и диссоціаціяхъ является совер-

шенно безразличнымъ, и что контрастъ подлежащаго и сказуемаго имѣетъ приложеніе только къ сферѣ «словеснаго формулированія» ассоціацій и диссоціацій идей. Съ точки зрѣнія слова, т. е. словеснаго выраженія такихъ сложныхъ ассоціацій ума, которыя называются умозаключеніями, различіе фигуръ конечно имѣетъ смыслъ, ибо какъ скоро идеи закрѣплены словесными символами, находящимися въ опредѣленномъ соотношеніи другъ съ другомъ, то типы внѣшняго выраженія умозаключеній, сообразно съ этими отношеніями словъ, могутъ быть конечно различны; другими словами, различные виды умозаключеній, зависящіе отъ различныхъ типовъ отношеній между ихъ элементами-идеями, могутъ быть болѣе удобно выражаемы одною конструкціею и послѣдовательностью предложеній, чѣмъ какою-либо другою. Но такъ какъ типы конструкціи предложеній далеко не всегда соотвѣтствуютъ, какъ мы уже и имѣли случай убѣдиться въ свое время, типамъ сужденій, такъ какъ одни и тѣ же сужденія могутъ быть выражены различными формами предложеній, а различныя по своему строю сужденія — одними и тѣми же формами предложеній, то классификація формъ соединенія предложеній, на основаніи внѣшняго различія между подлежащимъ и сказуемымъ, и не можетъ быть основою для классификаціи умозаключеній.

Точно также классификація умозаключеній не можетъ быть основана на старомъ логическомъ контрастѣ частныхъ и общихъ предложеній, такъ какъ значеніе послѣдняго тоже признано совершенно формальнымъ, не выражающимъ дѣйствительнаго отношенія идей. Наконецъ и различіе утвердительныхъ и отрицательныхъ предложеній для классификаціи умозаключеній не можетъ имѣть значенія, такъ какъ во первыхъ контрастъ утвердительныхъ и отрицательныхъ предложеній, какъ мы въ свое время показали (ср. выше стр. 152—153), не всегда вполнѣ соотвѣтствуетъ контрасту сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій, а во вторыхъ, при полномъ параллелизмѣ этихъ послѣднихъ, различіе умозаключеній съ положительными и отрицательными результатами никакого дѣйствительнаго разнообразія въ ихъ природѣ не выясняетъ. Другими словами, и старые modi силлогизма къ дѣленію умозаключеній на виды имѣть отношенія не могутъ.

Такимъ образомъ классификація умозаключеній должна быть основана на совершенно новыхъ принципахъ, выведенныхъ изъ подробнаго индуктивнаго изслѣдованія разнообразныхъ частныхъ типовъ сужденій, въ нихъ входящихъ, и задачу такого изслѣдованія должна

взять на себя будущая логика. Мы сами не намѣрены предрѣшать настоящаго вопроса, для котораго у насъ собранъ матеріалъ, хотя и значительный, но все еще далеко недостаточный въ виду крайней сложности задачи. Пока мы желали только отмѣтить тотъ отрицательный фактъ, что не только правила, которыми старая логика ограничиваетъ число возможныхъ типовъ соединенія сужденій, не имѣютъ никакого, ни теоретическаго, ни практическаго оправданія, но и вообще вся ея старая классификація умозаключеній въ томъ смыслѣ является фикціею, что основана частью на существенномъ, частью даже на несущественномъ и случайномъ разнообразіи предложеній, а не сужденій (т. е. ассоціацій и диссоціацій идей), — вслѣдствіе чего въ теоріи умозаключеній, въ настоящемъ значеніи этого слова, она и не можетъ найти примѣненія.

Итакъ критика всѣхъ предполагаемыхъ ошибокъ въ процессахъ мышленія, привела насъ къ выводу, что эти ошибки — продуктъ воображенія представителей логической науки, что всѣ ошибки въ процессѣ умозаключенія сводятся къ ошибочнымъ сужденіямъ, т. е. обобщеніямъ изъ опыта, а всѣ ошибочныя обобщенія изъ опыта въ свою очередь зависятъ отъ ошибочныхъ или недостаточныхъ наблюденій. Въ смыслѣ отрицательномъ этого вывода было бы для насъ вполнѣ достаточно, такъ какъ мы разбираемъ въ настоящемъ сочиненіи только процессы «мышленія» и желали убѣдить читателя лишь въ томъ, что всѣ причины заблужденій ума лежатъ не въ немъ самомъ, а внѣ его. Но такъ какъ мы поставили выше и положительный вопросъ о средствахъ борьбы съ заблужденіями ума, необходимый для правильной постановки общаго вопроса о задачахъ будущей науки о мышленіи, то на упомянутомъ отрицательномъ выводѣ мы еще не въ правѣ остановиться. Спрашивается, возможны ли самостоятельныя ошибки и въ другихъ познавательныхъ процессахъ, не умственныхъ, а воспріемлющихъ и выразительныхъ, или же и эти ошибки фиктивны и зависятъ отъ какой-нибудь общей причины, лежащей вообще внѣ всякихъ познавательныхъ процессовъ?

Такое предположеніе весьма вѣроятно уже по тому, что если центральныя познавательныя движенія, находясь въ зависимости отъ твердыхъ органическихъ законовъ, всегда правильны, то нѣтъ причины

предполагать, что периферическія познавательныя движенія того или другого вида могутъ быть когда-нибудь ошибочны или неправильны: они тоже опредѣляются органическими законами, которые ни въ какомъ случаѣ, подъ условіемъ лишь сохраненія нормальной организаціи соотвѣтствующихъ физическихъ аппаратовъ, нарушены быть не могутъ.

Вообще причина заблужденій ума лежитъ повидимому вовсе не въ процессахъ познанія, а въ чемъ-то другомъ. Эту то мысль мы и постараемся теперь доказать.

Начнемъ съ вопроса, возможны ли самостоятельныя ошибки въ процессахъ выраженія идей, т. е. въ заключительныхъ периферическихъ познавательныхъ движеніяхъ? Такое предположеніе является нелѣпымъ, такъ какъ движенія, выражающія идеи, т. е. движенія органовъ рѣчи, вполнѣ подчиняются нашимъ словеснымъ представленіямъ и органически ими опредѣляются. Наступленіе дисгармоніи между словесными представленіями и движеніями органовъ рѣчи, есть совершенно ненормальное, болѣзненное явленіе, называемое «афазіей» и зависящее отъ болѣе или менѣе серіознаго разрушенія органовъ познанія, т. е. различныхъ частей нервной системы. Этого рода патологическія явленія стоятъ совершенно особнякомъ и ведутъ не къ заблужденіямъ, а къ полному искаженію познавательной дѣятельности. О заблужденіяхъ можетъ быть рѣчь лишь до тѣхъ поръ, пока субъектъ вообще признанъ находящимся въ нормальныхъ условіяхъ познанія, т. е. обладающимъ правильно организованною и здоровою нервною системою. А если такъ, то полное соотвѣтствіе движеній, выражающихъ идеи, и словесныхъ представленій, ими руководящихъ, есть conditio sine qua non для возможности столько же вѣрныхъ, сколько и невѣрныхъ утвержденій. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что всѣ невѣрныя утвержденія могутъ зависѣть только отъ невѣрныхъ ассоціацій или диссоціацій между словесными представленіями; а эти невѣрныя ассоціаціи и диссоціаціи словесныхъ представленій могутъ зависѣть въ свою очередь отъ двоякой причины: отъ невѣрныхъ ассоціацій между соотвѣтствующими этимъ словеснымъ представленіямъ другими идеями, или отъ невѣрныхъ ассоціацій между идеями и самыми словесными представленіями. Конечно ошибки въ обоихъ случаяхъ совершенно условны, ибо и значеніе словесныхъ символовъ условно, будучи опредѣляемо лишь обычаемъ и договоромъ людей. Но, такъ или иначе, въ той степени, въ какой возможны невѣрныя ассоціаціи словъ, онѣ очевидно

зависятъ отъ невѣрныхъ ассоціацій идей, а эти послѣднія, какъ мы въ свое время убѣдились, зависятъ отъ невѣрныхъ или недостаточныхъ наблюденій: идетъ ли рѣчь о невѣрныхъ наблюденіяхъ отношеній чисто объективныхъ, или же только субъективныхъ обычаевъ языка и способовъ употребленія словъ, — все равно: несомнѣнно лишь одно, что такъ какъ всѣ представленія, не выключая и словесныхъ, образуются изъ переработки ощущеній и воспріятій, то только въ неправильныхъ результатахъ воспріемлющихъ или «афферентныхъ» периферическихъ движеній и можетъ лежать источникъ всѣхъ ошибокъ языка, т. е. ошибокъ въ словахъ и утвержденіяхъ.

Такимъ образомъ оказывается пока, что всѣ заблужденія въ процессахъ мышленія, а равно и въ процессахъ выраженія идей, могутъ зависѣть только отъ одной причины — отъ ошибочныхъ или недостаточныхъ воспріятій, въ обширномъ значеніи этого слова.

Но и на этомъ выводѣ однако еще нельзя остановиться. Спрашивается, возможны ли дѣйствительныя ошибки въ воспріятіяхъ и наблюденіяхъ нашихъ, т. е. какія-нибудь неправильныя отправленія нашихъ органовъ чувствъ?

Непосредственныя ошибки въ процессахъ воспріятія дѣлятся обыкновенно на иллюзіи и галлюцинаціи. Иллюзіями называются ошибочныя воспріятія дѣйствительныхъ объектовъ, галлюцинаціями — воспріятія мнимыя, которымъ никакихъ объектовъ не соотвѣтствуетъ. Само собою понятно, что галлюцинаціи — опять явленія болѣзненныя, анормальныя, зависящія отъ разстройства нервной системы. Большинство людей по собственному опыту съ этими явленіями совершенно незнакомо и потому, при оцѣнкѣ причинъ заблужденій, они также въ разсчетъ входить не могутъ: если органы познавательной дѣятельности разстроены и подвержены болѣзненнымъ припадкамъ, то для даннаго субъекта познавательная дѣятельность вообще является невозможною, ибо не только отдѣльныя идеи его, но и все содержаніе его сознанія извращено и носитъ на себѣ отпечатокъ ненормальности и несоотвѣтствія съ дѣйствительностью. Такого субъекта надо лѣчить, его можно также изучать ради интересовъ науки, но давать цѣну его выводамъ и утвержденіямъ, или стараться направить его idées fixes помощью убѣжденія было бы нелѣпо: напротивъ — людей, умственно больныхъ, лѣчатъ обратнымъ путемъ, т. е. соглашаясь съ ихъ фантазіями и стараясь какъ можно меньше раздражать ихъ противорѣчіемъ,

чтобы дать время самой природѣ привести нервную систему ихъ въ равновѣсіе.

Зато иллюзіи повидимому могутъ служить источникомъ заблужденій, но конечно опять лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ возникаютъ при нормальномъ состояніи органовъ: нѣкоторыя иллюзіи суть тоже болѣзненныя явленія и причиною ихъ является часто обратное вліяніе галлюцинацій на воспріятія дѣйствительныхъ объектовъ. Поэтому спрашивается: отчего зависятъ иллюзіи при нормальномъ состояніи органовъ воспріятія, — отъ неправильныхъ ли процессовъ воспріятія или отъ другихъ причинъ?

Если мы издали принимаемъ четырехъ-угольный предметъ за круглый, незнакомаго человѣка — за знакомаго, поверхность земли — за воду, пѣнь въ лѣсу — за разбойника, башню — за колокольню церкви и т. д.; если мы принимаемъ отдаленную игру на скрипкѣ за плачъ ребенка, стукъ телѣги — за ударъ грома и проч.; если прикосновеніе въ темнотѣ къ шерсти заставляетъ насъ думать, что мы дотронулись до какого-нибудь животнаго, и т. д., и т. д., — то нельзя сказать, чтобы самыя ощущенія или воспріятія наши были невѣрны: невѣрно только ихъ истолкованіе, отнесеніе ихъ къ тому или другому внѣшнему объекту. Ощущенія наши должны быть всегда правильны уже по тому, что они органически опредѣляются постоянною конструкціею нашей периферіи и соотвѣтствующимъ естественнымъ соотношеніемъ между качествомъ и интенсивностью внѣшнихъ раздраженій и характеромъ параллельныхъ психическихъ возбужденій. Природа ошибаться не можетъ: всѣ продукты взаимодѣйствія ея элементовъ предопредѣляются въ малѣйшихъ подробностяхъ неизмѣнными законами. Поэтому и периферическія познавательныя движенія сами по себѣ должны быть безусловно правильны: они отражаютъ съ неизмѣнною точностью движенія внѣшней среды, отголоскомъ которыхъ являются.

Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же наконецъ лежитъ причина заблужденій: въ самой внѣшней средѣ она опять находиться не можетъ, потому что и движенія этой послѣдней, будучи неизбѣжнымъ результатомъ строго опредѣленныхъ законовъ, сами по себѣ никакъ не могутъ быть неправильными? Какія-бы уродства и странныя сочетанія явленій природа ни производила, они являются всетаки дѣйствіемъ постоянныхъ и общихъ ея законовъ и всегда въ основаніи ихъ должна быть предположена какая-нибудь неизбѣжная комбинація естественныхъ причинъ. Поэтому и они, становясь предметомъ человѣческаго познанія, обыкно-

венно въ концѣ концевъ являются лишь подтвержденіемъ правильныхъ идей человѣка о строеніи объективнаго міра, а не источникомъ заблужденій.

Повидимому мы стоимъ лицемъ къ лицу предъ одной изъ тѣхъ загадокъ природы, которыя неразрѣшимы для ограниченнаго человѣческаго ума: движенія внѣшней среды, въ силу неизмѣнныхъ законовъ природы, всѣ безусловно правильны, — психическія познавательныя движенія, отражающія въ себѣ эти внѣшнія движенія и вырабатывающія соотвѣтственныя внѣшнимъ явленіямъ «идеи», въ силу тѣхъ же законовъ природы, тоже правильны, а между тѣмъ въ результатѣ оказываются идеи и знанія ошибочныя, объективной дѣйствительности не соотвѣтствующія. Можно думать, что такой необычайный фактъ есть для человѣческаго ума неразрѣшимая тайна!

Къ сожалѣнію мы не вѣримъ, чтобы что-либо дѣйствительно существующее могло быть абсолютно и на вѣки тайною, недоступною человѣческому пониманію. Многія старыя загадки и предполагаемыя тайны природы уже разрѣшены наукою, другія находятся на пути къ разрѣшенію, третьи eo ipso тоже рано или поздно должны разрѣшиться, благодаря доказанной исторіею человѣчества возможности безграничнаго прогресса знаній. Въ данномъ же случаѣ, какъ мы увидимъ тотчасъ, ларчикъ даже довольно просто открывается, т. е. разрѣшеніе вопроса возможно безъ промедленія.

Отчего не предположить, что тѣ самые законы внѣшней природы и организма, благодаря которымъ возможно пріобрѣтеніе человѣческимъ умомъ правильныхъ идей, не могутъ при извѣстныхъ условіяхъ привести его къ идеямъ неправильнымъ или ошибочнымъ? Вѣдь и во внѣшней средѣ, какъ было упомянуто, всѣ уродства и несообразности объясняются дѣйствіемъ не особыхъ законовъ, а тѣхъ же самыхъ, которые порождаютъ и явленія, называемыя нормальными и гармоничными. Если таково уже свойство законовъ природы — производить въ одинаковой степени правильное и неправильное, т. е. сообразное съ прочею дѣйствительностью и несообразное, — то отчего не предположить, что оно распространяется и на сферу развитія идей? Такое предположеніе въ видахъ послѣдовательности даже необходимо. Поэтому, ставъ на эту новую точку зрѣнія, мы и постараемся объяснить причину заблужденій естественными законами самой природы и, въ частности, сознанія.

Въ числѣ законовъ природы мы имѣемъ законъ, что изъ движеній

внѣшней среды только тѣ дѣйствуютъ на чувствующую периферію организма, которыя непосредственно ее раздражаютъ, и притомъ, что это дѣйствіе всегда пропорціонально силѣ раздраженія. Въ числѣ законовъ сознанія мы имѣемъ законъ, что всѣ раздраженія, доходящія до него изъ внѣшней среды, какую-бы степень интенсивности и отчетливости они ни имѣли, тотчасъ же имъ перерабатываются въ тѣ законныя образованія, которыя называются «идеями». Переработка эта бываетъ конечно въ различной степени интенсивною, быстрою и сознательною, — это уже зависитъ отъ прирожденныхъ каждому человѣку особенностей и отъ степени развитія его организма въ данный моментъ; но она во всякомъ случаѣ, по неизмѣннымъ законамъ ассоціаціи, нами разсмотрѣннымъ, стремится къ законченности, къ возможно полному и прочному вплетѣнію новыхъ впечатлѣній въ строй тѣхъ органическихъ соединеній, которыя уже образовались изъ впечатлѣній старыхъ и которыя мы обозначаемъ общимъ терминомъ «идей».

Изъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ двухъ законовъ, при извѣстныхъ условіяхъ взаимодѣйствія между познающимъ субъектомъ и окружающей его средою, и возникаютъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, всѣ заблужденія нашихъ чувствъ, ума и слова.

Дѣйствительно: если мы предположимъ, что всѣ движенія, возбуждаемыя въ средѣ даннымъ предметомъ, явленіемъ или извѣстною группою тѣхъ и другихъ, доходятъ до нашей периферіи и чрезъ посредство ея дѣйствуютъ на наше сознаніе, то возникающая отсюда переработка ихъ этимъ послѣднимъ должна конечно дать идею, вполнѣ соотвѣтствующую извѣстному объекту или группѣ объектовъ окружающей среды. Но если бы оказалось, что въ извѣстныхъ случаяхъ не всѣ означенныя движенія достигнутъ периферіи нашей, а только нѣкоторыя и даже въ слишкомъ слабой степени, и если возбужденная соотвѣтствующими раздраженіями внутренняя переработка впечатлѣній все-таки, по естественнымъ законамъ мысли, приведетъ къ извѣстнымъ законченнымъ результатамъ, т. е. послужитъ основаніемъ для извѣстной идеи или идей, то понятно, что эти идеи вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ объектамъ познанія не будутъ, — другими словами будутъ ошибочны, т. е. будутъ неполными и неточными отраженіями вещей. Эта неточность еще болѣе увеличится, если къ извѣстнымъ пробѣламъ въ воспріятіяхъ, относящихся къ данному объекту, присоединится нѣсколько постороннихъ воспріятій, которыя къ данному объекту не относятся, но - по недостатку ясныхъ представленій

и о тѣхъ объектахъ, которые ихъ вызываютъ, — вплетутся въ идею о данномъ объектѣ или данной группѣ объектовъ внѣшней среды.

Такимъ образомъ заблужденія происходятъ очевидно вовсе не отъ неправильныхъ познавательныхъ движеній, а лишь отъ недостаточнаго матеріала для этихъ движеній, при чемъ этотъ недостатокъ матеріала вліяетъ на образованіе ошибочныхъ идей столько же прямо, т. е. вслѣдствіе неполноты воспріятій, относящихся къ даннымъ объектамъ, сколько и косвенно, т. е. вслѣдствіе проистекающей, изъ этой неполноты воспріятій, относящихся къ данному предмету, неправильной замѣны ихъ воспріятіями, относящимися къ другимъ предметамъ и явленіямъ. Вообще же можно сказать, что всѣ заблужденія происходятъ отъ ненаблюденія или, еще правильнѣе, отъ незнанія. Послѣднее понятіе шире и уже по тому удобнѣе въ данномъ случаѣ, что оно обнимаетъ и тѣ пробѣлы въ познавательномъ матеріалѣ, которые для развитого познающаго субъекта въ развитомъ человѣческомъ обществѣ происходятъ отъ недостаточнаго знакомства съ природою посредствомъ книгъ и другихъ искусственныхъ средствъ, т. е. отъ незнакомства его съ воспріятіями и наблюденіями другихъ лицъ, собранными въ книгахъ и другихъ подобныхъ документахъ.

Незнаніе и, какъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ его, ненаблюденіе, — вотъ источникъ столько же иллюзій, т. е. непосредственныхъ ошибокъ въ воспріятіи, столько и ложныхъ обобщеній, т. е. ошибокъ посредственныхъ, сколько наконецъ и основанныхъ на этихъ ложныхъ обобщеніяхъ, невѣрныхъ въ своихъ результатахъ, умозаключеній и словесныхъ утвержденій.

Если до насъ доходятъ только отрывочныя и недостаточныя впечатлѣнія отъ какого-нибудь одного предмета или явленія, то переработка этихъ впечатлѣній по законамъ ассоціаціи въ тѣ законченныя образованія, которыя называются «представленіями», приводитъ обыкновенно къ иллюзіямъ. Если же представленія наши о единичныхъ объектахъ опыта и правильны, но недостаетъ другихъ представленій объ объектахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ первымъ, то переработка первыхъ въ какую-нибудь другую, высшую идею дастъ въ результатѣ ошибочное обобщеніе. Ошибочное обобщеніе или сужденіе, соединенное съ другими, хотя бы и вѣрными, приводитъ къ невѣрному умозаключенію, а словесное выраженіе невѣрныхъ обобщеній или заключеній ведетъ къ неправильнымъ утвержденіямъ. Впрочемъ способы вліянія недостаточныхъ воспріятій, наблюденій и

вообще знаній на заблужденія нашей мысли и нашего слова бываютъ безконечно разнообразны. Ошибки въ утвержденіяхъ, напр., иногда непосредственно проистекаютъ отъ ненаблюденія и незнанія значенія словъ и терминовъ, а не отъ ошибочныхъ идей; невѣрныя идеи иногда основываются неспосредственно на другихъ невѣрныхъ идеяхъ, происшедшихъ отъ ненаблюденія, а не прямо на этомъ послѣднемъ, и т. д. Но, такъ или иначе, незнаніе есть понятіе, обнимающее всѣ конечныя причины ошибокъ мысли и слова, а потому въ настоящій моментъ мы и считаемъ излишнимъ вдаваться въ подробное изслѣдованіе всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ путей, которые проходитъ познающій субъектъ, прежде чѣмъ дойти, подъ вліяніемъ упомянутаго отрицательнаго фактора, до внѣшняго обнаруженія ложныхъ представленій или понятій своихъ объ окружающей дѣйствительности. Пути эти могутъ быть коротки и длинны, ненаблюденіе можетъ относиться столько же къ настоящему моменту, сколько и къ самой отдаленной эпохѣ нашей жизни; оно можетъ касаться одного или цѣлой массы фактовъ, оно можетъ быть нашимъ или даже чужимъ, если бы ошибочную идею мы заимствовали отъ другого лица, оно можетъ быть индивидуальнымъ или всеобщимъ, оно можетъ зависѣть отъ внѣшнихъ условій среды или отъ внутренняго состоянія самого познающаго субъекта, и т. д., но — такъ или иначе — въ результатѣ всегда окажется одно и то же, а именно то бо́льшее или меньшее несоотвѣтствіе между идеями человѣка и ихъ дѣйствительными объектами, которое называется заблужденіемъ.

Мы могли бы подтвердить эту мысль еще разборомъ нѣсколькихъ десятковъ примѣровъ заблужденій, съ цѣлью обнаруженія конечной зависимости ихъ отъ пробѣловъ въ нашихъ наблюденіяхъ и знаніяхъ; но считаемъ такой пріемъ доказательства безплоднымъ. Сколько-бы мы примѣровъ ни разобрали, критика въ правѣ была бы потребовать ихъ еще бо́льшее число, такъ какъ всегда можно будетъ предположить, что мы именно подобрали рядъ случаевъ, подтверждающихъ наше обобщеніе, оставивши безъ вниманія рядъ другихъ, его не подтверждающихъ. Всѣхъ заблужденій человѣческаго ума разобрать всетаки невозможно, а потому мы съ одной стороны полагаемся на силу предшествующихъ нашихъ аргументовъ, съ другой — предоставляемъ остроумію каждаго читателя въ отдѣльности повѣрить нашу мысль на извѣстныхъ ему примѣрахъ и попробовать отыскать случаи, въ которыхъ заблужденія

отдѣльнаго человѣка или всего человѣчества, вмѣстѣ взятаго, не могли бы быть объяснены тою общею причиною, на которую мы указали.[1])

3. Средства борьбы съ заблужденіями.

Открывъ общую причину заблужденій человѣческаго ума, мы уже не можемъ встрѣтить никакихъ серіозныхъ затрудненій при опредѣленіи средствъ борьбы противъ нихъ. Доказывать вновь, что старыя логическія правила въ этой борьбѣ не могутъ играть никакой роли, едва ли нужно. Мы разобрали и общія правила формальной логики, которымъ она давала громкое, хотя и двусмысленное названіе законовъ мышленія, разсмотрѣли затѣмъ и рядъ частныхъ правилъ, въ особенности относящихся къ процессу умозаключенія, и убѣдились въ полнѣйшей неприложимости тѣхъ и другихъ на дѣлѣ и даже въ отсутствіи для нихъ всякихъ теоретическихъ оправданій со стороны дѣйствительныхъ условій развитія идей. Иначе конечно и не могло быть, — потому что, если бы мышленіе, чтобы правильно функціонировать, нуждалось въ особыхъ руководящихъ «правилахъ», то спрашивается, какимъ же образомъ оно могло бы открыть эти правила? Не зная ихъ, мышленіе разумѣется должно было бы постоянно ошибаться, а между тѣмъ представители логики, чтобы открыть эти правила, должны были тоже очевидно мыслить и притомъ мыслить правильно. Оригинальное и трагическое положеніе!: чтобы открыть правила мышленія, нужно мыслить, — между тѣмъ, чтобы достигнуть правильныхъ результатовъ мышленія, т. е. въ данномъ случаѣ «правильнаго опредѣленія правилъ мышленія», нужно уже знать эти правила. Гг. представители логики очевидно не отдавали себѣ отчета въ этомъ

---

[1]) Замѣтимъ впрочемъ, что мы сами продѣлали уже однажды ту работу, повторять которую въ настоящій моментъ, за недостаткомъ времени и мѣста, равно какъ и въ виду упомянутой безплодности ея, отказываемся. Въ курсѣ логики, читанномъ студентамъ историко-филол. Института въ Нѣжинѣ въ 1880—81 г. мы разобрали подробно съ нашей точки зрѣнія бо́льшую часть примѣровъ заблужденій, приведенныхъ въ логикѣ Милля и въ нѣкоторыхъ формальныхъ логикахъ, и потому-то наше собственное убѣжденіе въ правильности сдѣланнаго обобщенія и является непоколебимымъ. Нашъ выводъ объ общей причинѣ заблужденій былъ даже сначала результатомъ именно индуктивнаго изслѣдованія цѣлаго ряда частныхъ случаевъ, — научная же мотивировка его была плодомъ послѣдующаго размышленія.

безвыходномъ положеніи своемъ. Или можетъ быть они думали, что природа, предназначивъ именно ихъ для открытія другимъ людямъ «правилъ и пріемовъ мышленія», снабдила ихъ однихъ такимъ умственнымъ аппаратомъ, который бы могъ дѣйствовать безошибочно? Счастливые избранники судьбы! Пусть они продолжаютъ наивно вѣрить въ свое призваніе; мы же навсегда покинемъ ту искусственную и фантастическую сферу понятій, въ которой они вращались и продолжаютъ вращаться до сихъ поръ со времени Аристотеля, и постараемся рѣшить вопросъ, существуютъ ли, если не прямыя, то хоть косвенныя средства борьбы съ заблужденіями человѣческаго ума, и, если существуютъ, то въ чемъ они состоятъ?

Что средства борьбы съ заблужденіями вообще существуютъ, можно заключать и изъ исторіи развитія человѣческихъ знаній и изъ собственнаго ежедневнаго опыта. Сколько заблужденій своихъ уже успѣло побороть человѣчество, сколько предразсудковъ, наивныхъ предположеній о причинахъ вещей, нелѣпыхъ заключеній о дѣйствіяхъ и вліяніяхъ различныхъ предметовъ и явленій устранено и замѣнено правильными взглядами на взаимныя отношенія этихъ предметовъ и явленій! И все это произошло не случайно, само собою, а благодаря извѣстнымъ усиліямъ человѣчества, благодаря постояннымъ стараніямъ отдѣльныхъ личностей и ихъ группъ, направленнымъ къ борьбѣ противъ ложныхъ мнѣній и обобщеній и къ переработкѣ ихъ въ мнѣнія и обобщенія правильныя. Видно есть средства борьбы съ заблужденіями, если люди постоянно стремились къ этой борьбѣ и достигали въ ней успѣха. Тоже самое предположеніе подтверждается впрочемъ и ежедневнымъ нашимъ опытомъ: мы видимъ постоянно, какъ окружающіе насъ люди, одушевленные искреннимъ желаніемъ знать правду и имѣть вѣрныя представленія о предметахъ внѣшняго міра, измѣняютъ и совершенствуютъ свои взгляды, и какъ напротивъ люди, равнодушно относящіеся къ истинѣ, пребываютъ въ заблужденіяхъ своихъ иногда цѣлую жизнь, унося съ собою въ могилу предразсудки и нелѣпыя мнѣнія, унаслѣдованныя ими еще отъ предковъ. Все это факты, отвергать которые невозможно и которые громко заявляютъ о существованіи пріемовъ исправленія и предупрежденія нашихъ заблужденій, если мы только имѣемъ твердое желаніе отъ нихъ отдѣлаться.

Но въ чемъ же борьба съ заблужденіями можетъ состоять и какъ она должна быть поведена, если заблужденія составляютъ такой же

необходимый продуктъ совершенно правильныхъ и законныхъ познавательныхъ отправленій человѣка, какъ и вѣрныя представленія его о внѣшнемъ мірѣ? Уже изъ анализа общей причины заблужденій ясно, что эта борьба можетъ быть только косвенная, а не прямая, что она возможна только въ томъ случаѣ, если мы обладаемъ средствами произвольно увеличивать запасъ своихъ наблюденій и знаній, вообще количество матеріала, служащаго основаніемъ для нашей познавательной дѣятельности. Если бы мы этою способностью обладали, то могли бы eo ipso косвенно бороться съ незнаніемъ и невѣжествомъ, какъ источниками нашихъ заблужденій, а слѣдовательно и предупреждать и исправлять эти послѣднія.

Между тѣмъ общая возможность произвольнаго увеличенія нашихъ наблюденій и знаній конечно не можетъ подлежать сомнѣнію: она доказана уже нашимъ анализомъ развитія познавательныхъ процессовъ, приведшимъ насъ къ выводу о возможности произвольныхъ и методическихъ познавательныхъ движеній. Разумѣется изъ этого же анализа слѣдуетъ, что косвенная борьба съ заблужденіями, помощью произвольнаго направленія и методической организаціи нашего взаимодѣйствія съ внѣшнею средою, возможна только на высшихъ ступеняхъ развитія нашего ума, что она не доступна людямъ, познающимъ и мыслящимъ только безсознательно, а если и сознательно, то непроизвольно. Но такъ какъ высшее развитіе ума теоретически доступно каждому человѣку, то ясно, что и борьба съ заблужденіями при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сдѣлаться возможною для всѣхъ людей безъ исключенія. Однако ясно, что для этого необходима прежде всего извѣстная опека развитого человѣчества надъ неразвитымъ и что эта опека должна состоять не только въ построеніи такой «теоріи искусства познанія», которая бы раскрыла пріемы методической организаціи познавательныхъ процессовъ, съ цѣлью систематическаго увеличенія матеріала для умственной дѣятельности, но и въ организаціи той культуры человѣческаго ума, которая бы неизбѣжно поднимала его на тотъ уровень развитія, на которомъ онъ могъ бы пользоваться указаніями «теоріи искусства познанія».

На эту истину до сихъ поръ мало обращалось вниманія. Правда, искусственная культура ума давно признана необходимою и практикуется; но настоящая цѣль ея и результаты до сихъ поръ мало сознавались. По крайней мѣрѣ логика, считавшая себя «теоріею искусства познанія», вырабатывала свою систему правилъ и методовъ, нисколько не

размышляя о томъ, кто и при какихъ условіяхъ можетъ ею пользоваться. Она воображала, что ея правила и пріемы (о достоинствѣ которыхъ мы теперь уже не говоримъ) обязательны для всѣхъ людей, что стоитъ только человѣку любого уровня умственнаго развитія ознакомиться съ этими правилами — и вѣрность результатовъ его познавательной дѣятельности будетъ навсегда обезпечена. Точно тѣ же самыя и даже въ большей степени нелѣпыя притязанія предъявляла жизнь: сознавая инстинктивно, что такъ называемыя логическія правила мало помогаютъ познанію истины, всѣ человѣческія общества безъ исключенія тѣмъ болѣе считали себя до сихъ поръ въ правѣ требовать отъ всѣхъ своихъ членовъ тѣхъ относительно вѣрныхъ взглядовъ на вещи, на значеніе человѣка и на отношенія человѣческихъ личностей между собою, которые выработаны лучшими представителями этихъ обществъ, — при чемъ всѣ члены этихъ послѣднихъ, какою бы степенью умственнаго развитія они не обладали, считались отвѣтственными за поступки, съ этими взглядами на природу и на человѣка несогласными. Правда, новѣйшая юридическая теорія «невмѣняемости» нѣсколько смягчила рѣзкость упомянутыхъ незаконныхъ притязаній, но понятіе невмѣняемости еще въ такой степени узко и односторонне понимается, что несообразность оцѣнки «отвѣтственности» людей за ихъ дѣйствія остается во всей своей силѣ. Приговоръ о невмѣняемости мотивируется только оцѣнкою субъективныхъ побужденій человѣка, между тѣмъ какъ зависимость этихъ субъективныхъ побужденій отъ состава понятій и знаній вовсе не принимается въ соображеніе. Въ основу идеи «юридической вмѣняемости» какъ бы поставлено нелѣпое предположеніе, что всѣ люди должны одинаково понимать значеніе природы и человѣка, сущность человѣческихъ отношеній и взаимныхъ ихъ обязательствъ, т. е. другими словами стоять на томъ же уровнѣ умственнаго развитія, на томъ же уровнѣ знаній и развитія воли въ примѣненіи къ контролю идей.

Насколько всѣ эти мнѣнія ошибочны, видно изъ всего предшествующаго анализа умственной дѣятельности и повторять вновь свои прежніе выводы мы не будемъ (о значеніи понятія «произвольности мышленія» см. выше, особ. стр. 229—232). Мы поставимъ себѣ только задачею прослѣдить теперь болѣе подробно тотъ единственно возможный путь, которому можетъ слѣдовать человѣчество въ косвенной борьбѣ своей съ заблужденіями, т. е. тѣ пріемы, которые оно должно употреблять для того, чтобы доставить каждому человѣку средства избѣ-

гать заблужденій и во́ время устранять ихъ. При этомъ мы обратимъ конечно главное вниманіе на задачи «теоріи искусства познанія»; но предварительно надо вкратцѣ обозрѣть и тѣ пріемы, которые должны подготовлять самую возможность пользованія указаніями этой дисциплины и которые лежатъ eo ipso внѣ сферы ея компетентности.

Такъ какъ пользованіе указаніями теоріи искусства познанія обусловливается развитіемъ высшей степени неметодически-произвольнаго мышленія и вообще познанія, то понятно, что предварительная подготовка человѣческаго ума къ методической организаціи познавательной дѣятельности должна имѣть двѣ ступени. Первая, низшая, ступень должна имѣть задачею развитіе сознательности умственныхъ и вообще познавательныхъ движеній, которые въ каждомъ человѣкѣ сперва, какъ мы видѣли, совершенно безсознательны. Вторая высшая ступень подготовки должна имѣть задачею развитіе полной произвольности этихъ движеній, т. е. зависимости ихъ не отъ случайныхъ условій обстановки, а отъ сознательныхъ внутреннихъ побужденій. То и другое конечно можетъ быть достигнуто лишь извѣстными воспитательными пріемами, вслѣдствіе чего организація этой подготовки ума къ методическому познанію всецѣло должна лежать на задачахъ педагогики, т. е. теоріи искусства развитія человѣческой психики вообще. Но для того, чтобы правильно организовать въ частности культуру человѣческаго ума, педагогика должна конечно основать свою теорію на научномъ фундаментѣ, на выводахъ психологіи вообще, психостатики и психодинамики умственной жизни человѣка въ частности.

Подробно разбирать такую организацію педагогическихъ пріемовъ — не наше дѣло, но мы укажемъ общіе принципы, которыми теорія воспитанія должна руководствоваться. Она должна помнить прежде всего, что переходъ безсознательныхъ познавательныхъ движеній въ сознательныя и сознательныхъ въ произвольныя совершается и самъ собою, по естественнымъ законамъ развитія ума, при обогащеніи его извѣстнымъ количествомъ познавательнаго матеріала и соотвѣтствующей переработкѣ этого матеріала въ идеи. Поэтому задача ея состоитъ не въ руководствѣ самыми познавательными движеніями, которыя отъ природы и въ силу самой организаціи ума совершаются правильно, а въ доставленіи уму того матеріала, который необходимъ для успѣшнаго его развитія, съ одной стороны, и въ побужденіи его къ пріобрѣтенію и переработкѣ этого матеріала — съ другой.

Отсюда вытекаетъ, что задача «теоріи воспитанія ума» двоякая, а именно во первыхъ: опредѣлить составъ того познавательнаго матеріала, который долженъ быть постепенно и послѣдовательно подносимъ человѣку съ цѣлью скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго развитія его ума, во вторыхъ: опредѣлить способы успѣшнѣйшаго развитія въ каждомъ человѣкѣ тѣхъ, сначала безсознательныхъ, а затѣмъ сознательныхъ побужденій къ пріобрѣтенію и переработкѣ этого матеріала, которыя въ концѣ концевъ могутъ привести его умъ на искомую ступень развитія. Но такъ какъ умственныя способности и вообще индивидуальныя особенности человѣческихъ личностей безконечно разнообразны, то задача педагогики состоитъ вовсе не въ начертаніи общей и абсолютной теоріи образованія и воспитанія человѣческаго ума а въ выработкѣ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе условныхъ и относительныхъ теорій, примѣнительно къ различнымъ главнымъ типамъ умственной организаціи, которые eo ipso должны быть предварительно ею изучены и опредѣлены.

Затѣмъ, не упуская изъ виду главной конечной цѣли своей — поставить человѣка въ возможность, помощью методической организаціи своихъ познавательныхъ движеній, предохранять себя отъ заблужденій и устранять эти послѣднія, «теорія искусства культуры человѣческаго ума», какъ при организаціи внѣшняго образованія его, такъ и при устройствѣ внутренняго его развитія, должна стараться и о томъ, чтобы, выборомъ познавательнаго матеріала и внушаемыхъ побужденій, содѣйствовать упомянутой конечной цѣли — развитія способности противодѣйствія заблужденіямъ. Другими словами, образованіе должно быть поставлено ею на такихъ началахъ, чтобы оно не могло содѣйствовать само укорененію заблужденій и пріобрѣтенію разныхъ фиктивныхъ и фантастическихъ идей, которыя слѣдовало бы потомъ передѣлывать; точно также и воспитаніе ума должно быть поставлено такъ, чтобы оно не развивало въ субъектѣ такихъ фальшивыхъ и фантастическихъ побужденій къ пріобрѣтенію знаній и переработкѣ познавательнаго матеріала, которыя опять впослѣдствіи требовали бы замѣны побужденіями болѣе естественными и реальными. Дѣйствуя такими ложными, такъ сказать обманными, путями, теорія умственной культуры человѣка роняла бы свой авторитетъ и затрудняла бы уму впослѣдствіи ту работу дальнѣйшаго саморазвитія, которую она должна облегчать. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ дѣло культуры человѣческой мысли поставлено именно на та-

кихъ основаніяхъ, которыя противорѣчатъ этому простому требованію здраваго смысла. Низшая культура его большею частью основана на сообщеніи сказокъ, миѳовъ и другихъ продуктовъ фантазіи, а затѣмъ на развитіи ложныхъ побужденій, состоящихъ въ страхѣ передъ наказаніями, въ стремленіи къ похваламъ и наградамъ. Высшая культура, пренебрегая сообщеніемъ положительныхъ знаній по всѣмъ отраслямъ природовѣдѣнія, наполняетъ умъ юношей схоластическою дребеденью, пустыми грамматическими схемами и фактами того же миѳологическаго свойства. На мѣсто изученія природы, человѣка и исторіи развитія человѣческихъ обществъ, ставится безсмысленное заучиваніе грамматическихъ формулъ отжившихъ языковъ, ознакомленіе съ сальными миѳами примитивнаго человѣчества и запоминаніе цѣлой груды историческихъ именъ и цифръ, лишенныхъ всякаго назидательнаго содержанія. Точно также и въ области «побужденій» искусственною методою балловъ, наказаніями и наградами создается система совершенно ложныхъ и даже предосудительныхъ, съ нравственной точки зрѣнія, мотивовъ для изученія природы, — система, которая потомъ съ трудомъ и лишь немногими личностями разрушается и перерабатывается въ нѣчто болѣе естественное и нормальное.

Само собою разумѣется, что этими способами теорія культуры человѣческаго ума уничтожаетъ собственное свое дѣло и создаетъ человѣку множество искусственныхъ преградъ на пути его умственнаго развитія. Развитіе это, положимъ, формально достигается: безсознательныя познавательныя движенія становятся сначала сознательными, а затѣмъ и произвольными, но цѣною именно тѣхъ заблужденій, предразсудковъ и ложныхъ мотивовъ дѣятельности, для борьбы съ которыми это развитіе и было предпринято. Въ результатѣ оказывается конечно, что прежде, чѣмъ идти дальше, надо самому все сызнова передѣлать, а на это хватаетъ энергіи и здраваго смысла лишь у исключительныхъ натуръ: у большинства энергія и здравый смыслъ оказываются навѣки усыпленными, а заблужденія и фальшивыя побужденія настолько укореняются, что никакія послѣдующія указанія «теоріи искусства познанія» не способны очистить умъ отъ накопившагося сора и грязи.

Такимъ образомъ общіе принципы правильной теоріи развитія познавательныхъ отправленій человѣка опредѣлены. Эта дисциплина должна помнить, что она не создаетъ, а только ускоряетъ развитіе ума; она должна знать, что для этого въ ея распоряженіи двоякій

разрядъ средствъ — образовательныхъ и воспитательныхъ; она должна имѣть въ виду относительное значеніе этихъ средствъ, связанное съ разнообразіемъ человѣческихъ индивидуальностей, она наконецъ не должна упускать изъ виду конечной цѣли своихъ усилій, т. е. не должна тормозить будущую борьбу человѣка съ заблужденіями, укорененіемъ этихъ послѣднихъ и ложнымъ направленіемъ мотивовъ его познавательной дѣятельности, подъ предлогомъ расширенія горизонта его идей, дарованія ему средствъ къ дальнѣйшему ихъ развитію и внушенія ему интереса къ знанію. Всѣ эти послѣднія задачи ея вполнѣ законны, но только въ томъ случаѣ, если горизонтъ знаній человѣка будетъ въ самомъ дѣлѣ расширяться, а не съуживаться, если средства пріобрѣтенія знаній будутъ дѣйствительныя, а не мнимыя, если интересъ къ познанію будетъ естественный, а не искусственный.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состоятъ задачи теоріи искусства познанія, роль которой начинается съ момента пріобрѣтенія человѣкомъ способности совершенно произвольно направлять въ ту или другую сторону познавательныя движенія свои, связанныя съ пріобрѣтеніемъ и переработкою воспріятій. Прежде всего и эта дисциплина должна помнить, что роль ея только вспомогательная, что методическая организація познанія до извѣстной степени достижима и безъ ея содѣйствія — естественнымъ развитіемъ человѣческаго ума, и что вся задача ея заключается только въ ускореніи этой организаціи и въ ея усовершенствованіи. Послѣднія соображенія подтверждаются уже тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя, болѣе даровитыя личности достигаютъ большого совершенства въ искусствѣ познанія и безъ всякой помощи особой теоріи, единственно собственнымъ опытомъ, упражненіемъ и подражаніемъ другимъ людямъ, уже достигшимъ высшаго развитія мысли. Не такимъ же ли точно способомъ и всѣ прочія искусства иногда пріобрѣтаются въ совершенствѣ одною только работою человѣка надъ самимъ собою, безъ содѣйствія всякихъ теорій: бываютъ и выдающіеся музыканты-самоучки, и замѣчательные художники-самоучки, и непобѣдимые шахматисты-самоучки, и т. д., и т. д. Всякая теорія искусства разсчитана главнымъ образомъ на болѣе слабыхъ и менѣе богато одаренныхъ личностей, и только отчасти на энергичныхъ и способныхъ,

по скольку она можетъ этимъ послѣднимъ дать средства ускорить свое развитіе и еще болѣе закончить его.

Стало быть теорія искусства познанія прежде всего не должна преувеличивать своего значенія и должна опять стремиться только къ содѣйствію и безъ того возможному развитію познавательной дѣятельности человѣка до высшей степени ея отчетливости и цѣлесообразности. Затѣмъ она должна опять имѣть въ виду конечную свою цѣль -- борьбу съ заблужденіями — и единственно раціональный косвенный путь для достиженія этой цѣли, состоящій въ возможно болѣе совершенной организаціи пріобрѣтенія и переработки новыхъ знаній. Посмотримъ же, какими частными пріемами она можетъ достигать этой главной цѣли, т. е. создавать организацію сложныхъ познавательныхъ дѣйствій человѣка.

Прежде всего теорія искусства познанія можетъ установить правильную общую послѣдовательность познавательныхъ дѣйствій, направленныхъ къ открытію истинной природы вещей. Такъ какъ общія направленія этихъ познавательныхъ дѣйствій, на высшей ступени развитія ума, называются индукціей и дедукціей, то указаніе правильной смѣны этихъ методическихъ отправленій мысли составляетъ первую задачу упомянутой «теоріи искусства». Насколько полезна организація познавательной дѣятельности человѣка въ этомъ общемъ смыслѣ, уже доказала вся прошлая исторія знаній: мы видимъ изъ исторіи науки, какіе плодотворные перевороты, въ смыслѣ прогресса этой послѣдней, совершились подъ вліяніемъ Бэконовскаго ученія о методахъ, доктрины Конта о пріемахъ позитивнаго изученія природы, и т. д.; если бы даже эти ученія только формулировали и безъ того подготовлявшіяся преобразованія въ способахъ изслѣдованія окружающихъ явленій, то и тогда несомнѣнно, что ясное выраженіе потребностей современнаго упомянутымъ мыслителямъ человѣчества все-таки на много десятилѣтій ускорило бы прогрессъ наукъ. Дѣло въ томъ, что успѣхъ этихъ послѣднихъ въ значительной степени зависитъ отъ сотрудничества цѣлой массы второстепенныхъ, такъ сказать мелкихъ тружениковъ, которые руководятся въ способахъ изученія природы не столько собственнымъ здравымъ смысломъ и опытомъ, сколько господствующею модою и указаніями авторитетовъ. Этого факта никакъ нельзя устранить: и если одни крупные мыслители, какъ напр. Аристотетель, Бэконъ, Локкъ, отчасти Кантъ, далѣе Гершель, Контъ, Милль и другіе, своимъ авторитетомъ создавали полезныя моды въ пріемахъ изслѣдованія окружаю-

щихъ явленій, то другіе, не менѣе крупные, но почему-либо заблуждавшіеся мыслители, какъ напр. Платонъ, Декартъ, Лейбницъ, Фихте, Гегель и другіе, создавали и упрочивали тѣмъ же авторитетомъ своимъ, на болѣе или менѣе значительное время, моды вредныя, такъ или иначе тормозившія прогрессъ знаній и косвенно закрѣплявшія среди большинства представителей науки иногда весьма и весьма серіозныя заблужденія.

Итакъ развитіе общей теоріи методовъ — первая задача «теоріи искусства познанія» и, разумѣется, задача, еще далеко не вполнѣ рѣшенная. До сихъ поръ наука, конечно къ ущербу своему, еще колебалась безпрестранно между двумя крайними и одинаково односторонними ученіями о методахъ, изъ которыхъ одно старалось дать исключительное господство пріему дедукціи, другое — пріему индукціи. Примиреніе этихъ двухъ крайностей, препятствовавшихъ полному и равномѣрному прогрессу знаній, еще далеко не совершилось и мы лично убѣждены, что только путемъ дальнѣйшаго развитія намѣченной выше теоріи правильной смѣны постепенно осложняющихся и взаимно дополняющихъ другъ друга методовъ индукціи и дедукціи можно достигнуть такого полнаго и равномѣрнаго прогресса научныхъ идей.

Далѣе, теорія искусства познанія должна научить и различнымъ спеціальнымъ пріемамъ пріобрѣтенія, переработки и выраженія познавательнаго матеріала. Другими словами, она можетъ изощрить: 1) пріемы наблюденія и экспериментаціи надъ предметами и явленіями, 2) пріемы пользованія готовымъ познавательнымъ матеріаломъ — съ цѣлью возможно полнаго утилизированія его для развитія новыхъ идей, 3) пріемы изобрѣтенія подходящихъ символовъ для окончательнаго закрѣпленія и ясной передачи новыхъ пріобрѣтеній человѣческаго ума.

Въ чемъ всѣ эти спеціальные пріемы состоятъ, мы не будемъ разбирать въ настоящее время подробно, но что открытіе ихъ возможно и полезно опять легко доказать. Во первыхъ, возможность открытія этихъ пріемовъ помощью обобщенія частныхъ пріемовъ, употребляемыхъ различными спеціальными науками, доказывается обширнымъ и совершенно реальнымъ содержаніемъ современной, такъ-называемой индуктивной логики. Теорія пріемовъ согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій, долженствующихъ руководить экспериментаціею въ области явленій, — теорія гипотезы, аналогіи и другихъ подобныхъ вспомогатель-

ныхъ пріемовъ, которые мы считаемъ «дедуктивными» и которые должны служить орудіемъ возбужденія новыхъ научныхъ вопросовъ, помощью утилизированія уже готоваго запаса знаній, — теорія классификаціи, теорія доказательства и другихъ пріемовъ окончательнаго закрѣпленія научныхъ пріобрѣтеній, — все это уже факты и стоитъ внимательно изучить анализъ этихъ частныхъ пріемовъ науки въ лучшихъ новѣйшихъ руководствахъ индуктивной логики, чтобы убѣдиться, какое широкое практическое примѣненіе можетъ имѣть полное развитіе всѣхъ упомянутыхъ теорій и подведеніе ихъ подъ одинъ общій знаменатель.

Основанія дальнѣйшей разработки теоріи искусства познанія сами собой понятны: она должна искать опоры, во первыхъ, въ выводахъ правильно поставленной науки о познаніи, — во вторыхъ, какъ практическая дисциплина, она можетъ несомнѣнно черпать обильный матеріалъ для своихъ обобщеній и прямо изъ изученія исторіи наукъ и знаній и изъ наблюденія частныхъ пріемовъ различныхъ спеціальныхъ наукъ.

Послѣднее, правда, уже давно практикуется представителями индуктивной логики, въ родѣ Гершеля, Уэвеля, Милля и Бэна; но нѣтъ сомнѣнія, что многое осталось еще сдѣлать и въ этомъ направленіи, такъ какъ исторія спеціальныхъ наукъ еще во многихъ частяхъ полна тумана и противорѣчій, а пріемы этихъ наукъ далеко еще не сведены въ одно цѣлое и не подчинены общимъ принципамъ. Вслѣдствіе этого напр. такіе важные вопросы, какъ вопросъ объ организаціи заимствованій однѣми науками идей изъ другихъ, т. е. теорія взаимнаго обмѣна идей между науками, представляются еще совершенно неразвитыми и даже почти незатронутыми.

Что же касается до пользы, какую можетъ ожидать теорія искусства познанія отъ будущей науки о познаніи, то она конечно очевидна a priori. Нужно только, чтобы эта наука была окончательно очищена отъ того сора, который въ ней накопился вѣками, чтобы она была освобождена отъ чуждыхъ ей практическихъ задачъ и поставлена на основанія, вполнѣ согласныя съ общими принципами современной науки. Эти соображенія заставляютъ насъ въ заключеніе воротиться еще разъ къ вопросу о задачахъ логики, съ котораго мы и начали свое изложеніе въ этой книгѣ.

Мы не имѣли возможности въ настоящемъ сочиненіи разсмотрѣть всего содержанія, входящаго по нашему мнѣнію въ область «науки о познаніи»; но тѣмъ не менѣе мы подвергли довольно подробному разбору значительную и во всякомъ случаѣ важнѣйшую часть этого содержанія. Этимъ способомъ мы надѣялись убѣдить читателя, что наука о познаніи можетъ имѣть самостоятельныя задачи, чуждыя всякихъ практическихъ тенденцій, и что анализъ развитія различныхъ познавательныхъ движеній и ихъ продуктовъ можетъ служить неизсякаемымъ источникомъ для будущихъ чисто научныхъ изслѣдованій. Затѣмъ мы подвергли болѣе краткому анализу и другую сторону вопроса, а именно старались доказать ошибочность основъ, на которыя опирались до сихъ поръ упомянутыя практическія тенденціи логики, т. е. ошибочность старыхъ логическихъ ученій о законахъ мысли, о причинахъ заблужденій ума и о способахъ борьбы съ ними. Этимъ анализомъ мы желали доказать, что роль теоріи искусства познанія тоже совершенно самостоятельна, что задачи ея весьма ограниченны и по содержанію своему вовсе не тождественны съ задачами науки о познаніи.

Удалось ли намъ убѣдить читателей въ правильности этихъ взглядовъ на задачи науки о познаніи и теоріи искусства познанія, — покажетъ время, но во всякомъ случаѣ мы теперь достаточно мотивировали свое личное мнѣніе о необходимости раздѣленія этихъ двухъ дисциплинъ, а потому можемъ считать оправданнымъ и свое противуположеніе логики, какъ науки о познаніи, — методологіи, какъ теоріи искусства познанія. Почему эту послѣднюю мы называемъ методологіей, теперь совершенно ясно: дисциплина, исключительно посвященная теоріи методовъ познанія и не способная, какъ оказалось, никакими другими путями управлять познавательными дѣйствіями человѣка и противудѣйствовать неправильнымъ ихъ результатамъ, всего удобнѣе можетъ быть названа методологіей или методикой. Что же касается до названія логики, то удобство примѣненія этого термина къ чистой наукѣ о познаніи уже потому очевидно, что почти все прежнее содержаніе логики, хотя и переработанное на новыхъ началахъ, т. е. и вопросъ о «процессахъ мышленія», и вопросъ о «законахъ ума», и вопросъ о «причинахъ заблужденій», и вопросъ «о развитіи процессовъ воспріятія и процессовъ выраженія идей», входятъ и въ новую науку о познаніи, — между тѣмъ какъ въ «теорію искусства познанія» отходитъ лишь незначительная и

притомъ болѣе новая часть упомянутаго содержанія прежней логики, т. е. только теорія методовъ. Само собою разумѣется, что названій предметовъ не должно безъ нужды измѣнять, если содержаніе ихъ подверглось лишь дальнѣйшему развитію, а не окончательному разложенію. «Логикою» называлась старая наука о познаніи, — пусть же этимъ именемъ называется и новая наука, возникшая изъ коренной реформы означенной старой.

Остается только вкратцѣ намѣтить задачи новой логики въ ея ближайшемъ будущемъ, какъ мы ихъ понимаемъ, — въ связи съ предшествующимъ спеціальнымъ анализомъ.

Новая логика должна быть наукою о познавательной дѣятельности во всемъ ея объемѣ, во всѣхъ ея моментахъ и во всѣхъ фазисахъ развитія.

Она, слѣдовательно, должна подвергнуть подробному изслѣдованію: 1) периферическіе процессы пріобрѣтенія познавательнаго матеріала, 2) центральные процессы его переработки и 3) вторые периферическіе процессы его внѣшняго выраженія и закрѣпленія при посредствѣ языка.

Во всѣхъ этихъ частныхъ сферахъ она должна стремиться опредѣлить общіе законы и частныя проявленія познавательной дѣятельности.

Въ основу анализа всѣхъ познавательныхъ процессовъ она должна поставить теорію развитія и стараться найти первоначальныя общія формы и типы этихъ процессовъ, а затѣмъ главныя и второстепенныя ступени ихъ осложненія.

Вопросъ о развитіи продуктовъ познавательной дѣятельности долженъ входить въ логику какъ вопросъ побочный, — въ той степени, въ какой изслѣдованіе «явленій» неизбѣжно дополняетъ изслѣдованіе «процессовъ ихъ измѣненія». Но, собственно говоря, анализъ познавательныхъ явленій, съ точки зрѣнія развитія ихъ содержанія, входитъ въ область другой науки, которую мы считаемъ областью психостатики, а именно въ область «психостатики познанія».

Логика, какъ психодинамика познанія, относится къ его психостатикѣ, какъ физіологія организмовъ къ ихъ анатоміи. Общую же науку о познавательной жизнедѣятельности, которая должна служить соединительнымъ звеномъ и до извѣстной степени основаніемъ для упомянутыхъ частныхъ наукъ, мы называемъ психологіей ума и ставимъ въ параллель съ біологіей, въ кругу наукъ физическихъ.

Но кромѣ этого параллелизма между науками физическими и психологическими мы признаемъ между ними и отношеніе подчиненности. Всѣ психологическія науки, не выключая и логики, только тогда достигнутъ прочнаго развитія и истиннаго прогресса, когда будутъ поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ наукъ физическихъ, изучающихъ низшія, по порядку развитія, явленія и процессы природы. Общіе выводы біологіи обязательны и для наукъ психологическихъ, и оттого-то мы и старались построить логику на основаніяхъ біологической теоріи «эволюціи».

Надѣемся, что нашъ опытъ реформы логики, съ этой новой точки зрѣнія, хоть отчасти оправдаетъ ту тяжелую многолѣтнюю работу мысли, которая была ему посвящена.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

Въ типографіи Ф А Брокгауза въ Лейпцигѣ